Михайло Ломоносов

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

Избранная проза

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1980

Р1
Л75

Составление, вступительная статья и комментарий
В. А. Дмитриева

Оформление *М. З. Шлосберга*

Ломоносов М. В.

Л75 Избранная проза/Сост., вступит. статья и коммент. В. А. Дмитриева; Оформление М. З. Шлосберга.
—М.: Сов. Россия, 1980.—512 с., ил.,

Настоящая книга представляет читателю одного из зачинателей русской художественной прозы.

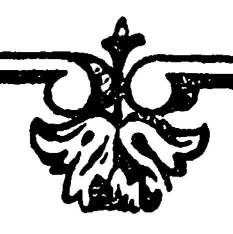
Высокое искусство слова великого поэта нашло отражение и в этих его прозаических произведениях, среди которых и научные труды («Слова»), и письма, и служебные документы (репорты, доношения, представления); о последних А. С. Пушкин сказал: «Ничто не может дать лучшего понятия о Ломоносове».

Со страниц книги перед читателем раскрывается образ гениального сына русского народа.

Л $\frac{70301—189}{М-105(03)80}$ 98—79 —доп. 4702010000 (Р1)

...Знаю, что обо мне дети отечества пожалеют.

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ



От нас самих зависит, сохраним ли классику как живое достояние или она умолкнет в наших сердцах, оставив на память лишь традиционное почтение к соответствующим именам и портретам. Хрестоматийное представление о Ломоносове, верное в главных чертах, все-таки слишком суммарно и до известной степени поверхностно. Другое дело, ежели непосредственно знакомиться с наследием Ломоносова, вчувствоваться в мир его щедрой, глубокой человечности. Ломоносов — один из современнейших нам по духу предков наших. Отсюда и возросший интерес к его личности, творчеству. И как писатель он совсем не архаичен, тем более в прозе. Впервые собранные ныне под одной обложкой, целиком или в отрывках, произведения, составившие однотомник избранной прозы Ломоносова, необыкновенно интересны не только сами по себе. Еще большим откровением они оказываются для нас, если читать их одно за другим и, наконец, постигнуть в совокупности.

Еще Белинский отмечал в «Литературных мечтаниях»: «Много сведений, опытности, труда и времени нужно для достойной оценки такого человека, каков был Ломоносов»[1]. В советские годы первая обстоятельная научная биография Ломоносова, принадлежащая перу А. А. Морозова, вышла пятью изданиями в серии «Жизнь замечательных людей»[2]. Напутственное слово к этой биографии написал академик С. И. Вавилов, один из крупных знатоков ломоносовского наследия. Как президент Академии наук СССР он сделал чрезвычайно мно-

---

[1] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 43.

[2] А. Морозов. Ломоносов. 5-е изд. М., «Молодая гвардия», 1965. См. также: А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости. 1711—1741. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962.

... для того, чтобы труды Ломоносова стали достоянием советской науки. Примечательно, что именно С. И. Вавилову принадлежит мысль, высказанная им в 1940 году,— он возвращался к ней и в послевоенное время, когда был сделан громадный сдвиг в деле собирания, издания и научного комментирования трудов первого русского академика,— Вавилов писал, перекликаясь с Белинским: «К сожалению, подлинная фигура Ломоносова не ясна до сих пор»[1]. Несмотря, как уже сказано, на возросший интерес к его личности и творчеству, эта мысль и сегодня далеко не утратила своей актуальности. Данное обстоятельство также побуждает к чтению Ломоносова. Обращение к первоисточнику всегда живительно, его ничем нельзя заменить.

Разумеется, в богатейшем ломоносовском наследии много сугубо специальных страниц: например, описание свойств веществ, разного рода научные расчеты и строго объективированные доказательства, протокольные записи лабораторных опытов, отчеты об израсходованных материалах и т. п. Но немало работ, где более непосредственно проступает личностное начало, мощно сказывается литературный талант, яркая художническая натура. В таких писаниях общезначимое превышает буквальный смысл, и какой-нибудь служебный «репорт» обретает гуманистическую и эстетическую ценность.

В Ломоносове, за что бы он ни брался, по обыкновению, слитно проявлялись гражданин, ученый, поэт.

К примеру, читаем: «Счастливы греки и римляне перед всеми древними европейскими народами. Ибо хоть их владения разрушились и языки из общенародного употребления вышли, однако из самых развалин сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкий голос писателей, проповедующих дела своих геров, вниманием и покровительством ободренные в том, чтобы превозносить их вместе с отечеством. Позднейшие потомки, великой древностью и расстоянием мест отделенные, внимают им с таким же движением сердца, как бы то их современные одноземцы. Кто о Гекторе и Ахиллесе читает у Гомера без рвения? Возможно ли без гнева слышать Цицеронов гром на Катилину? Возможно ли внимать Горациевой лире, не склонясь духом к Меценату, равно как бы он был нынешним наукам покровитель?»

Как видим, поэтичным языком витии говорит ученый, который обращает к соотечественникам гражданский урок, извлеченный из истории человечества. Одушевленный образ Родины-матери возникает в «Слове о пользе Химии»— там, где Ломоносов дает волю своему патриотическому чувству. «Рачения и трудов для сыскания металлов требует пространная и изобильная Россия. Мне кажется, я

---

[1] С. И. Вавилов. Предисловие (к сборнику статей и материалов о Ломоносове — Трудов Комиссии по истории Академии наук).— В кн.: Ломоносов. Под ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского, т. 1, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940, с. 3.

слышу, что она к сынам своим вещает: «Простирайте надежду и руки ваши в мое недро, и не мыслите, что искание ваше будет тщетно».

Непременно надо всякий раз иметь в виду энциклопедический характер интересов, познаний и свершений Ломоносова, универсальность его неистощимого таланта или, лучше сказать, щедрую множественность его талантов, проникающих и обогащающих друг друга — на каждом виден отблеск всех остальных. Вот почему иные труды Ломоносова даже по физике, химии и другим естественнонаучным дисциплинам, тем более по истории, географии, экономике, литературе, языку, мало того что насыщены наряду со специальным и более широким, философским содержанием, являют сверх того образцы превосходной прозы.

По характеристике Пушкина, «соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник»[1]. Пушкин подчеркивает энциклопедический характер ломоносовского гения, не сводимого лишь к писательству, но зато и в художественном творчестве воплотившегося во всем многообразии научных, гражданских проявлений и человеческих чувств: «Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом»[2].

То же выделяет в Ломоносове Гоголь: «Всякое прикосновение к любезной сердцу его России, на которую он глядит под углом ее сияющей будущности, исполняет его силы чудотворной. Среди холодных строф польются вдруг у него такие строфы, что не знаешь сам, где ты находишься. (...) Всю русскую землю озирает он от края до края с какой-то светлой вышины, любуясь и не налюбуясь ее беспредельностию и действенною природою. В описаниях слышен взгляд скорее ученого натуралиста, нежели поэта; но чистосердечная сила восторга превратила натуралиста в поэта»[3]. Как и для Пушкина, Ломоносов для Гоголя — исполненный страстей поэт, ученый, гражданин, все сразу.

Эта особенность ломоносовского таланта сказалась на всех последующих оценках — со стороны профессиональных литературных критиков[4], авторов филологических исследований[5], ученых-естествен-

---

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XI. Изд-во АН СССР. 1949. с. 32.

[2] Там же. с. 249.

[3] Н. В. Гоголь. В чем, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность (1846). Цит. по кн.: Н. В. Гоголь о литературе. Избранные статьи и письма. М., Гослитиздат, 1952, с. 168—169.

[4] См., напр.: В. Г. Белинский, т. 1, с. 44.

[5] См.: К. Аксаков. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М., 1846, с. 422.

ников[1]. Не приводя других примеров, укажем на мнение советского академика С. И. Вавилова, который, в частности, писал: «Великий русский энциклопедист был в действительности очень целой и монолитной натурой. Не следует забывать, что поэзия Ломоносова пронизана естественнонаучными мотивами, мыслями и догадками и в некоторых случаях дает замечательные научно-дидактические образцы. С другой стороны — научная проза Ломоносова и особенно его «Слова» являются иногда такими же классическими примерами художественной прозы, как Saggiatore Галилея. Химические изыскания Ломоносова в области цветного стекла доведены до художественного конца мозаичных картин. Самый выбор химико-технологической темы — цветного стекла — свидетельствует о Ломоносове как художнике. Поэтому часто встречающееся сопоставление Ломоносова с Леонардо да Винчи и Гете правильно и оправдывается не механическим многообразием культурной работы Ломоносова, а глубоким слиянием в одной личности художественно-исторических и научных интересов и задатков. Среди современников Ломоносова, живших и работавших в России, было немало «полигисторов», соединявших, например, математические исследования с работой над изданием летописей. Однако энциклопедизм этих людей вытекал из внешних требований, а не из внутренней потребности, как это было у Ломоносова»[2].

К столь своеобычному, масштабному таланту, цельному в своих многообразных проявлениях, необходимо (в том числе и при определении состава прозаических произведений) искать особые критерии, максимально адекватные именно для данной, во многих отношениях неповторимой, уникальной фигуры.

Главный подвиг Ломоносова в области художественной культуры современники и потомки видели в его поэтическом творчестве и преобразовании русского языка. То и другое стало действительно переворотом, поражавшим воображение, особенно тех, у кого было свежо в памяти предшествующее состояние поэзии и литературного языка в России.

И в новейших исследованиях подчеркивается, с полным на то основанием, что «круг лингвистических интересов Ломоносова весьма обширен, и даже перечень трудов ученого поражает разнообразием. Здесь и первая большая грамматика русского языка с систематически изложенными нормами нового литературного языка, сформировавшимися на живой общенародной основе, и работы по сравнительно-историческому изучению родственных языков, и обширные материалы по русской диалектологии, и исследования по стилистике русского языка и поэтике художественной литературы, ораторскому

---

[1] См.: С. И. Вавилов. Указ. соч., с. 3.

[2] Там же.

искусству, теории и прозы и стихосложения, и сочинения по общим вопросам развития языка»[1].

Подвиг Ломоносова в поэзии и теории языка до известной степени затмил достоинства ломоносовской прозы, которую хотя и умели оценить, но, как правило, лишь попутно с характеристикой Ломоносова как поэта и реформатора языка.

Обратимся к речи А. П. Шувалова, напечатанной во французском журнале «L'Année littéraire» (1760, т. V) под названием «Письмо молодого русского вельможи».

«Ломоносов — гений творческий (génie créateur), он отец нашей поэзии; он первый пытался вступить на путь, который до него никто не открывал, имел смелость слагать рифмы на языке, который, казалось, весьма неблагоприятный материал для стихотворства; он первый устранил все препятствия, которые, мнилось, должны были его остановить; он первый испытал торжество над той досадой, которую ощущают писатели-новаторы, и не руководствуемый никем, кроме собственного дарования, преуспел, вопреки нашим ожиданиям. Он открыл нам красоты и богатства нашего языка, дал нам почувствовать его гармонию, обнаружил его прелесть и устранил его грубость...

Он велик, когда нужно изобразить избиение и ужасы сражений, когда нужно описать ярость, отчаяние сражающихся, когда нужно нарисовать гнев богов, их кары, которыми они нас наказывают, и бедствия, разоряющие землю; словом, все, что требует силы и энтузиазма, его гений передает с огнем. Ода его о шведской войне — шедевр, который обессмертит его; здесь поэт проявляется во всей своей силе»[2].

Автор переводит далее для французских читателей несколько образцов поэтической музы Ломоносова, в том числе:

Дерзайте ныне ободренны
Раченьем нашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать..,

а также:

Науки юношей питают,
Отраду старцам подают,
В щастливой жизни украшают,
В нещастной случай берегут.

---

[1] В. П. Вомперский. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., Изд. МГУ, 1970, с. 129.

[2] М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. Сост. Г. Е. Павлова. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962, с. 137—138.

В конце речи А. П. Шувалова, посвященной, как видим, характеристике Ломоносова-стихотворца, все же находим: «К славе великого поэта он присоединяет звание удачного прозаика; его похвальная речь Петру Великому — бессмертное произведение, приносящее зараз похвалу и герою и автору. Мужественное, возвышенное красноречие в этой речи беспредельно; без труда обнаруживается тут гений возвышенный, всегда стоящий выше того, что он предпринимает»[1].

Таким образом, внимание к содержанию и эстетическим достоинствам ломоносовской прозы с самого начала заслонялось поразившим всех новаторством в поэзии и языке. Это стало традицией, что не удивительно, поскольку, как установлено позднейшими исследователями, «звуковое великолепие ломоносовских стихов, их чеканный ритм, смелость и выразительность образов повлияли на поэтическое сознание нескольких поколений поэтов»[2].

Так, предпринятые Ломоносовым самобытные переложения псалмов, исполненные гражданского пафоса, стремления к научно-философскому постижению мира, а также «и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения»,— писал Пушкин, заметив: «Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему...»[3]

Пушкин видел и слабые стороны поэзии Ломоносова, о некоторых из них отзывался резко, но достаточно этой восторженной оценки, чтобы представить себе, почему отголоски ломоносовских поэтических строк слышатся в «Полтаве», «Анчаре», стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», «Медном всаднике», даже в «Евгении Онегине». Пушкин не раз говорит о «величавой плавности»[4] стиля Ломоносова, отмечает, что «слог его ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным»[5]. О ломоносовской прозе Пушкин отзывался иначе: «Однообразные и стеснительные формы, в кои он отливал свои мысли, дают его прозе ход утомительный и тяжелый»[6].

Гоголь в упомянутой статье говорит, что Ломоносова недаром называют отцом нашей стихотворной речи: он «стоит впереди наших поэтов, как вступление впереди книги»[7].

---

[1] М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, с. 139—140.
[2] А. Морозов. Ломоносов. М., «Молодая гвардия», 1965, с. 286.
[3] А. С. Пушкин, т. XI, с. 33.
[4] Там же, с. 110.
[5] Там же, с. 33.
[6] Там же, с. 249.
[7] Н. В. Гоголь о литературе, с. 169.

Белинский не обошел похвалой прозаические произведения Ломоносова, отметив: «...периоды его прозы полны, круглы и живописны»[1]. Предпочтение же отдал поэзии.

Разумеется, и поэзия Ломоносова со временем стала вызывать к себе несколько иное, в чем-то более критичное отношение — поскольку шел процесс перестройки самого восприятия художественных произведений. С годами, в частности, менялся язык — литературный и тот, каким привыкли изъясняться в обиходе русские люди.

Казалось бы, начавшее заметно меняться полтора века назад эстетическое восприятие поэтического наследия Ломоносова должно было обострить интерес к его прозе. Но нет. Заслуги Ломоносова перед поэзией были столь велики, что, даже утрачивая в определенной своей части широкого читателя, она оставалась предметом всеобщего восхищения и национальной гордости.

Кроме того, у Ломоносова, как известно, нет романов, повестей, рассказов — произведений с вымышленными персонажами и событиями. Между тем под влиянием позднейшего повествовательного искусства XIX—XX веков постепенно складывалось новое понимание художественности прозы. Это также затрудняло уяснение того, что можно считать в ломоносовской прозе именно литературой и в чем ее современное значение.

Поэтому не удивительно, что по разряду собственно литературы вплоть до конца 50-х годов нашего столетия привычно выходили лишь сугубо поэтические, стихотворные издания произведений Ломоносова (например, в 1893, 1897, 1935, 1948, 1954 гг.)[2].

Но вот А. А. Морозов, составитель вышедшего в 1957 г. и повторно в 1961 г. великолепно подготовленного тома избранных литературных произведений Ломоносова, включил в это издание, кроме поэзии, 10 прозаических текстов и 18 писем. Шаг был оправданный, назревший, к сожалению, оставшийся без объяснения. Ни во вступительной статье, ни в комментариях не указаны мотивировки верного решения. Однако лед был сломан[3].

Тем не менее издавать отдельно прозу Ломоносова по-прежнему не брались или, быть может, не видели к тому убедительных оснований, поскольку вопрос о ее сколько-нибудь уверенных отличиях от того, чего нельзя относить к изящной словесности, оставался открытым. Он не разрешен окончательно и поныне: какие из прозаических

---

[1] В. Г. Белинский, т. 1, с. 44.

[2] Однотомник избранных философских произведений Ломоносова (1950), составленный из прозаических и стихотворных текстов, сформирован на основе не литературных, в, как явствует из названия, несколько иных критериев.

[3] В 1980 г. в Архангельске вышел сборник, составленный Ю. Ф. Галкиным, куда вошли наряду с поэтическими 13 прозаических текстов и 8 писем.

текстов Ломоносова позволительно считать фактами литературы XVIII века, притом такими, которые вполне удовлетворяют нынешнему эстетическому чувству?

Здесь необходим краткий историко-филологический комментарий.

В эпоху Ломоносова проза в иерархии жанров считалась ниже оды или драматургии. Ломоносов превосходно знал, так сказать, правила каждого из тогдашних жанров, он выработал соответствующие представления о них уже в Московской славяно-греко-латинской академии, куда поступил двадцатилетним юношей, придя с обозом из-под Холмогор.

С некоторых пор укоренилось ошибочное мнение, будто первое учебное заведение Ломоносова, именовавшееся иначе Спасскими школами, отличалось величайшей рутинностью и ничего путного, кроме знания латыни, дать Ломоносову не могло. Исходя из этого, мы несколько упрощенно представляем себе ломоносовскую теорию трех стилей.

Прежде всего, как показано в монографии В. П. Вомперского (об этом писали и раньше), «то, что называется учением о трех стилях, представляет собой собирательное имя многочисленных стилистических теорий, существовавших в античной, западноевропейской и отечественной доломоносовской традиции...»[1]. Низкий род ораторской речи, писал античный автор Квинтиллиан, «употребляется для изложения дела», средний — «для снискания благодарности в слушателях или для утешения сильных чувствований», высокий — «для возбуждения страстей»[2]. Было широко распространено задолго до Ломоносова социально-идеологическое прикрепление стиля к определенному общественному классу — особенно четко этому следовали в эпоху классицизма, что теоретически подробно осветил Н. Буало в «Поэтическом искусстве». Были известны первая русская «Риторика» Макария, вышедшая в 1617—1619 гг., «Риторика» М. И. Усачева (1699). В обоих содержалось учение о «трех родах глаголания».

Ломоносов знал все это прекрасно. В Московской славяно-греко-латинской академии один год обучения посвящался поэтике, еще год — риторике. Последнюю преподавал замечательный педагог Порфирий (Петр) Крайский, тоже автор «Риторики», хорошо владевший методикой и приучавший своих питомцев к глубокому усвоению античных авторов— Демосфена, Цицерона, Плиния, Тита Ливия, Тацита, Сенеки и многих других. Как показал в упомянутом исследовании «Путь к зрелости» А. А. Морозов, Спасские школы были центром тогдашней литературной образованности. Ломоносов

[1] В. П. Вомперский. Указ. соч., с. 11—12.

[2] Марк Фабий Квинтиллиан. Двенадцать книг риторических наставлений. Перевод А. Никольского, ч. II. Спб., 1834, с. 500.

получил там возможность широко ознакомиться со всем наследием старинной силлабической поэзии, со всей русской поэзией своего времени, а вопросами риторики увлекался до такой степени, что в конце своего пребывания в этом учебном заведении, в 1734 г., переписал обширный курс риторики в 246 страниц большого формата.

Превосходные знания позволили Ломоносову стать впоследствии реформатором русского языка. Кроме того, опираясь на исторический опыт предшествующих теорий стиля, он сумел выработать принципиально новую концепцию стилевых норм, оказавшуюся исключительно плодотворной для упорядочения и развития речевого строя именно русской словесности.

Ломоносову было близко русское барокко с присущими этому литературно-стилистическому направлению пышными аллегориями, причудливой контрастностью неожиданных сравнений, риторичностью, подчеркнутой пафосностью. В то же время Ломоносов существенно меняет образные средства барокко. Это и дало основания считать, что, не порывая с барокко окончательно, Ломоносов тем не менее способствовал постепенному исчезновению данного склада художественного мышления из практики отечественной литературы[1]. Он видел ограниченность барокко и в зарубежной литературе. Ломоносов несомненно создавал благоприятные предпосылки для расцвета в дальнейшем русского реализма.

Если можно так сказать, интернациональные познания способствовали формированию и раскрытию Ломоносова как яркого национального ученого и писателя. Об этом убедительно писал С. И. Вавилов.

«Никто не сомневается в общем значении эвклидовой геометрии для всех времен и народов,— читаем у Вавилова,— но вместе с тем «Элементы» Эвклида, их построение и стиль глубоко национальны, это одно из примечательнейших проявлений духа древней Греции наряду с трагедиями Софокла и Парфеноном. В таком же смысле национальна физика Ньютона, философия Декарта и наука Ломоносова.

История русской науки показывает, что ее вершинам, ее гениям свойственна особая широта задач и результатов, связанная, однако, с удивительной почвенностью... Эти черты, этот стиль работы, которые мы встречаем и у Менделеева, и у Павлова, особенно выразительны у Ломоносова»[2].

Все сказанное важно для правильного понимания особенностей ломоносовской прозы, не являющейся повествовательной, то есть

---

[1] См.: А. А. Морозов. Проблема барокко в русской литературе XVII — начала XVIII в.— «Русская литература», 1962, № 3; его же «Маньеризм» в «барокко» как термины литературоведения.— «Русская литература», 1966, № 3.

[2] С. И. Вавилов. Ломоносов и русская наука.— В сб. статей и материалов «Ломоносов», т. V. М., Изд-во АН СССР, 1961, с. 23.

такой, какая более привычна для нас и впервые в русской литературе была выработана, собственно, Карамзиным, стало быть, после Ломоносова. Под пером последнего проза — это чаще всего то, что тогда определяли как «речь» или «красноречие». Перед нами особого рода жанр (точнее, совокупность жанров) и стиль (система стилей).

Вот когда может многое объяснить в прозе Ломоносова характер его образованности. Изучая риторику, начиная с Московской славяно-греко-латинской академии, Ломоносов учился строить речь на принципе наибольшего эмоционального воздействия на слушателя (читателя), чтобы поразить воображение. Ломоносов сам подробнейшим образом объясняет, какова его проза, комментируя в своей «Риторике» соответствующие теоретические положения и иллюстрируя их.

Высокая проза требовала умения (в соответствии с правилами) и, конечно же, искусства на протяжении всей «речи», от начала и до конца, вести непрестанную борьбу за душу адресата. Во всех риториках перед пишущими в жанре красноречия, то есть стилем «речи», ставились три задачи: 1) учить, 2) услаждать, вызывать восхищение, 3) поражать (захватывать) воображение. Ломоносов, выдвигая на передний план первую из названных функций, вместе с тем никогда не пренебрегал — во имя наилучшего достижения главной цели — двумя другими функциями, он был великолепным мастером сло́ва во всех отношениях.

Несколько упрощая, но и не отступая от истины, можно сказать, что если в основе поэзии Ломоносова лежит *речь* в стихах, то в его прозе — та же *речь*, но несколько по-другому организованная. Ю. Н. Тынянов в статье «Ода как ораторский жанр» называет оду еще и витийственным жанром[1], где, «помимо грамматической интонации играла важную роль и ораторская. Слово получало значение стимула для жеста»[2]. Но и в прозе Ломоносов на свой лад тот же вития. В ходе работы над «Риторикой» Ломоносов, по наблюдению Тынянова, теоретически все больше склонялся в пользу эмоционально-влияющего ораторского слова по сравнению с его убедительно-логическим использованием[3], и в его творческой практике, включая прозу, много таких примеров.

Современное повествование и тогдашняя *речь* разнятся очень сильно. Роман, даже самый занимательный, не рассчитан на то, что он будет прочтен залпом. Роман можно отложить, потом продолжить чтение. А речь — совсем другое дело. Ей внимают, она должна быть воспринята сразу вся, поэтому не может быть слишком длинной, она

---

[1] Ю. Н. Тынянов, Ода как ораторский жанр.— В кн.: Ю. Н. Тынянов, Поэтика. История литературы. Кино. М., «Наука», 1977, с. 230.

[2] Там же, с. 236.

[3] Там же, с. 229.

лаконична. В речи последовательно и соответствующими средствами осуществляется установка на непосредственный контакт со слушателем (читателем). У Ломоносова нет дистанции между автором как личностью и адресатом — речевой контакт живет в его прозе постоянно. В повествовательной же прозе имеет место иного типа контакт, не столь прямой, не такой обнаженный.

В наш век, когда господствует названная выше повествовательная проза, это «преодоление дистанции», которое присуще прозе Ломоносова, поражает, предстает неожиданным, если не сказать магическим. Важно еще и то, что все это не только было мáстерской данью законам риторики, но и отвечало духовной сути Ломоносова как личности, его открытой, исповедальной и в то же время проповеднической натуре.

От эпохи к эпохе понятие «высокого» и «низкого» в искусстве, литературе изменяется. Для Ломоносова, его современников и всех тех, кто расценивал его прозу, исходя из тогдашней иерархии жанров, прозаические произведения не есть высокий род литературы. Для нас ломоносовская проза — несомненная ценность высокого порядка. В конце концов, для того чтобы в этом убедиться, не обязательно быть эрудитом в истории и теории жанров, стилей и т. д. Достаточно, как уже говорилось, прочесть Ломоносова. Эстетическое чувство само подскажет современному читателю, в каких случаях перед нами тексты, являющие собой живопись словом.

Ломоносов чутко схватывал масштаб происходившего, умел лаконично передать его в слове наряду с выразительной индивидуализацией действующих лиц, их психологически насыщенными характеристиками. Он мастер мгновенно набросать достоверный портрет души, причем так, что вместе с описываемым лицом оживает само время и, словно в кинематографе, приходят в движение обстоятельства, казавшиеся перед тем застывшими.

Таковы письма Ломоносова — подавляющее их большинство. Таковы многие его официальные «доношения», «репорты», «всенижайшие мнения».

Не меньший интерес в том же плане вызывает, например, «Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи». Подготовленное Ломоносовым (наряду с другими материалами) для Вольтера и включенное в Вольтерову «Историю Российской империи при Петре Великом», это «Описание» сделалось достоянием широких читательских кругов в Западной Европе.

Или взять незавершенную «Древнюю Российскую историю», в которой сохранено очарование летописных сказаний и народных легенд, а также тонкую психологически «Краткую историю о поведении Академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса и до нынешнего времени»...

И еще об одной особенности ломоносовской прозы нельзя не сказать — о ее духе и содержании.

Многое становится более понятным, если подойти к этой прозе прежде всего с той точки зрения, что в ней почти всегда присутствует сквозной герой. Он активно действует в повествовании, оригинально мыслит, глубоко чувствует.

Этот притягательный герой — сам Ломоносов, разум и сердце которого открывают нам еще большее: перед читателем встает образ русского народа и Родины.

Иными словами, есть основания расценивать прозу Ломоносова, включая эстетически значимые страницы научной публицистики, почти сплошь эпистолярное наследие, даже некоторые его деловые записки, как документальную, притом во многом автобиографическую прозу, хотя ее создатель никогда не ставил перед собой цели писать автобиографические произведения.

Эта прекрасная литература автобиографична по сути, но не по назначению. Она естественна, как дыхание. Ни одного вымышленного сюжета, никакой заботы о специальной художественной мотивировке, касается ли это отбора и обрисовки действующих лиц, всегда подлинных, или фактов и обстоятельств, неизменно правдивых, или роли автора в повествовании, не нуждающейся ни в каком дополнительном оправдании.

Но определяющим началом и документальности является здесь именно автобиографичность — особого рода. Перед нами не мемуары или иной плод досуга, не итоговое описание и оценка прожитой жизни, а сама жизнь, в ее повседневных проявлениях и потребностях, побуждавших Ломоносова, не откладывая, браться за перо и таким путем вмешиваться, влиять, добиваться. Это всякий раз поступок, насущная необходимость, исполненные большого исторического смысла.

В первичном своем значении прозаические произведения Ломоносова — это, как уже сказано, либо научное сочинение, либо деловая записка, либо частное письмо. Но прочитанные согласно, вместе, они предстают как страницы большой и яркой повести Ломоносова о времени и о себе. Недаром в академическом Полном собрании сочинений Ломоносова, в сообщении «От редакции» в конце девятого тома, где собраны служебные документы 1742—1765 гг., сказано, что материалы этого тома, «несмотря на их канцелярскую форму, являются такими же памятниками творчества Ломоносова, как его ученые труды и поэтические произведения».

Как многоразлична деятельность Ломоносова, так многообразна его проза — в жанровом отношении, по содержанию и форме отдельных своих частей, даже по языку, великолепному в любом случае. Одновременно она отличается внутренним единством, которое создает-

ся благодаря ярко выраженному личностному началу, пронизывающему каждую строчку. Всюду является нам автор, везде мы слышим его голос, заражаемся его страстью, надеждой и разочарованием, гневом, радостью, скорбью, его одушевлением и деятельной энергией. Это всегда значительно, мощно. И какая проницательность! Недаром Пушкин сказал о Ломоносове: он все испытал и все проник.

Пристрастность Ломоносова лишь усиливает достоверность описаний и характеристик. Как живые, зримо возникают перед нами современники Ломоносова, равно и персонажи предшествующей истории, не исключая древней. В столь же живых образах, запечатлевших самую суть происходившего, с интеллектуальной высоты, которая, как мы теперь знаем, больше никому в России не была тогда доступна, раскрывается время — середина XVIII столетия. Судьбы человеческая и народная неразрывны под пером Ломоносова, как и в его душе. Со страниц его прозы, будь то письма, деловые записки, исторические сочинения и т. д., встает образ Родины и, неотрывно от него, пленительный, полный драматизма образ одного из самых преданных ей сыновей.

То была сложная, во многом мрачная послепетровская эпоха.

В этом отношении читать Ломоносова больно. Его сдержанная и в то же время кричащая проза переполнена душевными муками героя, то есть автора. Читая, мы остро ощущаем, как непрерывным посягательствам подвергается истина, честь и свобода, притесняется талантливое, особенно русское, отечественное, как царствуют надменность, бездарность, произвол, доморощенное и пуще того иноземное высокомерие и безразличие. Вместе с Ломоносовым нам больно — за него, за Россию, за многие народные таланты.

Потрясает глубина личных и неотрывно от них гражданских страданий Ломоносова. «Итак, все мои будущие и бывшие рачения тщетны. Бороться больше не могу; будет с меня и одного неприятеля, то есть недужливой старости. Больше ничего не желаю, ни власти, ни правления, но вовсе отставлен быть от службы».

Еще больше Ломоносов привлекает неиссякаемым оптимизмом, могучей силой преодоления. Даже в самые горькие минуты, когда, обращаясь к кому-то из своих адресатов, казалось бы, признавался в полном своем изнеможении, он, как тут же выясняется, отнюдь не терял веры в осуществимость задуманных грандиозных планов и, пережив очередную неудачу, с утроенной энергией вновь брался за любимое дело.

На первых порах ему приходилось маскировать свои намерения, дабы обойти возникавшие перед ним препятствия. Например, поступая в Славяно-греко-латинскую академию, скрыл крестьянское происхождение. Или во время учебы в Германии у алчного и несправедливого Генкеля не раз смирял свой характер. Но очень скоро

обходные пути стали для Ломоносова непереносимы, всю дальнейшую жизнь он открыто и с величайшим упорством борется за свои идеи, их практическое воплощение, за само право работать по призванию.

Духовная наполненность помыслов, дел, писаний Ломоносова была такова, что окружающее предстает ему не сквозь призму условностей света, мелочных обид и притязаний — с высоты великих стремлений, дерзаний жизнь открывается иначе. Современник Ломоносова, из ближайших его коллег, Я. Я. Штелин записал в своем «Конспекте похвального слова Ломоносову»: «Исполнен страсти к науке; стремление к открытиям»[1].

Советские биографы, исследователи Ломоносова, неоднократно отмечали, что все, о чем он думал и писал, было подчинено идее служения науке, делу народного просвещения. Исходя из этих интересов, он строил свои личные отношения с людьми: друзья наук — его друзья, враги просвещения — его враги. Достаточно прочесть хотя бы приведенное в данном издании письмо Ломоносова Г. Н. Теплову (30 января 1761 г.), чтобы удостовериться в справедливости сказанного.

Для Ломоносова в его исканиях имел важное значение весь известный ему отечественный, а также мировой художественный опыт, равно и научный, вообще исторический опыт, глубоко прочувствованный преобразовательски, под просветительским углом зрения. Ломоносов сознавал: он должен творчески расчистить путь национальной культуре к расцвету ее самобытности, и сделал это. Ломоносов во всем искал, как открыть простор свободному развитию русского гения. Отсюда цельность натуры Ломоносова, единство его многообразных, всегда новаторских усилий, фундаментальность достигнутых результатов.

Нас радует и влечет благородство его натуры, способность подняться над суетностью. Поражают трудолюбие и настойчивость, с какими он приступает к своим многочисленным свершениям и не отступает от задуманного, несмотря ни на какие помехи.

Интересно следить за стремительным полетом его удивительного ума, всегда захваченного грандиозными идеями, направленными к пользе отечества, науки и просвещения. Не менее интересно наблюдать за движениями его открытой, поэтичной души.

В Ломоносове с его поистине богатырским физическим и редкостным нравственным здоровьем естественно соединялись доверчивость и простодушие с мудростью, душевная незащищенность и ранимость с мужеством и неуступчивостью, вспыльчивость с отходчивостью, развитое чувство собственного достоинства с прирожденным демокра-

---

[1] А. А. Куник. Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII веке, ч. II, Спб., 1865, с. 386.

тизмом, беззаветный, переполнявший его патриотизм с широким гуманистическим взглядом на мир.

Читая прозу Ломоносова, оказываешься один на один с неподдельным, истинно человеческим величием — буквально во всем. Величием в обстановке духовной оцепенелости вокруг, особенно нестерпимой после петровского времени, памятного Ломоносову неукротимой энергией и размахом смелых, масштабных преобразований. На глазах Ломоносова рушилось все дорогое ему. Дела и заветы Петра были преданы преемниками забвению, превращались в ничто. Ломоносов стучал во все двери, взывал, доказывал, умолял и — без устали, неистово работал. Он чувствовал себя лично обязанным Петру и его реформам, считал себя продолжателем и поборником его дела. Это вдохновляло Ломоносова. Соответственно и причину своих несчастий он неизменно видел в том, что правящие силы повели Россию не по пути, указанному Петром.

Будь на месте Ломоносова человек не такого, не бойцовского склада, он был бы обречен на долгую, жестокую агонию ума от несметного количества громоздившихся препятствий патриотическим замыслам, часто унизительных обстоятельств. Но Ломоносов преодолел, казалось бы, невозможное. Поистине титаническими усилиями он создавал простор для приложения своих талантов, благодаря чему явил собою гений в высшем смысле.

Он выработал себе характер, манеру поведения, способствовавшие преодолению несметных помех. Можно было бы привести многие свидетельства современников Ломоносова, но их удачно обобщил Пушкин: «С Ломоносовым шутить было накладно. Он был везде тот же — дома, где все его трепетали, во дворце, где он дирал за уши пажей, в Академии, которая, по свидетельству Шлецера, не смела при нем пикнуть. Со всем тем он был добродушен и деятельно сострадателен»[1].

Пушкин собирал материалы, чтобы писать биографию Ломоносова, с признательностью использовал не только его творческий, но и человеческий опыт. «Я, как Ломоносов, не хочу быть шутом ниже́ у господа бога»[2],— пишет он жене, почти дословно воспроизводя фразу из письма Ломоносова.

«Ломоносов был великий человек»[3], «Уважаю в нем великого человека»[4].

Величие человечности Ломоносова покоряет, духовно обогащает и нас.

---

[1] А. С. Пушкин, т. XI, с. 226.
[2] Там же, т. XV, с. 156.
[3] Там же, т. XI, с. 225.
[4] Там же, т. XIII, с. 178.

Прежде всего — нравственная взыскательность («Я спрашивал и испытал свою совесть»; «Многое принял молча, многое снес, ве многом отступил»).

Твердость в принципах («За то терплю, что стараюсь защитить труды Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство»; «За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве и против отца своего родного восстать за грех не поставлю»).

Честность, прямота («Говорю, как думаю, а не как кошки, которые спереди лижут, а сзади царапают»; «Никогда по чистой моей совести не останусь лживым человеком»).

Участливость — то, что Пушкин определил словами: «деятельно сострадателен». И тут же: «Как хорошо его письмо о семействе несчастного Рихмана!»[1] А его забота о детях Рихмана (погибшего от молнии во время опыта)! Или — настоятельные обращения в инстанции, дабы обеспечить положение крестьян и мастеровых, работавших на мозаичной фабрике.

Поддержка талантов («Ему, Лепехину, за его понятие прибавить жалованья,.. о чем в списке против его имени отметить, а ему, Лепехину, объявить, дабы он учился с прилежанием, за что и впредь оставлен не будет»). Тщание во всем, также и что касалось обучения, воспитания молодежи, вплоть до снабжения учащихся книгами, пищей, одеждой, хорошим жильем, не исключая того, что «при обучении гимназистов следует, во-первых: наблюдать главным образом за тем, чтобы не отягощать и не приводить в замешательство различных способностей», а «в субботу после обеда до начала всенощной им должно ходить на танцы, однако же без принуждения, только тем, у кого есть к этому охота».

Справедливость, отсутствие мстительности («готов простить», «зла не желаю»). Даже когда уязвлен сверх меры («не могу больше терпеть таких злодейских гонений») и мог бы впасть в односторонность, он объективен («Пишу не из запальчивости, но принуждает меня из многих лет изведанное слезными опытами академическое несчастье»). Ни в чем не найдем у него предвзятости («другим мнениям никогда не был утеснителем»).

Ревностное, патриотическое отношение к любым попыткам нанести ущерб родине, своему народу, их чести и достоинству («Что ж до меня надлежит, то я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятельми наук российских бороться, как уже борюсь двадцать лет, стоял за них смолода, на старость не покину»).

Мудрость исторического предвидения. Буквально в преддверии кончины, набросав короткий, менее чем в полстранички план беседы

[1] А. С. Пушкин, т. XI, с. 226.

с воцарившей незадолго перед тем Екатериной II, Ломоносов после первых пунктов, вроде: «видеть государыню», «показывать свои труды», «может быть, понадоблюсь» — сформулировал последние тезисы пророчески. Заключительный гласит: «Если не пресечете, великая буря восстанет».

Читать Ломоносова, быть его собеседником — наслаждение. Ломоносовская проза — это исповедь, правдивая, без утайки. Это также горячая, взволнованная проповедь. Слово и дело Ломоносова не оставляют равнодушным, обновляют и возвышают разум, облагораживают душу, дают новые импульсы нашим собственным идейным и нравственным исканиям.

Читая Ломоносова, глубже понимаешь и других великих русских людей, ощущаешь духовное родство передовых умов.

Радищев, для кого «истинный человек и сын отечества есть одно и то же»[1], расценивал жизнь и деятельность Ломоносова как подвиг. Радищевская статья о Ломоносове, помещенная в главе «Черная грязь» в знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву», явилась блестящим доказательством сказанного в самом ее начале: «Слово твое, живущее присно и вовеки в творениях твоих, слово российского племени, тобою в языке нашем обновленное, прелетит во устах народных за необозримый горизонт столетий»[2].

Белинский на примере Ломоносова показал, что «гений умеет торжествовать над всеми препятствиями, какие ни противопоставляет ему враждебная судьба», и что издавна «русский способен ко всему великому и прекрасному не менее всякого европейца...»[3].

Пушкин воспротивился называть Ломоносова по аналогии чьим-нибудь громким иноземным литературным именем вроде «русский Бэкон»: «К чему эти прозвища? Ломоносов есть русский Ломоносов — этого с него, право, довольно»[4].

Чернышевский видел в Ломоносове идеал патриота, который «страстно любил науку, но думал и заботился исключительно о том, что нужно было для блага его родины. Он хотел служить не чистой науке, а только отечеству»[5].

Достоевский в «Дневнике писателя» за 1877 г., в статье «Анна Каренина» как факт особого значения», писал: «Бесспорных гениев, с бесспорным «новым словом» во всей литературе нашей было всего только три: Ломоносов, Пушкин и частью Гоголь»[6]. Еще раньше

---

[1] А. Н. Радищев. Избр. соч. М., ГИХЛ, 1952, с. 205.
[2] Там же, с. 189.
[3] В. Г. Белинский, т. 1, с. 41—42.
[4] А. С. Пушкин, т. XI, с. 230.
[5] Н. Г. Чернышевский. Эстетика и литературная критика. Избранные статьи. М.—Л.. ГИХЛ, 1951, с. 248.
[6] Ф. М. Достоевский об искусстве. М., «Искусство», 1973, с. 319.

Достоевский высказал ту же мысль в письме к Н. Н. Страхову (5 апреля 1870 г.): «Пушкин, Ломоносов — гении»[1]. Сравнительно с пушкинской оценкой Ломоносова здесь надо видеть некоторую разницу мотивов. Пушкин подходит к Ломоносову практически, как шедший вслед за ним. Достоевский — исторически. На большом расстоянии явление видится по-иному. Тем интереснее, что та и другая оценка, в сущности, совпадают («Величайший гений»[2], — сказал Пушкин).

«Заметки о Ломоносове» Ф. Энгельса[3] позволяют считать, что сподвижника К. Маркса интересовала величественная фигура русского ученого и поэта, что он выделял его из других имен и, помимо естественнонаучных работ, был знаком с выдающимся творением Ломоносова — «Вечернее размышление о божием величестве, при случае великого северного сияния», замечательном, в частности, тем, что это стихотворное произведение содержит также глубочайшие философские и другие научные идеи, неоднократно высказывавшиеся Ломоносовым и в прозаических сочинениях.

Из первых русских марксистов высоко ценил Ломоносова — также и как писателя — Г. В. Плеханов.

В. И. Ленин, как известно, подписал в 1918 году декрет, в котором имеется «Список лиц, коим предложено поставить монументы в Москве и других городах РСФСР»[4]. В этом списке есть имя «философа и ученого» Ломоносова.

Основоположнику литературы социалистического реализма М. Горькому всегда была близка «колоссальная легендарная фигура выходца из «мужиков» — Ломоносова, поэта и одного из крупнейших ученых»[5].

Вместе с тем каждое поколение как бы наново открывает для себя выдающихся писателей прошлого. Петр Великий русской литературы — так отзывался о Ломоносове Белинский[6] — ныне предстает перед нами и как интереснейший, самобытный прозаик. Без этого вряд ли возможно в дальнейшем углубленное постижение исторического и современного значения Ломоносова для нашей культуры.

С выходом в свет данного сборника избранных прозаических произведений, по существу, только начинается освоение столь интересной части литературного наследия Ломоносова.

Ломоносов, не стремясь к тому специально, даже не помышляя о том, оставил нам документальную книгу, никогда не выходившую

1 Ф. М. Достоевский об искусстве, с. 415.
2 А. С. Пушкин, т. XII, 1949, с. 71.
3 Впервые опубликовано в журн. «Вопросы философии», 1950 № 3.
4 Декреты Советской власти, т. 3. М. 1964 с. 118—119
5 М. Горький. Собр. соч. в 30-ти т., т. 24, М., Гослитиздат, 1953, с. 474.
6 См.: В. Г. Белинский, т. 1, с. 42, 43.

в собранном виде, но, если мысленно представить ее себе целиком, имеющую, без сомнения, непреходящую культурную ценность. Ибо это — духовная биография гения. Книгу эту следовало бы назвать «Личность Ломоносова, запечатленная им самим».

Перед своей кончиной Ломоносов записал в упоминавшемся наброске беседы с Екатериной II: «Я не тужу о смерти; пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют». Книга, которую вы держите сейчас в руках,— яркий, документально-правдивый рассказ-исповедь Ломоносова о том, как он отдал всего себя, без остатка, родному народу.

Остается сказать о структуре книги.

Врага моей учености — в этом разделе собраны показания и письма Ломоносова о своем детстве, юности, в особенности о тернистых годах учебы.

Покоя дух не знает — в данном разделе представлено написанное Ломоносовым ради утверждения более демократических принципов развития науки в России, избавления Академии наук от засилья иностранцев, во имя того, чтобы был, наконец, открыт широкий доступ в отечественную науку русским людям.

Для пользы общества коль радостно трудиться — в этом разделе сконцентрировано то, что характеризует будни академической жизни Ломоносова.

Науки юношей питают — раздел показывает заботы Ломоносова о налаживании учебного дела, создании первого русского университета, отношение Ломоносова к ученикам, талантливой российской молодежи.

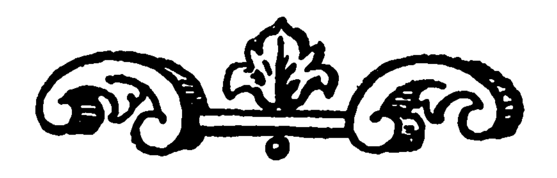
Открой мне бывшие, о древность, времена — здесь представлен Ломоносов историк и исторический писатель.

Языка нашего небесна красота — раздел, где даны образцы «словесных наук», к которым Ломоносов относил в одинаковой мере и художественную литературу и науки о ней.

Испытание натуры — в этом небольшом разделе представлены некоторые страницы естественнонаучных сочинений Ломоносова, вполне отвечающие, на наш взгляд, и требованиям художественности.

В конце книги — справочно-вспомогательные материалы.

Виктор Дмитриев



ВРАТА МОЕЙ УЧЕНОСТИ

<ПОКАЗАНИЕ О СВОЕМ ПРОИСХОЖДЕНИИ, ДАННОЕ ПРИ ДОПРОСЕ В СТАВЛЕННИЧЕСКОМ СТОЛЕ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ КАНЦЕЛЯРИИ>

4 сентября 1734 г.

1734-го году сентября в 4 день в Ставленническом столе Московской Славено-греко-латинской академии школы риторики ученик Михайла Васильев сын Ломоносов допрашиван.

А в допросе он сказал: отец у него города Холмогорах церкви Введения пресвятыя богородицы поп Василей Дорофеев, а он, Михайла, жил при отце своем, а кроме того нигде не бывал, в драгуны, в солдаты и в работу е. и. в. не записан, в плотниках в высылке не был, от переписчиков написан действительного отца сын и в оклад не положен. А от отца своего отлучился в Москву в 730-м году октября в первых числех и, приехав в Москву, в 731-м году в генваре месяце записался в вышеписанную Академию, в которой и доднесь пребывает и наукою произошел до риторики. Токмо он, Михайла, еще не женат, от роду себе имеет 23 года, и чтоб ему быть в попах в порученной по именному е. и. в. указу известной экспедиции статского советника Ивана Кирилова, он, Михайла, желает. А расколу, болезни и глухоты и во удесех повреждения никакого не имеет и скоропись пишет. А буде он в сем допросе сказал что ложно, и за то священного чина будет лишен, и пострижен и сослан в жестокое подначальство в дальный монастырь.

К сему допросу
Славено-греко-латинской
Московской академии
ученик Михайло Ломоносов
руку приложил

<ПОКАЗАНИЕ О СВОЕМ ПРОИСХОЖДЕНИИ, ДАННОЕ ПРИ ДОПРОСЕ В МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ КАНЦЕЛЯРИИ>

После 4 сентября 1734 г.

В Московскую Синодальнаго правления канцелярию из прежней Камор-коллегии потребно известие: города Холмогор церкви Введения пресвятыя богородицы поп Василей Дорофеев и при нем, попе, сын его Михайло во время переписи мужеска полу душ при той церкви действительными ль написаны и коликих он, Михайло, лет? Сентября 4-го дня 1734-го года. № 931. Секретарь Павел Протопопов. Канцелярист Алексей Морсочников.

А при отдаче в Камор-коллегию вышеписанной справки означенный Ломоносов сказал, что-де он — не попович, но дворцовый крестьянский сын, о чем значит обстоятельно в последующем его допросе.

Рождением-де он, Михайло, Архангелогородской губернии Двинского уезда дворцовой Куростровской деревни крестьянина Василья Дорофеева сын, и тот-де его отец и поныне в той деревне обретается с прочими крестьяны и положен в подушный оклад. А в прошлом 730-м году декабря в 9-м числе с позволения оного отца его отбыл он, Ломоносов, в Москву, о чем дан был ему и пашпорт (который утратил он своим небрежением) из Холмогорской воеводской канцелярии за рукою бывшего тогда воеводы Григорья Воробьева, и с тем-де пашпортом пришел он в Москву и жил Сыскного приказу у подьячего Ивана Дутикова генваря до последних чисел 731-го году, а до которого именно числа, не упомнит. И в тех-де числах подал он прошение Заиконоспасского монастыря архимандриту (что ныне преосвященный архиепископ Архангелогородский и Холмогорский) Герману, дабы принят он был, Ломоносов, в школу, по которому его прошению он, архимандрит, его, Михайла, приняв, приказал допросить, и допрашиван, а тем допросом в Академии показал, что он, Ломоносов, города Холмогор дворянский сын. И по тому допросу он, архимандрит, определил его, Михайла, в школы, и дошел до риторики. А в экспедицию с статским советником Иваном Кириловым пожелал он, Михайло, ехать самоохотно. А что он в Ставленническом столе сказался поповичем, и то учинил с простоты своей, не надеясь в том быть причины и препятст-

вия к произведению во священство. А никто его, Ломоносова, чтоб сказаться поповичем, не научал. А ныне он желает по-прежнему учиться во оной же Академии. И в сем допросе сказал он сущую правду без всякия лжи и утайки, а ежели что утаил, и за то учинено б было ему, Ломоносову, что Московская Синодального правления канцелярия определит.

К сему допросу
Михайло Ломоносов руку приложил

<ПИСЬМО И.-Ф. ГЕНКЕЛЮ>

Вторая половина декабря 1739 г.

Перевод

Мужа знаменитейшего и ученейшего, горного советника Генкеля Михаил Ломоносов приветствует.

Ваши лета, ваше имя и заслуги побуждают меня изъяснить, что произнесенное мною в огорчении, возбужденном бранью и угрозою отдать меня в солдаты, было свидетельством не злобного умысла, а уязвленной невинности. Ведь даже знаменитый Вольф, выше простых смертных поставленный, не почитал меня столь бесполезным человеком, который только на растирание ядов был бы пригоден. Да и те, чрез представительство коих я покровительство всемилостивейшей государыни императрицы нашей имею, не суть люди нерассудительные и неразумные. Мне совершенно известна воля е. в., и я, в чем на вас самого ссылаюсь, мне предписанное соблюдаю строжайше. То же, что вами сказано, было сказано в присутствии сиятельнейшего графа и прочих моих товарищей; терпеливо сносить никто мне не приказал. Так как вы мне косвенными словами намекнули, чтобы я вашу химическую лабораторию оставил, то я два дня и не ходил к вам. Повинуясь, однако, воле всемилостивейшей монархини, я должен при занятиях присутствовать; поэтому я желал бы знать, навсегда ли вы мне отказываете в обществе своем и любви и пребывает ли все еще глубоко в вашем сердце гнев, возбужденный ничтожной причиной. Что касается меня, то я готов предать все забвению, повинуясь естественной моей склонности. Вот чув-

ства мои, которые чистосердечно обнажаю перед вами. Помня вашу прежнюю ко мне благосклонность, желаю, чтобы случившееся как бы никогда не было или вовсе не вспоминалось, ибо я уверен, что вы видеть желаете в учениках своих скорее друзей, нежели врагов. Итак, если ваше желание таково, то прошу вас меня о том известить.

Писал сегодня.

<ПИСЬМО И.-Д. ШУМАХЕРУ>

5 ноября 1740 г.

Перевод

Высокородный и высокоблагосклонный господин библиотекарь!

Могу себе легко представить, как негодует на меня Академия Наук за то, что я без ее ведома ушел из Фрейберга. Я почти уверен, что мой гонитель станет радоваться моему дальнейшему несчастию, ибо (как я недавно узнал из Фрейберга) вашему высокородию ничего не известно о жалобе, посланной мною 21 мая из Лейпцига, и следовательно, этим временем воспользовались, чтобы при помощи лжи возбудить против меня ненависть Академии Наук, но если бы последняя знала о той зависти, притеснениях и презрении, какие проявил в отношении меня г. горный советник Генкель, сколько несчастия и нужды я должен был вследствие этого перенести, то она наверное сочла бы меня гораздо более заслуживающим сострадания, чем наказания. Мой проступок (который следует приписать скорее тягостным и несчастным обстоятельствам, соблазнительному обществу и весьма длительному непоступлению всемилостивейше назначенной мне стипендии, чем моей беспорядочной жизни), конечно, немало будет способствовать моему настоящему безвинному осуждению; но я твердо надеюсь, что ваше высокородие, как верный слуга нашей всемилостивейшей императрицы и как высочайше поставленный ее величеством судья, терпеливо прочтете настоящее мое всеподданнейшее доношение и жалобу и соизволите вынести приговор без лицеприятия. Вашему высокородию, полагаю, известно, что я со времени прибытия в Фрейберг с охотой и прилежанием обучался горному делу и химии, оказывал

горному советнику Генкелю должное почтение и послушание и притом вел пристойную жизнь, чему являются свидетелями не только надворный камеральный советник Юнкер, но и он сам. Я всемерно старался ему угождать, но все это не помогло, а, напротив, его злость, алчность, лукавый и завистливый нрав вскоре выступили наружу. Ибо как только мы распростились с г. надворным камеральным советником, так он, горный советник Генкель, начал задерживать назначенные нам Академией Наук деньги. Мы принуждены были раз по десяти к нему ходить, чтобы хоть что-нибудь себе выклянчить. При этом он каждый раз по полчаса читал нам проповедь, с кислым лицом говоря, что у него денег нет; что Академия уже давно обещала выслать половину следующей ему платы, 500 рублей, и все же слова своего не держит. Между тем он по всему городу сообщил, чтобы нам совершенно ничего в долг не давали, а сам (как я узнал) на наши деньги покупал паи в рудниках и получал барыши. При таком положении вещей мы вынуждены были почти всегда оставаться без денег и отказываться от знакомства с людьми, у которых могли бы поучиться в горном деле. Что же касается до курса химии, то он в первые четыре месяца едва успел пройти учение о солях, на что было бы достаточно одного месяца; остального времени должно было хватить для всех главнейших предметов, как то: металлов, полуметаллов, земель, камней и серы. Но при этом большая часть опытов вследствие его неловкости оказалась испорченной. Подобные роковые происшествия (которые он диктовал нам с примесью своих пошлых шуток и пустой болтовни) составляют половину содержания нашего дневника. В то же время он презирал всю разумную философию, и когда я однажды, по его приказанию, начал излагать химические явления, то он тотчас же, ибо это было сделано не по его перипатетическому концепту, а на основе принципов механики и гидростатики, велел мне замолчать, и с обычным своим умничаньем поднял мои объяснения на смех, как пустую причуду. Между тем я узнал, что г. граф Рейсский платит ему за химию 150, а г. фон Кнехт и магистр Фрейеслебен каждый только по 100 рейхсталеров, почему я тайно пожаловался некоему лицу на то, что горный советник берет с нас несправедливую цену, мы же вследствие этого должны терпеть нужду и отказываться от некоторых вещей, полезных при изучении химии и металлургии. Слова мои, однако, не остались в тайне, а были ему переданы, на что он сказал: царица богата и может запла-

тить еще столько же. После того я приметил, что злость его не имеет пределов. Первый случай к моему поруганию представился ему в лаборатории в присутствии гг. товарищей. Он понуждал меня растирать сулему. Когда я отказался, ссылаясь на скверный и вредный запах, которого никто не может вынести, то он не только назвал меня ни на что не годным, но еще спросил, не хочу ли я лучше сделаться солдатом, и наконец с издевательскими словами выгнал меня вон. С горем и досадой я вынужден был переварить подобный комплимент, да к тому еще попросить у этого господина прощения. Вскоре после того он без всякой причины прогнал меня из прежней моей квартиры в другую, которая была не дешевле и не лучше, а причина была следующая: хозяином был доктор медицины, с которым он по какому-то поводу поссорился; я же принужден был заплатить 2 рейхсталера за переноску вещей, да сверх того столько же дать хозяину, поскольку еще не истек срок, на который я нанял комнату. Этим он, однако, не удовольствовался, а искал случая задеть меня еще сильнее, в чем и успел. Ввиду того, что все нужные нам припасы он брал у своего тестя, платя ему за них очень щедро, он в конце концов решил сберечь деньги и отделаться от нас в месяц 4 рейхсталерами, на которые нам совершенно невозможно было себя содержать. Поэтому я в лаборатории стал просить его о прибавке, но он отвечал, что если бы нам даже пришлось просить милостыню, он все же ничего нам больше не даст. Тогда мы все трое собрались и в надежде упросить его отправились к нему на дом. И когда я изложил ему наше бедственное положение и со всем смирением начал просить о выдаче назначенных нам денег, то он ответил только: ни одного пфеннига больше!, а потом начал осыпать меня всеми ругательствами и проклятиями, какие только мог придумать, и выпроводил меня кулаками из комнаты, и притом, не знаю почему, угрожал мне городской стражей. При подобных обстоятельствах я не знал, что и делать. Во всем городе запрещено было верить нам в долг, и я опасался подвергнуться еще худшему гонению и несчастию. Поэтому я решился отправиться к г. барону Кейзерлингу, который в то время находился в Лейпциге на ярмарке. Но, прибыв туда 19 мая, я к своему огорчению и несчастию узнал, что он уехал в Кассель, чтобы присутствовать на предстоящем бракосочетании принца Фридриха. Найдя в Лейпциге некоторых добрых друзей из Марбурга, предложивших взять меня с собой в Кассель, я ре-

шил туда отправиться. Ибо во Фрейберге мне не только нечего было есть, но и нечему было более учиться: пробирное искусство я уже изучил; химия была закончена; инспектор Керн не хотел начинать, потому что Генкель вздумал вычесть у него слишком много из суммы, назначенной ему Академией Наук. А у маркшейдера тот, кто лучше его знает математику, может обучаться только натягиванию межевого шнура, чему можно научиться, не платя 50 талеров. Прибыв на место, я вновь к крайнему своему огорчению узнал, что и там ничего не было известно о нашем г. посланнике. Я очень удивился, так как дорогой я в нескольких местах слышал о его поездке. В таком отчаянном положении, не зная, где находится означенный господин, я почел за наиболее благоразумное отправиться в Петербург через Голландию (если не смогу найти убежища у г. графа Головкина). Сначала я отправился в Марбург, чтобы у своих старых приятелей запастись [деньгами] на дорогу. Быть в тягость г. Вольфу я не осмелился, узнав от него, что он лишь несколько недель тому назад получил из Петербурга остальные деньги, причем я заметил, что он в это дело совершенно не хочет вмешиваться. Итак, отсюда я отправился во Франкфурт, а оттуда водою в Роттердам и Гаагу. Господин граф совсем отказал мне в помощи и не хотел вовсе вмешиваться в это дело. Затем я отправился в Амстердам, где нашел нескольких знакомых купцов из Архангельска, которые мне совершенно отсоветовали возвращаться в Петербург без приказания; они изобразили мне кучу опасностей и несчастий, и потому я опять должен был возвратиться в Германию. Сколько опасностей и нужды я претерпел в пути, мне самому страшно даже вспомнить, и так как писать об этом было бы слишком долго, то для краткости лучше вовсе умолчу. В настоящее время я живу инкогнито в Марбурге у своих друзей и упражняюсь в алгебре, намереваясь применить ее к химии и теоретической физике. Утешаю себя пока тем, что мне удалось побывать в упомянутых знаменитых городах и поговорить при этом с некоторыми опытными химиками, осмотреть их лаборатории и ознакомиться с рудниками в Гессене и Зигене. Если я позволил себе слишком откровенно и подробно говорить о своих злоключениях и утруждать вас подобными скучными вещами, то прошу ваше высокородие меня извинить, ибо к тому меня побуждает необходимость. Я живу с уверенностью, что вы по природной доброте вашей не захотите отвергнуть меня, несчастного и преследуемого, и по-

губить человека, который уже в состоянии служить ее величеству и приносить пользу отечеству, а дадите мне возможность почувствовать вашу благосклонность. Правда, мне кажется, что вы подумаете, что с Генкелем дело уже испорчено, и я не имею более никакой надежды научиться чему-либо основательному в химии и металлургии. Но сего господина могут почитать идолом только те, которые хорошо его не знают, я же не хотел бы поменяться с ним своими, хотя и малыми, но основательными знаниями, и не вижу причины, почему мне его почитать своею путеводною звездой и единственным своим спасением; самые обыкновенные процессы, о которых говорится почти во всех химических книгах, он держит в секрете, и вытягивать их приходится из него арканом; горному же искусству гораздо лучше можно обучиться у любого штейгера, который всю жизнь свою провел в шахте, чем у него. Естественную историю нельзя изучить в кабинете г. Генкеля, из его шкапов и ящичков; нужно самому побывать на разных рудниках, сравнить положение этих мест, свойства гор и почвы и взаимоотношение залегающих в них минералов. Потому я умоляю ваше высокородие освободить меня от тиранической власти моего гонителя и при пересылке всемилостивейше пожалованной мне стипендии приказать мне отправиться в какое-либо место, как напр., в Гарц и т. д., где я бы мог изучать горную науку. Если бы вашими заботами просьба моя была удовлетворена и я при этом позволил бы себе промотать доверенные мне деньги или стал бы небрежно относиться к своим занятиям, то я сам заранее присуждаю себя к наистрожайшему наказанию; уверен, однако же, что никогда этого не совершу, а, напротив, в непродолжительном времени не только представлю надлежащие свидетельства по всем предписанным мне наукам, но надеюсь и дать вам образец моего в них искусства. Впрочем, нижайше прошу простить мне все то, в чем я, может быть, по необдуманности в сем случае провинился, и пребываю

вашего высокородия всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Марбург, 16 ноября 1740 г.

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

10 мая 1753 г.

Милостивый государь Иван Иванович!

Милостивое вашего превосходительства меня письмом напоминовение уверяет к великой моей радости о непременном вашем ко мне снисходительстве, которое я чрез много лет за великое между моими благополучиями почитаю. Высочайшая щедрота несравненныя монархини нашея, которую я вашим отеческим предстательством имею, может ли меня отвести от любления и от усердия к наукам, когда меня крайняя бедность, которую я для наук терпел добровольно, отвратить не умела. Не примите, ваше превосходительство, мне в самохвальство, что я в свое защищение представить смелость принимаю. Обучаясь в Спасских школах, имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели. С одной стороны, отец, никогда детей кроме меня не имея, говорил, что я, будучи один, его оставил, оставил все довольство (по тамошнему состоянию), которое он для меня кровавым потом нажил и которое после его смерти чужие расхитят. С другой стороны, несказанная бедность: имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил. С одной стороны, пишут, что, зная моего отца достатки, хорошие тамошние люди дочерей своих за меня выдадут, которые и в мою там бытность предлагали; с другой стороны, школьники, малые ребята, кричат и перстами указывают: смотри-де, какой болван лет в двадцать пришел латине учиться! После того вскоре взят я в Санктпетербург и послан за море, и жалованье получал против прежнего в сорок раз. Оно меня от наук не отвратило, но по пропорции своей умножило охоту, хотя силы мои предел имеют. Я всепокорнейше прошу ваше превосходительство в том быть обнадежену, что я все свои силы употреблю, чтобы те, которые мне от усердия велят быть предосторожну, были обо мне беспечальны, а те, которые из недоброхотной зависти толкуют, посрамлены бы в своем неправом мнении были и знать бы научились, что они своим аршином чужих сил мерить

не должны, и помнили б, что музы не такие девки, которых всегда изнасильничать можно. Оне кого хотят, того и полюбят. Ежели кто еще в таком мнении, что ученый человек должен быть беден, тому я предлагаю в пример с его стороны Диогена, который жил с собаками в бочке и своим землякам оставил несколько остроумных шуток для умножения их гордости, а с другой стороны, Невтона, богатого лорда Бойла, который всю свою славу в науках получил употреблением великой суммы, Волфа, который лекциями и подарками нажил больше пятисот тысяч и сверх того баронство, Слоана в Англии, который после себя такую библиотеку оставил, что никто приватно не был в состоянии купить, и для того парламент дал за нее двадцать тысяч фунтов штерлингов. По приказанию вашему все исполнить не премину, с глубоким высокопочитанием пребывая

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Майя 10 дня
1753 года

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

31 мая 1753 г.

Отрывок

Милостивый государь Иван Иванович!

Полученное вчерашнего числа от 24 мания письмо вашего превосходительства, в котором я чувствую непременный знак особливой вашей ко мне милости, премного меня обрадовало, особливо тем, что вы объявить изволили свое удостоверение о том, что я наук никогда не оставлю. В рассуждении других не имею я никакого особливого удивления, затем что они имеют примеры в некоторых людях, которые только лишь себе путь к счастию учением отворили, в тот час к дальнейшему происхождению другие дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсем оставили, имея у себя патронов, которые у них наук мало или и ничего не спрашивают, и, не как ваше превосходитель-

ство в рассуждении меня дел требуете, довольствуются только однем их именем. В помянутых оставивших в своем счастии учение людях весьма ясно видеть можно, что они только одно почти знают, что в малолетстве из-под лозы выучились, а будучи в своей власти, почти никакого знания больше не присовокупили. Я, напротив того (позвольте, милостивый государь, не ради тщеславия, но ради моего оправдания объявить истину), имеючи отца хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного, и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по-пустому за книгами. Для того многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах и терпеть стужу и голод, пока я ушел в Спасские школы. Ныне, имея к тому по высочайшей е. и. в. милости совершенное довольство вашим отеческим предстательством и трудов моих одобрение ваше и других знателей и любителей наук и почти общее в них удовольствие и, наконец, уже не детское, несовершенного возраста рассуждение, могу ли я ныне в моем мужестве дать себя посрамить перед моим детством. Однако перестаю сими представлениями утруждать вашу терпеливость, ведая ваши справедливые мнения, и ради того доношу вашему превосходительству о том, что похвальная ваша к наукам охота требует. Во-первых, что до электрической силы надлежит, то изысканы здесь два особливые опыты весьма недавно: один г. Рихманом чрез машину, а другой мною в туче; первый, что Мушенброков опыт с сильным ударом можно переносить с места на место, отделяя от машины в знатное расстояние около целой версты, чему описание и рисунок при сем сообщаю; второе, приметил я у своей громовой машины 25 числа сего апреля, что без грому и молнии, чтобы слышать или видеть можно было, нитка от железного прута отходила и за рукою гонялась; а в 28 число того же месяца, при прохождении дождевого облака, без всякого чувствительного грому и молнии происходили от громовой машины сильные удары с ясными искрами и с треском, издалека слышным, что еще нигде не примечено и с моею давнею теориею о теплоте и с нынешнею о электрической силе весьма согласно и мне к будущему публичному акту весьма прилично. Оный акт буду я отправлять с г. профессором Рихманом: он будет предлагать опыты свои, а я — теорию и пользу, от оной происходящую, к чему уже я приуготовляюсь. Что же надлежит до

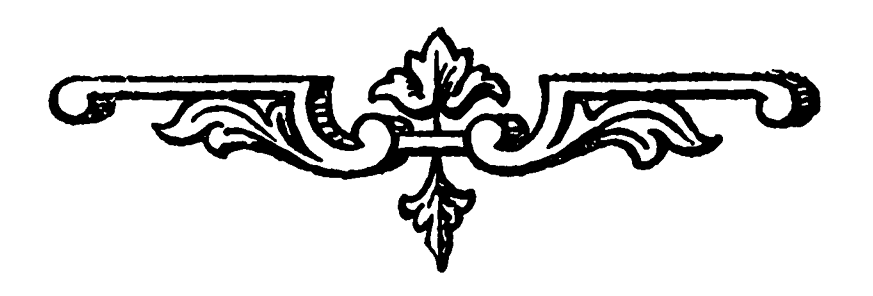
второй части «Руководства к красноречию», то оная уже нарочито далече и в конце октября месяца, уповаю, из печати выйдет, о ускорении которой всячески просить и стараться буду, а письменного не присылаю, затем что ваше превосходительство требовать изволите по листу печатных. О первом томе «Российской истории» по обещанию моему старание прилагаю, чтобы он к новому году письменный изготовился. Ежели кто по своей профессии и должности читает лекции, делает опыты новые, говорит публично речи и диссертации и вне оной сочиняет разные стихи и проекты к торжественным изъявлениям радости, составляет правила к красноречию на своем языке и историю своего отечества и должен еще на срок поставить, от того я ничего больше требовать не имею, и готов бы с охотою иметь терпение, когда бы только что путное родилось.

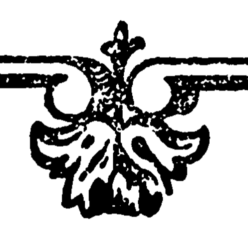
<...>

всепокорнейший и верный слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Маия 31 дня
1753 года

ПОКОЯ ДУХ НЕ ЗНАЕТ





<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

1 ноября 1753 г.

Милостивый государь Иван Иванович!

Что я письмами вашего превосходительства ныне не оставлен, сие служит мне к великому утешению в нынешних обстоятельствах. Советник Шумахер, пренебрегая то, что он от его сиятельства г. президента присланным ордером о произведении публичного акта изобличен был в своих неправедных поступках в рассуждении моей речи, употребил еще все коварные свои происки для ее остановки. Правда, что он всегда был высоких наук, а следовательно, и мой ненавистник и всех профессоров гонитель и коварный и злохитростный приводчик в несогласие и враждование, однако ныне стал еще вдвое, имея двойные интересы, то есть прегордого невежду, высокомысленного фарисея, зятя своего Тауберта. Все ныне упражняющиеся в науках говорят: не дай бог, чтобы Академия досталась Тауберту в приданое за дочерью Шумахеровой. Обоих равна зависть и ненависть к ученым, которая от того происходит, что оба не науками, но чужих рук искусством, а особливо профессорским попранием подняться ищут и ныне профессоров одного на другого подущать и их несогласием пользоваться стараются. Я о всем писал к его сиятельству г. президенту нарочито пространно и всепокорнейше просил, чтобы сделать конец двадцатилетнему бедному Академии состоянию и избавить от приближающегося конечного разорения. Между тем вас, милостивого государя и отца, слезно прошу учинить с науками в России великую милость, чтобы каким вам заблагорассудится образом сие общее благополучия ученых препятствие окончалось и воспоследовала бы уже давно от

всех желаемая тишина и радость. По вашего превосходительства письмам рассуждаю, что вы графу К[ириллу] Г[ригорьевичу] пристойным образом о моем к нему письме знать дать можете, которое на прошлой почте к нему послано. Сила и важность вся в том состоит, чтобы без ведома профессорского никакие ученые дела не отправлялись, и его бы сиятельство ничего не апробовал, что Канцелярия без согласия Собраний о том представит. Ибо кроме сего на что Профессорские собрания, на что их голосы, когда Шумахер все смыслит, когда ему все поверить можно? Всё смыслит? Боже мой! Но он и в главной своей охоте, в рисовании, толку не знает. Посмотрите на изображение е. и. в. что на петербургском плане. Ему всё поверить можно! Правда! козлу капусту, овец волку! На него просили первые профессоры, призванные в Россию Петром Великим, которых он своими коварствами отсюду вытеснил и наше отечество лишил великия пользы; на него просили студенты в Правительствующем Сенате, как я был за морем, за что ему был жестокий выговор; на него просили снова студенты и канцелярские служители с Нартовым в испровержении наук и в расточении казны, где он во многом изобличен и только знатным предстательством избавился; наконец, просили на него и все профессоры обще, и для того поручено было им правление ученых дел до президента. При толь великих примерах его злости, при толь великом множестве свидетелей разного состояния, разных народов и в толь разные времена и обстоятельства, возможно ли сомневаться о бессовестном его поведении? Возможно ли ожидать цветущего наук состояния? Возможно ли подумать, что всё на него напрасно солгано, затем что он не повешен? Сие столько же его оправдать может, как публикованного бездельника князя Хованского, который многократно судей и права умел употребить к своему закрытию и избавлению от петли. Не довольно ли о сем уверяет внешнее и внутреннее Академии бедное состояние? Извне почти одне развалины, внутрь нет ничего, что бы Академиею и Университетом могло назваться по примеру иностранных и по несравненному великодушию монархини нашей. Я ожидаю как от его сиятельства г. президента, так и от вашего превосходительства скорой наукам помощи и за должность мою к отечеству и за несказанные щедроты всемилостивейшия государыни положил твердое и непоколебимое намерение, чтобы за благополучие наук в России, ежели обстоя-

тельства потребуют, не пожалеть всего моего временного благополучия, с чем остаюсь непременно, с глубоким к вашему превосходительству высокопочитанием пребывая,

всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

С. П. б.
Ноября 1 дня
1753 года

ВСЕНИЖАЙШЕЕ МНЕНИЕ О ИСПРАВЛЕНИИ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Январь — февраль 1755 г.

Фрагменты

<…>

2. Дабы Академия не токмо сама себя учеными людьми могла довольствовать, но размножать оных и распространять по всему государству.

3. При сочинении регламента должно прилежно смотреть на учреждения славных академий в других государствах, из давных времен процветающих, как добрые примеры, выключая то, что с прочими узаконениями Российского государства не согласуется.

6[1]. Между равными, а особливо между вышними чинами была бы всегда дружба и согласие, от нижних к высшим — пристойное почтение, от по[д]чиненных к начальникам — законное послушание. Все сие к беспрепятственному приращению наук и к приобретению от народа к ним почтения и любления необходимо нужно.

7. Дабы добрые имели одобрение, а злые — страх, должно определить по мере заслуг награждения, по мере преступлений наказания, но так, чтобы излишеством воздаяний не привести к высокоумию и лености, безмерным истязанием — к подлости и отчаянию.

<…>

3) Каждому академику положено упражняться в своей профессии, а в чужую не вступаться (16). Сие ограничено

---

[1] Пункты 4 и 5 вычеркнуты М. Ломоносовым.

весьма тесно, ибо иногда бывает, что один академик знает твердо две или три науки и может чинить в них новые изобретения. Итак, весьма неправильно будет, ежели когда астроному впадет на мысль новая физическая махина или химику труба астрономическая, а о приведении оной в совершенство и описании стараться ему не позволяется и для того о том молчать или другому той профессии уступить и, следовательно, чести от своего изобретения лишиться принужден будет. Сие немало распространению знаний может препятствовать и для того некоторыми правилами изъяснено быть должно.

4) Больше всего препятствует приращению наук и размножению людей ученых весьма малое число студентов и школьников в рассуждении толь великой суммы, на Академию положенной, и беспропорциональное разделение студентов и школьников, ибо всех их только 50 человек, которых число по примеру кадетских корпусов много больше быть должно. Сверх сего школьников много меньше, нежели студентов, что совсем противным образом быть должно, затем что не всякий школьник произотти может в студенты, как не всякий студент — в профессоры. Посторонние вольные школьники тому не замена, затем что должны быть и студенты вольные и посторонние, безжалованные.

5) Таковые студенты числятся по университетам в других государствах не токмо стами, но и тысячами из разных городов и земель. Напротив того, здесь почти никого не бывает. Причина сего весьма видна и явственна, ибо здешний Университет не токмо действия, но и имени не имеет.

<...>

<ЗАПИСКА О НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК>

1758—1759 гг.

Фрагменты

<…> Часть 2-я

О ПРИЧИНАХ ИСПОРЧЕННОГО СОСТОЯНИЯ АКАДЕМИИ НАУК

Глава первая

О ПРИЧИНАХ ХУДОГО СОСТОЯНИЯ АКАДЕМИИ ПРЕЖДЕ НОВОГО СТАТА

Главные причины худого академического состояния две: первая — искание и получение правления Академическим корпусом от людей мало ученых, вторая — недоброхотство к учащимся россиянам в наставлении, в содержании и в произведении. Сии причины не токмо прежде нового стата, но и после оного много вреда принесли благосостоянию академическому.

<…>

Кроме того, Шумахеру было опасно происхождение в науках и произвождение в профессоры природных россиян, от которых он уменьшения своей силы больше опасался. Того ради учение и содержание российских студентов было в таком небрежении, по которому ясно оказывалось, что не было у него намерения их допустить к совершенству учения. Яснее сие понять можно, что Шумахер неоднократно так отзывался: я-де великую прошибку в политике своей сделал, что допустил Ломоносова в профессоры. И недавно зять его, имения и дел и чуть не Академии наследник, отозвался в разговоре о произведении российских студентов: Разве-де нам десять Ломоносовых надобно? И один-де нам в тягость.

<…>

Часть 3
О ИСПРАВЛЕНИИ АКАДЕМИИ НАУК

Глава первая
О ИСПРАВЛЕНИИ АКАДЕМИИ ВООБЩЕ

Рассуждая таковое Академии состояние, невозможно сыскать к ее исправлению лучшего способа, как пресечь оные причины, которые привели Академию, то есть: 1) не попустить больше властвовать над науками людям мало ученым, которые, однако, хотят, чтоб их за ученых почитали, каковы показаны выше в первой и второй части; 2) чтобы не дать великой власти чужестранным тем, в которых некоторое к ученым россиянам недоброжелательство примечено; 3) вышепомянутый регламент отменить, для того что 1) не утвержден на крепких основаниях, как выше показано, 2) что излишествами не по своей краткости наполнен, 3) не внесены самые нужные пункты, и словом во всем недостаточен, 4) нет в нем доброго порядка: часто заднее напереди, переднее назади поставлено, и смешаны материи разного рода, например пункты, до регламента надлежащие, смешаны с статом.

Приступая к важному сему делу, во-первых, должно сверх вышеписаных оснований в уме и в сердце твердо положить, чтобы во всем его произведении наблюдать высочайшее намерение е. и. в., простирающееся к пользе и славе отечества, и всегда иметь в памяти беспримерное ея к наукам щедролюбие, и ради того всячески стараться и блюстись, чтобы не дать ни малейшего места какому пристрастию или небрежению, и ничего не упустить, что к скорому распространению наук в России и к сравнению или паче превышению иностранных академий, в Европе процветающих, служить может, ибо нам помыслить нельзя, чтобы когда благополучнейшего времени к совершенному своему возвращению науки могли дождаться, каким ныне под великодушным царствованием великия Елисаветы пользоваться могут. Пропустив без пользы сей от бога дарованный случай, сие несказанное его благодеяние и благоговение, в толь щедрой и человеколюбивой монархине нам дарованное, не токмо в своей совести грызения терпеть принуждены будем, но и перед всем светом, у всех будущих родов прослывем ленивыми, малодушными, неблагодарными и таковых великих благодеяний и щедрот недостойными.

<...>

Стат Академического собрания

<…>

Должность сего собрания состоит главно в том, чтобы изобретать новые в высоких науках вещи и изобретенные рассматривать общим советом. Никак не можно тому быть, чтоб всякий профессор мог рассуждать о всех других науках. Для того надлежит быть во всякой науке трем членам, как то по большой части состоит в Парижской академии наук.

<…>

Глава третия

О РЕГЛАМЕНТЕ АКАДЕМИИ НАУК

<…> Итак, не токмо по моему мнению, но и по прехвальному и высочайшему примеру, данному от всемилостивейшей монаршеской воли в сочинении нового российского уложения, надлежит поручить сочинение Академического регламента нескольким ученым людям, в которых смотреть следующего: 1) чтобы они были те, которые порядочно продолжали свое учение здесь и в других государств академиях или университетах и тем приобрели знание состояния оных; 2) чтобы они были природные россияне или отдали себя в российское подданство вечно, ибо от сих больше должно ожидать усердия; 3) чтобы они не были участниками нынешнего испорченного академического состояния, ибо опасно, чтобы не стали защищать своих прежних поведений; 4) чтобы в академической службе не имели своих родственников, для которых бы не стали стараться о должностях и чинах, в Академии негодных, или прибавлять в стате жалованья.

<…>

<ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК ОБ ОТДАЧЕ И. И. ТАУБЕРТА ПОД СЛЕДСТВИЕ>

10—24 декабря 1761 г.

Ясновельможному обоих сторон Днепра и войск запорожских гетману, сиятельнейшему графу Кирилу Григорьевичу Разумовскому, действительному камергеру, лейб-

гвардии Измайловского полку подполковнику, Академии Наук президенту, орденов святаго Андрея, Белого орла, святаго Александра и святыя Анны кавалеру.

Представление

Вашему высокографскому сиятельству весьма довольно известно о состоянии Академии Наук, испорченном злобными поступками Шумахеровыми и нахальными и коварными происками зятя его, прямого наследника в продолжении академического несчастия, советника Тауберта, о чем я вашему сиятельству уже тому около девяти лет многократно представлял словесно и письменно здесь в Москву и в Малороссию, стараясь прекратить все вкоренившиеся с начала Академии замешательства и непорядки, препятствующие желаемому распространению наук в нашем отечестве. И хотя вашего сиятельства ордеры и приватные письма свидетельствуют, что ваше сиятельство такими поступками, для наук вредными, недовольны, однако никакого надлежащего следствия и по нему должного исполнения не учинилось. Остались все шумахерские происки, властолюбие, препятствия россиянам в науках и бесполезная трата казны е. и. в. по прихотям в помянутом советнике Тауберте. После моего представления вашему сиятельству на Украину произошли многие поступки его, Тауберта, государственной пользе и чести вредные, за кои, как и за прежние, он, Тауберт, подлежит жестокому истязанию.

Того ради ваше высокографское сиятельство, милостивого государя, слезно прошу окончать известное академическое несчастие и вашей особе нарекание, то есть отдать оного Тауберта под следствие, где надлежит, а пока дело кончится, запретить ему присутствовать в Канцелярии, яко подозрительному человеку, дабы не уничтожил каких документов, кои к его изобличению служить имеют.

В указе блаженныя памяти государя императора Петра Великого генваря 20 дня 1724 года написано: «Е. и. в. указал всем подчиненным как в Сенате и Синоде, так во всех коллегиях, канцеляриях и во всех местах всего государства, где какие дела отправляются, быть в послушании у своих командиров во всем, что не противно указу, а ежели что противно, того отнюдь не делать под наказанием яко преступника указа, но должен командиру своему тайно объявить, что то противно указам, и ежели не послушает, то

протестовать и доносить вышнему над тем командиром, кто приказывает. А ежели и в том також увидит противность, то генералу-прокурору или в небытность его обер-прокурору, а ежели и в них усмотрит в том противность, то доносить его величеству, но чтоб была самая истина; а ежели явится неправда, за то наказан будет сам, яко бы он то сделал».

Посему прошу от вашего сиятельства скорого повеления на следствие оного Тауберта, ибо я не должен и не могу более молчать и видеть академического несчастия и вашего нарекания и всегдашнего попреку, что науки не процветают по мере щедроты е. и. в. всемилостивейшия нашея самодержицы. Ежели ж ваше высокографское сиятельство не соблаговолите сей важной моей долговременной жалобы уважить и привести в действие в скором времени ради вашего недолгого, как видно, здесь пребывания, то принужден буду принять законную смелость непременно поступить по высокопомянутому монаршескому указу для избавления восходящих наук в нашем отечестве от наглого утеснения. При сем объявляю главные пункты, представленные от меня прежде вашему сиятельству на Украйну, и новые помянутого советника Тауберта продерзости, происшедшие оттого, что первые миновали ему без следствия и без штрафа или наказания. И ежели сие подобным образом пройдет, то он на горшее зло устремится к вящему утеснению и вреду наукам в отечестве. На все оные пункты имею довольные и верные доказательства, живых свидетелей и письменные документы.

Пункты продерзостей Канцелярии советника Тауберта

1. Не подает репортов и счетов от Библиотеки, Кунсткамеры и от других врученных ему в смотрение департаментов, что противно указам и Академическому регламенту.

2. Выдает казенные деньги без канцелярских определений и делает при доме Волкова разные пристройки без ведома Канцелярии самовластно.

3. Между профессорами производит смуты и тех, кои его непорядкам не согласуются, обидит и утесняет к явному препятствию наукам в России и в противность высочайшему повелению е. и. в.

4. Всячески старается препятствовать полезным по Академии представлениям, уничтожая их или откладывая

впредь, отчего немалое препятствие чинится приращению знания в России и ущерб казне.

5. Чернит и истребляет академические дела и документы, служащие к его изобличению.

6. Препятствует в порученных другому департаментах, останавливает добрые их успехи и нахально вступает в чужую должность, перехватывая и пренебрегая предосторожность о целости здравия государской фамилии для своего властолюбия.

7. В артикулах, к «Ведомостям» принадлежащих, вносил предосудительные славе российского оружия и союзникам российским огорчительные речи.

8. Правительствующему Сенату чинил ложные представления в обиду российских астрономов.

9. Указ е. и. в. из Правительствующего Сената истолковав ложно, послал по тому в Статс-контору промеморию за своим подписанием без определения и подписания прочих членов Канцелярии, чем не токмо их уничижает по своему самовластию, но и высочайшие указы е. и. в. презирает.

<ЗАПИСКА О СЛУЖЕБНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И УПУЩЕНИЯХ И. И. ТАУБЕРТА>

16—24 декабря 1761 г.

1

В Академическом регламенте написано, чтобы от всех департаментов подаваны были в Канцелярию верные статы и репорты об их состоянии. А Канцелярии советник Тауберт по врученным в особливое строение департаментам, особливо по Библиотеке и Кунсткамере, не чинил многие годы, так что Академическая канцелярия не имеет об них надлежащего сведения, и только слышна от профессоров жалоба о непорядке и недостатке нужных книг. Также произошло на оного Тауберта в Сенате челобитье от дворянина Никиты Демидова, что оный Тауберт держит в их доме не токмо людей, к Библиотеке и Кунсткамере не принадлежащих, но и аглинское пиво немалым числом бочек, о чем из Правительствующего Сената насылались в

Канцелярию Академии Наук указы. Все сии непорядки противны указам е. и. в.

2

А как сии два департамента, особливо Библиотека, служат, во-первых, главным делом пользою, второе, украшением для показания любопытным людям, как первое нужнее второго, само собою явствует, но советник Тауберт, как в 1-м пункте показано, пренебрегая полезное дело, старается о украшениях, затем что он имеет случай показать себя по внешнему виду ученым человеком, и для того не токмо казны беречь не старается, но и проискивает, как бы сделать шкафы великолепнее, а потому и дороже. В Академическом регламенте положена сумма на размножение Библиотеки и Кунсткамеры, но он старается ее употребить на шкафы в Библиотеку и Кунсткамеру, не взирая, что есть шкафы и другие, приличные по свойству вещей умещения, в коих ныне содержится Библиотека и Кунсткамера в Демидова доме, что Библиотека не состоит в позолоченных шкафах, но в довольстве книг надобных, не взирая, что на постройку шкафов должно требовать суммы от Правительствующего Сената таким же образом, как от оного получила на выстройку погоревших палат. Наконец, не рассуждая, что в нынешнее военное время, за остановлением выдачи на Академию суммы, многие служители претерпевают нужду, держит оную на шкафы им запечатанную сумму так, что с немалым прошением можем получать заимообразно в Академическое комиссарство не нужные раздачи. Сие противно не токмо человеколюбию, но и клонится к интересному ущербу.

3

Выдает казенные деньги без канцелярских определений, делает без ведома Канцелярии разные пристройки и перестройки при доме Волкова и Лутковского на казенные деньги по своим прихотям, что охранению казны е. и. в. противно.

4

В рассуждении профессоров поступает он равно, как тесть его, Шумахер, то есть старается их разделять на партии и молодших наущать на старших, чтобы употребить их

ссоры в удовольствие своего властолюбия. А кто его проискам противится, тем чинит он всякие наглые обиды, приводит в уныние и отнимает время упражняться в науках. Чрез все сие наносит чувствительный ущерб казне государственной, на науки определенной, и великое препятствие приращению наук в отечестве.

5

Сверх сего уничтожает или всячески откладывать старается служащие к пользе и чести Академии предприятия и представления. Для примера довольны будут следующие· 1) Для искоре[не]ния повседневных требований из Канцелярии на разные расходы и чрез меру частых мелочных покупок, отчего порознь все покупается дороже, и канцелярские малые отправления занимают столько времени, что о главном деле, то есть о науках к их пользе и рассуждать некогда, представил я, чтобы все заблаговременно вдруг закупать и из магазейна выдавать кому надлежит по пропорции. Однако и поныне все происходит по-прежнему. 2) Предложено мною, чтоб издавать здесь ученые ведомости. 3) О учреждении внутренних российских ведомостей для пользы командующих мест и купечества. 4) Профессорские собрания бывают почти всегда весьма неполны, а нередко и никто не присутствует. Ласковые и вежливые слова не помогают и за трусость почитаются, настоящие напоминания по команде за обиду принимаются и рассеваются жалобы. Для того представил я в Канцелярию, чтобы по примеру других академий давать жетоны тем профессорам, кои приходят в Собрание, а отсутствующим не давать, однако и на то не учинено никакого решения. 5) Известно, что в столичных старинных городах российских, при государских гробницах, находятся их портреты, иконными красками или фресковою работою встарину написанные, кои уже от ветхости портятся. Для сего и для сочинения российской иконографии, которая к воспоминанию древних государей и для чести и прибыли академической может быть нагрыдорована и напечатана, по моему представлению истребовано позволение от Святейшего Синода, чтоб допускать везде в знатнейшие городы посылающегося от Академии мастера Андрея Грекова. Но помянутый советник Тауберт оного отвел от сей экспедиции хитрым образом и учинил толь полезному делу препятствие.

Все сие происходит от него к препятствию в добрых успехах наукам и такой вред отечеству наносит, лишая оное очевидной пользы для своей властолюбивой прихоти и зависти.

6

Уничтожает и истребляет академические дела и документы, по своим прихотям, а паче служащие к его изобличению, чему пример явствует в -м[1] пункте.

7

Коль славно российскому войску побеждать неприятельские войска и брать городы и какому истязанию подлежит тот человек, который каким-нибудь образом учинит хотя малейший ущерб нашей славе! Канцелярии советник Тауберт в переводе реляции о взятии Берлина на немецком языке напечатал такие ложные известия, кои служат к явному ущербу славы оружия е. и. в., о чем при дворе было немалое негодование и было словесное приказание о сем следовать. Помянутый советник Тауберт чинил всякие проволочки и, наконец, для закрытия своей неправды изодрал в Канцелярии взятый ответ о сем деле от актуариуса Штафенгагена, который под надзиранием оного Тауберта просматривал корректуры.

8

В Правительствующий Сенат представлял ложно, яко бы невозможно было российским обсерваторам чинить наблюдения Венеры, проходящей по Солнцу, купно с коллежским советником Епинусом. И хотя его наглое и ложное представление в высокопомянутом Сенате не принято и за то учинен ему жестокий выговор, однако, на то не взирая, проискивал оный Тауберт в разных домах, разъезжая по городу с реченным Епинусом, чтоб все свое злое намерение исполнить, побуждая знатных особ на свою неправую сторону, в чем он дерзнул утруждать высочайшую фамилию и оклеветать неповинных, так что оного Тауберта

---

[1] Пробел оставлен М. Ломоносовым.

дерзостный поступок немало походил на некоторое возмущение, в противность высочайшим монаршеским указам.

9

В порученных в мое особливое смотрение департаментах, а особливо в Географическом и в экспедиции для обсервации: по городам чинил мне многие препятствия. А особливо, чтобы показать себя чужими трудами и меня выключить от надлежащего мне первого участия в деле глобуса для е. и. в. государя великого князя Павла П[етровича], дерзнул помянутый Тауберт взять оное дело глобуса и ландкарт из Географического департамента без всякого канцелярского определения и ведома и отдать на квартиру адъюнкту Трускоту, у коего жена и дети были тогда во французской болезни, о чем где надлежит приватным письмом было мною объявлено, и оный глобус и ландкарты до особы е. и. в. не допущены. Сие едино доказывает необузданную наглость и продерзость помянутого Тауберта, что он для своих прихотей небрежет о целости здравия толь высокой на свете особы, единой российской надежды, за кою мы жизнь свою полагать должны.

10

Правительствующего Сената указ, присланный о взыскании страфных денег за просрочку счетами в Ревизион-коллегию, помянутый советник Тауберт истолковал ложно и потому в Статс-контору послал промеморию о невзыскании штрафных денег на Академии ста двадцати рублев. Оная промемория сочинена без общего определения в оную Ревизион-коллегию за подписанием его Тауберта и ми[мо] секретаря, за рукою регистратора Фирсова, с которого оные штрафные деньги по его счетной экспедиции надлежит доправить. Из сего паки явствует, коль много и часто дерзает оный Тауберт преступать и презирать е. и. в. указы.

<ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ ОБ УСТРОЙСТВЕ И УСТАВЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ>

21 мая — 10 сентября 1764 г.

Отрывок

<...> § 6

Переходим к высшей власти, предоставленной ныне в Академии президенту и Канцелярии. Так как эта статья особенно важная, составляющая ось вращения всех академических дел, то надо прежде всего установить, что претерпела Академия в итоге вышеупомянутого способа управления, затем ознакомиться с примером иноземных академий и, наконец, подумать, какие решения следует принять по данному вопросу.

Из всего того, что небезболезненно испытала собственно Академия в узком смысле этого слова, то есть сенаторы и граждане республики ученых, им особенно запомнилось следующее.

Канцелярия с самого начала состояла из людей полуобразованных (это, увы, утверждено уставом), которые распоряжались людьми ученейшими. Особенно позорно то, что невежественные делопроизводители Канцелярии, едва умеющие писать по-русски, дерзают притязать на право голоса в заседаниях этого учреждения. Это повело к тому, что хотя позднее члены стали назначаться туда из числа академиков, однако к великому ущербу науки противная сторона оказывается все же сильнее.

Ходя по дворцу и в знатные домы, выхваляя и подсовывая взамен самой науки ее призрак, раздаривая гравюры, каменные печатки, изящно переплетенные книги, термометры и барометры, солнечные часы и прочие произведения чужого труда и дарования, изготовленные на академические средства, и выдавая себя за ученых, они не упустили ни одного случая использовать в своих выгодах и свою власть и то обстоятельство, что профессоры, отдаваясь научным занятиям, чуждаются светских толков.

Понимая, что в смысле ученой славы и заслуг они не могут равняться с академиками, а тем более превзойти их, и являясь в то же время их начальством, они стремятся придать себе вес другим путем. Зная о возникающих среди академиков ученых спорах, которые при других условиях обычно дружески улаживаются, они из этих споров извле-

кают выгоду: разжигают взаимную вражду и в особенности восстанавливают младших против старших; раздувают споры и ссоры; ищут случая, чтобы распустить слухи, вредные для муз, и оговаривают чаще всего тех, кто в силу своих заслуг представляется им наиболее способным противостоять их наглости, а себя выдают за людей, безусловно необходимых для поддержания спокойствия в Академии.

Не буду говорить, сколько вреда нанесли задержки в выплате жалованья академикам, а зачастую даже и пренебрежительный отказ в его выдаче, недостаток книг и необходимых для развития науки приборов, также и прочие неприятности, причиненные Канцелярией Академическому собранию. Оттого-то очевидцами, членами Академии, выжитыми из нее путем обид, и разнесена была даже по чужим странам дурная молва о положении наших ученых. Нельзя удивляться после этого, что не только у нас ни один порядочный человек не желает отдать своих детей в Академию на выучку, но и чужестранные ученые, приглашенные в Академию, отказываются ехать в Петербург, несмотря на предлагаемое им крупное жалованье.

Знакомясь с образом действий других европейских академий, мы видим совсем иную картину. Там собрание академиков само себе судья. Никакой посторонний, полуобразованный посредник не допускается до разбора ученых споров. Приходя за получением просимого, не дожидаются у канцелярского порога разрешения войти. Профессоры не ждут выплаты жалованья и не вымаливают его у невежд, которые поглядывают на них свысока и пугают отказом. Их покоя не нарушают, наконец, сторонние дела, чуждые содружеству муз. Не очевидно ли, что Канцелярия не только не нужна Академии Наук, но и отягощает ее, а потому должна быть извергнута из подлинного дома науки. Вся власть и управление всеми частями должны быть переданы Профессорскому собранию, состоящему под председательством президента Академии, которому в этом почтенном сообществе должно быть отведено первое место. Беспорядочное расходование средств из академической кассы в нарушение академического устава и без малейшей справедливости служит яснейшим доказательством того, что о делах, не имеющих ничего общего с музами, Канцелярия заботилась больше, чем о прямой пользе муз.

<…>

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ О ПОВЕДЕНИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ В РАССУЖДЕНИИ УЧЕНЫХ ЛЮДЕЙ И ДЕЛ С НАЧАЛА СЕГО КОРПУСА ДО НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ

Не позднее 26 августа 1764 г.

Глава первая

СОДЕРЖИТ ПОВЕДЕНИЕ ОТ НАЧАЛА ДО НОВОГО ШТАТА

§ 1

Во время приезда в Санктпетербург самых первых профессоров: Германа, двух Бернуллиев, Билфингера, Бекенштейна и других был президент архиатер доктор Лаврентьтей Блументрост, а у государевой библиотеки приставлен библиотекарем, что после был статским советником, Иван-Данил Шумахер, которому президент отдал под смотрение и денежную казну, определенную на Академию.

§ 2

Почему выдача жалованья профессорам стала зависеть от Шумахера, и все, что им надобно, принуждены были просить от него же. Сверх сего Шумахер, будучи в науках скуден и оставив вовсе упражнение в оных, старался единственно искать себе большей поверенности у Блументроста и у других при дворе приватными прислугами, на что уже и надеясь, поступал с профессорами не таким образом, как бы должно было ему оказывать себя перед людьми, толь учеными и в рассуждении наук великими, от чего скоро воспоследовали неудовольствия и жалобы.

§ 3

Шумахер для укрепления себе присвоенной власти приласкал на помощь студента Миллера, что ныне профессор, и в начатой безо всякого формального учреждения и указа Канцелярии посадил его с собою, ибо усмотрел, что оный Миллер, как еще молодой студент и недалекой в науках надежды, примется охотно за одно с ним ремесло в надежде скорейшего получения чести, в чем Шумахер и не обманул-

ся, ибо сей студент, ходя по профессорам, переносил друг про друга оскорбительные вести и тем привел их в немалые ссоры, которым их несогласием Шумахер весьма пользовался, представляя их у президента смешными и неугомонными.

§ 4

Сверх сего по высокомерию своему презирал оных почтенных мужей и делал многие досады, почему прозван был flagellum professorum, то есть бич на профессоров, которые между тем, жаловавшись и бив челом в Сенате на своих обидчиков, ничего не успели, затем что приобыкли быть всегда при науках и не навыкнув разносить по знатным домам поклонов, не могли сыскать себе защищения, и ради того требовали от академической службы абшидов, которые Шумахеровым ходатайством неукоснительно и выправлены.

§ 5

Но чтобы Академия не пуста осталась, или лучше, дабы Шумахер имел под рукою своею молодых профессоров, себе послушных, представил в кандидаты на профессорство пять человек: Ейлера, Гмелина, Вейтбрехта, Крафта и фаворита своего Миллера, чтобы старые отъезжающие профессоры их на свое место аттестовали. О четырех первых отнюдь не обинулись дать свои одобрения, а Миллеру в том отказали, для того ли что признали его недостойным, или что он их много обидел, или и обое купно было тому причиною. Однако в рассуждении сего мнение их не уважено, затем что Шумахеровым представлением Миллер был от Блументроста произведен с прочими в профессоры.

§ 6

Однако ж Шумахер сим своим промыслом чуть ли не больше проиграл, нежели выиграл. Новый сей профессор, ведая из практики и сообщения шумахерские пронырства, везде стал ему ставить на дороге в его покушениях препятства, пристал к некоторым еще оставшим первым профессорам, также и с новыми соединясь, немалые стал наводить Шумахеру упадки в его власти. Но он выискал новый способ, как бы с шеи сбыть сего соперника, ибо, узнав его

охоту побывать в других государствах и надобность съездить в отечество для принятия наследства, присоветовал с оказанием удовольствия, с определенным ему профессорским жалованьем и с подорожными деньгами в путь отправиться под именем яко бы для нужд библиотечных и книгопродажных в Германию.

§ 7

После отъезду Миллерова имел случай Шумахер привести прочих новых профессоров к себе в дружбу и управлять их уже как старший, а его сколько можно унизить худыми об нем идеями, коих он мог сыскать довольно. Да и сам Миллер, надеясь на Шумахерово ласкание, без позволения ездил в Англию, чтобы стать тамошнего ученого собрания членом, также, проезжая Пруссию, был на славном там случившемся тогда каруселе и для показания себя излишные сделал из казны издержки, коих Шумахер по возвращении его в Санктпетербург на казенный счет не поставил, отчего произошла великая распря, и Шумахер взял верх, так что Миллер рад был тогдашнему случаю отправиться в Камчатскую экспедицию.

§ 8

Около сего времени взяты были из Московских Заиконоспасских школ двенадцать человек школьников в Академию Наук, между коими находился бывший после профессор натуральной истории Крашенинников (ибо в самой Академии о изучении российского юношества почти никакого не было попечения). Оных половина взяты с профессорами в Камчатскую экспедицию, из коих один удался Крашенинников, а прочие от худого присмотру все испортились. Оставшаяся в Санктпетербурге половина, быв несколько времени без призрения и учения, разопределены в подьячие и к ремесленным делам. Между тем с 1733 года по 1738 никаких лекций в Академии не преподавано российскому юношеству.

§ 9

Хотя между тем Миллер, будучи в Сибири, не мог быть Шумахеровым соперником, однако не без нужды Шумахеру было от некоторых остерегаться и ради того приводить

в ссору. Делиль еще был из самых первых профессоров и не давал собою командовать Шумахеру, ведая, что он не имеет к тому подлинного права. Для того наустил Шумахер на Делилия молодших профессоров Крафта и Генсиуса, чтобы его не почитали и на Обсерватории без его спросу и согласия употребляли инструменты по своей воли, отчего произошли ссоры и драки на Обсерватории.

§ 10

Профессор Вейтбрехт умел хорошо по-латине; напротив того, Юнкер едва разумел латинских авторов, однако мастер был писать стихов немецких, чем себе и честь зажил и знакомство у фельдмаршала графа Минниха. Шумахер, слыша, что Вейтбрехт говорит о Юнкере презренно, яко о неученом, поднял его на досаду, отчего произошла в Конференции драка, и Вейтбрехт признан виноватым, хотя Юнкер ударил его палкою и расшиб зеркало. Примечания достойно, что прежде сего Шумахер, как и ныне наследник его — Тауберт, в таковых распрях стоит за молодших, затем чтоб ими старших унизить, а молодших поднять. Но то же и с сими делалось, когда они несколько усилились, и чрез то, кроме других доводов, на себя доказывают, что они таковых ссор причиною, чтобы ловить в мутной воде.

§ 11

В 1735 году истребованные вновь двенадцать человек школьников и студентов в Академию из Московских Спасских школ, в коих числе был и нынешний статский советник Ломоносов и надворный советник Попов и бывший потом бергмейстер Виноградов, приехали в Санктпетербург все вместе генваря 1 дня 1736 года и содержаны были сперва на довольной пище, хотя и излишно дорого за то заплачено родственнику Шумахерову—Фелтингу. 19 марта объявлено студентам Ломоносову и Виноградову, что они отправляются по именному указу в Германию для обучения натуральной истории. И с того времени взяты на отпуск определенные из Статс-конторы на содержание их с третьим тысячу двести рублев на год, кои тогда же и употреблены на академические другие нужды за недостатком денег в Академии. А отправляющиеся вышеписанные студенты и с ними Густав Рейзер, бывшего тогда Берг-коллегии советника Рейзера сын, принуждены были ожидать

своего отправления до осени, в коем пути будучи четыре недели на море, в октябре месяце едва не потонули.

§ 12

Всегдашние недостатки в деньгах происходили от худой экономии Шумахеровой, ибо, несмотря на то что, сверх положенной суммы 25 тысяч в год, печатание книг заморских и торг иностранными во всем государстве имела одна Академия, сверх того блаженныя памяти государыня императрица Анна Иоанновна пережаловала на Академию во время своего владения до ста десяти тысяч, академические служители такую претерпевали нужду, что принуждены были брать жалованье книгами и продавать сами, получая вместо рубля по семидесят копеек и меньше, что продолжалось до нового штата.

§ 13

По отъезде помянутых трех студентов за море прочие десять человек оставлены без призрения. Готовый стол и квартира пресеклись, и бедные скитались немалое время в подлости. Наконец нужда заставила их просить о своей бедности в Сенате на Шумахера, который был туда призван к ответу, и учинен ему чувствительный выговор с угрозами штрафа. Откуда возвратясь в Канцелярию, главных на себя просителей, студентов бил по щекам и высек батогами, однако ж принужден был профессорам и учителям приказать, чтобы давали помянутым студентам наставления, что несколько времени и продолжалось, и по экзамене даны им добрые аттестаты для показу. А произведены лучшие — Лебедев, Голубцов и Попов в переводчики, и прочие ж разопределены по другим местам, и лекции почти совсем пресеклись.

§ 14

Отправленные в Германию трое вышепоказанные студенты, приехав в город Марбург, обучались у славного профессора Волфа математики и физики, а химии начало положили у других. И двое российских обучались немецкому языку и во французском положили начало. Между тем для весьма неисправной пересылки денег на содержание претерпевали нужду и пришли в долги. Хотя Шумахер получал

на них определенную из Статс-конторы сумму тысячу двести рублев вперед на целый год, отправленным им из Марбурга в Фрейберг для обучения рудных дел определил жалованья только по полтораста рублев, обещанных наперед тамошнему советнику Генкелю за обучение их химии тысячи двухсот рублев не прислал же, почему Генкель присылаемые студентам на содержание деньги стал удерживать за собою, чего они не могли вытерпеть и стали просить своего пропитания, требуя справедливости. Но он с великою запалчивостию в деньгах отказал, а их вон от себя выслал. В таковых обстоятельствах Ломоносов отъехал в Марбург к Волфу как к своему благодетелю и учителю. Рейзер и Виноградов, долго скитаясь, наконец нашли покровительство у графа Кейзерлинга, который их и снабдевал несколько времени.

§ 15

Между тем присылка суммы на содержание студентов в Германии совсем пресеклась, и Рейзер через отца своего исходатайствовал, что деньги на содержание двоих стали присылаться из Берг-коллегии исправно даже до их возвращения. Ломоносов писал в Академию из Марбурга о своем возвращении и через год на проезд и на платеж долгов получил только сто рублев, и выехал за Волфовым поручительством в отечество. Подал добрые свидетельства о своих успехах и специмены в Академию, кои весьма от Собрания одобрены. Но произведен не так, как обещано ему при отъезде, в экстраординарные профессоры, но по прошествии полугода в адъюнкты, а профессорства ждал он здесь четыре года. Примечания и смеху достойно, что когда Ломоносов уже давно в отечество возвратился и был по штату в Академии адъюнктом физического класса на жалованье академическом по 360 рублев, Академическая канцелярия на всякий год требовала и получала из Статсконторы на содержание его по четыреста рублев наперед, и было якобы два Ломоносовых: один в России, другой в Германии. Подобно же происходило и с прочими двумя студентами, на коих до возвращения Шумахер принимал определенную из Статс-конторы сумму, ничего к ним не пересылая. Возвратившегося Рейзера хотя Шумахер и приласкивал в Академию, обещая профессорство химии, чтобы Ломоносова отвести от той профессии, однако Рейзер, ведая худое академическое состояние и непорядки, совсем отказался.

§ 16

Около 1740 года определен был в Академию Наук для своего искусства в механике советник Нартов к инструментальным делам, а особливо к махинам, взятым в Академию из токарни блаженныя памяти государя императора Петра Великого, и учреждена Механическая экспедиция, к которой помянутый Нартов требовал себе и приказных служителей, в чем ему Шумахер весьма препятствовал, опасаясь, чтобы его Канцелярия, не утвержденная указом, а следовательно и власть его не унизилась. Между тем Нартов, уведав от академических многих служителей, а паче из жалобы от профессора Делиля о великих непорядках, напрасных убытках и о пренебрежении учения российского юношества, предприял все сие донести блаженныя памяти государыне императрице Елисавете Петровне, когда она изводила быть в Москве для коронования. Итак, за общим подписанием одиннадцати человек доносчиков, коих главные были комиссар Камер, переводчики Горлицкой и Попов, что ныне надворный советник, и некоторые студенты, приказные, академические служители и мастеровые, советник Нартов отвез в Москву и подал оное доношение е. в., по которому советник Шумахер и с ним нотариус Гофман и книгопродавец Прейсер взяты под караул, и учреждена в Академии следственная комиссия, в коей членами присутствовали адмирал Николай Федорович Головин, князь Борис Григорьевич Юсупов и бывший тогда здешний комендант Игнатьев.

§ 17

Доносили оные канцелярские служители на Шумахера в непорядочных по Академии поступках, в испровержении наук и в похищении многой казны, что все состояло в 38 пунктах. Первое им было в успехах помешательство, что из них подканцелярист Худяков прежде еще отъезда Нартова в Москву с доношением отстал и объявил тайно Шумахеру все их намерение, почему он принял предосторожности, писал в Москву к своим приятелям, а профессоров и адъюнктов побудил всех читать лекции для виду, так что читающих было числом втрое против слушателей, и то уже по большей части к местам прежде определенных. Несмотря на то, сперва комиссия зачалась было горячо, однако вскоре вся оборотилась на доносителей, затем что в комис-

сию, а особливо ко князю Юсупову, писал за Шумахера сильный тогда при дворе человек иностранный. Не исполнено ничего, что требовали доносители по силе именного указа и по самой справедливости, то есть не опечатаны все нужные департаменты, на кои большее было подозрение, а в запечатанные ходил самовластно унтер-библиотекарь Тауберт, сорвав печать, и выносил письма. Доносители не допущены были по силе именного указа о той комиссии к разбору писем и вещей, и словом никакой не употреблено строгости по правосудию, а доносители без всякой причины арестованы, Шумахер выпущен из-под аресту.

§ 18

Наконец уговорены были с Шумахеровой стороны бездельники из академических нижних служителей, кои от Нартова наказаны были за пьянство, чтобы, улуча государыню где при выезде, упали ей в ноги, жалуясь на Нартова, якобы он их заставил терпеть голод без жалованья. Сие они сделали, и государыня по наговоркам Шумахерова патрона указала Нартова отрешить от Канцелярии и быть в ней Шумахеру главным по-прежнему. Между тем комиссия хотя не могла миновать, чтобы Шумахера не признать виноватым по некоторым пунктам, по коим он изобличен был в первые заседания, однако сочинила доклад в Правительствующий Сенат, весьма доброхотный для Шумахера, а предосудительный для доносителей, кои и осуждены были к страфам и наказаниям, но и прощены, якобы для замирения со шведами. Пункты, в коих Шумахер изобличен, суть следующие: 1) что он содержал у себя под именем кунсткамерских служителей четырех лакеев, водил в своей либерее, кои никакого в Кунсткамере дела не имели, на академическом жалованье по 24 рубли на год, на что издержал казенных денег с лишним 1400 р.; 2) что определенные деньги по потчивание гостей, в Кунсткамеру приходящих, по четыреста рублев на год держал на себя и присовокупил к своему жалованью, чтобы не давать никакого отчету, чего всего истрачено было больше семи тысяч рублев; 3) что он держал казенную французскую водку, коя имелась всегда для кунсткамерских вещей, употреблял на свои домашние потребы. И словом, если бы комиссия допустила доносителей до счетов, надлежащих до типографской фабрики и до книжного торгу, то бы нашлись конечно великие неисправности и траты казенной суммы. Сверх сего

доказал советник Нартов, что Шумахер сообщил тайно в чужие государства карту мореплавания и новообретенных мест Чириковым и Берингом, которая тогда содержалась в секрете. А оную карту вынял тогдашний унтер-библиотекарь Тауберт из Остермановых пожитков, будучи при разборе его писем, который ее имел у себя как главный командир над флотом.

§ 19

К избавлению Шумахерову много также способствовали тогдашние профессоры, а особливо Крафт по сродству, Винсгейм по великой дружбе и приехавшие в самое время коммиссии из Сибири Гмелин и Миллер, которым Шумахер обещал выдавать им двойное сибирское жалованье и здесь, в Санктпетербурге, как только посажен будет попрежнему в Канцелярии. Сии четверо разъезжали по знатным дворам случайных людей, привлекши и прочих профессоров, и просили о освобождении оного, однако вскоре вспокаялись, затем что Шумахер, поманив несколько времени Гмелина и Миллера исполнением обещанного, наконец отказал им вовсе. С прочими стал поступать деспотически. С Делилем древняя вражда возобновилась, а особливо что он был при коммиссии депутатом со стороны доносителей. Какие были тогда распри или лучше позорище между Шумахером, Делилем и Миллером! Целый год почти прошел, что в Конференции кроме шумов ничего не происходило. Наконец все профессоры единогласно подали доношение на Шумахера в Правительствующий Сенат в непорядках и обидах, почему оный Сенат рассудил и указал, чтобы до наук надлежащие дела иметь в единственном ведении Профессорскому собранию.

§ 20

Но власть их стояла весьма кратко, затем что вскоре пожалован в Академию президентом его сиятельство граф Кирило Григорьевич Разумовской, которому на рассмотрение отосланы из Сената все перед ним бывшие академические распри, которые так решены, что от всех профессоров взяты сказки порознь, стоит ли кто в своем на Шумахера доносе, на что как ответствовано от каждого, неизвестно, но то ведомо, что Шумахер остался по-прежнему в своей силе и вскоре получил большое подкрепление.

§ 21

Около сих времен многие профессоры отъехали в отечество: Крафт, Гейнсиус, Вилде, Крузиус, Делиль и Гмелин, коих двух отъезду причины и отпуск особливо упомянуть должно. Делиль, будучи с самого начала Академии старший, по справедливости искал первенства перед Шумахером и, служа двадцать лет на одном жалованье, просил себе прибавки, и как ему отказано, хотел принудить требованием абшида, который ему и дан без изъяснения или уговаривания, ибо Шумахер рад был случаю, чтобы избыть своего старого соперника. Гмелину Шумахер чинил многие препятствия в сочинении российской флоры, на что он жаловался. Шумахер выбранил Гмелина письменно бесчестным способом, для чего Гмелин и для отказу в получении двойного, как было в Сибире, жалованья стал отпрашиваться на время в отечество, на что его сиятельство г. президент и склонился, ежели он даст надежных поручителей. Первый сыскался друг его, профессор Миллер и в тозарищи склонил к себе профессора Ломоносова, который сколько ласканием Миллеровым, а больше уверился словами покойного Крашенинникова, который о Гмелинове добром сердце и склонности к российским студентам Ломоносову сказывал, что-де он давал им в Сибире лекции, таясь от Миллера, который в том ему запрещал. Гмелин для чего не возвратился, показал причины, а вероятно, и для того что он через приятельские письма слышал о продолжении худого состояния Академии и о шумахерской большей прежнего власти.

Глава вторая

О ПОСТУПКАХ КАНЦЕЛЯРИИ С УЧЕНЫМ КОРПУСОМ ПОСЛЕ НОВОГО СТАТА

§ 22

По вступлении нового президента сочинен новый стат, в коем расположении и составлении никого, сколько известно, не было из академиков участника. Шумахер подлинно давал сочинителю советы, что из многих его духа признаков, а особливо из утверждения канцелярской великой власти, из выписывания иностранных профессоров, из отнятия надежды профессорам происходить в высшие чины несом-

ненно явствует. Оный штат и регламент в Собрании профессорском по получении прочитан однажды, а после даже до напечатания содержан тайно. Все рассуждали, что он хорош, затем что думали быть автором г. Голдбаха. Однако по напечатании увидели не Голдбаховы мысли и твердость рассуждения, который всегда старался о преимуществах профессорских. Многие жалели, что оный регламент и на других языках напечатан и подан случай к невыгодным рассуждениям о Академии в других государствах. Что по оному регламенту и для него после приключилось, окажется в следующих.

§ 23

Для большего уважения Канцелярии при такой перемене надобно было и место просторнее: прежнее рассудилось быть узко и тесно. Таковых обстоятельств не пропускал Шумахер никогда, чтобы не пользоваться каким-нибудь образом в утеснении своих соперников, и для того присоветовал перенести Канцелярию в Рисовальную и Грыдоровальную палату, а рисовальное дело перебрать в бывшую тогда внизу под нынешнею Канцеляриею Механическую экспедицию, где имел заседание Нартов, который для сего принужден был очистить место, рушить свое заседание, а инструменты и мастеровые разведены по тесным углам. Сие ж было причиною академического пожара, ибо во время сей перемены переведены были некоторые мастеровые люди в кунсткамерские палаты, в такие покои, где печи едва ли с начала сего здания были топлены и при переводе тогдашних мастеров либо худо поправлены или и совсем не осмотрены. Сказывают, что близ трубы лежало бревно, кое от топления загорелось. Разные были о сем пожаре рассуждения, говорено и о Герострате, но следствия не произведено никакого. А сторож тех покоев пропал безвестно, о коем и не было надлежащего иску. Погорело в Академии, кроме немалого числа книг и вещей анатомических, вся галлерея с сибирскими и китайскими вещами, Астрономическая обсерватория с инструментами, Готторпский большой глобус, Оптическая камера со всеми инструментами и старая Канцелярия с оставшимися в ней архивными делами, однако повреждение двору и публике показано весьма малое и о большом глобусе объявлено, что он только повредился, невзирая на то, что оного в целости ничего не осталось, кроме старой его двери, коя лежала внизу

в погребе. Для лучшего уверения о малом вреде от пожару в «Ведомостях» описано хождение по Кунсткамере некоего странствующего мальтийского кавалера Загромозы, в коем именованы оставшиеся в целости вещи, кои он, Загромоза, видел. Но если бы и то объявлено в тех же «Ведомостях» было, чего уже он в Кунсткамере не видел, то бы едва ли меньший реестр из того вышел.

§ 24

Таким образом, негодование у двора и молву в людях о сем пожаре утолив, начата несколько Академия в 1748 г. и большой глобус починивать новым образом, то есть все новое делать, прилагая всякое старание. Положено великое множество казенного иждивения и каменная палатка, где он ныне стоит, обошлась около пяти тысяч! Между тем как неудовольствие у двора охолодело, так и выстройка глобуса остановилась и в шестнадцать лет еще совсем не окончана.

§ 25

В то же время для исполнения хотя на время по стату истребованы из синодальных семинарий, из Московской, Новогородской и Невской, около тридцати человек школьников, затем что своих при Академии воспитанных не было, кроме двух из Невской семинарии принятых, что ныне профессоры Котельников и Протасов. Начались университетские лекции и учение в Гимназии с нехудым успехом. Ректором определен в Университете по регламенту профессор Миллер. И сие продолжалось, пока истребованные из духовных школ по большой части по местам не разопределились. Между тем Миллер с Шумахером и с асессором Тепловым поохолодился и для того отставлен от ректорства, а на его место определен адъюнкт Крашенинников, как бы нарочно в презрение Миллеру, затем что Крашенинников был в Сибире студентом под его командою, отчего огорчение произошло еще больше. Во время Крашенинникова ректорства произведены из Гимназии девять человек в студенты. Только то не хорошо сделал по совету Шумахерову, что для произведения не учинил прежде публичного экзамена, что, однако, профессор Ломоносов исправил, ибо нарекание от Крашенинникова и от студентов отвел экзаменом, учиненным в Профессорском собрании, и новые студенты почти все явились способны к слушанию лекций,

которые, однако, не продолжались порядочно, и студенты отчасти по-пустому шатались, живучи по городу в разных отдаленных местах для дешевых квартер, отчасти разопределились по разным академическим департаментам. Четверо из старых посланы были за море. Итак, течение университетского учения вовсе пресеклось, кроме профессора Брауна, который читал беспрерывно философские лекции, несмотря на нелюбление за то от Шумахера и на недоброхотные выговоры и советы.

§ 26

Приведши себя Шумахер в такие обстоятельства и приготовив на свою руку в зяти, в наследники и в преемники тогдашнего асессора (что ныне статский советник) Тауберта, опасался двоих в произведении сего предприятия профессоров: старого своего соперника Миллера и Ломоносова, который тогда своими сочинениями начал приходить в знаемость. И ради того стал Шумахер на сего чинить следующие нападения. Ломоносов с самого своего приезду требовал для упражнения в своей химической науке, чтобы построена была при Академии лаборатория, но через четыре года, подавав многократные в Канцелярию о том прошения, не мог получить желаемого. И, наконец, будучи произведен по апробации всего Академического собрания и по именному указу блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны за подписанием собственныя руки, получил двора повеление и сумму на лабораторию из Канцелярии от строения по представлению барона Черкасова. Для отнятия сего всего умыслил советник Шумахер и асессора Теплова пригласил, чтобы мои, апробованные уже диссертации в общем Академическом собрании послать в Берлин, к профессору Ейлеру конечно с тем, чтобы их он охулил, а приехавшему тогда из Голландии доктору Бургаву-меньшему было сказано, что он при том и химическую профессию примет с прибавочным жалованьем. И Бургав уже не таясь говорил, что он для печей в Химическую лабораторию выпишет глину из Голландии.

§ 27

Между тем Ломоносов, сие о Бургаве услышав, доложил барону Черкасову, и потому выдача денег на Лабораторию приостановлена. Также и Бургав, уведав, что ему

химическую профессию поручают в обиду Ломоносову, от того отказался. Сверх сего асессор Теплов, Ломоносову тайно показав аттестат Ейлеров о его диссертациях, великими похвалами преисполненный, объявил, что-де Шумахер хотел его определить к переводам, а от профессорства отлучить, однако-де ему не удалось. А как Ломоносов выпросил Ейлеров аттестат, то прислана к нему тотчас от Теплова цедулька, чтобы аттестат отослать неукоснительно назад и никому, а особливо Шумахеру, не показывать: в таком был он у Шумахера подобострастии. После того под смотрением и по расположению Ломоносова выстроена Химическая лаборатория, в которой он, трудясь многими опытами, кроме других исследований, изобрел фарфоровую массу, мозаичное дело и сочинил о цветах новую теорию.

§ 28

Изобретенное мозаичное художество, кое казенным произвождением развести неохотно принимались, не хотя Ломоносов вотще кинуть, просил в Правительствующем Сенате о заведении себе приватно фабрики со вспомогательными заимообразно деньгами и с жалованьем крестьян, что ему и определено. А для испрошения по сенатскому представлению крестьян необходимо ему надобно было ехать в Москву, куда перед тем незадолго двор отбыл. Для сего Ломоносов просил из Канцелярии отпускного письма, но Шумахер отказал, что он без президентского позволения дать не смеет. Но как зимний путь уже стал худеть, и Ломоносов думал, что, может, ему также от президента отказ будет и дело его весьма продлится, то испросил он позволения из Сенатской конторы, от адмирала князя Голицына, пашпорт и в Москву приехал прямо к президенту, извиняясь своею законною нуждою. Его сиятельство принял ласково и во всю бытность оказывал к нему любление. Всемилостивая же государыня благоволила подать ему довольные знаки своего высочайшего благоволения и пожаловала по желанию его деревни. Возвратясь в Санктпетербург, Ломоносов увидел в Профессорском собрании от президента оному на общее лицо репримаид в ослушании. А покойник адмирал князь Голицын показал Ломоносову также вежливый репримаид от президента в форме письма от советника Теплова, что он в чужую должность вступился, отпустив в Москву реченного Ломоносова: так противны были Шумахеру его успехи.

§ 29

Блаженныя памяти государыня императрица Е[лисавета] П[етровна] на куртаге Ломоносову через камергера Шувалова изволила объявить в бытность его в Москве, что е. в. охотно бы желала видеть российскую историю, написанную его штилем. Сие приняв он с благодарением и возвратясь в Санктпетербург, стал с рачением собирать к тому нужные материалы. (Сочиненный первый том поднесен е. в. с дедикацией в 49-м году письменный). При случае платы в награждение по задаче ста червонцев за химическую диссертацию Ломоносов сказал в Собрании профессорском, что-де он, имея работу сочинения «Российской истории», не чает так свободно упражняться в химии и ежели в таком случае химик понадобится, то он рекомендует ландмедика Дахрица. Сие подхватя, Миллер записал в протокол и, согласясь с Шумахером, без дального изъяснения с Ломоносовым, скоропостижно выписал доктора Залхова, а не того, что рекомендовал Ломоносов, который внезапно увидел, что новый химик приехал, и ему отдана Лаборатория и квартира. Помянутый Залхов был после весьма жалок. Ибо после выезду Ломоносова из квартиры, вступил асессор Тауберт, а Залхов долго скитался по наемным, от Лаборатории удаленным квартерам и не мог за химию приняться. Между тем Ломоносов с ним приятельски обходился и не дал себя привести на неповинного Залхова в огорчение. А Залхов не пристал к шумахерской стороне, за что он выгнан из России бесчестным образом, ибо не токмо прежде сроку дан ему абшид, но Тауберт, будучи уже в Канцелярии членом, без спросу и согласия и без подписания своих товарищей, коллежского советника Ломоносова и надворного советника Штелина, послал промеморию в Адмиралтейство, чтобы оная коллегия послала указ в Кронштат и приказала у оного Залхова отнять данный ему диплом как академическому члену.

§ 30

С Миллером происходило следующее около тех же времен. После бывшей комиссии в Академии для прекращения споров между Миллером и Крекшиным, о государственной фамилии Романовых происшедших, в которой для рассмотрения посажены были профессоры Штруб, Тредьяковский и Ломоносов, впал Миллер в некоторое нелюбие у г. прези-

дента и у Теплова, и тогда отнято у него ректорство и отдано Крашенинникову. Сие, чаятельно, воспоследовало оттого, что он в первом томе «Сибирской истории» положил много мелочных излишеств и, читая оное, спорил и упрямился, не хотя ничего отменить, со многими профессорами и с самим асессором Тепловым. Также, вместо самого общего государственного исторического дела, больше упражнялся в сочинении родословных таблиц в угождение приватным знатным особам. Сие казалось Шумахеру во власти опасно, и ради того старался асессору Теплову все об нем внушать и искал удобного случая.

§ 31

Между тем издана во Франции карта американских морских путешествий Чирикова и Берингова, о чем Академия немало потревожена, и Миллер должен был делать сему поправление. Около сего времени перехвачено письмо Делилево к Миллеру об академических обстоятельствах, в котором найдены презрительные речи для Академии, и для того учреждена по именному указу в Академической канцелярии следственная комиссия. Ему не велено выходить из дому, и письма его опечатаны, в коих при разборе найдено нечто непристойное. Однако по негодованиям и просьбам Миллеровых при дворе приятелей дело без дальностей оставлено.

§ 32

После того велено Миллеру для публичного акта в Академии сочинить речь или диссертацию из российской истории, к чему он избрал материю, весьма для него трудную,— о имени и начале российского народа, которая, как только без чтения перед Профессорским собранием напечатана и в Москву к президенту для апробации отослана, немедленно публичный акт отложен, и речь Миллерова отдана на рассмотрение некоторым академическим членам, которые тотчас усмотрели немало неисправностей и сверх того несколько насмешливых выражений в рассуждении российского народа, для чего оная речь и вовсе отставлена. Но Миллер, не довольствуясь тем, требовал, чтобы диссертацию его рассмотреть всем Академическим собранием, что и приказано от президента. Сии собрания продолжались больше года. Каких же не было шумов, браней и почти

драк! Миллер заелся со всеми профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменно, на иных замахивался в Собрании палкою и бил ею по столу конференцскому. И, наконец, у президента в доме поступил весьма грубо, а пуще всего асессора Теплова в глаза обесчестил. После сего вскоре следственные профессорские собрания кончились, и Миллер штрафован понижением чина в адъюнкты.

§ 33

При отъезде президентском на Украину, спустя по окончании комиссии около полугода пожалованы асессор Теплов и профессор Ломоносов в коллежские советники в Москве, сей при своей профессии, а оный при гетмане, адъюнкт Попов произведен в профессоры и Миллер прощен и из адъюнктов произведен в профессоры. И чтобы его из унижения поднять и укрепить против Ломоносова, который Шумахеру казался опасен, дабы не умалил его самовластия, для того Миллер вскоре определен секретарем и ободрен знатною прибавкою жалованья, и Географический департамент поручен ему же. Сверх того, посажен и в комиссию, которая по президентскому ордеру учреждена была для отрешения излишеств от Академии, в коей члены были коллежские советники Шумахер и Ломоносов, надворный советник Штелин и профессор Миллер.

§ 34

Причина была следующая сея комиссии.* Слух достиг и до самых внутренностей двора об излишествах, недостатках и непорядках академических, и президент услышал неприятные там речи о своем правлении. И для того послал о поправлении сего в Академическую канцелярию ордер и к советнику Ломоносову особливый, причем и приватное письмо от советника Теплова, в коих точно и ясно изображены Шумахеровы непорядки. И потому никоею мерою отрещись невозможно, что Шумахеровы непорядки были давно ведомы. С начала сея комиссии дело зачалось было изрядно, однако можно увериться, что Шумахер, будучи членом в той комиссии, которая учреждена для разбору его же непорядков, во всем доброму успеху препятствовал. И надворный советник Штелин за художества стоял больше, нежели за науки. Бывший тогда в Канцелярии секретарь Ханин искал себе асессорства и единственного смотрения над книжным печатаньем и торгом, который был всего

тягостнее наукам, старался всячески угождать Шумахеру. Наконец, комиссия кончена, и подан репорт президенту, которого исполнение могло бы хотя несколько поправить академическое состояние, однако он совсем оставлен без внимания. Отрешен только за пьянство архитектор Шумахер, однако после опять принят и поступает по-прежнему.

§ 35

Воспоследовало высочайшее повеление блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны о исправлении статов всех правлений и судебных мест, почему и в Академию Наук указ прислан, чтобы академический стат поправить и рассмотреть по идеи асессора Тауберта. Созвано для того общее Профессорское собрание, где присутствовал и советник Теплов, который как сочинитель академического стата стал в том жестоко спорить, что оный еще как новый не подлежит никакой перемене, и потому-де его оставить в своей силе. Советник Ломоносов, напротив того, представлял, что в оном стате есть много неисправностей, прекословных и вредных установлений, то-де доказывается тем, что по нему не чинится исполнения. Советник Теплов с презрением слов его не хотел слушать. Отчего дошло с обеих сторон до грубых слов и до шуму. И в собрании ничего не положено. По наговоркам Теплова отрешен был Ломоносов от присутствия в Профессорском собрании, однако при дворе законно оправдан и отрешение его письменно объявлено недействительным и ничтожным. Хотя же академический стат снова по указу из Правительствующего Сената недавно подан, яко не подлежащий к поправлению, к чему Ломоносов не подписался, но как он во всем сем прав, засвидетельствовал сам его сиятельство президент, приказав своим ордером новый академический стат сделать статскому советнику Тауберту и оному Ломоносову.

§ 36

При окончании сея главы для большего уверения худого состояния Академии в сей эпохе показать должно следующее: 1) что для таковых Академической канцелярии поступок никто не хотел из иностранных ученых вступать в академическую службу, и нужда была принимать на упалые профессорские места людей весьма посредственных, но

и те склонились нарочным увещанием. Профессор Бургав отпущен был в отечество и в другие места на академическом коште под видом академических нужд, надлежащих до книжного дела, а в инструкции его между главными пунктами было предписано, чтобы в проезде своем истреблял в. чужих краях худые мнения о нашей Академии и уверял о ее цветущем состоянии; 2) на письмо профессора Штруба к советнику Теплову, коим Штруб просил прибавки жалованья, ответствовал оный отказом, объявляя, что-де ныне «Академия без академиков, Канцелярия без членов, университет без студентов, правила без важности и наконец во всем замешательство, даже поныне неисцелимое».

Глава третия

О ПОВЕДЕНИИ КАНЦЕЛЯРИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПОСЛЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НОВЫХ В НЕЙ ЧЛЕНОВ

§ 37

При отъезде на Украину определил г. президент в Канцелярию новых членов в прибавление к статскому советнику Шумахеру: коллежского советника Ломоносова и асессора Тауберта; надворный советник Штелин сперва присутствовал по строению академических погорелых палат, а после определен и действительно канцелярским членом. Кроме известных прежде бывших непорядков, странны показались советнику Ломоносову: 1) подряды, происходящие по выстройке погоревших палат и по заведению новой Типографии асессором Таубертом и всяких починок, в коем деле не мог везде соглашаться без нарушения законов и для того записывал свой голос особливо, чему примеры показать можно; секретарь академический протестовал о таковых подрядах после того и в Правительствующем Сенате; 2) великая раздача книг в подарки без высочайшего повеления в богатых переплетах, чему и реестр персон имеется, по которому видеть можно, сколь много истрачено казны с начала Академии доныне; 3) великое множество дел, до наук ничего не надлежащих, покупки разных вещей на Типографию, в Книжную лавку, в мастеровые палаты, а особливо что по мелочам в разбивку, которыми так время тратится, что мало досугов остается стараться о главном деле — о науках, что можно усмотреть из канцелярских журналов и протоколов, на что Ломоносов многократно пред-

ставлял, чтоб оное прекратить, однако без успеху, затем что товарищи его тем больше могли себя показать многодельными и прилежными, чего они не могли показать по наукам.

§ 38

Подал советник Ломоносов в Профессорское собрание проект о делании трубы, коею бы яснее видеть можно было в сумерках, и представил давно у себя сделанный тому опыт. Физики профессор, что ныне коллежский советник Епинус делал на то объекции, почитая сие невозможным делом. Ломоносов немного после того спустя получил от камергера Шувалова присланную трубу того ж сродства, и он представлял в доказательство своей справедливости. Однако профессор Епинус не токмо слушать не хотел, но и против Ломоносова употреблял грубые слова; и вдруг вместо дружбы прежней стал оказывать неприятельские поступки. Все ясно уразумели, что то есть Таубертов промысел по Шумахерскому примеру, который ученые между профессорами споры, кои бы могли дружелюбно кончиться, употреблял в свою пользу, портя их дружбу. Все явно оказалось тем, что Епинус не токмо с Ломоносовым, но и с другими профессорами, ему приятельми, перестал дружиться, вступил в Таубертову компанию и вместо прежнего прилежания отдался в гуляние. Тауберт Епинуса везде стал выхваливать и рекомендовать и тем сделал себе два выигрыша: 1) что отвел от наук человека, который бы стал, может быть, ими действовать против него, если бы при науках остался, 2) сыскал себе в помощь недоброжелателя Ломоносову, что следующими примерами неспоримо доказуется.

§ 39

Пожалован между тем коллежский советник Теплов в статские советники. Для того Ломоносов, как в одно время произведенный прежде, подал и о своем произвождении прошение его сиятельству Академии г. президенту, что он и принял благосклонно. Советник Тауберт, уведав о сем, употребил для помешательства сему профессора Епинуса, приговорив еще к тому профессора Цейгера и адъюнкта Кельрейтера, бывшего в великой любви у Тауберта и у Миллера. Скопом пришед к президенту, просили, чтобы не воспоследовало Ломоносову произвождение,

что учинили и у других некоторых особ, имея предводителем Епинуса, а речь вел Цейгер. Почему и остановлено произвождение Ломоносова, несмотря что он уже девятый год тогда был в одном чину, служив близ тридцати лет и отправляв до четырех профессий сверх дел канцелярских; напротив того, Епинус, быв здесь едва три года по контракту, произведен коллежским советником, не показав ни малой услуги Российскому отечеству, по Таубертовой рекомендации и еще мимо старших его иностранных, усердно трудившихся в наставлении российского юношества в Университете, от чего Епинус неосновательными отговорками вовсе отказался.

§ 40

Чтение лекций коль неприятно Тауберту хотя из вышеписанного довольно уразуметь можно, также из следующих неоспоримо окажется, однако не можно не упомянуть и сего поведения. Катедра профессорская стояла в академических палатах, где читал лекции по большой части профессор Браун, которого всегдашнее старание о научении российских студентов и притом честная совесть особливой похвалы и воздаяния достойны. Тогда безо всякого определения и согласия Канцелярии прочих членов и совсем без их ведома асессор Тауберт велел оную катедру вынесть вон, которая после очутилась в Гимназии. И если бы не старание Ломоносова, то бы лекции тогда вовсе пресеклись, затем что расположение тогдашнее профессорское и студентское житье по разным квартерам требовало, чтоб катедре быть в академических палатах.

§ 41

Для сохранения российских древностей от разрушения и для удовольствия охотников представил советник Ломоносов в Академической канцелярии, чтобы списать портреты прежних государей, кои по разным столичным и удельным городам в бывших княжениях находятся в церквах при гробницах, сняв с них рисунки на бумаге, при Академии переправить чище и нагрыдоровав пустить в свет. Согласились все члены, и признан к тому довольно способным рисовальный мастер Андрей Греков. Сделано определение, и от Святейшего Синода истребован позволительный указ, чтобы его допускать для сего дела везде

в церкви. Однако Тауберт для пресечения сего дела, для того что не от него, но от Ломоносова получило свое течение, нашел способ, рекомендовав сего Грекова для обучения рисованию его императорского высочества. Что он сие учинил с зависти и злобы, то неоспоримо потому, 1) что можно бы к сему много лучших рисовальщиков сыскать, кроме Академии, и особливо, что Тауберт знал готовое уже Грекова отправление, 2) что кроме исполнения своей на Ломоносова злости отнюд бы он Грекова не рекомендовал к тому знатному месту, затем что он был свидетелем на тестя его Шумахера во время следственной на него комиссии, почему меньшего брата его, Алексея Грекова, и поныне утесняет чувствительно.

§ 42

Не токмо в академических делах Ломоносову чинены многие препятствия, но и по его приватным трудам оскорбления. Когда мозаичное дело привел он до такого совершенства, что стали многие похвалять его старание, в то время издано в «Ежемесячных сочинениях» некоторое известие о мусии, наполненное незнания о сем деле, а паче презрения сего искусства, которое ныне в Риме и здесь производится из стеклянных составов и превосходнее древнего. Сии ругательства делу, для отечества славному, от кого произошли, видно, что при конце оного сочиненьица стоят буквы В. Т. Собирает сочинения профессор Миллер, печатает Тауберт. Одному Ломоносова стихотворство, другому его «История», третьему обое, а паче всего в Канцелярии товарищество противно.

§ 43

По силе генерального регламента разделены академические департаменты президентским орденом по канцелярским членам в особливое смотрение: коллежскому советнику Ломоносову поручено Профессорское собрание, Университет, Гимназия и Географический департамент, надворному советнику Штелину — Департамент академических художеств, так же грыдорованное, резное и другие мастерства, асессору Тауберту — Типография, Книжная лавка и инструментальное дело. В сем последнем хотя Ломоносов и Штелин тогда ж и представляли, что инструментальное дело должно разделить, то есть для поделок

типографских надобностей требуется только столяр, кузнец и слесарь, а прочие, как мастер геометрических, оптических, астрономических и метеорологических инструментов, надлежат к департаменту наук, который дан в смотрение Ломоносову, однако Шумахеров и Таубертов голос больше уважены, и после того инструментальных мастеров труды почти единственно употреблены в приватные угождения, ибо по Канцелярии о происхождении дел в Инструментальной лаборатории ничего почти не известно. Также Астрономическая обсерватория и физика едва ли чем от оной пользовались не токмо в деле новых, но и в починке старых инструментов.

§ 44

Ломоносов первое по своим департаментам принял в уважение Гимназию и Университет, кои были весьма в худом состоянии, а особливо, что жили гимназисты и студенты по городу порознь, не было никакого регламента, который велено уже с начала нового стата сочинить президенту, от чего происходило, 1) что помянутые молодые люди без распорядка в классах и в лекциях профессорских не были обучаемы надлежащим образом, 2) живучи далече от Академии, не приходили в надлежащие часы к учению, а иногда и по нескольку недель отгуливали, жалованье получали многие весьма малое, и тем еще поделясь с бедными своими родительми, претерпевали скудость в пище и ходили по большой части в рубищах, а оттого и досталь теряли охоту к учению. Для отвращения сего сочинил Ломоносов с позволения президентского обоих сих департаментов статы вновь и регламенты, кои его сиятельством и апробованы, и дело пошло лучшим порядком.

§ 45

Однако в надлежащее течение привести невозможно было за невыдачею денег на учащихся, в чем советник Тауберт много противился, ибо, имея казну от Книжной лавки под своим ведением и печатью, с великим затруднением давал на Университет и Гимназию, когда статной казны в наличестве у Комиссарства не было, хотя все книжное дело и доходы произошли из академического определенного иждивения с немалым наук ущербом, так что

иногда Ломоносову до слез доходило, ибо, видя бедных гимназистов босых, не мог выпросить у Тауберта денег, видя, что не на нужные дела их употребляет. Например, дочь умершего давно пунсонщика Купия принесла после отца своего оставшие старые инструменты, которые тотчас для словолитной за 120 рублев наличных денег взяты, когда гимназистам почти есть было нечего. Таковые поступки понудили Ломоносова просить президента, чтобы Университет и Гимназия отданы были ему в единственное смотрение, и сумму по новому стату на оба сии учреждения отделять особливо с тем, чтобы Канцелярия (сиречь прочие члены) чинила ему в том всякое вспоможение. Сколько ж, напротив того, учинено препятствия, следует ниже. Однако, несмотря на оные, старанием Ломоносова начались в Гимназии экзамены и произвождение из класса в класс и в студенты и в Университете лекции; и в четыре года произошли уже двадцать человек, а в одно правление Шумахерово в тридцать лет не произошло ни единого человека.

§ 46

Успехи Гимназии и Университета коль тягостны были Тауберту, можно видеть из препятствий, учиненных вместо выше помянутого вспоможения. Профессор Модрах, бывший тогда Гимназии инспектор, принес к Ломоносову канцелярский ордер, им же, Ломоносовым, подписанный и к Модераху посланный для принятия денег на студентов и гимназистов, в котором выскоблено и на том месте написано: «и употреблять их по моим словесным приказаниям», что законам противно и, чаятельно, ничьим другим, как Таубертовым, приказанием для подыску впредь сделано.

§ 47

Когда Ломоносов сочинил статы и регламенты для Гимназии и Университета, то для лучшей исправности сообщил их для просмотрения и делания примечаний советнику Теплову и четырем профессорам. Теплов сделал примечания и трое из профессоров, кои были по большой части справедливы и приняты в уважение. Четвертый, приняв Таубертовы советы, спорил против числа студентов и гимназистов, точно его слова употребляя: что «ку-

да-де столько студентов и гимназистов? куда их девать и употреблять будет?» Сии слова твердил часто Тауберт Ломоносову в Канцелярии и, хотя ответствовано, что у нас нет природных россиян ни докторов, ни аптекарей, да и лекарей мало, также механиков искусных, горных людей, адвокатов и других ученых и ниже своих профессоров в самой Академии и в других местах, но, не внимая сего, всегда твердил и другим внушал Тауберт: «куда со студентами?»

§ 48

В представлении своем к г. президенту Ломоносов о исправлении Университета и Гимназии рекомендовал в профессоры адъюнктов Козицкого и Мотониса, одного философии, а другого греческого языка, и приводил Тауберта, чтобы на то склонился, затем что представление одного не толь важно, однако он отговаривался отчасти недостатком суммы, отчасти полагая причиною, якобы они были не прилежны, не хотят по его приказаниям ничего делать и прочая. Но не так он поступил с угодником своим Румовским и недавно с наглым Шлецером, которого непозволенным образом хочет довести в профессоры истории, о чем ниже.

§ 49

Для твердого основания Санктпетербургского университета и для его движения старался советник Ломоносов, чтоб исходатайствовать оному надлежащие привилегии и учинить торжественную инавгурацию по примеру других университетов. Для того с позволения его сиятельства Академии президента сочинил по примеру других университетов привилегию и с его апробациею и Профессорского собрания отдал переписать на пергаменте с надлежащими украшениями и со всеми принадлежностьми подал в бывшую тогда Конференцию, где оная апробована канцлером, его сиятельством графом Михаилом Ларионовичем Воронцовым контрассигнована к подписанию е. в. блаженныя памяти государыни и[мператрицы] Е[лисаветы] П[етровны] и между прочими делами предложено, но приключившиеся тогда болезни и скорая ее кончина сие пресекла. Примечания достойны при сем деле Таубертовы поступки: 1) что он об университетской инавгурации не хотел

и слушать и ради того и у проекта привилегии для подания в Придворную конференцию не подписался, которая и представлена за президентскою и Ломоносова рукою; 2) адъюнкту Протасову послан был ордер в Голландию, чтобы, не ставясь там в докторы, ехал в Санктпетербург для постановления при инавгурации; к сему Тауберт не подписался, отзываясь, что «какие-де здесь поставления в докторы, не будут-де его почитать», будто бы здешняя монаршеская власть не была толь важна, как голландская. Правда, что инавгурация за вышеписанной причиною пресеклась, однако Протасов всегда мог быть здесь доктором поставлен, но Тауберт во время тяжкой Ломоносова болезни отослал снова Протасова в Голландию для получения докторства, чем потеряно время и иждивение напрасно и авторитету академическому ущерб сделан, коея президенту в регламенте позволено производить в ученые градусы. Что же Тауберт сие учинил не для пользы Протасова, да в укоснение Университету, то явствует по тому, что после возвращения Протасова доктором при произвождении его в профессоры продолжал время, и если бы Ломоносов не ускорил, отнесши дело на дом президенту для подписания, то бы, конечно, Протасов и по сю пору был адъюнктом. Однако Тауберт и еще притом выиграл, что угодника своего Румовского наделя старшинством пред Протасовым.

§ 50

Для учреждения Университета должно было иметь профессора юриспруденции, которое место после отрешения Штрубова, что ныне канцелярским советником, было порожже. Ломоносов по рекомендации г. Голдбаха и после одобрения в Профессорском собрании (кроме Миллера) представил обер-авдитора Федоровича, который, кроме того что юриспруденции в университетах обучался, был через много лет в статской службе при Медицинской канцелярии и в Адмиралтействе и сверх других изрядно научился российскому языку и прав, почему он и принят его сиятельством. Тауберт и Миллер его и поныне ненавидят и гонят затем, что служит к учреждению Университета. Злоба ему оказана особливо в двух случаях. Научили его недоброхоты из старых студентов переводчика Поленова, который у Федоровича юридические лекции слушал, чтобы он просился за море для науки, объявляя,

что у Федоровича ничего понять не может (сия была причина посылки двух студентов за море, а не ради учения). Сие Поленова доношение было так уважено, что, не требуя от Федоровича (от профессора и учителя) никакого изъяснения и оправдания, сделано канцелярское определение мимо Ломоносова в поношение Федоровичу и в удовольствие Поленову. А студент Лепехин послан с ним для виду. После того представлял Федорович оправдание свое в Собрании профессорском, которое опровергая, Миллер не токмо ругал Федоровича бесчестными словами, но и взашей выбил из Конференции. Федорович просил о сатисфакции и оправдан профессорскими свидетельствами, однако дело еще не окончено. Инако поступил Миллер со студентом Иноходцевым, который, будучи поручен Румовскому для научения астрономии, потом подал в Канцелярию прошение, чтобы его от той науки уволить за недовольною способностию глаз, причем присовокупил, что от Румовского весьма редко слышит лекции. Посему призван сей студент перед Профессорское собрание, и жестокий учинен выговор, а доношение переписать ему велено.

§ 51

Университет и Гимназия почти с начала содержатся на наемных квартирах, на что уже издержано казны многие тысячи. Для того уже после нового учреждения сих департаментов представил Ломоносов, чтобы купить близ Академии находящийся дом Строгановых под Университет и Гимназию, и торг уже в том намерении за несколько лет продолжался, а особливо, что Троицкое подворье, где ныне Университет и Гимназия, весьма обветшало и сверх того тесно. Тауберт не казался быть тому противен до нынешней весны, когда Ломоносов за слабостию ног через худую реку в распутицу не мог толь часто в Канцелярии присутствовать и притом упражнялся в делах по повелению от двора е. в. Тогда Тауберт, без ведома и согласия Ломоносова заготовя ордер, чтобы оный дом купить под типографские и другие дела, а Университет и Гимназию совсем выключил. Оный ордер в чаянии, что заготовлен с общего совета, подписан президентом, и производится уже в нем выстройка по Таубертовым намерениям и расположениям.

§ 52

Причины, кои он показал при покупке Строгановскаго двора под книжное дело, суть следующие: 1) для помещения магазейнов типографских и Книжной лавки, 2) для кунсткамерских служителей, 3) для типографских факторов и наборщиков, 4) для квартиры нововыписанному грыдоровальщику, 5) для Анатомического театра и для профессора анатомии, 6) для профессора астрономии, 7) для помещения рисовальных учеников, 8) для переносу кунсткамерских вещей из дому Демидовых, откуду-де высылают хозяева и просят в Сенате. Сии причины коль неосновательны, из сего видно: 1) что заняты под Типографию и Книжную лавку знатная часть старых академических палат и два целые каменные дома, в один выстроенные, Волкова и Лутковского, в коих многие покои под себя занял советник Тауберт и поместил людей, до Типографии ненадобных и совсем для Академии излишних; 2) кунсткамерские и библиотечные служители могут быть на наемных квартирах, как и другие академические; 3) грыдоровальщик также может жить на наемной квартире, как и прежде его Шмид и другие художники; 4) Анатомический театр должен быть не в жилом доме, но в одиноком месте, ибо кто будет охотно жить с мертвецами и сносить скверный запах? 5) паче же всего анатомику, а особливо с фамилиею, иметь при такой мерзости свою экономию? 6) и астроном не больше имеет права жить на казенной квартире, как другие, притом же и мертвецы не будут ему приятны, когда занадобится идти в ночь на Обсерваторию; 7) рисовальные ученики живут в готовых, нарочно на то построенных квартирах и другой не требуют, к тому же они и заведены сверх стату; 8) для кунсткамерских вещей искать новой квартиры стыдно г. Тауберту, затем что починка погоревших палат идет уже около двенадцати лет, и суммы изошло тридцать тысяч, а вещей еще и по сю пору не переносит. Изо всего сего очевидно явствует, что сия покупка учинена и дом оторван от Университета и Гимназии не из важных резонов, но ради утеснения наук и препятствования Ломоносову в распространении оных, чтобы его фабрика была в лучшем состоянии, нежели науки. Хотя ж покупка учинена из книжных доходов, однако оные все возросли из суммы, определенной на науки, с ущербом оных и по справедливости требуют сии повороту.

§ 53

Столько препятствий учинено Ломоносову в учреждении Университета и Гимназии; но не меньше еще в другом порученном ему Географическом департаменте. Прежде сего разделения имел профессор Миллер оное дело в своем смотрении около семи лет, где производились только копирования ландкарт оригинальных из архива и деланы карты почтовые, планы баталий и другие, сим подобные; а о главном деле, то есть о издании лучшего «Российского атласа» с поправлениями, нижé какого начала не положено. Ломоносов, вступив в оного департамента правление, неукоснительно предпринял сочинить новый «Российский атлас» несравненно полнее и исправнее. Для сего 1) по представлению его и старанием исходатайствована от Правительствующего Сената рассылка запросных географических тридцати пунктов, в Академии апробованных, на которые и ответов прислана уже большая часть; 2) оттуду ж получен указ для двух географических экспедиций, чтобы для сочинения нового исправного атласа определить знатных мест долготы и широты астрономическими наблюдениями, к чему указы с прочетом, прогоны и спомогательные деньги уже были назначены, а план путешествия оных обсерваторов и места наблюдаемые назначены Географическим департаментом и Собранием профессорским апробованы с каждого члена особливым письменным мнением; 3) из Камер-коллегии требовано перечневое число душ из каждой деревни для знания разности их величины, чтобы в атласе не пропустить больших и не поставить бы малых и тем не потерять бы пропорции; 4) от Святейшего Синода требованы сведения о монастырях и церквах во всем государстве, поелику требуется для географии. И словом все в оном департаменте получило новое движение, и по новому сему расположению сочинено до десяти карт специальных, несравненно полнее и исправнее прежних.

§ 54

Советник Ломоносов представлял своим товарищам в Канцелярии о напечатании оных, но учинены тому великие сопротивления: 1) отговорки, что других дел много в Гридоровальной палате, и отданная уже по канцелярскому приказу Санктпетербургской губернии карта для

дела без ведома оного Ломоносова взята от грыдо[ро]вальщика, и велено ему другое делать. После, во время жестокой болезни Ломоносова, отданы сочиненные карты на рассмотрение в Профессорское собрание и, хотя все похвалены, однако по мнению профессора Миллера печатания не удостоены, якобы он приметил неисправности в наименованиях чухонских деревень, кои, однако, никакой важности не заключают. После того другой раз оные карты свидетельствованы и апробованы, однако уже времени между тем немало утрачено, и сочинение далее карт не может быть исправно без астрономических наблюдений, которые остановлены также по зависти, против стараний Ломоносова. Остановлена посылка обсерваторов разными образы. По истребовании от Правительствующего Сената всех надобностей для помянутых экспедиций, Тауберт представил, что оных отправить без позволения президентского не должно, против чего и прочие члены, не хотя спорить, писали от Канцелярии о том к его сиятельству на Украину, на что, однако, не воспоследовало никакого решения. Чаятельно, что Тауберт послал приватно спорное туда ж представление, как по всем его поступкам в рассуждении сего дела заключить можно. Лучший из числа назначенных обсерваторов, Курганов, который был истребован от Адмиралтейской коллегии для сей экспедиции в академическую службу, скучив ожиданием, отпросился в прежнюю команду. Красильников между тем стал старее и дряхлее. Румовский письменно отказался. Кроме сего, недоставало к оным экспедициям астрономических квадрантов: такая скудость астрономических инструментов на Обсерватории! Несмотря на то, что от Сената получено после пожара на оные 6000 рублев, на кои куплен только большой квадрант за 180 р., а прочая сумма на мелочи истрачена. Оные квадранты советник Тауберт взялся из Англии выписать, да опять и отказался, хотя то нередко и приватным в угождение делает. А после обещался надворный советник Штелин, но и тот тянул весьма долго; а особливо, что оные квадранты лежали долго в пакгаузе и в Канцелярии, наконец, появились, тогда как паче ожидания получен от его сиятельства ордер, чтобы оные экспедиции приостановить, а Тауберту и Ломоносову сочинить проекты и представить ему снова. Ломоносов оное исполнил, а от Тауберта еще ничего не видно. И так сие дело без произвождений осталось.

§ 55

Когда Ломоносов от своей долговременной болезни несколько выздоровел и стал в 1763 году в Канцелярию для присутствия ездить, тогда объявил Тауберт ордер президентский, чтобы Географический департамент поручить Миллеру, якобы затем что в оном департаменте происходят только споры и не издается ничего в свет нового. Примечания достойно, что оный ордер дан в августе 1762, когда Ломоносов был болен, а объявлен в генваре 1763 года, когда он стал в Канцелярии и в Конференции присутствовать и стараться о произвождении нового атласа. Причина видна, что Тауберт выпросил у президента такой ордер в запас, что ежели Ломоносов не умрет, то оный произвести, чтоб Миллер мог в географическом деле Ломоносову быть соперник; ежели ж умрет, то оный уничтожить, дабы Миллеру не дать случая себя рекомендовать географическими делами. Оба сии тогда друзья, когда надобно нападать на Ломоносова, в прочем крайние между собою неприятели. Оный ордер не произведен в действие, ибо Ломоносов протестовал, что 1) о Географическом департаменте донесено президенту ложно, 2) что оный ордер просрочен и силы своей больше не имеет.

§ 56

В прошлом 1763 году е. и. в. всемилостивейшая государыня, приняв от Ломоносова апробованный в Собрании план географических экспедиций (§ 53) и рассмотрев оный, благоизволила послать в Академию справиться, что о таком измерении России было ли когда рассуждение. На сие ответствовано мимо оного Ломоносова, чрез статского советника Тауберта от Миллера, якобы того предприятия не бывало при Академии, а об оном апробованном плане ничего не упомянуто, который был причиною сего всемилостивейшего вопроса.

§ 57

При случае явления Венеры в Солнце употребляя Тауберт Епиносово к себе усердие и зная его прихотливые и своенравные свойства, научил в обиду Красильникову и Курганову, старым обсерваторам (кои, конечно, в сей практике ему не уступают и за то почитаемы были от прежних здешних астрономов), дабы он требовал наблю-

дения чинить себе одному, их не допуская, на что оные просили в Правительствующем Сенате, и было им приказано наблюдать вместе с Епинусом. Однако он, несмотря на то повеление, ниже на прежде бывшие таковых и потом оказавшиеся самых Венериных обсерваций явные примеры, что могут быть и другие искусные обсерваторы вместе с главным, от дела отказался и оное испортил, ибо вскоре по его требованию Тауберт приказал, чтобы часовой мастер Бартело взял лучшие инструменты с Обсерватории, чем учинено Красильникову и Курганову великое препятствие из одного только упрямства и высокоумия Епинусова для отнятия чести у таких обсерваторов, а особливо у Красильникова, коего наблюдения, учиненные для измерения России от дальних Камчатских берегов до острова Дага в Европе, известны и одобрены от двух Делилей, славных и искусных астрономов, и от профессора астрономии Гришева. А советника Епинуса тогда не было и нет еще и поныне таких наблюдений астрономических, кои бы ученый свет удостоил отменного внимания. Сие самолюбие и от того происшедшее помешательство не токмо наукам препятственно, но и нарекательно, ибо злоба Таубертова и Епинусова до того достигла, что они, бегаючи по знатным домам и в дом государский, ложными представлениями или лучше буйными криками заглушали оправдания самой неповинности перед высочайшими особами.

§ 58

Не довольно того, что внутрь домашних пределов произвели они такое беспокойство, но и во внешние земли оное простерли. Парижский астроном Пингре напечатал о санктпетербургских наблюдениях весьма поносительно, и видно, что он наущен от здешних Красильникову и Курганову соперников, ибо, кроме других примет, в оном поношении присовокуплен к российским обсерваторам и профессор Браун, который не делал нарочных наблюдений Венеры для публики, но ради своего любопытства, и не издал здесь в печать. А что на Брауна уже не первый раз они нападают за его несклонность к их коварствам, то свидетельствует их поступок, когда он ртуть заморозил, ибо Миллер писал в Лейпциг именем Академии без ее ведома, якобы начало сего нового опыта произошло от профессора Цейгера и Епинуса, и Брауну якобы по случаю удалось, как петуху, сыскать жемчужное зерно.

§ 59

Напротив того, когда Румовской обещаниями и ласканиями Таубертовыми склонился к тому, чтобы помогать оному против Ломоносова и других своих одноземцев, хотя не имел удачи учинить наблюдения проходящей по Солнцу Венеры, как он в своем письме из Нерчинска к Ломоносову признается, однако по возвращении его в Санктпетербург выведено наблюдение, по другим примерам снорoвленное, в чем Епинус много больше сделал, нежели сам Румовской, и сверх того требованы наставления от других астрономов вне России. Что же Румовской наущен на Ломоносова, то явствует заключение его оптических известий, читанное в публичном собрании, где некстати прилеплена теория о свете. Но Румовского в сей материи одобрение не важно и охуление не опасно, как от человека в физике не знающего.

§ 60

Выписанный еще при Гришове большой астрономический квадрант, который около десяти лет лежит без употребления, вздумал статский советник Тауберт с общего совета с советником Епинусом поднять на Обсерваторию, что удобному употреблению, практике и самим примерам в Европе противно. И для того статский советник Ломоносов и надворный советник, астрономии профессор Попов представляли, что оный квадрант на высокой башне поставлен быть не должен для шатости, ибо мелкие его разделения больше чувствуют переменные шатания высокого строения, нежели небольших квадрантов, от коих не требуется таких точностей. На все сие невзирая, намерение их исполнено, и поднят не токмо оный тяжелый квадрант, но и для его укрепления камень около тысячи пуд в бесполезную излишнюю тягость башне, в излишнюю беспрочную трату казны и в напрасную трату времени, которая и поныне продолжается купно с беспрерывными перепочинками, кои казне стоят многие тысячи, а пользы никакой по наукам нет, кроме тех, коим всегдашние подряды для поделок и переделок прибыль приносят.

§ 61

Для вспоможения в сочинениях профессору Миллеру принят в Академию адъюнктом титулярным некто иноземец Шлёцер, который показался Трауберту весма удо-

бным к употреблению в своих происках. И ради того приласкал его к себе, отвратив и отманив от Миллера, везде стал выхвалять и, видя его склонность к наглым поступкам, умыслил употреблять в нападках своих на Ломоносова, а чтобы его подкрепить, рекомендовал для обучения детей президентских. Первый прием на Ломоносова был, чтобы пресечь издание Ломоносова «Грамматики» на немецком языке: дал все способы Шлёцеру, чтобы он, обучаясь российскому языку по его «Грамматике», переворотил ее иным порядком и в свет издал, и для того всячески старался останавливать печатание оныя, а Шлёцерову ускорял печатать в новой Типографии скрытно, которой уже и напечатано много листов, исполненные смешными излишествами и грубыми погрешностями, как еще от недалеко знающего язык российский ожидать должно, купно с грубыми ругательствами. Сие печатание хотя российским ученым предосудительно, казне убыточно и помешательно печатанию полезнейших книг, однако Тауберт оное производил для помешательства или по малой мере для огорчения Ломоносову.

§ 62

По указу Правительствующего Сената переведены китайские и манжурские книги о состоянии тамошних народов переводчиками Россохиным и Леонтьевым на российский язык для государственной пользы, и велено их напечатать при Академии 1762 года в...[1] Оные книги, как дорогою ценою купленные и немалым иждивением и трудом переведенные и в Европе еще не известные, надобно было издать неукоснительно для чести Академии и чрез людей российских, однако Тауберт не обинулся отдать оному же Шлёцеру, чтобы сделал экстракт для напечатания, человеку чужестранному, быдьто бы своих столько смыслящих при Академии не было или в другой какой команде, человеку едва ли один год в России прожившему. Сие ж учинил Тауберт без общего ведома и согласия прочих членов и без позволения от Сената, самовластно. Однако ж, что сделано по сему Шлёцером, неизвестно. Может быть, сделан экстракт на немецком языке и сообщен в чужие государства.

[1] Многоточие — в подлиннике.

§ 63

Мало показалось Тауберту и сего дела для Шлёцера, ибо он его выхваляет почти всемощным. Присоветовал сочинять ему и российскую историю, дал позволение брать российские манускрипты из Библиотеки, хранящиеся в особливой камере, которые бы по примерам других библиотек должно хранить особливо от иностранных. Оные книги Шлёцер не токмо употреблял на дому, но некоторые и списывал. Надеясь на все таковые подкрепления от Тауберта, подал в Профессорское собрание представление, что он хочет сочинять российскую историю и требует себе в употребление исторические сочинения Татищева и Ломоносова в крайней сего обиде, который будучи природный россиянин, зная свой язык и деяния российские достаточно, упражнявшись в собирании и в сочинении российской истории около двенадцати лет, принужден терпеть таковые наглости от иноземца, который еще только учится российскому языку.

§ 64

В начале нынешнего лета требовал Шлёцер отпуску в отечество на три месяца и как заподлинно уверял, что он с профессором Цейгером вместе поедет. Сверх того и в «Геттингенских ученых ведомостях» напечатано, что Шлёцер там объявлен профессором. Наконец исканное для него здесь историческое профессорство всякими Таубертовыми мерами, не так, как о Козицком, Мотонисе и Протасове, и несмотря на то, что есть два профессора истории — Миллер и Фишер, также и Ломоносов действительно пишет российскую историю,— не удалось. То скорый отъезд его из России был отнюд не сумнителен. Между тем профессор Миллер неоднократно жаловался на Тауберта в Профессорском собрании, что он все историческое дело старается отдать Шлёцеру, вверил ему всю российскую библиотеку, так что Шлёцер выписывает и переписывает что хочет, на что писцов наймует, а одного-де и нарочно держит, о чем-де он не для чего другого так старается, как чтобы, выехав из России, не возвратиться, а изданием российских исторических известий там наживать себе похвалу и деньги. Ломоносов, ведая все прежнее и слыша Миллеровы основательные жалобы и представления и опасаясь, чтобы не воспоследовали такие ж

неудовольствия, какие были прежде от иностранных из России выезжих, не мог для краткости времени, не терпящего ни малого умедления, и для отсутствия президентского и не должен был преминуть, чтобы о том для предосторожности не объявить Правительствующему Сенату, о чем ныне дело производится. Позволение от Тауберта Шлёцеру брать и переписывать российские неизданные манускрипты есть неоспоримо. Тауберт, как видно, хочет тем извиниться, что будьто бы в сем позволении в переписке не было никакой важности, однако ему противное тому доказано будет.

Глава четвертая

ПРИМЕЧАНИЯ И СЛЕДСТВИЯ

§ 65

Рассматривая все вышеписанное, которое доказывается живыми свидетельми, письменными документами, приватными и публичными, неоспоримо и обязательно удостоверен быть должен всяк, что Канцелярия академическая основана Шумахером для его властолюбия над учеными людьми и после для того утверждена по новому стату и регламенту к великому наукам утеснению, ибо 1) имел он в ней способ принуждать профессоров удержанием жалованья или приласкать прибавкою оного; 2) принятием и отрешением по своей воли, не рассуждая их знания и достоинств, но токмо смотря, кто ему больше благосклонен или надобен; 3) всевал между ними вражды, вооружая особливо молодших на старших и представляя их президентам беспокойными; 4) пресекал способы употреблять им в пользу свое знание всегдашною скудостию от удержки жалованья и недостатком нужных книг и инструментов, а деньги тратил по большой части по своим прихотям, стараясь завести при Академии разные фабрики и раздаривать казенные вещи в подарки, а особливо пользоваться для себя беспрестанными подрядами, покупками и выписыванием разных материалов из-за моря; 5) для того всячески старался препятствовать, чтобы не вошли в знатность ученые, а особливо природные россияне, о чем Шумахер так был старателен, что еще при жизни своей воспитал, обучил, усыно-

вил подобного себе коварствами, но превосходящего наглостию Тауберта и Академическую канцелярию и Библиотеку отдал ему якобы в приданое за своею дочерью.

§ 66

Сие было причиною многих приватных утеснений, кои одне довольны уже возбудить негодование на канцелярские поступки, ибо не можно без досады и сожаления представить самых первых профессоров Германа, Бернулиев и других, во всей Европе славных, кои только великим именем Петровым подвиглись выехать в Россию для просвещения его народа, но, Шумахером вытеснены, отъехали, утирая слезы. Утеснение советника Нартова и, кроме многих других, нападки на Ломоносова, который Шумахеру и Тауберту есть сугубый камень претыкания, будучи человек, наукам преданный, с успехами и притом природный россиянин, ибо кроме того, что не допускали его до химической практики, хотели потом отнять химическую профессию и определить к переводам, препятствовали в издании сочинений, отняли построенную его рачением Химическую лабораторию и готовую квартеру, наущали на него разных профессоров, а особливо Епинуса, препятствовали в произвождении его рез посольство Епинуса с Цейгером и Кельрейтером, препятствовали в учреждении Университета, в отправлении географических экспедиций, в сочинении «Российского атласа» и в копировании государских персон по городам. Не упоминая, что Тауберт и ныне для причинения беспокойств Ломоносову употребляет Шлёцера, не обинулся он прошлого 1763 года, призвав в согласие Епинуса, Миллера и адъюнкта Географического департамента Трескота, сочинил скопом и заговором разные клеветы на оного и послал в Москву для конечного его опревержения, так что Ломоносов от крайней горести, будучи притом в тяжкой болезни, едва жив остался.

§ 67

Сие все производя, Шумахер и Тауберт не почитали ни во что нарекание, которое наносили президентам, от таких непорядков на них следующее неотменно. Правда, что Блументрост был с Шумахером одного духа, что ясно доказать можно его поступками при первом основании Академии, и Ломоносов, будучи участником при учреж-

дении Московского университета, довольно приметил в нем нелюбия к российским ученым, когда Блументрост назначен куратором и приехал из Москвы в Санктпетербург: ибо он не хотел, чтобы Ломоносов был больше в советах о университете, который и первую причину подал к основанию помянутого корпуса. После Блументроста бывшие Кейзерлинг и Корф, хотя и старались о исправлении наук, однако первый был на краткое время и не мог довольно всего осмотреть, а второй действительно старался о новом стате и о заведении российских студентов, однако больше нежели надобно полагался на Шумахера, который сколько об оных радел, явствует из вышеписанного. Наконец, нынешний президент, его сиятельство граф Кирила Григорьевич Разумовский, будучи от российского народу, мог бы много успеть, когда бы хотя немного побольше вникал в дела академические, но с самого уже начала вверился тотчас в Шумахера, а особливо, что тогдашний асессор Теплов был ему предводитель, а Шумахеру приятель. Главный способ получил Шумахер к своему самовластию утверждением канцелярского повелительства регламентом, особливо последним пунктом о полномощии президентском, ибо ведал Шумахер наперед, что когда без президента ничего нельзя будет в Академии сделать, а он будет во всем на него полагаться, то конечно он полномощие при себе удержит. Сей-то последний пункт главный есть повод худого академического состояния и нарекания нынешнему президенту. Сей-то пункт Шумахер, Теплов и Тауберт твердили беспрестанно, что честь президентскую наблюдать должно и против его желания и воли ничего не представлять и не делать, когда что наукам в прямую пользу делать было надобно. Но как президентская честь не в том состоит, что власть его велика, но в том, что ежели Академию содержит в цветущем состоянии, старается о новых приращениях ожидаемыя от ней пользы, так бы и сим поверенным должно было представлять, что к чести его служит в рассуждении общей пользы, а великая власть, употребленная в противное, приносит больше стыда и нарекания.

§ 68

Вышепоказанными вредными происками, утеснениями профессоров, шумами и спорами, а особливо посторонними, до наук не надлежащими делами коль много в сорок

лет времени потеряно, то можно видеть из худых в науках успехов, из канцелярских журналов, которые наполнены типографскими, книгопродажными, грыдоровальными и другими ремесленными и торговыми делами, подрядами и покупками, а о ученых делах редко что найдется, хотя они через Канцелярию в действие происходить должны по реченному стату. Если бы хотя Университет и Гимназия были учреждены сначала, как ныне происходят, под особливым смотрением Ломоносова, где в четыре года произведены двадцать студентов, несмотря на чувствительные ему помешательства, то бы по сие время было бы их в производстве до двухсот человек и, чаятельно, еще бы многочисленнее, затем что за добрым смотрением дела должны происходить с приращением. А сие коль надобно в России, показывает великий недостаток природных докторов, аптекарей и лекарей, механиков, юристов, ученых, металлургов, садовников и других, коих уже много бы иметь можно в сорок лет от Академии, ежели бы она не была по большой части преобращена в фабрику, не были бы утеснены науки толь чувствительно и не токмо бы наставления не пресекались, как выше показано, но и власть бы монаршеская, которая явствует в регламентах Академическом и в Медицинском, употреблена была на поставление в градусы, чего сколько Тауберт не хотел, явствует выше из примера с Протасовым.

§ 69

Какое же из сего нарекание следует российскому народу, что по толь великому монаршескому щедролюбию, на толь великой сумме толь коснительно происходят ученые из российского народа! Иностранные, видя сие и не зная вышеобъявленного, приписывать должны его тупому и непонятному разуму или великой лености и нерадению. Каково читать и слышать истинным сынам отечества, когда иностранные в ведомостях и в сочинениях пишут о россиянах, что-де Петр Великий напрасно для своих людей о науках старался и ныне-де дочь его Елисавета без пользы употребляет на то ж великое иждивение. Что ж таковые рассуждения иностранных происходят иногда по зависти и наущению от здешних недоброхотов российским ученым, то свидетельствует посылка с худым намерением к Ейлеру сочинений Ломоносова и после того бессовестное их ругание в «Лейпцигских ученых сочинениях», несмотря

что они уже Академиею апробованы и в «Комментариях» были напечатаны, чего ведомостщики никогда бы не сделали из почтения к сему корпусу, когда бы отсюда не побуждены были. Однако ж Ломоносов опроверг оное публично довольными доводами. Какое же может быть усердие у россиян, учащихся в Академии, когда видят, что самый первый из них, уже через науки в отечестве и в Европе знаемость заслуживший и самим высочайшим особам не безызвестный, принужден беспрестанно обороняться от недоброжелательных происков и претерпевать нападения почти даже до самого конечного своего опровержения и истребления?

§ 70

Наконец, по таковым пристрастным и коварным поступкам не мог инако состоять Академический корпус, как в великом непорядке и в трате казны не на то, к чему она определена, но на оные разные издержки, до наук не надлежащие. От сего произошло, что хотя Академическое собрание и прочие до наук надлежащие люди при Академии никогда в комплете не бывали и надобности к ученым департаментам почти всегда недоставали, однако претерпевать должны были в выдаче жалованья скудость, что и ныне случается. Между тем в Академическое комиссарство с начала нового стата по 1759 год в остатке должно б было иметься в казне 65 701 р., а поныне, чаятельно, еще много больше. Но сие все исходит на беспрестанные починки и перепочинки и на содержание излишних людей, ибо на выстройку погоревших палат, кроме двадцати трех тысяч, истребованных на то от Сената, употреблено академических близ трех тысяч рублев по 1759-тый год, за починку домов академических и наемных и за наем семнадцать тысяч в 8 лет, за выстройки каменной палатки под глобус полшесты тысяч рублев, а после того издержаны многие тысячи на разные перестройки и на покупки вещей наместо погоревших в Кунсткамеру, не считая дарения книг, при Академии печатанных, коих нередко расходится даром близ ста экземпляров, немало в дорогих переплетах, не упоминая починки или лучше нового строения глобуса. Для всех сих каковы бывают подряды, можно усмотреть из представления о том Канцелярии академической от Ломоносова и из доношения в Сенат от секретаря Гурьева. Также и о всей экономии заключить из того можно, что Тауберт на своей от президента данной

квартере, на Волкова доме чинит постройки и переделки без ведома канцелярского. О состоянии Библиотеки и Кунсткамеры не подаются в Канцелярию никогда никакие репорты, и словом нет о том почти с начала никаких ведомостей. Книжная лавка, а особливо же иностранная, производится без счетов, в Канцелярии видимых, и книгопродавец Прейссер, который был за двадцать лет под арестом по Нартовской комиссии, ныне умер безо всякого следствия и счету.

§ 71

Между тем науки претерпевают крайнее препятствие, производятся новые неудовольствия и нет к лучшему надежды, пока в науках такой человек действовать может, который за закон себе поставил Махиавелево учение, что все должно употреблять к своим выгодам, как бы то ни было вредно ближнему или и целому обществу. Едино упование состоит ныне по бозе во всемилостивейшей государыне нашей, которая от истинного любления к наукам и от усердия к пользе отечества, может быть, рассмотрит и отвратит сие несчастие. Ежели ж оного не воспоследует, то верить должно, что нет божеского благоволения, чтобы науки возросли и распространились в России.

<ОТЧЕТ О ЗАВЕРШЕННЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ НАУЧНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТАХ>

Не позднее 19 января 1764 г.

Отрывок

<...>

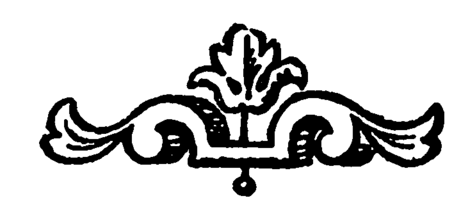
VII. Старание его вообще о академическом благосостоянии и особливо по департаментам, в его смотрение как члену канцелярскому по силе генерального регламента порученным.

1) Старался о соединении рассеянных по разным местам академических департаментов, для многих важных в пользу служащих причин, кои показаны в его представлении Канцелярии и в прошении, поданном от его

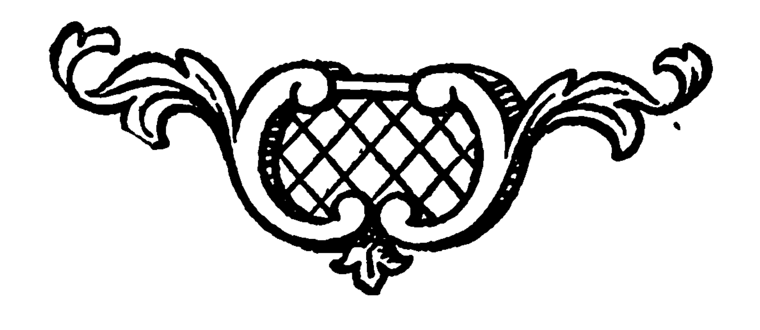
в Правительствующий Сенат. Для сего нужного дела расположены его старанием для житья, учения и для всех других нужд департаменты и покои и сделан примерный счет, во что все строение станет; все представлено Правительствующему Сенату.

2) Старался весьма о приведении в порядок Географического департамента и для того: 1) произвел в действие сочинение российского нового атласа, о коем прежде его чрез двенадцать лет не было старания; сочиненные под его предводительством карты уже грыдируются[1]; 2) исходатайствовал чрез Правительствующий Сенат географические известия изо всех городов российских по 30-ти пунктам, для того напечатанным и разосланным, и уже половина оных получена в Академию; 3) обретающимся при Географическом департаменте геодезистам и студентам прежде не показываны были сочинения ландкарт, кроме копировки, а его старанием ныне уже некоторые обучены ландкартному делу и могут оные составлять без предводительства; 4) его же старанием учреждены географические экспедиции по всему Российскому государству для наблюдения знатнейших мест долготы и широты для точнейшего сочинения «Российского атласа» и исходатайствованы в Правительствующем Сенате для подъему езды всякие нужные потребности; 5) также старался получить известия от Святейшего Синода о монастырях и церквах, а от Камер-коллегии о количестве душ для различения величины городов и деревень. <...>

[1] Гравируются.



ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ОБЩЕСТВА КОЛЬ РАДОСТНО ТРУДИТЬСЯ



<ДОНОШЕНИЕ В АКАДЕМИЮ НАУК О ВЫДАЧЕ ЖАЛОВАНЬЯ ЗА МЕСЯЦ>

30 мая 1743 г.

В Академию Наук в Канцелярию доносит той же Академии адъюнкт Михайла Ломоносов, а о чем мое доношение, тому следуют пункты:

1

Сего маия 28 дня, по данному в Следственную о Академии Наук комиссию от профессоров Винсгейма с товарищи на меня якобы во бесчестье прошению, содержусь я во оной комиссии под арестом без ведома Академии Наук напрасно. А понеже от невыдачи долговременного жалованья в содержании себя имею в деньгах немалую нужду,

того ради Академию Наук покорно прошу для вышеписанной моей нужды выдать мне жалованье за месяц.

И о сем моем доношении милостивое решение учинить.

К сему доношению
адъюнкт Михайло Ломоносов
руку приложил

Маия дня
1743 года

<ДОНОШЕНИЕ В АКАДЕМИЮ НАУК ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ИЗ-ПОД СТРАЖИ>

23 июня 1743 г.

В императорскую Академию Наук доносит тоя же Академии Наук адъюнкт Михайло Ломоносов, а о чем мое доношение, тому следуют пункты:

1

Минувшего майя 27 дня сего 1743 года в Следственной комиссии били челом на меня, нижайшего, профессоры Академии Наук якобы в бесчестии оных профессоров, и по тому их челобитью приказала меня помянутая Комиссия арестовать, под которым арестом содержусь я, нижайший, и по сие число, отлучен будучи от наук, а особливо от сочинения полезных книг и от чтения публичных лекций.

2

А понеже от сего случая не токмо искренняя моя ревность к наукам в упадок приходит, но и то время, в которое бы я, нижайший, других моим учением пользовать мог, тратится напрасно, и от меня никакой пользы отечеству не происходит, ибо я, нижайший, нахожусь от сего напрасного нападения в крайнем огорчении.

И того ради императорскую Академию Наук покорно прошу, дабы соблаговолено было о моем из-под ареста освобождении для общей пользы отечества старание приложить и о сем моем доношении учинить милостивое решение.

Сие доношение писал
адъюнкт Михайло Ломоносов
и руку приложил

Июня дня
1743 года

<ДОНОШЕНИЕ В АКАДЕМИЮ НАУК О ВЫДАЧЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ НЬЮТОНА>

21 июля 1743 г.

В Академию Наук доносит тоя же Академии адъюнкт Михайло Ломоносов, а о чем, тому следуют пункты:

1

Потребна мне, нижайшему, для упражнения и дальнейшего происхождения в науках математических Невтонова «Физика» и «Универсальная аритметика», которые обе книги находятся в Книжной академической лавке.

2

Того ради Академию Наук покорнейше прошу, дабы повелено было помянутые книги выдать из Книжной лавки на счет моего жалованья сего 1743-го года и о том милостивое решение учинить.

Доношение писал адъюнкт
Михайло Ломоносов и руку приложил

Июля дня
1743 года

<ТРЕТЬЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В АКАДЕМИЮ НАУК ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ>

Март 1745 г.

В императорскую Академию Наук представляет тоя же Академии адъюнкт Михайла Ломоносов, а о чем, тому следуют пункты.

1

В прошлых 1742 и 1743 годех в генваре и майе месяце подал я в Академию Наук представление двоекратно о

учреждении Химической лаборатории при оной Академии, однако на те мои представления не учинено никакого решения.

2

Императорской Академии Наук довольно известно, что химические эксперименты к исследованию натуральных вещей и к приращению художеств весьма нужны и полезны и что другие академии чрез химию много прежде неслыханных натуральных действ находят в пользу физики и художеств и тем получают себе не меньше пользы и славы, нежели от других высоких наук. Итак, Академия Наук ясно видеть может, коль великого и нужного средствия к исследованию натуры и к приращению художеств без Химической лаборатории она не имеет.

3

И хотя имею я усердное желание в химических трудах упражняться и тем отечеству честь и пользу приносить, однако без лаборатории принужден только однем чтением химических книг и теориею довольствоваться, а практику почти вовсе оставить и для того от ней со временем отвыкнуть.

Того ради императорскую Академию Наук третично покорнейше прошу, дабы повелено было при оной Академии, в удобном месте учредить Химическую лабораторию с принадлежащими к тому инструментами и материалами, а как оную лабораторию учредить надлежит, о том покорнейше предлагаю при сем проект и план.

Академии Наук адъюнкт Михайла Ломоносов

Марта дня
1745 году

<ПИСЬМО И.-Д. ШУМАХЕРУ>

1 мая 1745 г.

Перевод

Благородный высокочтимейший господин советник.

Мне хорошо известно, что ваше благородие заняты многими и более важными делами, так что мое прошение не могло быть тотчас же рассмотрено в Канцелярии. Меж-

ду тем, моя покорнейшая просьба к вашему благородию не простирается далее того, чтобы о моем прошении чем скорее, тем лучше было доложено Конференции, чтобы я знал наконец, как обстоит дело со мною, и признан ли я достойным того, на что долгое время надеялся. Ваше благородие изволили дать мне понять, что мне следовало бы повременить вместе с другими, которые тоже добиваются повышения. Однако мое счастие, сдается мне, не так уж крепко связано со счастием других, чтобы никто из нас не мог опережать друг друга или отставать один от другого. Я могу всепокорнейше уверить ваше благородие, что милостью, которую вы легко можете мне оказать, вы заслужите не только от меня, но и от всех знатных лиц нашего народа бóльшую благодарность, чем вы, быть может, предполагаете. В самом деле, вам принесет более чести, если я достигну своей цели при помощи вашего ходатайства, чем если это произойдет каким-либо другим путем. Я остаюсь в твердой уверенности, что ваше благородие не оставите мою нижайшую и покорнейшую просьбу без последствий, а, напротив, соблаговолите помочь моему повышению скорой резолюцией. Пребываю в полном высокопочитании

вашего благородия,
милостивого государя моего,
преданнейшим и покорнейшим слугою
М. Ломоносов

1 мая 1745 г.

<ПИСЬМО Л. ЭЙЛЕРУ>

16 февраля 1748 г.

Перевод

Ученейшему и знаменитейшему мужу Леонарду Эйлеру,
члену славной Берлинской королевской академии наук
и выдающемуся королевскому профессору
Михайло Ломоносов
желает много здравствовать.

Письмо ваше, знаменитейший муж, на имя его сиятельства нашего президента, где вы соблаговолили отозваться наилучшим образом о моих работах, доставило мне

величайшую радость. Считаю, что на мою долю не могло выпасть ничего более почетного и более благоприятного, чем то, что мои научные занятия в такой степени одобряет тот, чье достоинство я должен уважать, а оказанную мне благосклонность ценить превыше всего, тот, у кого велики в ученом мире и заслуги и влияние. Поэтому, прочитав переданное нашим почтеннейшим коллегой Тепловым свидетельство ваше обо мне, я решил, что нельзя было бы не осудить меня, если бы я обошел молчанием столь великое ваше одолжение. Отплатить за ваше благодеяние не могу ничем иным, как только тем, что, храня благодарную память, буду продолжать дело, которое вы по вашей исключительной доброте одобряете, и непрестанно прославлять во всяком месте и во всякое время вашу справедливость в оценке чужих трудов. Как ни приятно ваше теперешнее благоволение, однако будет еще гораздо более радостно, если по доброте вашей можно будет пользоваться им и впредь. Не сомневаюсь в том, сколь великим будет для меня благом, если вы не сочтете меня недостойным беседовать с вами письменно. Ваш чрезвычайно лестный для меня совет, переданный мне через почтеннейшего Шумахера, внушил мне сильное желание написать рассуждение о рождении селитры, которое я решил, посильно его разработав, послать к назначенному сроку в славную Берлинскую академию на соискание премии.

Будьте здоровы, знаменитейший муж, и продлите благосклонность, оказанную моим занятиям.

Петербург, 16 февраля юлианского стиля, 1748 г.

<ПИСЬМО Г. Н. ТЕПЛОВУ>

22 апреля 1748 г.

Милостивый государь мой Григорей Николаевич!

Хотя должность моя и требует, чтобы по присланному ко мне ордеру сделать стихи с немецкого, однако я того исполнить теперь не могу, для того что в немецких виршах нет ни складу, ни ладу. Итак, таким переводом мне себя пристыдить весьма не хочется и весьма досадно, чтобы такую глупость перевесть на российский язык и к

такому празднеству. И ежели бы я от них отступить осмели[л]ся, то, не имея никакого к тому плана, не знаю, чего держаться. И всё сего дела поведение очень чудно. Кто бы не засмеялся той музыке, когда бы двое, согласившись петь, один бы выпускал голос без всякого движения рта, а другой бы поворачивал губами, языком и гортанью? Но почти то же делается, когда один составляет изображения для иллуминаций, а другой надписи. И потому не дивно, что мне мало таких иллуминаций видать случилось, где бы, кроме разноцветных огней, что-нибудь удивления достойное было. Я думаю, что лучше б было, когда бы Артиллерийская канцелярия чрез сношение от Академии требовала изобретения к иллуминации и с надписаниями. Что до нынешнего надлежит, то извольте требовать от Артиллерии плана и ко мне прислать, что сегодни сделать можно, а к завт[р]ешнему дню будет у меня готово. Впрочем, со всяким почтением пребываю

вашего высокоблагородия
покорнейший слуга
Михайла Ломоносов

Апреля 22 дня
1748 года

<ПИСЬМО К. Г. РАЗУМОВСКОМУ>
12 июля — 3 сентября 1748 г.

Сиятельнейший граф,
милостивый государь Кирил Григорьевич!

Ведая, что ваше сиятельство имеете к наукам любовь и ревность, равную той власти, которая вам поручена от всемилостивейшей монархини нашей к правлению и распространению оных, принимаем дерзновение утруждать ваше сиятельство вторичным поданием нижайшего нашего прошения о рангах. И как мы надеемся, что наше нижайшее прошение справедливо, так и уповаем несомненно, что вашего сиятельства праведное изволение на то к совершенному нашему удовольствию воспоследует. Ваше сиятельство чрез особливую е. и. в. к вам высочайшую милость имеет случай в рассуждении сего сделать два великие дела, то есть, исходатайствовав нам ранги, умножить

в российском народе почтение и охоту к наукам, а себе тем приобрести вечную славу. Что честь Академии Наук вашему сиятельству любезна и что оная по вашем сиятельстве, яко главе, состоит в ее членах, сего никто не оспорит. Того ради отнюдь не сомневаемся, что ваше сиятельство долее не попустит, чтобы мы почитались в однех рангах с теми, которые и с адъюнктами нашими учением сравниться не могут, каковы Морской академии учители. Все природные и чужестранные в службе е. в., кроме нас, почтены пристойными рангами. Того ради вашему сиятельству приносим всепокорнейшее прошение, чтобы и мы вашего сиятельства милостивым предстательством той же е. в. высочайшей милости наслаждаться удостоены были. За такое вашего сиятельства милостивое ходатайство благодарность членов Академии дотоле продолжится, пока Академия Наук здесь процветать будет, а наша искренняя к вашему сиятельству ревность в том непрестанно простираться будет, чтоб мы достойны всегда были вашего великодушия.

Сиятельнейший граф,
милостивый государь,
вашего сиятельства
всепокорнейшие и послушные слуги,
Академии Наук профессоры

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

15 августа 1751 г.

Милостивый государь Иван Иванович!

Его сиятельство граф Михайло Ларионович Воронцов по своей высокой ко мне милости изволил взять от меня пробы мозаичных составов для показания е. в., при котором случае, ежели вашему превосходительству не противно, всепокорно прошу постараться о моем нижайшем прошении, чтобы мне, имея случай и способы, удобнее было производить в действие мои в науках предприятия, ибо хотя голова моя и много зачинает, да руки одне, и хотя во многих случаях можно бы употребить чужие, да приказать не имею власти. За безделицею принужден я много раз в Канцелярию бегать и подьячим кланяться, чего

я, право, весьма стыжусь, а особливо имея таких, как вы, патронов. Нет ни единого дня, в который бы я не упоминал о вашей ко мне милости и ею бы не радовался. Однако нет ни единого моего в Академию приезда, в который бы я не удивлялся, что она, имея в себе сына отечества, которого вы любите и жалуете, не может того дожить, чтобы он отвратил от ней все чрез 25 лет бывшие всем успехам и должным быть пользам препятствия. Заключая сие последнее мое о сем прошение, с великою надеждою ожидаю желаемого и с искренним почтением пребываю до смерти

вашего превосходительства
всепокорный слуга
Михайло Ломоносов

Санктпетербург
Августа 15 дня
1751 года

<ПРОШЕНИЕ В КОНТОРУ МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИИ О ЛЬГОТАХ КРЕСТЬЯНАМ ПОЖАЛОВАННЫХ ЛОМОНОСОВУ ДЕРЕВЕНЬ>

Не позднее 3 мая 1753 г.

Всепресветлейшая, державнейшая,
великая государыня императрица Елисавет Петровна,
самодержица всероссийская,
государыня всемилостивейшая.

Бьет челом коллежский советник и Академии Наук профессор Михайла Ломоносов, а в чем, тому следуют пункты:

1

Позволенная мне разноцветных стекол и из них бисерная и стеклярусная и прочих вещей фабрика заводится в пожалованных мне к той фабрике по именному в. и. в. указу в Копорском уезде, в Коважской и в Кареваллдайской мызах деревнях, токмо в постройке той фабрики и в

заготовлении на то строение лесов за происходящими в тех деревнях препятствиями и за отлучкою крестьян чинится мне великое помешательство: 1) в тех деревнях, где оная фабрика учреждается, состоит солдатский пост из Белозерского пехотного полку, и в дачах тех деревень лес, который к той фабрике, а паче ныне для новости как на строение, так и на всякие инструменты необходимо потребен, рубят на сделание к полковым надобностям колес и на жжение смолы; 2) крестьян с лошадьми от фабричной работы отлучают и наряжают, равномерно как ямщиков, в почтовую гоньбу. И за тою отлучкою фабрика моя не только ныне, но и впред во умножение приходить не может.

2

А понеже по означенному высочайшему в. и. в. указу те крестьяне пожалованы мне для фабричной работы, почему и следовательно им быть при фабрике безотлучно, да и по регламенту Манифактур-коллегии и покупным к фабрикам деревням для лучшего размножения велено быть всегда при тех фабриках, также и постою, где фабрики производятся, ставить не велено, и дабы высочайшим в. и. в. указом повелено было имеющийся ныне в деревнях моих солдатский постой свесть и впред оного ставить не велеть и в дачах моих леса, в которых мне для фабрики своей состоит необходимая нужда, в посторонние потребности рубить запретить, также и крестьян от почтовой гоньбы уволить и ничем оных от фабрики не отлучать и о том куда надлежит сообщить.

Всемилостивейшая государыня, прошу в. и. в. о сем моем прошении решение учинить.

К подданию надлежит Государственной Манифактур-коллегии в Контору.

Прошение писал оной же Конторы копиист Семен Сахаров.

К сему прошению коллежский советник и профессор
Михайло Ломоносов руку приложил

Маия дня
1753 году

<ДОНОШЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ НА ЛЕТНЕЕ ВРЕМЯ ОТ УЧАСТИЯ В АКАДЕМИЧЕСКИХ СОБРАНИЯХ>

22 мая 1753 г.

В Канцелярию Академии Наук

Доношение

В пожалованных мне именным е. и. в. указом мызах при учреждаемой новой привилегированной фабрике делания разноцветных стекол и из них бисера, пронизок и стекляруса и других галантерейных вещей и уборов имею я нынешнего лета великую нужду, чтобы мне при строении пробыть там месяц или шесть недель. И кроме того, летнею порою позволяется Академии членам иметь вакации. Того ради Канцелярия Академии Наук да соблаговолит меня от академических собраний уволить будущего июня месяца от 10 числа до последних чисел июля сего 1753 году, чтобы я там при первом начинании сам быть и расположить мог, причем буду я иметь там довольно времени приготовить речь к публичному акту. И ежели что чрезвычайное случится, в чем мои профессии нужны, за тем могут ко мне из дому послать в краткое время в Коважскую мызу, в деревню Усть-Рудицы, за Раннинбаумом двадцать четыре версты, где строится помянутая фабрика. И ежели вышепомянутая Канцелярия не может того сама собою сделать, то бы о том благоволила заблаговременно представить его сиятельству г. Академии Наук президенту.

Коллежский советник и профессор
Михайло Ломоносов

Маия дня
1753 года

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

26 июля 1753 г.

Милостивый государь Иван Иванович!

Что я ныне к вашему превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того что мертвые не пишут. Я не знаю еще или по последней мере сомневаюсь, жив ли я или мертв. Я вижу, что г. профессора Рихмана громом убило в тех же точно обстоятельствах, в которых я был в то же самое время. Сего июля в 26 число, в первом часу пополудни, поднялась громовая туча от норда. Гром был нарочито силен, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрев, не видел я ни малого признаку электрической силы. Однако, пока кушанье на стол ставили, дождался я нарочитых электрических из проволоки искор, и к тому пришла моя жена и другие, и как я, так и оне беспрестанно до проволоки и до привешенного прута дотыкались, затем что я хотел иметь свидетелей разных цветов огня, против которых покойный профессор Рихман со мною споривал. Внезапно гром чрезвычайно грянул в самое то время, как я руку держал у железа, и искры трещали. Все от меня прочь побежали. И жена просила, чтобы я прочь шел. Любопытство удержало меня еще две или три минуты, пока мне сказали, что шти простынут, а притом и электрическая сила почти перестала. Только я за столом посидел несколько минут, внезапно дверь отворил человек покойного Рихмана, весь в слезах и в страхе запыхавшись. Я думал, что его кто-нибудь на дороге бил, когда он ко мне был послан. Он чуть выговорил: «Профессора громом зашибло». В самой возможной страсти, как сил было много, приехав увидел, что он лежит бездыханен. Бедная вдова и ее мать таковы же, как он, бледны. Мне и минувшая в близости моя смерть, и его бледное тело, и бывшее с ним наше согласие и дружба, и плач его жены, детей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшегося народа не мог ни на что дать слова или ответа, смотря на того лице, с которым я за час сидел в Конференции и рассуждал о нашем будущем публичном акте. Первый удар от привешенной линеи с ниткою пришел ему в голову, где красно-вишневое пятно видно на лбу, а вышла из него громовая электрическая сила из ног в доски. Нога и пальцы сини, и башмак разодран, а не прожжен. Мы старались движение крови в

нем возобновить, затем что он еще был тепл, однако голова его повреждена, и больше нет надежды. Итак, он плачевным опытом уверил, что электрическую громовую силу отвратить можно, однако на шест с железом, который должен стоять на пустом месте, в которое бы гром бил сколько хочет. Между тем умер г. Рихман прекрасною смертию, исполняя по своей профессии должность. Память его никогда не умолкнет, но бедная его вдова, теща, сын пяти лет, который добрую показывал надежду, и две дочери, одна двух лет, другая около полугода, как об нем, так и о своем крайнем несчастии плачут. Того ради, ваше превосходительство, как истинный наук любитель и покровитель, будьте им милостивый помощник, чтобы бедная вдова лучшего профессора до смерти своей пропитание имела и сына своего, маленького Рихмана, могла воспитать, чтобы он такой же был наук любитель, как его отец. Ему жалованья было 860 руб. Милостивый государь! исходатайствуй бедной вдове его или детям до смерти. За такое благодеяние господь бог вас наградит, и я буду больше почитать, нежели за свое. Между тем, чтобы сей случай не был протолкован противу приращения наук, всепокорнейше прошу миловать науки и

вашего превосходительства
всепокорнейшего слугу в слезах
Михайла Ломоносова

Санктпетербург
26 июля
1753 года

<ПИСЬМО М. И. ВОРОНЦОВУ>

30 августа 1753 г.

Сиятельнейший граф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

Ваше сиятельство, милостивого государя нижайшим прошением утруждать принимаю смелость ради слез бедной вдовы покойного профессора Рихмана. Оставшись с тремя малыми детьми, не видит еще признаку той надежды о показании милости, которую все прежде ее бывшие профессорские вдовы имели, получая за целый год мужей

своих жалованье. Вдова профессора Винсгейма, которая ныне за профессором Штрубом, осталась от первого мужа небедна и детей не имела, однако не токмо тысячу рублев мужнее жалованье по смерти его получила, но сверх того и на похороны сто рублев. А у Рихмановой и за тот день жалованье вычтено, в который он скончался, несмотря на то, что он поутру того же дни был в Собрании. Он потерял свою жизнь, отправля[я] положенную на него должность в службе е. в., то кажется, что его сирот больше наградить должно. Ваше сиятельство как истинный о благополучии наук рачитель великое милосердие с бедными учините, ежели его сиятельство, милостивого государя графа Кирила Григорьевича к показанию ей милости преклонить изволите. Между тем, поздравляя вас с пресветлым праздником тезоименитства всемилостивейшия государыни, с беспрестанным высокопочитанием пребываю

вашего сиятельства
всепокорнейший и усерднейший слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Августа 30 дня
1753 года

<ПИСЬМО Л. ЭЙЛЕРУ>

12 февраля 1754 г.

Перевод

Мужу славнейшему и несравненному Леонарду Эйлеру, заслуженнейшему директору Берлинской королевской академии наук и искусств, выдающемуся математику императорской Петербургской Академии Наук и Королевского ученого общества в Лондоне, Михаил Ломоносов шлет нижайший привет.

Причиной столь длительного перерыва в нашей переписке было сперва то обстоятельство, которое заставило и адъюнкта Котельникова посетить сначала Лейпциг, а затем уже Берлин. В дальнейшем же чуждые теоретической работе занятия, которые я вел в это время, не давали случая письменно побеседовать с вами, славнейший

муж. В течение трех лет я был весь погружен в физико-химические испытания, предпринятые для разработки учения о цветах. И труд мой оказался не бесплодным, так как кроме результатов, полученных мною при различных растворениях и осаждениях минералов, почти три тысячи опытов, сделанных для воспроизведения разных цветов в стеклах, дали не только огромный материал для истинной теории цветов, но и привели к тому, что я принялся за изготовление мозаик. Сделанный мною образчик, а именно образ божьей матери, я поднес государыне, когда в 1752 г. праздновалось ее тезоименитство. Он ей понравился, и я был сверх прежнего поощрен. 16 декабря того же года, по постановлению Правительствующего Сената, привилегия на производство таких и подобных же работ из цветного стекла была предоставлена на тридцать лет мне одному с запрещением этого всем прочим, и мне было пожаловано 4000 рублей на устройство мастерской. А кроме того щедроты государыни превзошли все мои надежды и все заслуги. 16 марта 1753 года всемилостивейшая императрица пожаловала мне в Ингрии 226 крестьян с 9000 югеров (принимая за югер площадь в 80 сажен в длину, 30 в ширину) земли, так что у меня достаточно полей, пастбищ, рыбных ловель, множество лесов, 4 деревни, из коих самая ближняя отстоит от Петербурга на 64 версты, самая дальняя — на 80 верст. Эта последняя прилегает к морю, а первая орошается речками, и там, кроме дома и уже построенного стеклянного завода, я сооружаю плотину, мельницу и лесопилку, над которой возвышается самопишущая метеорологическая обсерватория, описание которой будущим летом с божией помощью я опубликую. Итак, вы понимаете, славнейшей муж, что я прервал нашу переписку на столь долгий срок не из-за какого-либо охлаждения к Вам. Я ведь всегда очень высоко ценил вашу дружбу. Итак, отнеситесь, прошу вас, дружелюбно и снисходительно к моей медлительности в переписке и примите сверх того еще и следующее извинение: я вынужден здесь быть не только поэтом, оратором, химиком и физиком, но и целиком почти уйти в историю. Прошедшей весной я провел некоторое время в Москве, ожидая подписи дарственной, и августейшая императрица, удостоив меня милостивейшей беседы, заявила, между прочим, что ей приятно будет, если я напишу моим слогом отечественную историю. Итак, вернувшись в Петербург и составляя недавнюю мою речь, я часто за самой

работой ловил себя на том, что̀ душой я блуждаю в древностях российских. Поэтому мною пропущёно не мало убедительных доказательств того, что верхняя атмосфера при полном спокойствии должна нередко спускаться в нижнюю. Так же точно не коснулся я и многого, что совершенно разрушило бы представление о хвостах комет, состоящих будто бы из паров. Признаюсь, что оставил я все это и для того, чтобы, нападая на писания великих мужей, не показаться скорее хвастуном, чем искателем истины. Та же причина давно уже препятствует мне предложить на обсуждение ученому свету мои мысли о монадах. Хоть я твердо уверен, что это мистическое учение должно быть до основания уничтожено моими доказательствами, однако я боюсь омрачить старость мужу, благодеяния которого по отношению ко мне я не могу забыть; иначе я не побоялся бы раздразнить по всей Германии шершней-монадистов. Прощайте, несравненный муж, и не оставляйте меня вашим благоволением и дружбой.

Петербург, 12/23 февраля 1754 г.

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

28 марта 1754 г.

Милостивый государь Иван Иванович!

Получив от вашего превосходительства милостивый свыше моих заслуг в прочем на мое письмо ответ, только о том сожалею, что оно почтено ласкательным, в чем мне природа сама совсем почти отказала, и ежели где некоторое подобие покажется, то конечно не мои вымыслы, но только каких-нибудь обстоятельств внезапная буря принуждает. Всепокорнейшее мое прошение к вашему превосходительству только ту силу имеет и намерение, чтобы я вашим милостивым благодеянием предостережен был в рассуждении тех должностей, которые наблюдать должно в рассуждении толь великой особы, к которой мое сочинение простирается. Штиля моего и других хотя никто больше и лучше судья вас быть не может, что я собственным искусством всегда могу засвидетельствовать, однако все мое к вашему превосходительству прошение состоит в рассуждении первого. Г. Поповской свой перевод всех стихов

Попиевых, несколько еще исправленных, сегодня чрез меня в Канцелярию для посылки к его сиятельству отдал. При сем вашему превосходительству принимаю смелость донести, что... Однако мы — господа в комиссии, иной боится отрешить.., чтобы не раздражать какого-нибудь знатного господина, иной говорит, что он беден, однако прошу меня извинить, не могу всех пристрастий и всех обстоятельств изобразить. Словом, с одного конца Академию хотят починивать, а с другого портят. Все сносно, только того нет тяжелее... окончание сего дела ясно покажет, и я никогда по чистой моей совести не останусь лживым человеком. Мое истинное желание в том состоит, чтобы мне бог судил с вашим превосходительством во всяком благополучии видеться и засвидетельствовать, что я с глубоким почтением беспрестанно пребываю

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Санктпетербург
28 марта
1754 года

<ПИСЬМО Г.-Ф. МИЛЛЕРУ>

7 мая 1754 г.

Благородный г. профессор,
государь мой!

Новоприсланная диссертация для получения награждения не токмо ста, но ни единого червонца не стоит. Знакомое дело и то худо описано. О решении сего прошу гг. академиков подождать, пока акт публичный будет назначен. Письмо г. Ейлера прочитал я не без удивления. Шпангенберга и Ебергарда признает за таких людей, которые в Академии негодны, затем что ничего не писали годного в «Комментарии». Сие учинено против справедливости и против его самого. Он рекомендовал Академии таких людей уже прежде, которых сочинения в «Комментарии» мало годны, и только на будущее надеялся. Так же и ныне представляет Мейера, Кестнера и Бермана, которые в ученом свете не чудотворцы. Профессор Шпан-

генберг в Марбурге читал уже лет восмь лекции во всей философии и математике и столько ж, как Волф, имел слушателей, а Берман тогда ходил сам к Волфу на лекции. Я его довольно знаю: с год времени за одним столом был у Волфа и учился у него немецкому языку и математики. Бермана превосходит Шпангенберг несравненно: студентом будучи, много лет читал лекции другим студентам с великою похвалою и ныне профессором тринадцать лет в том упражняется. Правда, что в Академии надобен человек, который изобретать умеет, но еще больше надобен, кто учить мастер. Обои достоинства в профессоре Шпангенберге несомнительны. О новых изобретениях не было ему времени думать, для того что должен читать много лекций. Впрочем, физические и электрические особливо опыты делает он часто в Касселе перед ландграфом и Кассельский физический департамент на руках имеет. Притом о его остроумии уверен я из его разговоров. Что ж до чтения физических и математических лекций надлежит, то подобного ему трудно сыскать во всей Германии. Сие нашим студентам весьма нужно, ибо нет у нас профессора, который бы довольную способность имел давать лекции в физике и во всей математике; сверх сего честные его нравы и все поступки Академии Наук непостыдны будут. Мне в четыре года студентом и профессором довольно знать его случилось. Мы счастливы, ежели он только поедет. Что ж до Ебергарда надлежит, то его сочинения весьма не хуже Краценштейновых, разве только тем негодны, что он Невтоновой теории в рассуждении цветов держится. Я больше, нежели г. Ейлер, в теории цветов с Невтоном не согласен, однако тем не неприятель, которые инако думают. Кестнера и Мейера я только по сочинениям ведаю, признаю за людей весьма посредственных и думаю, что они до̀роги. В рассуждении Котелникова нет ли, полно, пристрастия? Г. Ейлер сам не такой великий был математик, когда здесь произведен в профессоры. Все со временем. Итак, мое мнение состоит в том, чтобы для физики экспериментальной и для курса математического выписать профессора Шпангенберга, для механики — Ебергарда или Бермана; высшую математику Котелникову оставить. Сие прошу сообщить его сиятельству г. президенту, а г. Ейлера о том не уведомлять, затем чтобы дружба моя с ним не нарушилась. Правду больше всего почитаю, притом стараюсь, чтоб без ее нарушения дружба сохранилась. О скончании Николая Наумовича сердечно

болезную, затем что он любил ученых и меня в том числе. В прочем желая всякого благополучия, пребываю

вашего благородия
покорный слуга Михайло Ломоносов

Ив Устьрудиц
7 числа майя
1754 года

<РАССУЖДЕНИЕ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ЖУРНАЛИСТОВ ПРИ ИЗЛОЖЕНИИ ИМИ СОЧИНЕНИЙ, ПРЕДНАЗНАЧЕННОЕ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ СВОБОДЫ ФИЛОСОФИИ>

Не позднее 22 августа 1754 г.

В сокращении

Перевод

Всем известно, сколь значительны и быстры были успехи наук, достигнутые ими с тех пор, как сброшено ярмо рабства и его сменила свобода философии. Но нельзя не знать и того, что злоупотребление этой свободой причинило очень неприятные беды, количество которых было бы далеко не так велико, если бы большинство пишущих не превращало писание своих сочинений в ремесло и орудие для заработка средств к жизни, вместо того чтобы поставить себе целью строгое и правильное разыскание истины. Отсюда проистекает столько рискованных положений, столько странных систем, столько противоречивых мнений, столько отклонений и нелепостей, что науки уже давно задохлись бы под этой огромной грудой, если бы ученые объединения не направили своих совместных усилий на то, чтобы противостоять этой катастрофе. Лишь только было замечено, что литературный поток несет в своих водах одинаково и истину и ложь, и бесспорное и небесспорное, и что философия, если ее не извлекут из этого состояния, рискует потерять весь свой авторитет, — образовались общества ученых и были учреждены своего рода литературные трибуналы для оценки сочинений и воздания должного каждому автору согласно строжайшим пра-

вилам естественного права. Вот откуда произошли как академии, так — равным образом — и объединения, ведающие изданием журналов. Первые — еще до того, как писания их членов выйдут в свет — подвергают их внимательному и строгому разбору, не позволяя примешивать заблуждение к истине и выдавать простые предположения за доказательства, а старое — за новое. Что же касается журналов, то их обязанность состоит в том, чтобы давать ясные и верные краткие изложения содержания появляющихся сочинений, иногда с добавлением справедливого суждения либо по существу дела, либо о некоторых подробностях выполнения. Цель и польза извлечений состоит в том, чтобы быстрее распространять в республике наук сведения о книгах.

Не к чему указывать здесь, сколько услуг наукам оказали академии своими усердными трудами и учеными работами, насколько усилился и расширился свет истины со времени основания этих благотворных учреждений. Журналы могли бы также очень благотворно влиять на приращение человеческих знаний, если бы их сотрудники были в состоянии выполнить целиком взятую ими на себя задачу и согласились не переступать надлежащих граней, определяемых этой задачей. Силы и добрая воля — вот что от них требуется. Силы — чтобы основательно и со знанием дела обсуждать те многочисленные и разнообразные вопросы, которые входят в их план; воля — для того, чтобы иметь в виду одну только истину, не делать никаких уступок ни предубеждению, ни страсти. Те, кто, не имея этих талантов и этих склонностей, выступают в качестве журналистов, никогда не сделали бы этого, если бы, как указано, голод не подстрекал их и не вынуждал рассуждать и судить о том, чего они совсем не понимают Дело дошло до того, что нет сочинения, как бы плохо оно ни было, чтобы его не превозносили и не восхваляли в каком-нибудь журнале; и, наоборот, нет сочинения, как бы превосходно оно ни было, которого не хулил бы и не терзал какой-нибудь невежественный или несправедливый критик. Затем, число журналов увеличилось до того, что у тех, кто пожелал бы собирать и только перелистывать «Эфемериды», «Ученые газеты», «Литературные акты», «Библиотеки», «Записки» и другие подобного рода периодические издания, не оставалось бы времени для чтения полезных и необходимых книг и для собственных размышлений и работ. Поэтому здравомыслящие читатели охотно

пользуются теми из журналов, которые признаны лучшими, и оставляют без внимания все жалкие компиляции, в которых только списывается и часто коверкается то, что уже сказано другими, или такие, вся заслуга которых в том, чтобы неумеренно и без всякой сдержки изливать желчь и яд. Ученый, проницательный, справедливый и скромный журналист стал чем-то вроде феникса.

Доказывая то, что я только что высказал, я испытываю затруднение скорее вследствие обилия примеров, чем их недостатка. Пример, на который я буду опираться в последующей части этого рассуждения, взят из журнала, издаваемого в Лейпциге и имеющего целью давать отчеты о сочинениях по естественным наукам и медицине.*

Среди других вещей там изложено содержание «Записок Петербургской Академии». Однако нет ничего более поверхностного, чем это изложение, в котором опущено самое любопытное и самое интересное и одновременно содержатся жалобы на то, что академики пренебрегли фактами или свойствами, очень хорошо известными специалистам; между тем выставлять их напоказ было бы просто смешно, особенно в предметах, не допускающих строгого математического доказательства.

Одно из самых неудачных и наименее сообразных с правилами здравой критики извлечений — это извлечение из работ г-на советника и профессора химии Михаила Ломоносова; в нем допущено много промахов, которые стоит отметить, чтобы научить рецензентов такого сорта не выходить из своей сферы. В начале объявляется о замысле журналиста; оно — грозное, молния уже образуется в туче и готова сверкнуть. «Г-н Ломоносов,— так сказано,— *хочет дойти до чего-то большего, чем простые опыты*».** Как будто естествоиспытатель действительно не имеет права подняться над рутиной и техникой опытов и не призван подчинить их рассуждению, чтобы отсюда перейти к открытиям. Разве, например, химик осужден на то, чтобы вечно держать в одной руке щипцы, а в другой тигель и ни на одно мгновение не отходить от углей и пепла?

* Он имеет заглавие: Commentarii de rebus in scientia naturali et medicina gestis [Записки об успехах естественных наук и медицины]. (Здесь и далее звездочкой отмечены примечания М. Ломоносова).

** Majora quam experimenta sola molitur Michael Lomonosow. [Михаил Ломоносов замышляет нечто большее, чем одни только опыты].

Затем критик старается высмеять академика за то, что тот пользуется принципом достаточного основания и, по его выражению, истекает потом и кровью, применяя этот принцип при доказательстве истин, которые он мог бы предложить сразу как аксиомы. Во всяком случае, он говорит, что сам он принял бы их за таковые. Однако в то же время он отвергает самые очевидные положения, считая их чистым вымыслом, и тем самым впадает в противоречие с самим собой. Он издевается над строгими доказательствами там, где они необходимы, и требует их там, где они излишни. Пусть философы, желающие избежать столь разумных насмешек, подумают, как им взяться за дело, чтобы ничего не доказывать и в то же время все-таки доказывать.

Движение колоколов — предмет, который журналист подвергает критике, лишенной всякой основательности. Он упрекает Ломоносова в том, что тот не дает правильного представления об этом вопросе. Но можно ли судить с большей дерзостью? Когда говорят таким образом, то что это: недостаток ума, внимательности или справедливости? Критик смешивает внутреннее движение колокола с его движением в целом, хотя это две совершенно разные вещи, и никто не может принять дрожания колокола за его внутреннее движение, после того как академик так определенно сказал в § 3 своей работы, что внутреннее движение состоит в изменении положения нечувствительных частиц. <...>

До сих пор приводились бесспорные доказательства неспособности и крайней небрежности журналиста. Но вот место, где под большим подозрением его добросовестность и где он, по-видимому, решительно задался целью ввести в заблуждение мир, полагая, должно быть, что «Записки императорской Петербургской Академии» — книга редкая, к которой не всякий имеет возможность обратиться. Уверенный в этом, он осмеливается приписывать академику невежество, доходящее до отрицания существования воздуха в порах соли, тогда как даже новички в физике не могут не знать этого. Нет никакой возможности вывести что-либо подобное из рассуждений автора даже путем любого насилия над ними; отсюда вытекает вполне естественный вывод. Ведь следующие слова § 41-го не могут подать к тому повода: *«...воздух, рассеянный в воде, не входит в поры соли»*. Слово *«входить»* не было никогда синонимом слова *«содержаться»*. Академик хочет сказать и не может

хотеть сказать что-либо другое, как только то, что воздух не входит из воды в соли, которые в ней растворяются, и непонятно, как можно переделать это утверждение в другое: *«Поры солей совсем не содержат воздуха»*. <...>

Не следует упускать из виду еще одного, последнего, признака той спешки, которую наш судья считает возможным сочетать со своей строгостью, хотя они и несовместимы. Он воображает, будто г-н Ломоносов в своем *«Прибавлении к размышлениям об упругости воздуха»* имел главным образом в виду исследовать *«то свойство упругого воздуха, благодаря которому его сила пропорциональна его плотности»*. Он ошибается и обманывает других, высказывая такое суждение. При несколько большей внимательности он увидел бы и прочитал бы, что дело идет здесь именно о противоположном и что утверждается необходимость — для уплотнения воздуха — наличия сдавливающих сил в тем более значительной степени, в чем более узкие пределы заключен этот воздух; отсюда следует, что плотность не пропорциональна силам.

Разве не это называется самой настоящей уликой, изобличающей все недостатки, из-за которых журналист может потерять авторитет и доверие, которые он намерен приобрести у публики? Может ли кто-либо, обладающий хотя бы тенью стыда и остатком совести, оправдывать подобные приемы? Давая таким способом отчет о сочинениях людей науки, человек не только наносит вред их репутации, на которую он не имеет никаких прав, но и душит истину, представляя читателю мысли, совершенно с ней не сообразные. Поэтому естественно всеми силами бороться против столь несправедливых приемов. Если продолжать обращаться таким образом с теми, кто стремится приносить пользу республике наук, то они могут впасть в полное уныние, и успехи наук потерпят значительный урон. Это было бы прежде всего полным крушением свободы философии.

Для подобных рецензентов следует наметить надлежащие грани, в пределах которых им подобает держаться и ни в коем случае не переходить их. Вот правила, которыми, думается, мы должны закончить это рассуждение. Лейпцигского журналиста и всех подобных ему просим хорошо запомнить их.

1. Всякий, кто берет на себя труд осведомлять публику о том, что содержится в новых сочинениях, должен прежде всего взвесить свои силы. Ведь он затевает трудную

и очень сложную работу, при которой приходится докладывать не об обыкновенных вещах и не просто об общих местах, но схватывать то новое и существенное, что заключается в произведениях, создаваемых часто величайшими людьми. Высказывать при этом неточные и безвкусные суждения значит сделать себя предметом презрения и насмешки; это значит уподобиться карлику, который хотел бы поднять горы.

2. Чтобы быть в состоянии произносить искренние и справедливые суждения, нужно изгнать из своего ума всякое предубеждение, всякую предвзятость и не требовать, чтобы авторы, о которых мы беремся судить, рабски подчинялись мыслям, которые властвуют над нами, а в противном случае не смотреть на них как на настоящих врагов, с которыми мы призваны вести открытую войну.

3. Сочинения, о которых дается отчет, должны быть разделены на две группы. Первая включает в себя сочинения одного автора, который написал их в качестве частного лица; вторая — те, которые публикуются целыми учеными обществами с общего согласия и после тщательного рассмотрения. И те и другие, разумеется, заслуживают со стороны рецензентов всякой осмотрительности и внимательности. Нет сочинений, по отношению к которым не следовало бы соблюдать естественные законы справедливости и благопристойности. Однако надо согласиться с тем, что осторожность следует удвоить, когда дело идет о сочинениях, уже отмеченных печатью одобрения, внушающего почтение, сочинениях, просмотренных и признанных достойными опубликования людьми, соединенные познания которых естественно должны превосходить познания журналиста. Прежде чем бранить и осуждать, следует не один раз взвесить то, что скажешь, для того чтобы быть в состоянии, если потребуется, защитить и оправдать свои слова. Так как сочинения этого рода обычно обрабатываются с тщательностью и предмет разбирается в них в систематическом порядке, то малейшие упущения и невнимательность могут повести к опрометчивым суждениям, которые уже сами по себе постыдны, но становятся еще гораздо более постыдными, если в них скрываются небрежность, невежество, поспешность, дух пристрастия и недобросовестность.

4. Журналист не должен спешить с осуждением гипотез. Они дозволены в философских предметах и даже представляют собой единственный путь, которым величай-

шие люди дошли до открытия самых важных истин. Это — нечто вроде порыва, который делает их способными достигнуть знаний, до каких никогда не доходят умы низменных и пресмыкающихся во прахе.

5. Главным образом пусть журналист усвоит, что для него нет ничего более позорного, чем красть у кого-либо из собратьев высказанные последним мысли и суждения и присваивать их себе, как будто он высказывает их от себя, тогда как ему едва известны заглавия тех книг, которые он терзает. Это часто бывает с дерзким писателем, вздумавшим делать извлечения из сочинений по естественным наукам и медицине.

6. Журналисту позволительно опровергать в новых сочинениях то, что, по его мнению, заслуживает этого, — хотя не в этом заключается его прямая задача и его призвание в собственном смысле; но раз уже он занялся этим, он должен хорошо усвоить учение автора, проанализировать все его доказательства и противопоставить им действительные возражения и основательные рассуждения, прежде чем присвоить себе право осудить его. Простые сомнения или произвольно поставленные вопросы не дают такого права; ибо нет такого невежды, который не мог бы задать больше вопросов, чем может их разрешить самый знающий человек. Особенно не следует журналисту воображать, будто то, чего не понимает и не может объяснить он, является таким же для автора, у которого могли быть свои основания сокращать и опускать некоторые подробности.

7. Наконец, он никогда не должен создавать себе слишком высокого представления о своем превосходстве, о своей авторитетности, о ценности своих суждений. Ввиду того, что деятельность, которой он занимается, уже сама по себе неприятна для самолюбия тех, на кого она распространяется, он оказался бы совершенно неправ, если бы сознательно причинял им неудовольствие и вынуждал их выставлять на свет его несостоятельность.

<ПРОШЕНИЕ В СЕНАТ ОБ ОТМЕНЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ПРИПИСАННЫХ К ФАБРИКЕ КРЕСТЬЯН>

Не позднее 9 сентября 1754 г.

Всепресветлейшая, державнейшая,
великая государыня императрица Елисавет Петровна,
самодержица всероссийская,
государыня всемилостивейшая.

Бьет челом коллежский советник и профессор Михайло Васильев сын Ломоносов, а о чем мое прошение, тому следуют пункты:

1

По именному в. и. в. указу, подписанному собственной в. и. в. рукою, пожалованы мне в Копорском уезде, в Каважской и Каравалдайской мызах 211 душ крестьян со всеми принадлежащими к ним по отписным книгам землями для заведения фабрики делания разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок, стеклярусу и других галантерейных вещей и уборов.

2

Из помянутых крестьян Коважской мызы, из деревни Калиш, по бывшему Ингерманландии размежеванию переведены были 90 душ мужеска полу на отписную на в. и. в. землю в деревни Савалшину и Голобовицы, где до отдачи оных мне под фабрику жить им позволялось, а ныне оных крестьян принуждают, чтобы они переселились с отписной земли на ту, которая мне пожалована под фабрику.

3

Но как оные крестьяне из Коважской мызы переведены во оные деревни Савалшину и Голубовицы за неимением пашен и других угодьев, от чего бы им иметь пропитание, так и ныне на оные места назад возвращены быть без крайнего разорения не могут, особливо что для недавного переводу не могут в краткое время притти в состояние, чтобы снова переселиться без их разорения и без препятствия в размножении фабрики.

И дабы высочайшим в. и. в. указом повелено было о непринуждении означенных моих крестьян к переселению из вышепоказанных деревень на отведенную мне под фабрику землю, а о бытии им за вышепоказанными резоны в тех деревнях и на той земле, на которой ныне стоят, с заплатою за оную надлежащего числа денег, учинить по силе высочайших в. и. в. указов и нынешния вновь состоявшейся межевой инструкции и о том, куда надлежит, послать в. и. в. указ.

Всемилостивейшая государыня, прошу в. и. в. о сем моем прошении решение учинить.

К поданию надлежит в Правительствующий Сенат.

Прошение писал Новгородского губернского магистрата копиист Петр Яковлев.

К сему прошению коллежский советник и профессор
Михайло Ломоносов руку приложил

Сентября дня
1754 года

<ПИСЬМО Л. ЭЙЛЕРУ>

28 ноября 1754 г.

Перевод

Мужу знаменитейшему и ученейшему, великому и несравненному математику и директору Берлинской королевской академии наук, достойнейшему члену императорской Петербургской Академии Наук и Лондонского королевского общества Михайло Ломоносов шлет нижайший привет.

Хотя о многом хотел бы я в этом письме известить вас, в особенности же сообщить вам мысли мои о происхождении цветов, но мешает мне недостаток времени, ибо я спешу написать похвальное слово Петру Великому, которое должен буду произнести 19 декабря. К тому же меня тревожит наглость рецензентов, которые с язвительностью Теона наперерыв терзают мои рассуждения, тогда как ваше веское суждение о них содержало одобрение и похвалу. Вам, муж проницательнейший, известно, разумеется, что издатель лейпцигского «Журнала естествознания и медицины» не столько из стремления к истине, сколько по недоброжелательству напал на мои труды и, плохо поняв их, обошелся с ними как нельзя хуже. По-

сылаю на ваше проницательное рассмотрение яркий образчик его злобы и тупости и вместе с тем почтительнейше прошу: подобно тому, как вы с особенною благосклонностью оказали мне помощь в моем отечестве, не откажите защитить меня своим покровительством также и в чужих странах. Пример вышеозначенного рецензента увлек многих других, и они с яростию восстали против меня, а именно: Фогель в своей «Медицинской библиотеке», издатель «Гамбургского магазина» и некто Арнольд из Эрлангена, о диссертации которого я читал недавно благоприятный отзыв в гамбургской газете. Все это заставляет меня не без основания подозревать, что тут таится нечто, и столь незаслуженные и оскорбительные поклепы на меня распространяются коварными усилиями какого-то заклятого моего врага. Итак, если вы по своей благосклонности не погнушаетесь помочь мне, то я нахожу самым удобным к тому способом, чтобы с защитой приложенного здесь опровержения (которое предоставляю вам по своему усмотрению изменить, и, может быть, смягчить), по напечатании его, публично выступил в каком-либо университете человек ученый (как в Эрлангене против меня выступал Арнольд); после же можно будет поместить в ученом журнале разбор этого выступления против моих врагов. Издержки по печатанию будут сполна мною возмещены. Впрочем, настоящее возражение мое может быть издано и в форме программы под чужим именем. Вместе с тем предупреждаю вас, что здесь никто не знает и знать не будет об этих моих предложениях, почему и вас покорнейше прошу, чтобы все это было исполнено втайне. Подозреваю, что и здесь есть немаловажные особы, которые принимают участие в таковом моем опорочивании. Ваше благодеяние останется вечным залогом нашей дружбы; я со своей стороны никогда не перестану со всею искренностию поддерживать ее и оказывать вам всевозможные знаки моей благодарности. Будьте здоровы и по-прежнему расположены ко мне.

С.-Петербург, 28 ноября по старому стилю 1754 г.

P. S. В № 187 «Гамбургского корреспондента» приведено из диспута Арнольда направленное против меня весьма абсурдное возражение, из которого усматривается, что свинец, по его мнению, приобретает наивысшую температуру, когда он только начинает плавиться. Химические

опыты, однако, показывают, что висмут при температуре, которую способен принимать свинец, в большинстве случаев разрушается.

Камешки для мозаичных работ я давно уже передал в Канцелярию для пересылки вам.

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

10 марта 1755 г.

Милостивый государь Иван Иванович!

Вашему превосходительству всепокорнейше доношу, что дело мое с Тепловым по Канцелярии произведено письменно (как я теперь уведомился), и мне будет читать секретарь неправедный приговор или выговор письменный! Возможно ли стерпеть, стояв за правду, за высочайшее повеление е. и. в. из Правительствующего Сената, которым указано все права, невзирая и на подписанные монаршескими руками, к лучшему переправить. Теплов ищет, чтобы Академический регламент (который сочинен им без согласия и без ведома академиков по его прихотям и которым он не токмо многих знатных персон обманул, но и подкрался под святость высочайшего повеления е. и. в.) не был рассматриван, затем что он знает, сколь много найдено будет его пронырств[а]. Того ради начал он отводить указ е. в. из Правительствующег[о] Сената, якобы он до Академического регламента не надлежал, чему я противился. Спор и шум воспоследовал. Я осужден! Теплов цел и торжествует. Виноватый оправлен, правый обвинен. Коварник надеется, что он и со мною так поступит, как с другими прежде. Делиля, Гмелина, Сигезбека, Крузиуса, Гебе[н]штрейта, профессоров, из России выгнал; Вейдебрехта крутым от службы отказом уморил; другими многими, как хотел, поворачивал. Президент наш добрый человек, только вверился в Коварника. Президентским ордерам готов повиноваться, только не Теплова. Итак, в сих моих обстоятельствах ваше превосходительство всепокорнейше прошу, чтоб меня от такого поношения и неправедного поругания избавить, дабы чрез ваше отеческое предстательство всемилостивейшая государыня принять меня в высочайшее свое собственное покровительство и от Теплова ига избавить

не презрила и от таких нападков по моей ревности защитить матерски благоволила. Чрез вашего превосходительства ходатайство от дальнейших обстоятельств вскоре спасен быть ожидаю.

Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Марта 10 д[ня]
1755 года

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

12 марта 1755 г.

Милостивый государь Иван Иванович!

Хотя я к вашему превосходительству сегодня поутру и намерен был вам засвидетельствовать мое почтение и осведомиться о вашем здоровье, однако сие отложил, для того чтобы вас не обеспокоить моим неудовольствием в рассуждении моих нынешних обстоятельств; второе, боюсь, чтобы мне где-нибудь Теплов не встретился. Итак, что я вам на словах не могу за слезами донести, на письме всепокорнейше прошу прослушать.

1) Спор и ссора нач[ал]ась не в то собрание, когда разошлись, но в самое первое, где о последнем пункте регламента рассуждение было. Коварник говорил, что я хочу отнять власть и полномощество президентское; я отвечал, что я желаю снять с него беремя, которое выше сил одного человека, каков бы он ни был. Но должно общим согласием всему производиться, а особливо что президент — не полигистор. Владеющие государи имеют своих сенаторов и других чиновных людей, которых он, хотя самодержец, советы принимает, то можно ли тому быть в науках, которые не в одном государстве, но во весь свет простираются.

2) В полномощество президентское мы не знаем, что делать или нет. Мы зачнем то...[1] и говорим многое время; вдруг повеление: не быть так.

3) Лукавец говорил: сенатский-де указ потому не гласит на регламент, что регламент указами не был никогда

[1] Многоточие — в подлиннике.

переменен. Я говорил, что он сто раз был указами переменен президентскими, и тут был пустой спор о том, что президентские указы: указы или не указы?

4) Я в первом собрании генерально оговорился, чтоб никто не думал, когда я говорю о президенте, яко бы я говорил о графе К[ирилле] Г[ригорьевиче], но рассуждая о президенте генерально, в вечные ро́ды: мы все смертны. Однако ничто не помогло! Он все натягивал на нынешнее состояние; помавал всем руками, как диктатор; все боятся и готовы его только слушать.

Много еще остается, что вашему превосходительству донести намерен и должен как милостивейшему моему защитнику и несравненному благодетелю, однако оставляю на будущее время, не хотя вас утрудить, а особливо в нынешнем вашем состоянии. Прошу от всевышнего господа бога, чтобы благоволил возвратить и умножить прежнюю вашу крепость и бодрость для защиты бедных и для ободрения наук и покрова.

Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Марта 12 дня
1755 года

<РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК С ПРОСЬБОЙ ОСВОБОДИТЬ ОТ СОСТАВЛЕНИЯ ПРОЕКТОВ ИЛЛЮМИНАЦИЙ И ФЕЙЕРВЕРКОВ>

24 марта 1755 г.

В Канцелярию Академии Наук

Репорт

Его высокоблагородие г. надворный советник Стелин неоднократно жаловался, что я у него должности отнимаю, делая проекты к иллюминациям и фейерверкам, а я то чинил по ордерам Канцелярии Академии Наук. А чтобы помянутый г. надворный советник Стелин не имел

причин впредь на меня жаловаться, то Канцелярию Академии Наук прошу, чтоб меня впредь от того уволила, что я сверх моей профессии и без того много дела имею.

1755 году
марта 24 дня

<ПИСЬМО И.-Д. ШУМАХЕРУ>

10 мая 1756 г.

Высокородный г. статский советник,
милостивый государь мой!

Вашему высо[ко]родию известно, как я неоднократно вам словесно жаловался на неприличные поступки лаборатора Бетигера, которые не токмо тем, что жили с ним в той же половине, в академическом Боновском доме, были несносны и производились жалобы, но и мне самому тягостны и досадны. Однако всё сие пропускал я для того, что он свою лабораторскую должность отправлял по моему указанию как должно, и, надеясь его исправления, сносил я оскорбления. Но противу моего чаяния, почувствовал я от его домашних большие грубости. Для множества почти дневно и ночно часто приходящих на его квартиру гостей разных званий и наций беспокойство так умножилось, что уже и ворота середи дня пьяные гости его ломают, а ночью часто стоят по́лы для приезжающих к нему колясок и одноколок. Сверх сего от служанок его чинятся фамилии моей напрасные и наглые обиды, так что недавно девка его бесчестными словами дочерь мою с крыльца сослала, и как жена моя вышла и спросила, зачем оная девка так поступает, то она, поворотясь задом и опершись о перила, давала грубые ответы. И как уже неоднократно прежде было, что оный Бетигер за обиды, моим домашним учиненные, людей своих не наказывал, а суда на них просить смешно и стыдно, для того велел я ту девчонку посечь лозами, чтобы впредь фамилия моя от его служанок была спокойна. Помянутый Бетигер, вместо того чтобы мне поблагодарить за научение, забыв стыд и за мое к нему снисходительство благодарность, дерзнул утруждать на меня жалобою его сиятельство

г. президента, будучи сам виноват передо мною. И ныне, бегая по разным домам, обносит меня ложными жалобами и, по двору ходя, грозит мне через моих домашних, а от Лаборатории отстал. Для сего ваше высокородие всепокорно прошу, чтоб ради моего и следующего профессора спокойства оного лаборатора Бетигера от академической службы отставить, а вместо его принять холостого одинокого человека, у которого бы не могли быть бесчестные и подозрительные в доме поступки. На место его рекомендую студента Василья Клементьева, который сию должность отправлять и себе большее искусство в химии снискать может. В надежде сего с должным почитанием пребываю

Майя 10 дня
1756 года

всепокорный слуга
вашего высокородия
Михайло Ломоносов

<ПИСЬМО Я. Я. ШТЕЛИНУ>

27 октября 1757 г.

Перевод

Высокоблагородный господин надворный советник,
высокочтимый друг.

Хотя я уже вполне уверен, что ваше высокородие имеет о моей мозаичной работе самое лучшее и соответствующее действительности мнение, все же нахожу необходимым напомнить вашему высокоблагородию некоторые обстоятельства, а именно: 1) что это искусство, которое во все времена пользовалось особым почетом, здесь моими стараниями в короткое время доведено до такого состояния, для достижения которого в Риме потребовалось несколько столетий и большие затраты, несмотря на то, что там всегда можно было найти так много мастеров живописи и по стеклу; 2) что все материалы имеют такую же прочность и качество, как и римские, а краски их не изменяются ни от воздуха, ни от солнца, ни вследствие истечения времени, так как они изготовляются на сильном огне; 3) а так как это искусство здесь доведено до такой высоты, то несомненно, что при большом опыте, в особенности в большом объеме, оно достигнет такого вы-

сокого совершенства, какого только можно желать. Настоящее напоминание, будучи справедливым, полезно не только мне, но и изящным искусствам вообще, поэтому я нисколько не сомневаюсь, что ваше высокоблагородие примете его во внимание при репорте Канцелярии.

Остаюсь с полным почтением

вашего высокоблагородия
покорнейший слуга
М. Ломоносов

27 октября
1757

Адрес: Господину Штелину, надворному советнику и директору Академии Художеств. В собственном доме.

<ДОНОШЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ОТПУСКА ДЛЯ ПОЕЗДКИ НА ФАБРИКУ>

22 июля 1758 г.

В Канцелярию Наук

Доношение

Крайние мои нужды требуют меня отлучиться отсюда на заведенную мою фабрику.

Того ради Канцелярию Академии Наук прошу на оную фабрику отпустить меня на двадцать на девять дней без вычету жалованья.

Коллежский советник Михайло Ломоносов

Июля 22 дня
1758 году

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

8 июля 1759 г.

Отрывок

<...>Мои манускрипты могут ныне больше служить, нежели я сам, не имея от моих недоброжелателей покоя. Сверх сего, не продолжая времени, должен я при первом

случае объявить в ученом свете все новые мои изобретения ради славы отечества, дабы не воспоследовало с ними того же, что с ночезрительною трубою случилось. Сей ущерб чести от моих трудов стал мне вдвое горестен, для того что те, которые сие дело невозможным почитали, еще и поныне жестоко, с досадительными словами спорят, так что видя не видят и слыша не слышат. Невзирая на то, стараюсь произвести в действие еще новый оптический инструмент, которым бы много глубже видеть можно было дно в реках и в море, нежели как видим просто. Коль сие в жизни человеческой полезно, всяк удобно рассудить может. При сем не могу преминуть, чтобы не показать явного бессовестия моих недоброхотов. В «Трудолюбивой» так называемой «пчеле» напечатано о мозаике весьма презрительно. Сочинитель того Тр[едиаковский] совокупил свое грубое незнание с подлою злостию, чтобы моему рачению сделать помешательство. Здесь видеть можно целый комплот. Тр[едиаковский] сочинил, Сумароков принял в «Пчелу», Т[ауберт] дал напечатать без моего уведомления в той команде, где я присутствую. По сим обстоятельствам ясно видеть ваше высокопревосходительство можете, сколько сии люди дают мне покою, не престая повреждать мою честь и благополучие при всяком случае! Умилосердитесь надо мною, милостивый государь, свободите меня от таких нападков, которые, меня огорчая, не дают мне простираться далее в полезных и славных моих отечеству упражнениях. Никакого не желаю мщения, но токмо всеуниженно прошу оправдан быть перед светом высочайшею конфирмациею докладу от Правительствующего Сената о украшении Петропавловской церкви, чего целый год ожидая, претерпеваю сверх моего разорения посмеяние и ругательство. Ваше сильное ходатайство может меня от всего скоро избавить и уверить меня о непременной милости, которую за особливое счастие и честь в жизни моей почитаю.

Вашего высокопревосходительства
всенижайший и усердный слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
8 июля 1759 года

<ПИСЬМО М. И. ВОРОНЦОВУ>

30 декабря 1759 г.

Сиятельнейший рейхс-граф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

В надежде на высокую вашего сиятельства милость принимаю дерзновение утруждать вас, милостивого государя, всеуниженным прошением, касающимся больше до общей, нежели до моей пользы, в котором уповаю милостивейшего от вашего сиятельства извинения, когда вам усердные мои труды представлю. Через пятнадцать лет нес я на себе четыре профессии, то есть в обоем красноречии, в истории, в физике и в химии, и оные отправлял не так, чтобы только как-нибудь препроводить время, но во всех показал знатные изобретения: в красноречии ввел в наш язык свойственное стихов сложение и штиль исправил грамматическими и риторическими правилами и примерами в разных сочинениях; в физике разные публичные речи и диссертации в «Комментариях», от великих ученых людей вес[ь]ма похваленные; в истории показанное истинное происхождение российского народа в первом томе «Истории российской»; в химии, кроме других изобретений, мусия. Сверх сего уже три года отправляю дела канцелярские, стараясь о распространении наук в отечестве. В Гимназии через тридцать лет было такое бедное состояние, что учащиеся ходили в классы в толь нищетском виде, что стыдно было их показывать честным людям; получая жалованье, на пищу отцам своим отдавали и, будучи голодны и холодны, мало могли об учении думать и сверх сего хождением домой чрез дальное расстояние и служением дома отцу и матери теряли почти все время, имели случай резвиться и видеть дома худые примеры. Для того не дивно, что с начала Гимназии не произошли не токмо профессоры или хотя адъюнкты доморощен[н]ые, но ниже́ достойные студенты. Ныне по моему представлению и старанию все гимназисты чисто одеты одинаким зимним и летним платьем, имеют за общим столом довольную пищу, время употребляют на учение и ведут себя порядочно, и потому были в один уже год несколько в классах произвождений, и восмь человек от Профессорского собрания удостоены в студенты по строгом экзамене. Введенными мною российскими классами в Гимназии пользуются не токмо россияне, но и чужестранцы. Таким

же образом и о Университете крайне стараюсь, но мало к тому моего авторитету. Товарищи мои по Канцелярии, имея в смотрении людей нижних чинов, легко могут с ними управиться. Напротив того, мне в нынешнем чине не сметь и напомянуть профессорам о исполнении должностей, что почитают за обиду и ходят по знатным домам с ложными жалобами. Нынешний отъезд его сиятельства, милостивого государя графа Кирила Григорьевича необходимо требует особливого учреждения, затем что два иностранные в Канцелярии члены против меня перевес имеют, который я чувствую не без остановки приращения ученых россиян. Великий Академический корпус, состоящий из многих департаментов, неотменно должен иметь вице-президента, ибо оные положены в много меньших командах. К сему ежели кто определен будет извне Академии, то никакой не воспоследует почти пользы, затем что он долго будет должен признаваться ко внутреннему академическому состоянию и между тем чужих умов слушать, которые в Академии коль несогласны, довольно известно. Напротив того, будучи двадцать лет в сем корпусе в разных чинах и уже девять лет советником, три года членом Канцелярии и прежде в нескольких бывших в ней комиссиях быв судьею и сверх того отправляя разных профессоров должности и чрез то вызнав и высмотрев во всей Академии, где есть излишества и недостатки, совершенное право имею всенижайше просить о произведении меня в оное достоинство, представля[я] при том истинную и врожденную мою любовь и ревность к отечеству и к наукам, которая всего чувствительнее в моем сердце. Для сих причин не сомневаюсь, что ваше сиятельство будете мне в получении оного по древней вашей отеческой милости предстатель и помощник и тем вяще ободрите мое рачение к размножению в отечестве природных ученых людей, в которых не без сожаления видим великий недостаток. В ожидании такой вашей высокой отеческой милости с глубоким высокопочитанием пребываю

милостивый государь,
вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Декабря 30 дня
1759 года

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

14 февраля — 17 апреля 1760 г.

При представлении нижайше прошу напомнить:

1. что служу 9 лет в одном чине и остался от многих;
2. что в Академии больше мне надобно авторитету, чтобы иностранные перевесу не имели;
3. что граф К[ирилл] Г[ригорьевич] и прежде сего представлял о вице-президенте;
4. что всеми силами стараюсь о ученых россиянах, сочинил регламенты, привел в порядок Гимназию;
5. и прежде сего советы давал о Московском университете;
6. что вице-президентский чин — невеликий, а в графских отсутствиях надобен;
7. сие ободрит меня к сочинению в один год «Петриады».

NB Постарайтесь, милостивый государь, чтобы я благодарственное слово на университетской инавгурации проговорил с великим ободрением.

<ПИСЬМО ШВЕДСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК>

15 июля 1760 г.

Перевод

Славнейшей Шведской королевской академии наук службу свою преданнейше предлагает и нижайший привет шлет Михайло Ломоносов.

Удостоившись чести получения любезной и благожелательной грамоты, которой славнейшая Академия наук пожелала удостоверить избрание мое в члены, почел я за долг свой незамедлительно изъявить благодарность за столь великую и особенную милость, от знаменитейшего общества полученную. Чтобы, однако, обратиться мне к собранию таковых мужей не с одной только пустой благодарностью, но как члену уже членскую работу предъявить, вменил я себе в обязанность предложить некий образец моей благодарности и усердия. Итак, дерзаю преподнести книжку, где вкратце изъясняются явления, свойственные родному вам и нам Северу, которые, как мне по крайней

мере то ведомо, в кругу ученом известны не так, как они того заслуживают. Действительнейшим доказательством верности будет суждение о них славнейшей Королевской шведской академии наук, милостивое внимание которой никогда не забуду чтить я благодарной душой.

Петербург
15 июля 1760 г.

<ПИСЬМО Г. Н. ТЕПЛОВУ>
30 января 1761 г.

Неоднократно писал я к его сиятельству и к вашему высокородию от истинного усердия к расширению наук в отечестве в Москву и на Украину и представлял здесь словесно и письменно о исправлении застарелых непорядков. Однако не по мере монаршеской к наукам щедроты воспоследовали решения и успехи, за тем что не отнято прежнее самовольство недоброхотам приращению наук в России; а когда злодеи ободряются, а добрые унижаются, то всегда добру вред чинится. Кроме многих, недавнейший пример сами довольно помните и в совести своей представить можете, что вы, осердясь на меня по бессовестным и ложным жалобам двух студентов, кои отнюд требовали быть адъюнктами по недостоинству, а сами от Университета вовсе отстали, и из коих, как я после уведомился, один вам сват, сделали неправое дело. Не спрося от меня ответу и оправдания, присоветовали, да и по штилю видно, сами сочинили мне публичный выговор: человеку, который больше достоинств и услуг имеет, нежели за такую мелочь перед командою был обруган. И того еще вам было мало: в досаду мне прибавили Миллеру жалованья, якобы он отправлял три дела исправно, а именно за то, что он, будучи профессором тридцать лет, никогда лекций не читывал и не сочинил ничего, что бы профессора было достойно; 2) что он, будучи конфе[ре]нц-секретарем, задерживает «Комментарии» неисправностию в сочинении сокращений, ведет тайную, непозволенную и подозрительную с иностранными переписку; 3) что в «Ежемесячные сочинения» вносит не токмо вещи, какие студент может и кадеты с похвалою исправляют, но и везде, где только можно, предосудительные нашему отечеству мысли вносит.

Все сие показалось вам заслугами. А мое представление, что я через шестнадцать лет одами, речьми, химиею, физикою, историею делаю честь отечеству и всегда о добре Академии и о праведной, а не подложной чести его сиятельства усердствую, вы прияли за погрешность, для того что я не удовольствовал бесстыдных требований вашего свата. Поверьте, ваше высокородие, я пишу не из запальчивости, но принуждает меня из многих лет изведанное слезными опытами академическое несчастие. Я спрашивал и испытал свою совесть. Она мне ни в чем не зазрит сказать вам ныне всю истинную правду. Я бы охотно молчал и жил в покое, да боюсь наказания от правосудия и всемогущего промысла, который не лишил меня дарования и прилежания в учении и ныне дозволил случай, дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению наук в отечестве, что мне всего в жизни моей дороже.

Некогда, отговариваясь учинить прибавку жалованья профессору Штрубу, писали вы к нему: L'Académie sans acadèmiciens, la Chancel[l]erie sans membres, l'Université sans étudians, les règles sans autorité, et au reste une confusion jusque à présent sans remède [Академия без академиков, Канцелярия без членов, Университет без студентов, правила без власти и в итоге беспорядок, доселе безысходный]. Кто в том виноват, кроме вас и вашего непостоянства? Сколько раз вы были друг и недруг Шумахеру, Тауберту, Миллеру и, что удивительно, мне? В том больше вы следовали стремлению своей страсти, нежели общей академической пользе, и чрез таковые повседневные перемены колебали, как трость, все академическое здание. Тот сегодни в чести и в милости, завтре в позоре и упадке. Тот, кто выслан с бесчестием, с честию назад призван. Из многих примеров нет Миллерова чуднее. Для него положили вы в регламенте быть всегда ректором в Университете историографу, сиречь Миллеру; после, осердясь на него, сделали ректором Крашенинникова; после примирения опять произвели над ним комиссию за слово Académie phanatique [Академия фанатичная], потом не столько за дурную диссертацию, как за свою обиду, низвергнули вы его в адъюнкты и тотчас возвели опять в секретари Конференции с прибавкою вдруг великого жалованья, представили его в коллежские советники, в канцелярские члены; и опять мнение отменили; потом прибавили 200 рублев жалованья и еще с похвалами в ту самую пору,

когда его должно было послать на соболиную ловлю. Все сие производили вы по большей части под именем охранения президентской чести, которая, однако, не в том состоит, чтобы делать вышепомянутые перевороты, но чтобы производить дело божие и государево постоянно и непревратно, приносить обществу беспрепятственную истинную пользу и содержать порученное правление в непоколебимом состо[я]нии, и в неразвратном и беспрерывном течении. Представьте себе, что знающие думают, а знают все; представьте, что говорят? Миллер, штрафованный за вздорную диссертацию о российском народе и оному предосудительную и за то в определении подозрительным признанный, имеет уже позволение писать и печатать на немецком языке российские известия безо всякой опасности. Изобличенный в непозволительной переписке и за то арестованный, учинен секретарем Конференции и пишет, что хочет, без ее ведома! Всеватель недоброхотных и занозливых мыслей в «Месячные сочинения» получает за то похвалы и награждения. Все сие происходит чьим старанием? — Вашего высокородия. И надеясь на вас, не хочет и не думает отстать от своих наглых глупостей и презирает указы, посылаемые из Канцелярии.

Обратитесь на прошедшее время и вспомните, сколько раз вы мне на Шумахера и на Миллера жаловались. Вспомните его самохвальное и российскому народу предосудительное «Сибирской истории» предисловие, которое вы сами опровергли; представьте его споры в комиссиях с Шумахером, со всеми профессорами, с вами, с президентом; вспомните, с другой стороны, ваши споры с Шумахером, между тем письмо о моем уничтожении к Эйлеру и ответ, что вы мне сообщили. Вспомните сто рублев перед вашею первою свадьбою, и между множеством подобных дел воспомяните, что вам благоразумный муж, ваш благодетель, князь Алексей Михайлович Черкаский говаривал о сапожнике: не бывать-де добру, пока он...[1] А ныне его наследник и подражатель то ж и еще дерзновеннее делает. Вспомните и то, что многими таковыми дурными переворотами обесславленную Академию вывесть из нарекания отпущен был Бургав в чужие краи, и нарочный пункт о том написан в его инструкции.

На все несмотря, еще есть вам время обратиться на правую сторону. Я пишу ныне к вам в последний раз, и

[1] Многоточие — в подлиннике.

только в той надежде, что иногда приметил в вас и добрые о пользе российских наук мнения. Еще уповаю, что вы не будете больше ободрять недоброхотов российским ученым. Бог совести моей свидетель, что я сим ничего иного не ищу, как только чтобы закоренелое несчастие Академии пресеклось. Буде ж еще так всё останется и мои праведные представления уничтожены от вас будут, то я забуду вовсе, что вы мне некоторые одолжения делали. За них готов я вам благодарить приватно по моей возможности. За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве и против отца своего родного восстать за грех не ставлю. Итак, ныне изберите любое: или ободряйте явных недоброхотов не токмо учащемуся российскому юношеству, но и тем сынам отечества, кои уже имеют знатные в науках и всему свету известные заслуги! Ободряйте, чтобы Академии чрез их противоборство никогда не бывать в цветущем состоянии, и за то ожидайте от всех честных людей роптания и презрения или внимайте единственно действительной пользе Академии. Откиньте льщения опасных противоборников наук российских, не употребляйте божиего дела для своих пристрастий, дайте возрастать свободно насаждению Петра Великого. Тем заслужите не токмо в прежнем прощение, но и немалую похвалу, что вы могли себя принудить к полезному наукам постоянству.

Что ж до меня надлежит, то я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятельми наук российских бороться, как уже борюсь двадцать лет; стоял за них смолода, на старость не покину.

В[ашего] в[ысокородия]

<ВЕДОМОСТЬ О РАБОТЕ ФАБРИКИ>

Не позднее 14 августа 1761 г.

Государственной Манифактур-коллегии в Контору
от коллежского советника и профессора
Михайла Ломоносова.

Ведомость

После подания последней моей ведомости о делах, производимых на моей фабрике, составлен на оной мозаичный образ св. апостола Петра и составляется третий портрет

е. и. в. Для украшения покоев в увеселительном доме е. и в. в Ораниенбауме поставлено мозаичных разноцветных составов 58 пуд по 5 рублев пуд. А ныне начинается делом картина мозаичная Полтавской баталии для Петропавловского собора, вышиною 7, шириною 9 аршин. Прочие мелочные работы происходят по-прежнему.

Коллежский советник Михайло Ломоносов

Августа дня
1761 года

<ПРОШЕНИЕ В ГЛАВНУЮ МЕЖЕВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ ОБ ОТМЕЖЕВАНИИ ЗЕМЛИ ПРИПИСАННЫМ К ФАБРИКЕ КРЕСТЬЯНАМ>

31 августа 1761 г.

Всепресветлейшая, державнейшая,
великая государыня императрица Елисавет Петровна,
самодержица всероссийская,
государыня всемилостивейшая.

Бьет челом Канцелярии Академии Наук советник и профессор Михайла Васильев сын Ломоносов, а о чем мое прошение, тому следуют пункты:

1-е

В прошлом 1753-м году марта 15-го именным в. и. в. указом всемилостивейше пожаловано мне для заведения бисерной фабрики к работам на той фабрике в Копорском уезде из отписанных на в. и. в. крестьян 211 душ со всеми к ним принадлежностьми, в том числе Коважской мызы в деревне Калище 90 душ, которые за неимением в той деревне надлежащей препорции земли еще во время бывшего по Ингермоландии межеванья во исполнение учрежденного тогда порядка переведены были на отписные земли от деревень Саволшины и Голубовицы, где и жительство имели, владея землями, угодьи от прочих тех деревень Саволшины и Голубовиц особо, которых и по данной из Правительствующего Сената в 756-м году привилегии ссылать и сбираемого прежде в Канцелярию от строений

государственных дорог оброку требовать не велено, что пространнее описано в той привилегии, с которой при сем подношу копию.

2-е

В 757-м году во исполнение именного ж в. и. в. указа определением Правительствующего Сената в предписанной деревне Голуб[ов]ицах собственно той деревни, а не переведенные из деревни Калища крестьяне отданы в число пожалованных генералу-лейтенанту, действительному камергеру и кавалеру Василью Ермолаевичу Скворцову.

3-е

По отдаче ему, г. Скворцову, тех отписных деревни Голуб[ов]ицы крестьян с стороны его от крестьян с крестьянами ж моими происходят споры, так что пашню и угодьи (коими мои крестьяне владели по нынешний 1761 год по отказу при межевании и в силу данной мне привилегии пользовались) г. Скворцов отнял и владеет усилно, отчего крестьяне мои крайне разоряются, и заведенная мною фабрика претерпевает остановку.

И дабы высочайшим в. и. в. указом повелено было сие мое челобитье в Главной Межевой канцелярии принять и в деревне Голубовицах на крестьян моих, которых числом мужеска полу 40 душ, пашни и прочих угодей отмежевать особо и по отмежевании на ту землю дать мне с плана и с межевых книг копии.

Всемилостивейшая государыня, прошу в. и. в. о сем моем прошении решение учинить.

К поданию надлежит в Главную Межевую канцелярию.

Челобитную писал оной же Канцелярии копеист Никифор Власов.

К сему прошению коллежский советник и профессор

Михайло Ломоносов руку приложил

Августа дня
1761 году

<ПИСЬМО М. И. ВОРОНЦОВУ>

24 июля 1762 г.

Сиятельнейший граф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

Тяжкая моя болезнь, снова усилившись в другой ноге, не дает мне покоя и свободы не токмо из дому, но нижé и с постели вытти. Итак, не имея случая персонально возобновить у вашего сиятельства мою всеуниженную просьбу, принимаю смелость напомнить о том письменно. Хотя я многими молодшими и многократно в произвождении обойден, или, лучше, наказан без всякой моей прослуги и вижу множество статских и действительных статских советников, кои все во время моего советничества асессорами и меньше были, но ныне всего несноснее я обижен, что г. Тауберт в одной со мною команде, моложее меня, коллежским советником восемь лет, пожалован статским советником без всякой передо мною большей заслуги, да лучше сказать, за прослуги и за то, что он беспрестанно российских ученых гонит и учащихся утесняет и мне во всех к пользе наук российских учиненных предприятиях всевозможные ставил препятствия. Итак, все мои будущие и бывшие рачения тщетны. Бороться больше не могу; будет с меня и одного неприятеля, то есть недужливой старости. Больше ничего не желаю, ни власти, ни правления, но вовсе отставлен быть от службы, для чего сегодня об отставке подал я челобитную его сиятельству Академии Наук г. президенту и о награждении пенсиею для прокормления до смерти и с повышением ранга против тех, коими обойден. Вас, милостивого государя, всеуниженно прошу преклонить его сиятельство на сие вашею дружескою важностию, которое благодеяние будет мне выше всех от вас, милостивого государя, прежде показанных, которые я, с глубоким благоговением благодаря, почитаю.

Вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

*Июля 24 дня
1762 года*

<ПРОШЕНИЕ НА ИМЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ОБ УВОЛЬНЕНИИ ОТ СЛУЖБЫ>

Июль 1762 г.

Всепресветлейшая, державнейшая,
великая государыня императрица Екатерина Алексеевна,
самодержица всероссийская,
государыня всемилостивейшая.

Бьет челом коллежский советник Михайло Васильев сын Ломоносов, а в чем мое прошение, тому следуют пункты:

1

В службе в. и. в. состоя тридцать один год, обращался я в науках со всяким возможным рачением и в них приобрел толь великое знание, что, по свидетельству разных академий и великих людей ученых, принес я ими знатную славу отечеству во всем ученом свете, чему показать могу подлинные свидетельства, и таковым учением, одами, публичными речьми и диссертациями пользовал и украшал я вашу Академию перед всем светом двадцать лет.

2

На природном языке разного рода моими сочинениями, грамматическими, риторическими, стихотворческими, историческими, также и до высоких наук надлежащими физическими, химическими и механическими стиль российский в минувшие двадцать лет несравненно вычистился перед прежним и много способнее стал к выражениям идей трудных, в чем свидетельствует общая апробация моих сочинений и во всяких письмах употребляемые из них слова и выражения, что к просвещению народа много служит.

3

Присутствуя в Канцелярии Академии Наук членом полшеста года без повышения чина и без прибавки жалованья, что, однако, моим товарищам учинено было, отправлял я должность мою по положенным на меня департамен-

там со всяческим рачением, так что Гимназия, Университет и Географический департамент пришли во много лучшее перед прежним состояние.

4

Помянутою моею ревностною и верною службою и многими трудами пришло мое здоровье в великую слабость, и частый лом в ногах и раны не допускают меня больше к исправлению должности, так что прошлой зимы и весны лежал я двенадцать недель в смертной постеле и ныне тяжко болен.

5

Невзирая на мои вышеупомянутые труды и ревностную и беспорочную службу для приращения наук в отечестве близ двенадцати лет, в одном чину оставлен я, нижайший, произвождением и обойден многими, меня молодшими в статских чинах, которым при сем реестр сообщается, и тем приведен в великое уныние, которое болезнь мою сильно умножает.

И дабы высочайшим в. и. в. милосердием благоволено было сие мое нижайшее прошение принять и меня для вышепомянутой болезни уволить от службы в. и. в. вовсе, а за понесенные мною сверх моей профессии труды и для того, что я многократно многими, в произвождении молодшими, без всякой моей прослуги обойден, наградить меня произведением в статские действительные советники с ежегодною пенсиею по тысячи по осьми сот рублев по мою смерть из Статской конторы. Между тем в покое и в уединении от хлопот, бывающих по должности, пользуясь таковою в. и. в. всевысочайшею щедротою, в часы, свободные от болезни, не премину в науках посильно упражняться в пользу отечества.

Всемилостивейшая государыня, прошу в. и. в. о сем моем челобитье решение учинить. Прошение писал Академии Наук геодезии студент Илья Аврамов.

К сему прошению коллежский советник Михайло Васильев сын Ломоносов руку приложил

Июля дня
1762 года

<ПИСЬМО Г. Г. ОРЛОВУ>

25 июля 1762 г.

Милостивый государь
Григорий Григорьевич!

Обрадуй всевышний господь ваше превосходительство, сколько я милостивым вашим присыланием обрадован сего дня. Подай вам во весь век столько чувствовать удовольствия, как я ныне. Но оно бесконечно умножится, когда совершение вашего благодеяния истинно отеческого воспоследует, ибо оным все истинные сыны отечества от уныния восставлены или, лучше сказать, воскрешены будут. Напротив того, явные недоброхоты российские, в коварных своих происках ослабясь, не так станут насягать на нас дерзостно. Ныне время златой здешним наукам век поставить и от презрения (в которое я было сам первый попал) избавить возлюбленный российский род! Не укосни, милостивый государь, в отчаянии и дряхлости сетующее учащееся здесь юношество оживить отрадою и показать, что ваше превосходительство бог возвысил истинным сыном отечества на защищение верных природных подданных е. в. В надежде несомненного отеческого вашего покровительства с глубоким высокопочитанием пребываю

вашего превосходительства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Июля 25 дня
1762 года

<ПИСЬМО Ф. Г. ОРЛОВУ>

26 июля 1762 г.

Милостивый государь
Федор Григорьевич!

Для подтверждения моего законного прошения еще документы моей службы при сем прилагаю, кои прошу всепокорно вручить его превосходительству милостивому государю Григорью Григорьевичу для показания всемило-

стивейшей государыне. К оным присовокупить можно, что в Германии знатных профессоров жалуют высокими чинами, баронами и тайными советниками, например Вольф, Бильфингер и другие; в Швеции профессор Линней носит кавалерию Северной звезды; в Париже Домеран — орден святого Людовика, Кондамин — святого Лазаря. Между тем, отдаясь в божие благоволение, его прошу: сотвори со мною знамение во благо, да видят ненавидящие мя и постыдятся, яко ты, господи, помогл ми и утешил мя еси.— Вышеписанное сообщаю для примера, не для прошения, чтоб только желаемое во благо б исполнить; благодарность моя его превосходительству бессмертна будет утверждена публичными памятниками. И вам с должным почитанием завсегда пребуду

всепокорный слуга
Михайло Ломоносов

Июля 26,
1762 года

P. S. Здесь примечать надлежит, что в чужих краях жалуют профессоров знатными чинами, а книгопродавцев и типографщиков, каков г. Таубергаупт, и других рукомесленных людей никакими чинами не повышают.

<ПИСЬМО М. И. ВОРОНЦОВУ>

5 февраля 1763 г.

Отрывок

<...>» P. S. Всепокорнейше благодарствуя за вступление вашего сиятельства за бедного, нагло обиженного Федоровича, принужден теперь сам прибегнуть в надежное защищение вашего сиятельства. По оклеветанию г. Тауберта, который в издании «Российского атласа» мне нагло препятствовал, прислан от его сиятельства Академии Наук г. [президента] ордер, чтобы Географический департамент из моего смотрения отдать г. Миллеру, который, имев прежде сего оный департамент семь лет в своем распоряжении, ни на волос добра не сделал. И для того оный департамент поручен мне в смотрение, и моим рачением исходатайствованы от Правительствующего Сената географические обстоятельные описания изо всех городов рос-

сийских и другие многие пользы: заготовлены многие ландкарты к новому атласу и в печати задержаны Таубертовыми происками, который, сам будучи остановки причиною, внушил его сиятельству во время моей болезни, яко бы я был тому виновен. Сжальтесь, милостивый государь, обо мне, бедном человеке, который тяжкою болезнию столько изнурен, оставлен перед прочими в забвении и, будучи в свете известен как первый в России человек подлинно ученый, претерпеваю гонение от иноплеменников в своем отечестве, о коего пользе и славе ревностное мое старание довольно известно.

<ПИСЬМО М. И. ВОРОНЦОВУ>

18 июня 1763 г.

Сиятельнейший рейхсграф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

Высокомилостивое от вашего сиятельства обнадежение о моем заступлении от моих ненавистников и гонителей уверяет меня о снисходительном принятии моего всеуниженного мнения и представлении моего дела, которое за необходимо нужное почитаю вам, милостивому государю и отцу, изъяснить, прежде нежели ваше сиятельство действительно употребите важное ваше заступление и предстательство. По пословице, что никто лучше не знает, где сапог ногу давит, как тот, кто его носит, вашему сиятельству довольно известно, какие распри, тяжбы и почти волнения у Шумахера почти со всеми профессорами с начала Академии, с советником Нартовым и с другими академическими российскими служительми, и что так же поступает его зять и наследник, и можете милостнвейше рассудить, сколь много я от обеих ношу коварных нападок. Итак, не могу больше терпеть таких злодейских гонений, и сил моих нет больше спорить, и наконец намерен остатки изнуренных на науки и на тщетные споры дней моих прспроводить в покое, который мне двумя способами от всемилостивейшия государыни пожалован быть может. Первое, буде поручены мне будут ученые, поныне в моем смотрении бывшие академические департаменты в единственную дирекцию, выключая других товарищей, кои мне по сю пору

мешали в добрых предприятиях, или мне дать полное увольнение от всех дел академических, ибо я не могу отнюд тягаться и совсем боюсь иметь г. Тауберта товарищем, или командиром, или подчиненным, и, словом, никакой по ученым делам коннексии, искусством изведав, коль мне от него обороняться тяжело, и спорить с таким коварным и неусыпным наветником горестно, и бесполезно, и вредно слабому моему здоровью. При сем, однако, уповаю на всесильную божескую десницу, что меня еще укрепит в трудах, служащих к размножению и установлению наук в России, ежели по первому моему желанию всемилостивейше благоволено будет. Для доказания и лучшего изъяснения вышеписанных всеуниженно прошу вас, милостивого государя, дозволить мне с час времени, когда благоволите, прежде приезду е. в. в Сарское Село для уверения вашего о моей справедливости и для показания границ моего законного искания, чего несомненно ожидая, с достодолжным высокопочитанием пребываю

вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Июня 18 дня
1763 года

<ПРОЕКТ УКАЗА О ПЕРЕДАЧЕ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВЕДЕНИЕ ЛОМОНОСОВА ВСЕХ «ДО НАУК НАДЛЕЖАЩИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ДЕПАРТАМЕНТОВ»>

18 июня 1763 г.

У[каз] н[ашему] С[енату]

Всемилостивейше пожаловали мы нашего коллежского советника М[ихайла] Л[омоносова] за его отменное искусство в разных науках и за принесенную теми нашей Академии честь и пользу нашим действительным статским советником с произвождением годового жалованья по тысячи по осьмисот рублев, и до наук надлежащие академические департаменты, кои по силе генерального регламента поручены были от президента по сие время в его особ-

ливое смотрение, вверяем ему ж, Ломоносову, в единственное расположение и смотрение, дабы он без всякого препятствия мог стараться о приращении наук в отечестве. И для того определенную на оные департаменты сумму по штату отделить от прочей в особливое комиссарство под его же, Ломоносова, единственное ведение. А что на оные ученые департаменты надлежащей суммы, за бывшим неимением положенных в стате профессоров, иностранных почетных жалованных членов, Конференции адъюнктов и университетских студентов, не употреблено, как по штату быть надлежало, но издержано на другие расходы, оное вычесть из общей академической суммы в [1] лет, а в случае нужды дополнять оное из академической Книжной лавки, дабы чрез то пришел весь Академический корпус в свое равновесие и чтобы определенная от вселюбезнейшей нашей тетки, блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны сумма на распространение наук в отечестве ни на что иное, кроме оного, не тратилась. И нашему Сенату учинить по сему надлежащее исполнение.

Или:

Всемилостивейше пожаловали мы нашего коллежского советника (тем же как выше) и от всех академических дел для его слабого здоровья уволяем, разве он сам как член оныя нашея Академии по своей воле и охоте в науках что производить похочет, что ему позволяется.

<ПИСЬМО М. И. ВОРОНЦОВУ>

9 мая 1764 г.

Сиятельнейший рейхс-граф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

Оказанные вашего сиятельства высокие отеческие ко мне милости уже издавна многократно уверили, коль велико и коль истинно любление ваше к наукам. Ныне же новое подтверждение вяще и вяще о том засвидетельствует. Вашим представлением воспоследовавшее принятие меня в члены Академии Болонскаго института не меньше

[1] В подлиннике — пропуск.

служит к чести отечества, нежели к моей похвале, за что от обоих заслужили ваше сиятельство достодолжную благодарность, которую воздавать вам, милостивому государю, не премину до смерти. Помянутой Академии через приложенное при том письмо к г. Цанотти посылается засвидетельствование моего истинного удовольствия и благодарности и при том признания, что я таковых похвал не достоин, кои в присланном мне объявлении приписаны. При сем ничего так искренне не желаю, как не в долгом времени видеть вас, милостивого государя, обратно в отечестве в совершенном здравии и удовольствии, чем и других многих сердца обрадуете, кои не меньше вам, как себе, доброжелательствуют. Мозаичное изображение Полтавской победы уже в марте месяце составлением окончано и теперь на месте отшлифовывается. Фигуры свыше чаяния хорошо выходят, и не сомневаюсь, что в половине июня месяца все дело начисто окончится и милостивое ваше попечение о внесении в «Флорентинские ученые ведомости» нетщетным быть докажется. Оканчивая сие, прошу всепокорнейше отпустить мне небольшое умедление на первые письма, полученные исправно. Оное произошло в твердом уповании скорого получения вашего всегда верного, милостивейшего обещания, коего исполнением в полученном вчера письме премного обрадован. С достодолжным высокопочитанием пребываю,

милостивый государь,
вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Из С. П.-бурга майя 9 дня
1764 года

<ПИСЬМО Ф. М. ЦАНОТТИ>

9 мая 1764 г.

Перевод

Франциску Марии Цанотти, секретарю славной Болонской академии, мужу знаменитейшему, известнейшему и ученейшему, особыми заслугами научными прославленному. Ми-

хайло Ломоносов, статский советник е. и. в. всея России, профессор химии в Петербургской Академии, шлет нижайший привет.

Получив любезнейшее письмо ваше, которым пожелали вы благожелательно меня уведомить о моем избрании всеми академиками в члены славной Болонской академии наук, весьма радуюсь и изъявляю вам великую благодарность, муж знаменитейший, за такую услугу вашу, а также всему славнейшему собранию и постараюсь, насколько в моих силах, отплатить за это. Полагаю, что человеку, преданному науке, ничто не бывает столь приятно, как одобрение людей, чьи великие и славные заслуги в науке всему миру и ученой среде так известны. Поэтому я решил, что мне нужно приложить все силы, чтобы в дальнейшем хоть сколько-то соответствовать тем похвалам, коих я не достоин, и представить вашей Академии, которую дерзаю почитать отныне и своею, плоды моих трудов. В числе их находятся мои наблюдения и построенные на них вычисления относительно колебаний маятника для наблюдения перемещения центра земли, каковой маятник описан в моем рассуждении о бóльшей точности морского пути, а также изменения высот в там же предложенном запаянном барометре. Все это начато в 1759 г. и до сего дня продолжается, поскольку позволяют остальные мои обязанности и здоровье. И, наконец, наблюдения над явлениями электрическими, которые в воздухе можно видеть и которые называются северным сиянием; истечение их в установленные на крышах электрические острия мне удалось видеть собственными глазами, так как прошедшей зимой и нынешней ранней весной эти явления против обыкновения случались часто и были весьма заметны. Все это находится в печати и, как скоро появится в свет, будет отправлено в знаменитую Болонскую академию, на ее просвещеннейший суд. Прощайте, муж знаменитейший, не лишите меня и впредь вашей благожелательности, не откажите изъявить вашим ученейшим и знаменитейшим коллегам мое уважение, готовность к услугам и признательность.

Петербург, 9 мая ст. ст.
1764 г.

<ПИСЬМО Л. ЭЙЛЕРУ>

Не ранее 21 февраля 1765 г.

Перевод

В высшей степени удивился я тому, что ваше высокородие, великий ученый и человек уже пожилой, а сверх того еще и великий мастер счета, так сильно просчитались в последнем своем вычислении. Отсюда ясно видно, что высшая алгебра — жалкое орудие в делах моральных: столь многих известных данных оказалось для вас недостаточно, чтобы определить одно маленькое, наполовину уже известное число. Вы достаточно хорошо знали, каким плутом был в отношении ученых Шумахер, и знали, что его ученик, зять и преемник еще хуже его; что Миллер — невежда и самыми первыми профессорами прозван бичом профессоров; что он сущий Маккиавель и возмутитель мира в Академии, каковым был и всегда. И при всем том вы не сумели разобраться в их лживых инсинуациях, касающихся Таубертовой комнатной собачки — Румовского. Тауберт, как только увидит на улице собаку, которая лает на меня, тотчас готов эту бестию повесить себе на шею и целовать под хвост. И проделывает это до тех пор, пока не минует надобность в ее лае; тогда он швыряет ее в грязь и натравливает на нее других собак. Прилагаю при сем извлечение из того, что написано вашим высокородием заклятому врагу всех честных людей, Миллеру, с присовокуплением моих замечаний. Вы не поставите мне в вину резких выражений, потому что они исходят из сердца, ожесточенного неслыханной злостью моих врагов, о безбожных нападках коих хочу дать вашему высокородию краткое представление... Плутовское правило Шумахера «divide et imperabis» [разделяй и будешь властвовать] доныне в превеликом ходу у его преемника. Вашему высокородию очень хорошо известно, что Шумахер всегда натравливал молодых профессоров на старых. Кроме всего прочего, сообщаю, что сам я претерпел: 1) Когда Конференция избрала меня в профессоры и аттестовала и покойная императрица это утвердила, Шумахер послал вам мои, уже одобренные диссертации, надеясь получить дурной отзыв. Но вы поступили тогда как честный человек. 2) Я получил из Кабинета сумму, чтобы устроить при Академии лабораторию; все это, равно как и должность профессора химии, хотел он доставить Бургаву; но это

ему не удалось, а я произвел удачные опыты по части мозаики, чем стяжал почет, поместья и милость. 3) Шумахеру, Миллеру и Тауберту это было страшной колючкой в глазу. Они улучили случай, когда я, выполняя полученный приказ, должен был писать историю, и чтобы выгнать меня из Лаборатории и из казенной квартиры, выписали для химии жалкого Сальхова. Но бог помог мне сразу же обзавестись собственным домом в центре Петербурга, поместительным, устроенным по моему вкусу, с садом и лабораториею, где я проживаю уже восемь лет и по своему усмотрению произвожу всякие инструменты и опыты. 4) Так как я восемь же лет заседаю в Канцелярии (не для того, чтобы начальствовать, а чтобы не быть под началом у Тауберта), то эта сволочь неизменно старается меня оттуда выжить.

<СВИДЕТЕЛЬСТВА О НАУКАХ СОВЕТНИКА ЛОМОНОСОВА>

1

Молодой человек преимущественного остроумия Михайло Ломоносов с того времени, как для учения в Марбург приехал, часто математические и философические, а особливо физические, лекции слушал и безмерно любил основательное учение. Ежели впредь с таким же рачением простираться будет, то не сомневаюсь, что, возвратясь в отечество, принесет пользу обществу, чего от сердца желаю. Дан в Марбурге 1739 июля 20.

Христиан Вольф.

2

Экстракт из определения Академии Наук.

Студент Михайло Ломоносов специмен своей науки еще в июле месяце прошлого 1741 году в Конференцию подал, который от всех профессоров оной Конференции апробован. К тому ж и в переводах с немецкого и латынского языков на российский язык довольно трудился.

Генваря 28 дня 1742 года.

3

С великим удовольствием я увидел, что Вы в Академических комментариях себя ученому свету показали, чем Вы великую честь принесли Вашему народу. Желаю, чтобы Вашему примеру многие последовали.

Вольф в письме из Галы от 6 августа 1753 года.

4

Все сии сочинения не токмо хороши, но и превосходны, ибо он изъясняет физические и химические материи самые нужные и трудные, кои совсем неизвестны и невозможны были к истолкованию самым остроумным ученым людям с таким основательством, что я совсем уверен о точности его доказательств. При сем случае я должен отдать справедливость господину Ломоносову, что он одарован самым счастливым остроумием для объяснения явлений физических и химических. Желать надобно, чтобы все прочие академии были в состоянии показать такие изобретения, которые показал господин Ломоносов.

5

Сколь много проницательству и глубине Вашего остроумия в изъяснении претрудных химических вопросов я удивлялся, так равномерно Ваше ко мне письмо было приятно...[1]. Из Ваших сочинений с превеликим удовольствием я усмотрел, что Вы в истолковании химических действий далече от принятого у химиков обыкновения отступили и с пространным искусством в практике высочайшее основательной физики знание везде совокупляете. Почему не сомневаюсь, что нетвердые и сомнительные основания сея науки приведете к полной достоверности, так что ей после место в физике по справедливости дано быть может.

Эйлер в письме от 23 марта 1748 года.

6

Как преглубоки Ваши рассуждения, которых сообщением дали Вы мне чувствительный знак своей любви и благосклонности... О умедлении моего ответа прошу не

[1] Многоточие — в подлиннике.

погневаться, затем что рассуждать о толь трудных и сокровенных вещах мысли времени требуют.

Эйлер в письме от 4 августа 1748 года.

7

Как я всегда удивлялся счастливому твоему остроумию, которым в толь разных науках превосходствуешь и натуральные явления с особливым успехом теоретически изъясняешь, так приятно было мне известие...[1] Достойное Вас дело есть, что Вы стеклу всевозможные цветы дать можете. Здешние химики сие изобретение за превеликое дело почитают.

Эйлер в письме из Берлина от 30 марта 1754 года.

8

Того ради старание тех, которые в сем деле трудятся, всегда великую похвалу заслуживают; тем должно больше Вам иметь обязательство, что Вы сей великий вопрос из тьмы исторгнули и положили счастливое начало в его изъяснение.

Эйлер в письме из Берлина от 11 февраля 1755 г.

9

Мне кажется, не остается более сомнения, чтобы внезапного мороза весьма жестокого причину сему действию приписать.

По таким добрым приращениям, коими натуральная наука чрез императорскую Академию обогащается, вящше и вящше ожидаем и впредь по справедливости великих и благополучных успехов, а особливо, что такие изыскания в других местах вовсе оставлены. Эйлер из Берл. 22 ген. 1754 после слова, говоренного в Акад. о электрических воздушных явлениях.

10

В том же томе содержится экстракт 14 тома Академических комментариев, где я пространно и с удовольствием описал Вашу прекрасную диссертацию о светлости металлов.

Формей в письме из Берлина от 23 октября 1753 года.

---

[1] Многоточие — в подлиннике.

11

Как я желаю Вам сделать обязательство во всем, что от меня зависит, я то исполнил и посылаю Вам при сем листки из моего журнала, где оная диссертация напечатана. Сие было должность, чтобы защитить толь праведное Ваше дело от таких неправедных поносителей.

Формей в письме из Берлина от 27 мая 1755 года

12

Должное воздаю Вам благодарение за акт академический и за программу достойное Вашея славы сочинение, которого сообщением Вы меня удостоили.

Кондамин в письме из Пломберии в Лотарингии от августа 1754.

13

Что проницательный Ломоносов о течении сей тонкой материи в облаках рассуждал, великую помощь подаст тем, которые в сем исследовании хотят своих сил отведать. Так же преизрядны его размышления о нисхождении верхнего воздуха и о внезапных морозах.

Эйлер в письме из Берлина в Акад. 1754 г.

14

Санктпетербургской императорской Академии Наук господин советник и химии профессор Михайло Ломоносов давно уже преименитыми в ученом свете по знаниям заслугами славное приобрел имя, и ныне науки, паче же всех физические, с таким рачением и успехами поправляет и изъясняет, что королевская Шведская академия наук, к чести и к пользе своей, рассудила с сим отменитым мужем вступить в теснейшее сообщество. И того ради Шведская королевская академия наук за благо изобрела славного сего господина Ломоносова присоединить в свое сообщество и сим писанием дружелюбно его приветствовать, дабы яко член соединенный королевской Шведской академии, уже как своей взаимное подавал вспоможение. Во уверение сего по повелению королевской Академии печать оныя приложил мая 7 дня 1760 года.

Петр Варгентин,
Шведской королевской академии наук секретарь.

15

Из Энциклопедии, что издается в Литтихе о ученых людей упражнениях, напечатано в Рассуждении слова о цветах:

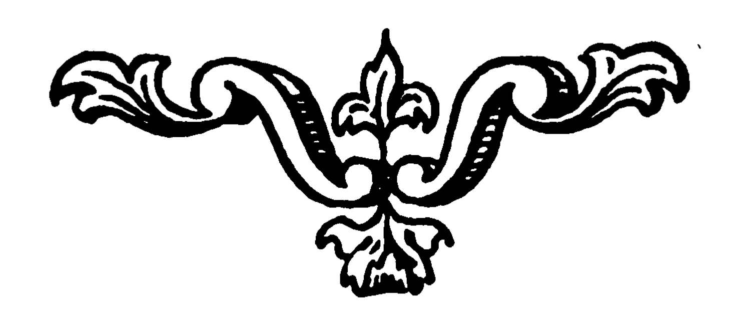
Мы не поступим далее в сем рассуждении; оно довольно приносит чести остроумию и рассуждению господина Ломоносова и подает причину удивляться приращению наук в тех краях, где мы недавно видели их рождение.

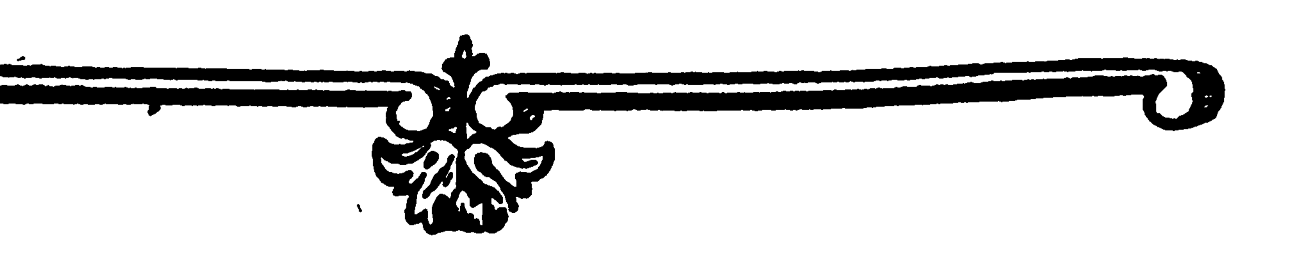
<ПЛАН БЕСЕДЫ С ЕКАТЕРИНОЙ II ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИХ РАБОТЕ ЛОМОНОСОВА В АКАДЕМИИ НАУК>

26 февраля — 4 марта 1765 г.

1. Видеть Г[осударыню].
2. Показывать свои труды.
3. Может быть, понадоблюсь.
4. Беречь нечего. Все открыто Шлёцеру сумасбродному. В Российской библиотеке есть больше секретов. Вверили такому человеку, у коего нет ни ума, ни совести, рекомендованному от моих злодеев.
5. Приносил его выс[очеству] дедикации. Да все! и места нет.
6. Нет нигде места и в чужих краях.
7. Все любят, да шумахершина.
8. Multa tacui, multa pertuli, multa concessi [Многое принял молча, многое снес, во многом уступил].
9. За то терплю, что стараюсь защитить труды П[етра] В[еликого], чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство pro aris etc. [за алтари и т. д.].
10. Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют
11. Ежели не пресечете, великая буря восстанет.

НАУКИ ЮНОШЕЙ ПИТАЮТ





<ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ О ПРИВЛЕЧЕНИИ СЕМИНАРИСТОВ В УНИВЕРСИТЕТ И ОБ УВЕЛИЧЕНИИ ЧИСЛА УЧЕНИКОВ ГИМНАЗИИ>

28 апреля 1746 г.

Перевод

Славнейшие мужи

Ввиду того, что от указов е. и. в., посланных из Правительствующего Сената, мы получили двойную отраду и выгоды, из коих одна состоит в том, что назначенное нам жалованье будет скорее выдаваться из Статс-конторы, другая же в том, что на нас исключительно возложена забота о науках и о делах, к ним относящихся,— мы не можем впредь жаловаться на то, что развитию науки в нашей империи мешают недостаток средств или стеснительные правила в Академии. Поэтому я считаю, что нам не следует более мешкать, но каждому в меру сил надо стараться выполнять свои обязанности на пользу империи, дабы высокий Сенат понял, что если мы подали столько жалоб, то побуждала нас к этому не корысть и не тщеславие, а стремление к пользе и славе, которая проистечет от наук для нашей империи. Каким образом это, по-моему, может быть выполнено, о том я представляю знаменитому Собранию академиков в следующих пунктах:

1) Мы, конечно, совершим полезное и приятное е. в. и империи дело, если путем нового ходатайства перед Правительствующим Сенатом получим студентов из семинарий и, обучая их и академическим упражнениям поощряя к бо́льшим успехам, приобретем для Академии Наук звание подлинного Петербургского университета. Об этом труде нам не придется сожалеть. Много великого обещает милость императрицы, благодаря которой умножены некоторые наиболее известные русские гимназии,

где количество учащихся достаточно велико. Хотя средства, назначенные для Академии, недостаточны для прокормления студентов, однако я думаю, что высокий Сенат будет кормить их на свой счет, до тех пора пока не будет налажено хозяйство Академии.

2) Полагаю, что следует заботиться о том, чтобы Гимназия обладала бóльшим количеством учеников; оттуда некогда должны выйти свои, так сказать, доморощенные студенты.

3) Ввиду того, что на русский язык переведено и в дальнейшем может быть переведено переводчиками много небесполезных книг, издавать которые, однако, трудно за невозможностью отдавать их в печать без особого указа Правительствующего Сената, то я думаю, что следует обратиться в высокий Сенат с просьбой доверить Академическому собранию просмотр как переводных, так и написанных по-русски книг, чтобы нам не быть вынужденными беспокоить столь высокое учреждение слишком частыми ходатайствами.

М. Ломоносов

1746 г. апреля 28 дня

<ПИСЬМО В. К. ТРЕДИАКОВСКОМУ>

12 октября 1748 г.

Отрывок

Государь мой Василей Кирилович!

Вы изволили мне объявить словесно, что в Собрании требуют от меня мнения о университетском регламенте. То я оное кратко объявляю и думаю, что в Университете неотменно должно быть трем факультетам: юридическому, медицинскому и философскому (богословский оставляю синодальным училищам), в которых бы производились в магистры, лиценцияты и докторы. А ректору при нем не быть особливому, но все то знать эфору или надзирателю, что в внесенном в Историческое собрание регламенте на ректора положено, ибо ректор в университете бывает главный командир, а здесь он только будет иметь одно имя. Не худо, чтобы Университет и Академия имели

по примеру иностранных какие-нибудь вольности, а особливо, чтобы они освобождены были от полицейских должностей. <...>

ваш государя моего
на подлинном подписано тако:
Михайла Ломоносов

12 октября
174[8] года

<РЕПОРТ ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК О НАЗНАЧЕНИИ В ХИМИЧЕСКУЮ ЛАБОРАТОРИЮ СТУДЕНТОВ>

19 января 1750 г.

В сокращении

<...> 2.

По регламенту Академии Наук профессорам должно не меньше стараться о действительной пользе обществу, а особливо о приращении художеств, нежели о теоретических рассуждениях, а сие больше всех касается до тех, которые соединены с практикою, каково есть химическое искусство. Того ради за благо я рассудил, во-первых, изыскивать такие вещи, которые художникам нужны, а выписывают их из других краев и для того покупают дорогою ценою. Итак, в конце прошлого лета и по осени искал я способов, как делать краски для живописи, и нашел, как делать лазурь берлинскую, которой два сорта при сем прилагаю: под нумером 1-м делана с купоросом русским, под нумером 2-м сделана с немецким. А ежели аглинский купорос к тому употреблен будет, которого мне еще иметь не случилось, то выйдет из того лазурь добротою много выше. Приложенные при сем сорты становятся в 75 копеек фунт, не считая работы, которая однако весьма немного будет стоить.

3

Стекла разных цветов употребляют в финифть и в финифтяную живопись, на малеванье фарфоровой и финифтяной посуды, на мусию и на другие украшения и сверх

того из таких стекол можно делать немалые плиты разных цветов, наподобие аспида и мрамора. Для того прилагаю я возможное старание, чтобы делать стекла разных цветов, которые бы к помянутым художествам годны были, и в том имею нарочитые прогрессы. При всех сих практических опытах записываю и те обстоятельства, которые надлежат до химической теории.

4

А понеже химии никоим образом научиться невозможно, не видав самой практики и не принимаясь за химические операции, для того весьма нужно и полезно, чтобы определить ко мне двух или трех студентов, которые бы, слушая мои лекции и в практике могли упражняться; и труды бы мои двоякую приносили пользу, то есть новыми изобретениями для художеств и наставлением студентов.

Того ради ваше сиятельство нижайше прошу для показанной пользы к научению химии определить студентов, чтобы они впредь могли плоды свои принести отечеству. Генваря 19 дня 1750 года.

О сем рапортует и просит химии профессор Михайла Ломоносов

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

8 мая 1751 г.

Милостивый государь Иван Иванович!

Поздравляю вас с благополучным выездом в те прекрасные места, в которых холодноватые российские зефиры не могут препятствовать натуры и искусства силе в произведении красот, обыкновенных в благорастворенном теплотою климате. Дай боже, чтобы прежестокая минувшая зимы стужа и тяжелый продолжательныя весны холод награжден вам был прекрасного лета приятною теплотою. А чтобы в оных днях ясность и тихость еще показалась вам приятнее, то должно вам представлять в уме противное время. Но как лето и зима вдруг быть не могут, чтобы вы, сличив одно с другим, при строгости и скучном виде одного могли яснее видеть и выше почесть другого красоту, нежность и приятность, для того имею честь прислать вам зиму сти-

хотворную в эклоге, сочиненной студентом Поповским. Я в ней не поправил ни единого слова, но какову он прошедшей зимы дал, так к вам и вручить честь имею, с должным почтением непременно пребывая

вашего высокородия
всепокорный слуга
Михайло Ломоносов

Санктпетербург
Маия 8 дня
1751 года

<РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК О НАЗНАЧЕНИИ УЧЕНИКА ПО МОЗАИЧНОМУ ДЕЛУ>

15 сентября 1752 г.

В Канцелярию Академии Наук

Репорт

Сего сентября 4 дня имел я высочайшую милость поднести е. и. в. собственный мною мозаичный образ богоматере, который ея освященными руками с оказанием удовольствия всемилостивейше принят. Составлен помянутый образ с оригинала славного римского живописца Солимена. Всех составленных кусков поставлено больше четырех тысяч, все моими руками, а для изобретения составов делано две тысячи сто восемьдесят четыре опыта в стеклянной печи. А чтобы сие дело, будучи мною толь далече произведено при Академии, на том не окончалось, для того Канцелярия Академии Наук да соблаговолит дать мне в научение достойного ученика, ибо я изобрел к сему делу все способы и показать могу довольно, но сам всегда в том не могу упражняться, желая служить отечеству другими знаниями и науками.

Советник Михайло Ломоносов

Сентября дня
1752 году

<РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК О ПОЭТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. Н. ПОПОВСКОГО>

12 января 1753 г.

В Канцелярию Академии Наук

Репорт

Порученный прошлого 1752 года мне студент Николай Поповский от Канцелярии Академии Наук, чтоб он от меня получал в стихотворстве наставления, показывает в оном весьма изрядные опыты своей особливой способности. И уже прошлого 1752 года на торжественный праздник коронования е. и. в. сочинил оду, которую письменную приватно показывал я при дворе моим благодетелям и немалую похвалу от них слышал. А в последних месяцах минувшего 1752 года подал мне он свой перевод Горациевых стихов о стихотворстве (Ars poetica) и некоторых од, который так хорошо сделал, что напечатания весьма достоин. И при отъезде двора знающие в красноречии силу желали их видеть в печати.

Того ради Канцелярия Академии Наук да соблаговолит оные напечатать, а помянутому студенту Поповскому сделать отличное ободрение от прочих награждением ранга и жалованья, ибо он уже ныне в состоянии искусством своим в чистоте российского штиля и стихотворства приносить Академии Наук честь и пользу. Сочиненные им с Горациевых стихи при сем прилагаются.

Коллежский советник и профессор
Михайло Ломоносов

1753 года
генваря 12

<РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК ОБ УСПЕХАХ СТУДЕНТОВ, ЗАНИМАВШИХСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ ЛОМОНОСОВА ПОЭЗИЕЙ И ХИМИЕЙ>

5 февраля 1753 г.

В Канцелярию Академии Наук

Репорт

В прошлом 1751-м году августа 30 числа порученные мне студенты, по ордеру его сиятельства Академии Наук президента, для наставления в поэзии Николай Поповской, а в химии Василей Клементьев, Иван Братковской, Иван Федоровской имеют в науках следующие прогрессы. Николай Поповской задаванные ему от меня разные материи стихами сочинял и переводил весьма изрядно и ныне имеет опыт своего искусства в переводе стихами, который уже по соизволению Канцелярии Академии Наук к печатанию отдан. Того ради по моему рассуждению весьма достоин, чтоб его, Поповского, за его особливую в красноречии способность отличить от прочих студентов чином и жалованьем и отделить квартерою от их общежития, чтобы он, с хорошими людьми обращаясь, привык к пристойному обхождению, ибо между студентами, которые пристойного воспитания не имели и для своей давней фамилиариости не без грубостей поступают, учтивых поступков научиться нельзя. Что ж до моих химических лекций касается, то имеют оные быть окончены около майя месяца сего 1753 года, и по окончании оного явится успех каждого. Между тем могу засвидетельствовать, что на чинимые на лекциях моих вопросы способнее других ответствуют Степан Румовский, который по соизволению Канцелярии с прочими студентами на мои лекции прилежно ходит; Иван Братковский также бы мог иметь равный успех, если бы не часто лекции прогуливал. Василей Клементьев всех прилежнее и, как по обстоятельствам примечаю, изрядно понимает и помнит, однако на вопросы ответствовать весьма застенчив, так что иногда сказать не может того, что ему, конечно, весьма памятно быть должно. Иван Федоровской, хотя нарочитое понятие имеет, однако приметил я в нем невеликую к химии охоту.

Коллежский советник и профессор
Михайло Ломоносов

*Февраля 5 дня
1753 года*

<РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК ОБ УСПЕХАХ ПРИСЛАННОГО ИЗ КАНЦЕЛЯРИИ ОТ СТРОЕНИЙ УЧЕНИКА П. ДРУЖИНИНА>

12 февраля 1753 г.

В Канцелярию Академии Наук

Репорт

Прошлого 1752 году присланный из Канцелярии от строений ученик Петр Дружинин и от Канцелярии Академии Наук мне порученный для показания составов разноцветных стекол, будучи при Лаборатории, прилежно изучился составлению оных стекол, которые в его бытность для набору мозаичного образа деланы, и больше ничего не остается, как чтоб он на стеклянных заводах сделал пробы тому в дровяном тамошнем огне, что здесь в угольном видел и сам делал, ибо в том состоит нарочитая разность, которую он, будучи при деле, приметить и исправить может, зная довольные основания, а что будет ему сомнительно, о том может при Академической лаборатории искать наставления.

Коллежский советник и профессор
Михайло Ломоносов

Февраля 12 дня
1753 году

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

23 августа 1753 г.

Милостивый государь Иван Иванович!

Получив от студента Поповского перевод первого письма Попиева «Опыта о человеке», не могу преминуть, чтобы не сообщить вашему превосходительству. В нем нет ни единого стиха, который бы мною был поправлен. Я весьма опасаюсь, чтобы его в закоснении не оставили. Он давно уже достоин произведения. Ныне есть место ректорское в Гимназии после ректора Ратгаккера, которое он весьма способ-

но управлять может, зная латинский язык совершенно и притом изрядно разумея греческий, французский и немецкий, а о искусстве в российском сей пример об нем свидетельствует. Для того и профессор Фишер, который сам был долго ректором, весьма его к сей должности ободряет. Ш[умахер] хотя кажет вид, что то же хочет делать, однако отнюдь верить нельзя, и больше, чаю, противное сделать намерен. Публичное действие после Рихмановой смерти обещал неоднократно произвести в дело и часто ко мне присылал о поспешении, а как я ныне читал, то он сказал, что из Москвы не имеет известия, будет ли актус. Между тем слышал я от профессора Г[ришова], которому он сказал, что актус будет отложен. Академическое собрание после смерти Рихмановой и после отъезда Краценштейнова весьма мало осталось, состоя в четырех профессорах, из которых я с неизменным глубокопочитанием пребываю до смерти

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Августа 23 дня
1753 года

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

Июнь — июль 1754 г.

Милостивый государь Иван Иванович!

Полученным от вашего превосходительства черновым доношением Правительствующему Сенату к великой моей радости я уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества. При сем случае довольно я ведаю, сколь много природное ваше несравненное дарование служить может и многих книг чтение способствовать. Однако и тех совет вашему превосходительству небесполезен будет, которые сверх того университеты не токмо видали, но и в них несколько лет обучались, так что их учреждения, узаконения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на карти-

не, представляются. Того ради, ежели Московский университет по примеру иностранных учредить намеряетесь, что весьма справедливо, то желал бы я видеть план, вами сочиненный. Но ежели ради краткости времени или ради других каких причин того не удостоюсь, то, уповая на отеческую вашего превосходительства ко мне милость и великодушие, принимаю смелость предложить мое мнение о учреждении Московского университета кратко вообще.

1) Главное мое основание, сообщенное вашему превосходительству, весьма помнить должно, чтобы план Университета служил во все будущие роды. Того ради, несмотря на то, что у нас ныне нет довольства людей ученых, положить в плане профессоров и жалованных студентов довольное число. Сначала можно проняться теми, сколько найдутся. Со временем комплет наберется. Остальную с порожних мест сумму полезнее употребить на собрание университетской библиотеки, нежели, сделав ныне скудный и узкий план по скудости ученых, после, как размножатся, оный снова переделывать и просить о прибавке суммы.

2) Профессоров в полном университете меньше двенадцати быть не может в трех факультетах.

В Юридическом три

I. Профессор всей юриспруденции вообще, который учить должен натуральные и народные права, также и узаконения Римской древней и новой империи.
II. Профессор юриспруденции российской, который, кроме вышеписанных, должен знать и преподавать внутренние государственные права.
III. Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прешедшие веки и как состоят в нынешнее время.

В Медицинском 3 же

I. Доктор и профессор химии.
II. Доктор и профессор натуральной истории.
III. Доктор и профессор анатомии.

В Философском шесть

I. Профессор философии.
II. — физики.
III. — оратории.

IV. — поэзии.
V. — истории.
VI. — древностей и критики

3) При Университете необходимо должна быть Гимназия, без которой Университет, как пашня без семян. О ее учреждении хотел бы я кратко здесь вообще предложить, но времени краткость возбраняет.

Не в указ вашему превосходительству советую не торопиться, чтобы после не переделывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я целый полный план предложить могу, непременно с глубоким высокопочитанием пребывая

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

<ПРОЕКТ РЕГЛАМЕНТА МОСКОВСКИХ ГИМНАЗИЙ>

12 января — 26 апреля 1755 г.

В сокращении

Регламент московских гимназий

Глава первая

О ПРИЕМЕ ШКОЛЬНИКОВ В ГИМНАЗИЮ

§ 1

Науки благороднейшими человеческими упражнениями справедливо почитаются и не терпят порабощения. Того ради в первую Гимназию принимать только детей дворянских или которых отцы дворянского рангу дослужились. В другую Гимназию принимать разночинцев, кроме тех, которые, состоя в синодальном ведомстве, имеют нарочно для них учрежденные училища. Не принимать никаких крепостных помещичьих людей, кроме того, когда помещик, усмотрев в ком из них особливую остроту, пожелает его обучать в Московской гимназии и в Университете свободным наукам; должен его прежде объявить вольным и, отказав-

шись от своего права и власти, которую он над ним имел прежде, дать ему увольнительное письмо за своею рукою и за приписанием свидетелей. Данное отпускное письмо хранить в университетском архиве при директории, а оного школьника производить с прочими разночинцами по его учению и пользоваться ему теми же с ними привилегиями; когда ж явится негоден, отдать его помещику обратно попрежнему.

§ 2

Сие все разумеется о приеме на определенное жалованье в комплет. А на своем коште позволяется всякого чина людям отдавать детей своих для обучения в оные гимназии, выключая крепостных помещичьих людей без отпускного письма, как выше показано.

§ 3

В обоих гимназиях на жалованье в комплете не должно быть иностранных больше пятой доли, но и тем, которых отцы обязались быть вечными российскими подданными. Без жалованья вольных иностранных принимать кто лишь только похочет.

§ 4

Всяк, кто желает детей своих или поверенных себе под опеку отдать для обучения в Московскую гимназию из дворян или из разночинцев, должен оных представить в университетской директории при доношении, в котором объявить представляемого ученика лета и чему он обучился или нет, на казенном ли жалованье или на своем коште содержать его намерен. В первом случае имеет быть принят в комплет и введен по свидетельству ректорскому в пристойную школу, ежели будет порожжее место; когда ж того не будет, ожидать по порядку времени, как кто подал доношение, между тем обучаться может на своем коште. Во втором случае принимать и обучать по свидетельству в пристойных школах тому, чего кто пожелает.

§ 5

Для сего инспектору Гимназии иметь четыре списка для представления в директорию во всякую треть: первый о

дворянских детях на жалованье, второй для таковых же без жалованья учащихся, третий учащихся на жалованье разночинцев, четвертый таковых же, которые учатся на своем коште, с показанием в котором году, месяце и числе приняты в Гимназию.

§ 6

Ежели родители не похотят детей своих обучать латинскому языку, но токмо французскому или немецкому, либо арифметике, геометрии и географии, о том при доношении объявлять в директории, дабы по тому учения их расположить можно было. Сие разумеется о тех, которые обучаются на своем коште.

<...>

Глава третья

О НАСТАВЛЕНИИ ШКОЛЬНИКОВ

§ 17

Во-первых, при обучении школьников паче всего наблюдать должно, чтобы разного рода понятиями не отягощать и не приводить их в замешательство. Итак, ежели принятый школьник еще российской грамоте не знает, должен только в российском первом классе потоле обучаться, пока читать и писать искусен будет.

§ 18

Ежели который школьник грамоте российской довольно искусен в Гимназию вступил, того, обучив первым основаниям российской грамматики в нижнем классе, обучать в латинской школе в нижнем классе что показано четыре дни в неделю; а прочие два дни в школе первых оснований наук показывать арифметику.

§ 19

Потом по произведении обучать в российской школе во втором классе два дни в неделю; во втором же классе латинском — три дни, да геометрии и географии — один день.

§ 20

В верхнем классе в латинской школе три дни, в российской — один день, в философии — два дни.

<…> § 22

Арифметику, геометрию и географию показывать на российском языке, философии первые основания — на латинском.

§ 23

Сие разумеется о жалованных и о нежалованных учениках вообще, которые хотят происходить порядочно в науках. По окончании сих необходимо нужных школ учиться немецкому, французскому, англиискому и италианскому языку, смотря по остроте, по летам и по охоте.

§ 24

Сим языкам обучать не так, как обыкновенно по домам принятые информаторы одною практикою, но показывать и грамматические правила. Притом излишным оных множеством не отягощать, особливо сначала практику употреблять прилежно, слова и разговоры твердить, упражняться в переводах и сочинениях.

Глава четвертая

О ЭКЗЕРЦИЦИЯХ ГИМНАЗИЧЕСКИХ

<…> § 29

Публичным экзерцициям быть по каждую полгода только в верхнем классе, где некоторые школьники имеют говорить речь своего сочинения под ректорским присмотром на российском и латинском языках, прозою и стихами.

§ 30

Домашние экзерциции, которые между школьными лекциями кроме уроку что выучить должно, от учителей на дом задаются, должны быть короткие переводы с россий-

ского на латинский, с латинского на российский или преложения с прозы на стихи, смотря по классам. Оные задавать трожды в неделю на ночь, а в обеднее время для краткости времени того не делать. Позволить школьникам упражнения по своей охоте для показания каждому своего особливого рачения и понятия. Сии могут быть подобны вышеписанным задачам, или кто хочет, имеет выучить сверх уроку несколько стихов или краткую речь в прозе из классических авторов.

§ 31

Сие все будет служить не токмо к скорому обучению, но и к обстоятельному познанию остроты и прилежания каждого школьника. <...>

Глава пятая

О ЭКЗАМЕНАХ, ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И ВЫПУСКАХ ШКОЛЬНИКОВ

<...> § 47

Которые учатся на своем содержании, тех выпускать по тем условиям, на которых они в Гимназию приняты. Но ежели в ком усмотрена будет особливая острота и склонность к наукам, для тех употреблять всякие пристойные способы, чтобы склонить родителей к совершению таких детей их в науках.

Глава шестая

О КНИГАХ, ПО КОТОРЫМ ОБУЧАТЬ В ШКОЛАХ

§ 48

В Российской школе, в первом классе обучать российской грамоте обыкновенным старинным порядком, то есть азбуку, часослов и псалтырь, потом заповеди просто. Толкование оных слушать могут по воскресным дням в синодальных школах. Потом учить писать по предписанному доброму великороссийскому почерку и приучивать читать печать гражданскую.

§ 49

Во втором и третьем классе читать, а знатные места изусть твердить в прозе и в стихах российские сочинения, те особливо, которые при благополучном владении е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы Елисаветы Петровны к знатному исправлению российского штиля на свет вышли.

§ 50

Но притом прилежно читать славенские книги церковного круга и их держаться как великого сокровища, из которого знатную часть великолепия, красоты и изобилия великороссийский язык заимствует.

§ 51

В латинском первом классе употреблять „Латинскую грамматику“ с российским переводом, при Академии Наук печатанную (которую для московских гимназий с надлежащим исправлением вторым тиснением издать можно), учить правильные деклинации и конюгации, показывать общие и самые нужные правила о сложении речений, разговоры латинские учить по печатным на четырех языках при Академии, потом учить несколько Ерасмовых разговоров по выбору учительскому, с апробациею ректора и Гимназии инспектора, особливо те, которые содержат разные речей формулы, притом толковать силу их по-грамматически и изъяснять по-российски. Вокабулы латинские учить двояким образом: первое, натуральным порядком по свойству разных материй, второе, по алфавиту речения первообразные или коренные. Для сего должно немедля сделать и напечатать особливый вокабулар с российским переводом.

§ 52

Во втором латинском классе по той же „Грамматике“ учить неправильные склонения и спряжения, показывать все труднейшие правила синтактические, толковать избранные Цицероновы письма, Корнелия Непота, Светония и Курция и из них задавать переводы, читать и учить изусть Ерасмовы пословицы.

§ 53

В третьем латинском классе учить прозодию, толковать и читать Виргилия, или Горация, или Овидия; в прозе — Флора, Ливиевы некоторые книги и речи, Тацита и других.

§ 54

В школе первых оснований нужнейших наук, в первом и во втором классе употреблять из Волфова сокращения „Арифметику“ и „Геометрию“ (которые нарочно с немецкого перевесть и напечатать), географию употреблять Курасову, логику, метафизику и практическую философию учить по Тиммигову сокращению Волфианской философии на латинском языке.

§ 55

Немецкому языку учить по „Грамматике»“ Готшедовой и по „Разговорам немецким“, печатанным с российским переводом; в прозе читать и толковать сочинения Мосгеймовы, в стихах Каница и Гинтера и других.

§ 56

Французскому языку обучать по „Грамматике“ Пеплиеровой; читать и толковать в прозе „Телемака“, в стихах Молиера и Расина.

<…>

<ПИСЬМО И.-Д. ШУМАХЕРУ>

2 апреля 1756 г.

Высокородный г. статский советник,
милостивый государь мой!

Подателя сего письма, человека моего Игната Петрова, который обучался выдувать термометры, а больше имеет склонность к живописному искусству, позволить допускать в Рисовальную палату прошу всепокорнейше, дабы он некоторые свои успехи мог между другими учениками под та-

мошним смотрением произвести далее. В надежде милостивого вашего соизволения, принял я смелость его к вашему высокородию прислать, непременно с должным почтением пребывая

вашего высокородия
всепокорный слуга
Михайло Ломоносов

Апреля 2 дня
1756 года

<УКАЗ КАНЦЕЛЯРИИ АКАДЕМИИ НАУК КОНФЕРЕНЦ-СЕКРЕТАРЮ Г.-Ф. МИЛЛЕРУ О НЕДОСТАТОЧНО ВНИМАТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКЕ ЗНАНИЙ ИНОСТРАННЫХ ДОМАШНИХ УЧИТЕЛЕЙ>

17 июня 1757 г.

Указ е. и. в. самодержицы всероссийской из Канцелярии Академии Наук г. конференц-секретарю и профессору Миллеру. Во оной Канцелярии усмотрено: 1) что многие учители приходят, которые ничего кроме своего природного языка не знают и правил грамматических никогда не учились, и таким учителем всякому легко быть можно, и ежели так экзаменовать, то все получат аттестаты и от Академии будут учительми больше утверждены, нежели в силу указа по достоинству рассмотрены; 2) аттестаты даются весьма нетвердые и в сомнительных терминах, так что из аттестату можно заключить, что один человек достоин и недостоин; 3-е) примечено, что вы экзаменуете во французском языке, которое б надлежало г. профессору Штрубу, и так каждый в своем природном языке, и кто в чем сильнее — экзаменовал бы и в кратких терминах каждый г. экзаминатор дал свое мнение письменно, с которых вам подавать в Канцелярию репорт с своим мнением. И г. конференц-секретарю и профессору Миллеру чинить о том по сему е. и. в. указу.

Михайло Ломоносов
Регистратор Дмитрий Тимофеев
Канцелярист Александр Посников

Июня 17 дня
1757 году

<ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АКАДЕМИИ НАУК О ПРИБАВКЕ ЖАЛОВАНЬЯ ГИМНАЗИСТУ И. ЛЕПЕХИНУ>

18 февраля 1758 г.

Отрывок

<...>Того ради приказали: ему, Лепехину, за его понятие прибавить жалованья к ныне производимому годовому двенадцатирублевому окладу осмнадцать рублев, и тако он получать имеет против прочих учеников по тридцати рублев в год, которое и начать генваря с первого числа, о чем в списке против имени его отметить, а ему, Лепехину, объявить, дабы он учился с прилежанием, за что и впредь оставлен не будет.

И.-Д. Шумахер
Михайло Ломоносов
И. Штелин
Иван Тауберт
Регистратор Дмитрей Тимофеев

Февраля 18 дня 1758 году

<ПРОЕКТ РЕГЛАМЕНТА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ>

24 марта — 27 мая 1758 г.

В сокращении

Перевод[1]

Регламент Академической гимназии

Гимназия является первой основой всех свободных искусств и наук. Из нее, следует ожидать, выйдет просвещенное юношество: молодые люди должны приучаться там к правильному образу мышления и добрым нравам. Когда закон не исполняется, он бесполезен: сила законов не в их множестве, а в точном их усвоении.

---

[1] Русский текст § 83—84, 99—100 написан М. Ломоносовым.

Глава I

О ПРИЕМЕ ГИМНАЗИСТОВ В ГИМНАЗИЮ

<...> § 4

В Академическую гимназию не должны быть принимаемы лица, положенные в подушный оклад, и в особенности крепостные люди; если же помещик захочет отдать кого-либо из своих людей в Гимназию по причине его особой сообразительности и одаренности, то он должен освободить его навечно и дать Академии подписку, что отныне не имеет на него никаких прав, однако же подушные деньги он должен платить за него до следующей ревизии; и принятый ученик должен также дать подписку, что ни во время учения, ни позднее до конца своей жизни не захочет пойти в холопы ни к своему прежнему помещику, ни к какому-либо другому. Точно таким же образом должны приниматься в Гимназию на жалованье и положенные в подушный оклад дети посадских людей, государственных и дворцовых крестьян при наличии особых способностей и охоты к учению и если посадское общество, округ или родственники обязуются уплачивать за них подушную подать до новой ревизии, при которой они должны быть вычеркнуты из подушных списков. Дети посадских людей, государственных и дворцовых крестьян могут проходить обучение на свой счет, если проявят особые способности и охоту к ученью. Крепостные крестьяне не должны приниматься, если только их господа, как сказано выше, не отпустят их на волю. Против этого не должны быть предубеждены обучающиеся в упомянутой Гимназии юные дворяне, ибо науки являются путем к дворянству, и все идущие по этому пути должны смотреть на себя как на вступающих в дворянство. А затем все принятые и не принадлежащие к дворянству должны в отношении обращения с ними, как и в смысле одежды, быть на том же положении, какое подобает принадлежащим к дворянству. На военной службе числятся и дворяне и недворяне, так нечего стыдиться этого и при обучении наукам.

§ 5

Число принимаемых на жалованье великороссов должно составлять не менее четырех пятых. Те же, кто хочет учиться на свой счет, могут быть принимаемы независимо от на-

циональности, являются ли они русскими подданными или имеющими разрешение свободно здесь жить.

§ 6

Не умеющие ни читать, ни писать по-русски не должны быть принимаемы, чтобы не переполнять Гимназию; однако тех, кого можно скоро усовершенствовать в чтении и письме, следует принимать.

§ 7

Не должны быть принимаемы слабые здоровьем, особенно же имеющие поврежденное зрение, страдающие падучей или другими продолжительными болезнями, а равно взрослые, которые еще никогда не ходили в школу.

<...>

Глава III

ОБУЧЕНИЕ ГИМНАЗИСТОВ

§ 21

При обучении гимназистов следует, во-первых, наблюдать главным образом за тем, чтобы не отягощать и не приводить в замешательство различных способностей. Если, например, какой-нибудь гимназист еще не умеет в совершенстве читать и писать по-русски, то он должен оставаться в первом русском классе, пока не научится читать и писать в совершенстве. При этом нужно следить и за тем, чтобы они учились писать буквы красиво, в чем должен быть искусен и сам учитель этого класса.

<...> § 33

В субботу после обеда до начала всенощной им должно ходить на танцы, однако же без принуждения, только тем, у кого есть к этому охота.<...>

Глава VII

ОБ УЗАКОНЕНИЯХ ДЛЯ ГИМНАЗИСТОВ

<…> § 83

Остерегаться самохвальства, хвастовства, а паче всего лганья, которое часто служит к закрытию злых дел.

§ 84

Когда кто другого изобидит и за то наказан будет, а после снова тому же сделает обиду, показав знак неправедного мстительства, тот двойному наказанию подвержен. <…>

Глава VIII

ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ УЧИТЕЛЕЙ

<…> § 98

В нижних классах принятых учеников не с начала лекциям обучать особливо.

§ 99

Учители с учениками не должны поступать ни гордо, ни фамилиарно. Первое производит к ним ненависть, второе — презрение. Умеренность не даст места ни тому, ни другому, и словом, учитель должен не токмо словами учение, но и поступками добрый пример показывать учащимся.

§ 100

Что здесь вообще предписано учителям, то надлежит наблюдать и самому ректору, поелику он есть учитель.

Глава IX

О ДОЛЖНОСТИ ИНСПЕКТОРСКОЙ И РЕКТОРСКОЙ

<…> § 103

Ни инспектор, ни ректор не управомочены делать выговоры учителям, а в особенности бранить их в присутствии учеников, чтобы последние не потеряли должного к ним

уважения. Поэтому, если они заметят у учителя какие-либо недостатки, они должны потребовать от него объяснения у себя дома приватно, а если не последует улучшения, доложить об этом Канцелярии.

<...>

<ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КАНЦЕЛЯРИИ АКАДЕМИИ НАУК О ПРИЕМЕ В ГИМНАЗИЮ КУРОСТРОВСКОГО КРЕСТЬЯНИНА П. О. ДУДИНА>

27 мая 1758 г.

Среда мая 27 дня 1758 году.

В Канцелярию Академии Наук гг. присутствующие прибыли... г. коллежский советник Ломоносов... г. канцелярии советник Тауберт... г. надворный советник Штелин...

По челобитью Архангелогородской губернии Двинского уезда Курастровской волости крестьянина Осипа Дудина приказали: сына его Петра Дудина математике, рисовальному художеству и французскому языку обучать в Академической гимназии на его коште и для того его отослать к г. адъюнкту и Гимназии инспектору Модераху при ордере...

И.-Д. Шумахер
Михайло Ломоносов
Иван Тауберт
И. Штелин
Регистратор Дмитрий Тимофеев

<ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК О ВЫПУСКЕ ДЛЯ НУЖД ГИМНАЗИИ СЕРИИ БРОШЮР, ИЗЛАГАЮЩИХ ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ВСЕХ НАУК>

25 февраля 1759 г.

В Канцелярию Академии Наук

от коллежского советника Михайла Ломоносова

Представление

При выпуске гимназистов из Гимназии надлежит иметь им краткое понятие о всех науках, которым в Академии обучают, дабы они могли себе избрать всяк по своей склонности, в которой употребит главное свое упражнение. Для того должно в помянутых верхних классах иметь сокращенное ясное представление и общее понятие обо всех оных науках в небольшой книжке. А как известно, что такого общего понятия одному человеку сочинить невозможно, того ради Канцелярии Академии Наук представляю, дабы определено было в Академическое и Историческое собрание приказать послать указ, чтоб гг. профессоры, каждый по своей профессии, сочинили краткое и ясное понятие о своей науке, токмо в дефинициях и в главных разделениях состоящее, так, чтобы каждая в печати полулиста не превосходила, будучи набрана ведомостными литерами. И сие учинить им, гг. профессорам, без всякого умедления, которые в сокращении общим советом расположены и напечатаны быть могли.

Михайло Ломоносов

Февраля 25 дня
1759 года

<ПРОЕКТ РЕЧИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ СОБРАНИИ О ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА>

Не позднее 11 января 1760 г.

Перевод

...Вы знаете, почтеннейшие коллеги, что в преподанном Академии уставе постановлено учредить в ней Университет по образцу тех, которые процветают у прочих европейских народов. Тем не менее это дело, до сих пор не осуществленное, слишком долго задерживается на своей начальной стадии. Разбирать причины этого было бы занятием столь же неприятным, сколь и долгим. Поэтому я объявляю вам волю его превосходительства президента, который возложил на меня обязанность предложить вам то, что я, по его приказанию, написал по вопросу о правильном устроении Петербургского университета, для того чтобы вы вынесли решение, сообразно с вашим авторитетом и ученостью. Он пожелал, чтобы прежде всего, сегодня, вы вынесли заключение, удовлетворяют ли вас льготы и прерогативы, которые я счел соответствующими вашему удобству и интересам успехов отечественной науки; наконец, нужна ли инавгурация Университета и соответствует ли важности этого дела предложенный мною порядок самого акта или нет. Этот вопрос возник потому, что некоторые лица, недоброжелательно относящиеся к моим начинаниям и трудам, косо смотря на все это, нашептывают покровителям наук то, чем думают либо совершенно уничтожить мои старания, либо, по крайней мере, помешать им. Более всего они настаивают на следующем: Университет возник уже двенадцать с лишним лет тому назад; поэтому смешна будет столь поздняя инавгурация его. Ответить на это очень легко. Скажите, пожалуйста, кто подумает о существовании Университета там, где не было никакого разделения на факультеты, никакого назначения профессоров по отдельным факультетам, никаких выборов проректоров, никаких расписаний, никаких публичных упражнений, никаких присуждений степеней, почти никаких привилегий, даже почти никаких лекций (ведь те, которые едва начавшись, были прерваны, скомканные и неполные, едва ли, за исключением немногих, заслуживают названия лекций), где не было, наконец, никакой инавгурации, которая, как я полагаю, воодушевляет

университеты на успех, ибо без нее остаются неизвестными привилегии, которыми обычно привлекается учащаяся молодежь, скрыты названия наук, которыми ее можно напитать, и неясно, каких степеней и званий она может домогаться. Кроме того, противники твердят, что число студентов очень мало, а потому открытие Университета будет бесполезно. Но я им отвечаю: 1) виноват был тот, кто в течение стольких лет пренебрегал Гимназией, отдавая преимущество многочисленным незначительным делам, почему число студентов и сократилось до очень незначительного; 2) для нас нет позора в том, что Университет начинает свой курс с немногих студентов, и в том, чтобы серьезно подумать об их умножении, особенно раз есть прекрасная надежда получить из Академической гимназии избраннейших и алчущих учения юношей, обучая которых вы можете с лучшей стороны показать отечеству свое рвение. Ведь до этого учащиеся, рассеянные по обширнейшему городу, тратили бо́льшую часть времени на долгий путь или на служение своим родителям, совращались дурными примерами в порочную жизнь, мерзли, голодные, в рваной одежде, и были чужды всякой любви к учению; а теперь соединенные в общежитии, прилично одетые, имея достаточное питание, они могут употреблять и употребляют все свое время на занятия. Приняв все это во внимание, славнейшие мужи, вынесите постановление об этом полезном для отечества деле, о вашем собственном удобстве и о той славе и благодарности, которую вы получите от распространения наук в нашем государстве.

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

17 апреля 1760 г.

Отрывок

<...>

Я сожалею сердечно, что вас принужден представлением утруждать о моей неповинности, а особливо видя из вашего письма, что вы уже моего обидщика защищаете. Едва принимаю смелость послать к вам сии строки, и нонче бы не послал, если бы меня общая польза отечества к тому не побуждала. Мое единственное желание состоит в том, чтобы привести в вожделенное течение Гимназию и Университет, откуду могут произотти многочисленные Ломоносовы, и для

того ваше высокопревосходительство всеуниженно прошу постараться, чтобы из Конференции, при дворе учрежденной, дан был формуляр привилегии по прошению его сиятельства Академии Наук г. президента, чего при сем копии сообщаю. Сие будет большее всех благодеяние, которое ваше высокопревосходительство мне в жизнь сделали. По окончании сего только хочу искать способа и места, где бы чем реже, тем лучше видеть было персон высокородных, которые мне низкою моею породою попрекают, видя меня, как бельмо на глазе, хотя я своей чести достиг не слепым счастием, но данным мне от бога талантом, трудолюбием и терпением крайней бедности добровольно для учения. И хотя я от Александра Сергеевича мог бы по справедливости требовать удовольствия за такую публичную обиду, однако я уже оное имею чрез то, что при том постоянные люди сказали, чтобы я причел его молодости, и его приятель тогда ж говорил, что я напрасно обижен. А больше всего тем я оправдан, что он, попрекая недворянство, сам поступил не по-дворянски. Итак, все позабывая, еще всеуниженно прошу вашим предстательством для пользы учащихся россиян споспешествовать университетской привилегии, которая может быть и для Московского университета несколько послужит.

Милостивый государь
вашего высокопревосходительства
всеуниженный слуга
Михайло Ломоносов

Апреля 17 дня
1760 года

<ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АКАДЕМИИ НАУК О НОВОМ ПОРЯДКЕ СНАБЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ И ГИМНАЗИИ УЧЕБНИКАМИ>

18 мая 1761 г.

Сего числа в присутствии Канцелярии Академии Наук г. коллежский советник Ломоносов словесно предлагал: инспектор-де Гимназии письменно ему объявил, что у студентов и учеников есть великий недостаток в книгах, ибо-де иным не все, а другим никаких не выдано, отчего-де в уче-

нии делается немалая остановка, да и впрежде при произвождении из учеников в студенты и при переведении учеников из нижних в верхние классы, также и когда новые ученики принимаются на казенное иждивение, книги часто надобны бывают, которых иногда одна, а иногда больше, по обстоятельствам смотря, потребно, и чтоб книги выдавать из Книжной лавки, также и выписывать из-за моря по требованию инспектора Гимназии и отдавать ему, в коих от него, инспектора, по окончании года и отчет подаван быть имеет. Того ради по указу е. и. в. Канцелярия Академии Наук приказали: какие книги для Университета и Гимназии потребны будут отпущать и выписывать из-за моря по требованию инспектора Гимназии и отдавать ему с распискою, и сколько по цене каждый год книг отпущено и выписано будет, подавать в Канцелярию счеты, также и от инспектора Гимназии отчет, по которым тогда деньги за оные по окончании года возвращать в Книжную лавку из университетской и гимназической суммы, и о том комиссару Зборомирскому и бухгалтеру Прейсеру дать генеральные ордеры.

Михайло Ломоносов
Иван Тауберт
И. Штелин
Секретарь Михайло Гурьев

Подписан маия 18 дня 1761 года

<ОТЧЕТ О СОСТОЯНИИ УНИВЕРСИТЕТА И ГИМНАЗИИ>

28 января — 5 февраля 1763 г.

О состоянии Университета

Студентов ныне всех состоит семнадцать человек, кроме посланного одного за море, из новых, Лепехина, да при Географическом департаменте Ильи Абрамова, из старых. По объявлению г. профессора Котельникова ведут себя студенты перед прежним весьма смирно, и я не слыхал от них никаких друг на друга жалоб. О успехах их на бывшем перед новым годом экзамене следующее от гг. профессоров, к тому назначенных, репортовано.

Лекции прошлого года продолжались беспрерывно. И ныне начались по каталогу, который при сем прилагает-

ся. Через год из помянутых студентов человеков двух надеяться можно адъюнктов, ежели прежнее употребят прилежание, которые будут действительные академические питомцы, с самого начала из нижних классов по наукам произведенные, а не из других школ выпрошенные.

О состоянии Гимназии

Обучение во всех классах происходит по силе аппробованного вашим сиятельством нового учреждения с довольным успехом. Минувшего года произведено из шко[л] нижнего урядного класса в [*одно слово нрзб*] в средний.....[1] человек; из школ средних классов в верхние..... человек. Из верхнего класса в студенты произвождения не было, затем что учители верхних классов гг. Козицкий и Мотонис с полгода были больны. И хотя между гимназистами верхнего класса есть острые головы, однако еще в оном недавно и летами очень молоды; для того не во вред им будет, когда еще год в оном пробудут.

Что ж до поведения гимназистов надлежит, то легко подумать можно, что, малые ребята, как были прежде в вольности и только за неделю до выдачи жалованья в Гимназию прихаживали, ныне в тесных пределах содержания, происходить может. Однако уже старые, бывшие на воле привыкают к лучшему, а вновь принимающиеся при нынешнем учреждении, прежняго небрежения не зная, ведут себя подобострастнее. И посему твердо надеюсь, когда старая вольница поведениями поправлена, или как скоро для затверделого злонравия из Гимназии истреблена будет, то не иначе как нынешние студенты, кои все новые, и гимназисты станут себя вести смирно и порядочно. Число жалованных гимназистов простирается до....., следовательно, по новому штату в комплект недостает..... Сие происходит от того, что и по новому штату определенная сумма 36 рублеь весьма скудна. По моему мнению, весьма бы надобно прибавить еще по 12 рублев, что учинит в год на весь комплект на 60 человек только 720 рублев — сумма, каковых не одна в Академии исходит на тунеядцев.

Таковая прибавка будет служить еще к склонению родителей, коих дети лучше в младенчестве воспитаны, нежели солдатские, большую часть гимназистов составляющие. Ежели ваше сиятельство рассудить изволите оную прибав-

---

[1] Многоточие М. Ломоносова.

ку за благо, то с вашего ж позволения намерен я объявить сие печатною программою, показав наук пользу и ваше благонамеренное изволение.

<СЛОВО К АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ>

Не позднее 10 октября 1763 г.

Отрывок

<...>

Благополучны Вы, Сыны Российские, исполненное надежды юношество, что во дни, избранные для нашего блаженства в благословенный век премудрыя Екатерины, можете предъуспевать в похвальном подвиге ревностнаго учения и представить пред очами просвещенныя Европы проницательное остроумие, твердое разсуждение и ко всем искусствам особливую способность нашего народа, паче же всего уверить, коль много может Вас побудить неусыпное око толь бодрыя Монархини, которая сочетает мужество с прозорливостию, правосудие с милосердием, благочестие с щедротою, премудрость с трудолюбием, Высочайшую Свою на земли власть чрез украшение от Наук и Художеств величественнее быть почитает и Отечество больше просвещением, нежели повелительством, возвысить и прославить тщится.

<...>

<ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК ОБ ОТПРАВКЕ НЕКОТОРЫХ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА ЗА ГРАНИЦУ>

2 июня 1764 г.

В Канцелярию Академии Наук

Представление

1

Чрез многие опыты изведано, сколько труда и хлопот стоит Академии выписывание иностранных членов, также и отпуск оных не всегда без досад и нарекания бывает.

Сверх же того много времени миновать еще должно, пока Академия своими природными профессорами наполнится, как то пример минувшего времени показывает. И хотя в штате академическом положено выписывать иностранных профессоров, а о произведении своих изображено не довольно, однако сие неправильно и должно быть к лучшему поправлено, как обще о регламенте гласит ордер его сиятельства Академии Наук г. президента.

2

Удобнейший к тому способ подает ныне за четыре года учиненное новое учреждение Академического университета и Гимназии, из которой в студенты всех произведено до двадцати человек, ибо из них для лучшего успеха и совершенства в науках можно отправить других государств в университеты с доброю надеждою плода семь человек, а именно: Дмитрия Легкаго, Герасима Шпынева, Афанасья Горина, Петра Иноходцова, Степана Щукина, Ивана Юдина, Степана Кузнецова. И хотя из сих некоторые в студенты произведены и недавно, однако лекции профессорские с достаточным разумением слушать могут, и показали хорошее понятие и порядочное поведение в поступках, сверх же того ради молодых своих лет могут удобнее научиться иностранным языкам, между тамошними людьми обращаясь.

3

Итак, Канцелярии академической сим представляю, чтобы помянутых студентов послать для научения разных наук и чтобы видеть в разных землях академии и знатных ученых людей, с определением годового жалованья по триста рублев, а когда будут в переездах из одной земли в другую, давать по четыреста. А где и чему учиться и как долго пробыть им должно в чужих краях, о том дать им указ с инструкциею. А в сочиняющемся новом стате и регламенте положить, чтобы на академической сумме всегда содержать природных российских студентов за морем не меньше десяти человек, которое число в каждую пять лет из Академического университета производить можно будет удобно. А когда случится недостаток, наполнить из синодальных семинарий или из Московского университета.

7 Заказ 1447

4

По сему учреждению и по настоящим затруднениям выписа́ние профессора механики и ботаники отложить, ибо студент Лепехин в Страсбурге обучается с желанными успехами в физических науках, и потому указать ему упражняться паче всех в ботанике еще два года, а третий определить на путешествия, чтобы видеть в других государствах славные ботанические сады и ботаников. Профессора практической механики должность исправит на время г. Пачеко, а новые махины изыскивать и в дело отдавать имеют довольно вымыслов и другие члены, притом еще много есть машин, изобретенных и описанных в „Комментариях“, а в дело еще не произведенных.

5

Итак, сие мое представление обще туда представляется, чтобы о выписывании вновь и о приеме иностранных профессоров беспрочное почти старание вовсе оставить, но крайнее положить попечение о научении и произведении собственных природных и домашних, которые бы служили, назад не оглядываясь и не угрожая контрактом и взятием абшита, а паче всего служили бы к чести отечеству, которой от иностранных нашему народу приписывать невозможно.

Михайло Ломоно́сов

Июня 2 дня
1764 года

<ПИСЬМО Я. Я. ШТЕЛИНУ>

Не позднее 27 декабря 1764 г.

Перевод

Я неизменно буду благодарен господину вашему сыну за его старания и далек от того, чтобы его срамить или отпугивать. Постараюсь всеми способами его ободрить. Ибо говорю, как думаю, а не как кошки, которые спереди лижут, а сзади царапают. К примеру — прекрасная картина! Это был, однако, лишь набросок или только замысел.

Ломоносов

<ПИСЬМО А. А. ВЯЗЕМСКОМУ>

4 февраля 1765 г.

Отрывок

<...>5) Оба реченные мастеры обязаться должны учредить в Сан[к]тпетербурге при оном правлении исправную российскую типографию. 6) Набор книг печатаемых российских будет отправляться имеющимися здешними российскими наборщиками, а оные мастера должны смотреть чистоты и исправности в деле литер и в их употреблении при печатании. 7) Оные же мастера должны своему искусству обучить здесь каждый до пяти человек здешних российских в уреченное время, кои даны будут им уже знающие несколько оные их мастерства, а не с самого начала принявшиеся за оное. 8) По сему предписанию могут охотники прислать сюда свои кондиции, а именно: время, на сколько обяжутся; плата, по времени или по работе; награждение, по чему за обучение с человека; на переезд деньги; квартера и прочее.

Угодны ли будут вашему сиятельству предписания требуемым типографщикам и не благоволите ли чего прибавить? Что ежели так угодно, не умедля можно отписать в Англию и на первых кораблях мастеров сюда поставить.

<ПИСЬМО М. В. ГОЛОВИНОЙ>

2 марта 1765 г.

Государыня моя сестрица, Марья Васильевна, здравствуй на множество лет с мужем и с детьми.

Весьма приятно мне, что Мишенька приехал в Санктпетербург в добром здоровье и что умеет очень хорошо читать и исправно, также и пишет для ребенка нарочито. С самого приезду сделано ему новое французское платье, сошиты рубашки и совсем одет с головы и до ног, и волосы убирает по-нашему, так чтобы его на Матигорах не узнали. Мне всего удивительнее, что он не застенчив и тотчас к нам и к нашему кушанью привык, как бы век у нас жил, не показал никакого виду, чтобы тосковал или плакал. Третьего дня послал я его в школы здешней Академии Наук, состоящие под моею командою, где сорок человек дворянских детей и разночинцев обучаются и где он жить будет и учиться

под добрым смотрением, а по праздникам и по воскресным дням будет у меня обедать, ужинать и ночевать в доме. Учить его приказано от меня латинскому языку, арифметике, чисто и хорошенько писать и танцевать. Вчерашнего вечера был я в школах нарочно смотреть, как он в общежитии со школьниками ужинает и с кем живет в одной камере. Поверь, сестрица, что я об нем стараюсь, как должен добрый дядя и отец крестный. Также и хозяйка моя и дочь его любят и всем довольствуют. Я не сомневаюсь, что он через учение счастлив будет. И с истинным люблением пребываю брат твой

Михайло Ломоносов

Марта 2 дня
1765 года
из Санкт-Петербурга

Я часто видаюсь здесь с вашим губернатором и просил его по старой своей дружбе, чтобы вас не оставил. В случае нужды или еще и без нужды можете его превосходительству поклониться, Евсей Федорович или ты сама.

Жена и дочь моя вам кланяются.

<ПРОЕКТ ПРОШЕНИЯ В СЕНАТ О ЛИЦАХ, КОТОРЫМ МОЖЕТ БЫТЬ ДОВЕРЕНО МОЗАИЧНОЕ ДЕЛО ПОСЛЕ СМЕРТИ ЛОМОНОСОВА>

7 марта — 4 апреля 1765 г.

В Правительствующий Сенат
все[нижайшее] прошение

1

Ежели божескою судьбою от настоящей болезни жизнь моя пресечется, то приношу оному высокому Сенату всени[жайшее] пр[ошение] о нижеследующем:

2

Понеже производимое мною великое мозаичное дело в самом своем лучшем течении каким образом производится, и Пр[авительствующий] Сенат в сомнении состоять будет, продолжать ли оное или нет, на то оному следующее представляю.

3

Делание мозаичных составов не может отнюд быть остановкою долговременным искусством.

4

Шурин мой, регистратор Ив[ан] Цилих, дошел в сем искусстве толь довольного совершенства, что никто в Европе лучших успехов показать не может, имеет учеников, уже далече знающих, и еще большее число придано быть может. Сие приуготовление инструменты и другие надобности изготовлены и к тому работники. Все цветы без меня произведены быть могут, ибо уже года с три в составления оных мозаичных цветов я головою не вступался, а производил все оный мой шурин Ц[ильх].

5

С другой стороны ставление мозаичных картин по добрым оригиналам, шкицам и рисункам в состоянии производить под смотрением доброго живописца обученные мною мастера и ученики и несомненно производить такие ж картины, какая ныне окончена. Что ж надлежит до больших сковород, до их укрепления и расположения, движения, шлифования и до прочего, как привести в совершенство и в отделку картину, то все совершенно произведет старший мозаичный мастер Матвей В[асильев], который с самого начала мозаичного дела упражнялся со мною в сей практике, и можно положить на него благонадежно произведение такого дела.

<ОТЧЕТ О ЗАВЕРШЕННЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ НАУЧНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТАХ>

Не позднее 19 января 1764 г.

Отрывок

VII. Старание его вообще о академическом благосостоянии и особливо по департаментам, в его смотрение как члену канцелярскому по силе генерального регламента порученным.

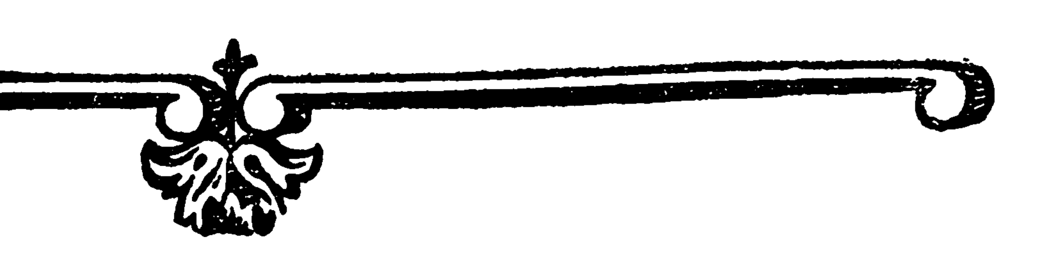
<...>

3) Академический университет был в весьма худом состоянии. Студентов было весьма малое число, и те без

всякого призрения и порядочного содержания. Лекции были так запущены чрез несколько лет, что и каталоги не были издаваны, как водится. А по вручении ему, Ломоносову, в единственное смотрение Университета соединил он студентов в общежитие, снабдил довольным столом, приличным платьем и прочими надобностями. Учредил порядочные лекции и издавал их каталоги, как в университетах водится. Сочинил университетский регламент, который профессорами и самим президентом рассматриван и апробован, и по нем поступают в Университете по его повелению. Великое прилагал старание о привилегиях и о жалованной грамоте Университету и всей Академии и с общего совета профессорского и согласия президентского сочинил оную жалованную грамоту для Академии и для университетской инавгурации, которая уже совсем была заготовлена, контрассигнована грос-канцлером графом Михайлом Ларионовичем Воронцовым и предложена к подписанию блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны, что кончиною е. в. пресеклось.
в весьма бедном и бесполезном состоянии, затем что 1) жа-

4) В Гимназии хотя немало было гимназистов, однако лованье им давалось в руки, которое брали к себе их родители или свойственники и держали больше на себя, нежели на школьников, так что в школы приходили в бедных рубищах, претерпевали наготу и стужу, и стыдно было показать их посторонним людям; притом же пища их была весьма бедная, и чуть иногда хлеб с водою; в таких обстоятельствах наука мало шла им в голову; 2) да и времени им к тому не было, затем что дома должны были служить отцу и матери для бедности, а, в Гимназию ходя по дальному расстоянию, теряли лучшие часы и всегда случай имели резвиться и от школы отгуливать. Итак, не дивно, что чрез семь лет не было произведено из Гимназии в университетские студенты ни единого человека. Но после поручения оной Гимназии советнику Ломоносову в единственное смотрение все оные неудобствия отвращены и пресечены, ибо гимназисты соединены, как и студенты, в общежитие, снабдены приличною одеждою и общим довольным столом по мере определенного им жалованья, не теряют времени ни ходьбою на дом, ни службою родителям. <…>Учение в Гимназии производится с несравненно лучшим успехом, ибо в три года произведено из Гимназии в университетские студенты семнадцать человек экзаминованных и удостоенных профессорами.<…>

ОТКРОЙ МНЕ БЫВШИЕ, О ДРЕВНОСТЬ, ВРЕМЕНА



<ЗАМЕЧАНИЯ НА ДИССЕРТАЦИЮ Г.-Ф. МИЛЛЕРА «ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИМЕНИ И НАРОДА РОССИЙСКОГО»>

Между 25 октября и 3 ноября 1749 г.

<II>

Указом ея величества, данным из Канцелярии Академии Наук, повелено мне в собрании с прочими господами профессорами вторично исследовать сочиненную господином профессором Миллером диссертацию О начале народа и имени российского, в котором указе особливо требуется, что нет ли в ней чего предосудительного России и можно ли оную исправив к будущему публичному собранию напечатать. Что исполняя, следующие рассуждения предлагаю обстоятельнее для того, чтобы видны были причины, для которых помянутая диссертация и прежде сего мною не одобрена; и чтобы ясно показать, что я не по пристрастию и не взирая на лицо, но как верному сыну отечества надлежит, по присяжной должности поступаю. А чтобы все изобразить короче, для того, пропуская мелкие погрешности, только главные предлагаю.

1

Страница 9. Отвергает господин Миллер мнение ученых людей, которые россиян и имя их производят от роксолан, древнего народа, жившего между Днепром и Доном, а причины сего отвержения полагает, что-де небольшое сходство имени россиян с именем роксолан и сходство места не довольны к тому, чтобы утвердить происхождение имени и народа российского от роксолан; но должно-де показать:

1) как имя *роксолане* переменилось на имя *россияне*, 2) как роксоланы перешли к северу, 3) каким языком роксолане говорили. На сие ответствую, что хотя сходство имени и места роксолан с россиянами довольно быть казалось уже многим славным европейским авторам и целым ученым собраниям, чтобы имя и род россиян произвести от роксолан, однако дабы господина Миллера и в строгих сих его требованиях удовольствовать, следующее предлагаю: 1) Перемена имени *роксолане* на *россияне* весьма невелика и много меньше разницы имеет, нежели *Киев* и *Кенугардия*, которые господин Миллер за одно почитает (стран. 31). Литеру σ переменяют иногда аттики на ξ, то недивно, что из речения *россолане* сделалось у греков *роξолане*, а слово *россолане* не больше разнится от *россиане*, как только окончанием по разности языков. С роксоланами соединяются у Плиния аланы в один народ сарматский. И Христофор Целларий примечает, что сие слово может быть составлено из двух — *россы* и *аланы*, о чем и Киевского Синопсиса автор упоминает, из чего видно, что был в древние времена между реками Днепром и Доном народ, называемый россы. А как слово росс переменилось на русс или русь, то всяк ясно видит, кто знает, что поляки о в выговоре произносят нередко как Ѵ, напр. бог, бѴг; мой, мѴй; король, крѴль; ров, рѴв; конь, кѴнь; толстый, тлѴстый, и проч. Сие имя иностранные писатели девятого века и позже услышав от поляков, стали россов называть руссами. И сами россы называли себя тем именем долгое время оттого, что столица была сперва в полянех, славенском народе, то есть в Киеве, и великие князи российские нередко польских принцесс в супружестве имели. 2) Что надлежит до прехождения роксолан к северу, то хотя и вероятно, что их некоторая часть, соединившись с гетами или готами, не токмо во Франции, Италии, Гишпании и проч. рассеялась, но и перешла к северу около Балтийского моря, в чем профессор Бейер не спорит; однако сие требование господина Миллера излишно, и к показанию роксолан в севере близ славян новогородских не надобно приводить их от полудни: ибо ясно доказать можно, что Роксоланская земля в древние времена простиралась от Черного моря до Варяжского и до Ильменя-озера, что из следующих доводов и свидетельств весьма довольно явствует. Страбон говорит: „за Днепром живут дальнейшие из известных скифов, роксолане, далее стужа жить не попускает"; и в другом месте: „роксолане живут далее всех к северу, на полях между Днепром и Доном; далее живет ли кто, не

знаем". Целларий хотя и полагает далее в севере амаксовиев, иппофагов и проч., однако из самих сих греческих имен явствует, что ими называли греки роксоланских же народов по их разным обычаям, как то: αμαξοβιοι значат тележных жителей, иппофаги — те, которые едят конское мясо. Такое положение места роксолан весьма согласуется с Новгородским летописцем, в котором в древние времена славенороссийского народа жительство полагается у Черного моря, и что того же народа великая часть отделившись распространилась до Ильменя-озера и далее к северу. И хотя господин Миллер сию летопись за бабьи басни почитает, однако старинный город, Старая Руса издревле называемый, довольно показывает оныя в сем справедливость и что прежде Рурика жил тут народ руссы или россы, или по-гречески роксоланы называемый. Страбон пишет, что роксолане воевали против генералов Митридата, царя понтийского. Тацит свидетельствует, что роксолане при Оттоне, кесаре римском, девять тысяч конных латников ворвались в Мисию и два баталиона римлян побили. Спартиан объявляет, что когда Адриан, кесарь римский, услышал, что король роксоланский негодует о убавлении найму его войску, в том его удовольствовал. После четвертого века по рождестве Христове о роксоланах ничего больше у древних писателей не слышно. А после осьмого веку в девятом, на том же месте, где прежде полагали роксолан, учинился весьма славен народ русский, который и росс назывался. Фотий, патриарх цареградский, в окружном своем послании пишет о походе киевлян к Царю-граду: „Руссы бесчисленных народов себе покорили и, ради того возносясь, против Римской империи восстали". Толиких дел и с толь великою славою в краткое время учинить было невозможно. Следовательно, российский народ был за многое время до Рурика.

Но хотя ни о роксоланах, ни о россах, ни о руссах после четвертого до девятого века не упоминается у внешних писателей, однако из того не следует, чтобы тем именем оный народ сам не назывался. Ибо молчанию внешних авторов были довольные причины: 1) что в то время были веки варварские и писательми было весьма скудно; 2) козаре, нашед на южную часть России, у роксолан или россов сообщение с греками отняли, ибо когда Осколд и Дир пришли к Киеву, тогда поляне, где Киев стоит, платили дань козарам; 3) что же касается до третиего требования господина Миллера, то есть: каким языком роксолане говорили?

на сие ответствую, что они говорили языком славенским, и сие следующими доказываю. Язык славенский во времена Рюриковы, а по свидетельству российских летописей и много прежде оного, простирался в длину с востока от реки Дона и Оки на запад до Иллирика и до реки Албы, а шириною с полудни от Черного моря и от реки Дуная до южных берегов Варяжского моря, до реки Двины и до Бела-озера; ибо им говорили чехи, лехи, морава, поморцы или померанцы, славяне по Дунаю, сербы и славенские болгары, поляне, бужане, кривичи, древляне, новгородские славяне, белоозерцы, суждальцы и проч. А чтобы славенский язык толь широко распространился, надобно было весьма долгое время и многие веки, а особливо что славенский язык ни от греческого, ни от латинского, ни от другого какого известного не происходит; следовательно, сам собою состоит уже от самых древних времен, и многочисленные оные славенские народы говорили славенским языком еще прежде рождества христова. Во времена Августовы и после назывались сии народы у греков и латин вообще сарматами и разделялись на другие, меньшие земли, между которыми и роксолане полагались и назывались именно сарматским народом*. А понеже из вышеписанного явствует, что славяне и сарматы был один народ (первым именем сами себя издревле от славных дел называли, а другим именем от греков и латин именовались), то следует, что и роксолане были славяне ж и говорили языком славенским. И так понеже народ российский с народом роксоланским есть одного имени, одного места и одного языка, то неспоримо есть, что российский народ имеет свое происхождение и имя от роксолан древних. Ибо никоею мерою статься не может, чтобы великий и сильный народ роксоланский вдруг вовсе разрушился, а после бы на том же месте, того же имени и того же языка сильный же народ вдруг проявился, а не был бы с первым одного происхождения.

Здесь примечания достойно, что господин Миллер вышеписанные о роксоланах свидетельства древних авторов, то есть Страбоновы, Тацитовы и Спартиановы, пропустил вовсе, чего ему учинить отнюд было не должно: ибо хотя он происхождение россиян от роксолан и отвергает, однако ежели он прямым путем идет, то должно ему все противной стороны доводы на среду поставить и потом опровергнуть.

---

* О сем согласно пишут старые и новые географы. Смотри Целлария, том I, кн. 2, гл. 6.

Однако по всему видно, что господин Миллер, чувствуя, что неосновательное его мнение при толь многих свидетелях слабо весьма будет, за благо рассудил оных прокинуть.

2

Стран. 20, 21, 22, 23. Полагает господин Миллер, что варяги, из которых был Рурик с братьями, не были колена и языка славенского, как о том автор Синопсиса Киевского объявляет, но хочет доказать, что они были скандинавы, то есть шведы. В сем посылается сперва на Бейерову диссертацию о варягах, а потом некоторые его доводы вкратце предлагает. Что до покойного Бейера в сем случае надлежит, то он в помянутой диссертации: 1) Впал в превеликие и смешные погрешности, например, пишет он противно мнениям других авторов и утверждает, что пруссы не были колена славенского, а были-де одного происхождения с курляндцами, не зная того, что курляндский язык есть происхождения славенского, так что не токмо большая часть речей, но и склонения и спряжения от славенских весьма мало разнятся. В сем случае не умнее сказал он, как бы сие: славяне суть не славяне. 2) Последуя своей фантазии, Бейер имена великих князей российских перевертывал весьма смешным и непозволенным образом для того, чтобы из них сделать имена скандинавские; так что из Владимира вышел у него Валдамар, Валтмар и Валмар, из Ольги Аллогия, из Всеволода Визавалдур и проч. Сего не токмо принять за правду, но и читать без досады невозможно, видя сих имен явное от славенского языка происхождение и согласие с особами государскими, а особливо, что на скандинавском языке не имеют сии имена никакого знаменования. Ежели сии Бейеровы перевертки признать можно за доказательства, то и сие подобным образом заключить можно, что имя *Байер* происходит от российского *бурлак*. Я не спорю, что некоторые имена первых владетелей российских и их знатных людей были скандинавские; однако из того отнюд не следует, чтобы они были скандинавцы. Почти все россияне имеют ныне имена греческие и еврейские, однако следует ли из того, чтобы они были греки или евреи и говорили бы по-гречески или по-еврейски? Варяги, называемые русь, славенского колена (как ниже показано будет), жившие на восточно-южных берегах Варяжского моря, имели сообщение с варягами скандинавскими через море, и для того князья их и знатные люди нередко женились

у скандинавов и в угождение своим супругам давали детям нередко имена скандинавские. И так весьма недивно, что Рурик, хотя был из варяг-руси*, однако имя имел скандинавское. 3) Старается Бейер не столько о исследовании правды, сколько о том, дабы показать, что он знает много языков и читал много книг. Мне кажется, что он немало походит на некоторого идольского жреца, который, окурив себя беленою и дурманом и скорым на одной ноге вертением закрутив свою голову, дает сумнительные, темные, непонятные и совсем дикие ответы. И потому недивно, что он нередко сам с собою несогласен. Всего несноснее, что он в таковом своем исступлении или палоумстве опровергает основание, на котором утверждено важное Петра Великого учреждение, то есть орден святаго апостола Андрея Первозванного; ибо Бейер то явно отрицает, что святый апостол Андрей Первозванный был в земли Российской для проповеди евангелия. Жаль, что в то время не было такого человека, который бы поднес ему к носу такой химический проницательный состав, от чего бы он мог очунуться. Господин Миллер поступает в том осторожнее, ибо он не говорит прямо, что Андрей святый не проповедывал евангелия христова в славянах и в России, но только предлагает, что славяне около Днепра и Волхова поселились больше четырех сот лет после рождества Христова и что во времена апостольские и слуху не было о российском имени, что ежели почесть за правду, то следует, что или Андрей апостол ни у Днепра, ни у Волхова не был, или ежели был у Днепра и Волхова, то был, да не у славян, ни у россиян.

Прочие догадки, которые господин Миллер взял от Бейера, отнюд не доказывают, чтобы варяги, из которых пришел Рурик, были скандинавцы: ибо что Константин Порфирогенета, царь греческий, имена Днепрских порогов славенские отличает от русских, то не состоит в разности языка, но в разности времени: для того что они названы так после изгнания козаров от пришедших вновь варягов-руси. Сия правда явствует из того, что имена русские порогов суть славенского же происхождения; а ныне некоторые уже паки отменились, что показывает ясно по временам отмену имен оных порогов. Для ясного понятия предлагается здесь следующая таблица:

* Нестор, стр. 9.

	Имена славенские старые		Имена русские старые		Новые имена
1	Εσσουπη	Не спи	Εσσουπη	Не спи	Кодацкий
2	Οστροβουνιπραχ	Островный праг	Ουλβορσι	Олеборзый	Вольный
3	Γελανδρι	Шумный	—		
4	Νεασητ	Неясыть	Λευφαρ	Ливарь	Ненасытец
5	Βουλπυιραχ	Вольный праг	Βαρουφορος	Греческое слово	
6	Βερουτση	Виручий	Λεαυτι	Лентяй	
7	Ναπρεση	На прези	Στρουβουν	Срывун	

По сему явствует, что русские имена порогов *не спи, борзый, ливарь, лентяй, срывун* суть славенского происхождения, а следовательно, и русский язык тогда был не скандинавский, но славенский, и что Бейер и Миллер в том ошиблись, когда думали, что сие будет служить им в доказательство их мнения. Прочие доводы господина Миллера, у Бейера занятые, которые состоят в том, как нас венгерцы и литва называют, весьма неважны. А притом я довольно удостоверился, что венгерцы называют нас руссами, а славян разами, что больше мне в защищение служит. Против всех сих неосновательных Бейеро-Миллеровых догадок имею я облак свидетелей, которые показывают, что варяги и Рурик с родом своим, пришедшие в Новгород, были колена славенского, говорили языком славенским, происходили от древних роксолан или россов и были отнюд не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками Вислою и Двиною. Блаженный Нестор, летописец печерский, варягов различает на свиев, на готов, на урмян (норманов), инглян (ингрян) и на русь. Следовательно, сии варяги жили по разным местам. Имени русь в Скандинавии и на северных берегах Варяжского моря нигде не слыхано; то явствует, что русь-варяги жили на полуденных берегах помянутого же моря к востоку или западу. В наших летописцах упоминается, что Рурик с родом своим пришел из Немец, а инде пишется, что из Пруссии. А Нестор ясно объявляет, что он призван был из варягов-русь. Между реками Вислою и Двиною впадает в Варяжское море от восточно-южной стороны река, которая вверху, около города Гродна, называется *Немень*, а к устью своему слы-

вет *Руса*. Здесь явствует, что варяги-русь жили на восточно-южном берегу Варяжского моря, при реке Русе, которая от сих варягов русских свое имя имеет, и что они иногда от той же реки Немени назывались *неменьцы* или *немцы*. А понеже Пруссия была с варягами-русью в соседстве к западу и одного славенского языка (как уже выше упомянуто и ниже сего явствовать будет), то недивно, что от новгородцев руссы и пруссы за одно почитались. И самое звание пруссы (Borussi) или порусы показывает, что пруссы жили по руссах или подле руссов. Древние пруссы имели у себя идола, называемого *Перкуна**, которому они неугасимый огонь в жертву приносили. Сей Перкун именем и жертвою тот же есть, что Перун у наших руссов, которого почитали, в поганстве будучи, российские князья варяжского рода. Сие согласие подтверждает сходство обычаев у варягов-руссов и у пруссов, а следовательно, и ближнее их соседство и почти единство показует. Имя *Перун* есть славенское и происходит от глагола *перу́* (ferio, purgo — ударяю, очищаю), яко бы оный мнимый бог огнем своим ударял и очищал. Из сего весьма вероятно кажется, что варяги-русь и пруссы говорили языком славенским. О варягах сие доказывают следующие доводы: 1) Прежде Рурика и в его время, когда по вышепоказанному народ и язык славенский весьма уже широко распространялся, тогда от Голстинии до устья реки Двины, по южному берегу Варяжскому живущие народы говорили языком славенским, чего еще и ныне имеются довольные и явственные знаки, то есть имена не токмо деревень, городов, рек, но и целых земель. А варяги-русь жили на тех же берегах, следовательно, говорили языком славенским. 2) Сие подтверждается тем, что около того места, где жили варяги-русь, и теперь еще говорят курландцы языком, от славенского происходящим, и тем показывают, что они суть остатки от варягов-руси. 3) Нестор Печерский говорит ясно, что славенский и русский язык едино есть. 4) Если бы варяги-русь были языком своим от славян так отменны, какую отмену должен иметь скандинавский, то бы от самих варяжских владетелей, от великого множества пришедшего с ними народа и от армей варяжских, которые до 20 и 30 тысяч простирались, от великой гвардии, каковую после Рурика и до Ярослава великие князи имели из варягов, должен бы российский язык иметь в себе великое множество слов скандинавских. Татара хотя

* Гарткнох в Новой и старой Пруссии, страницы 30, 131, 160.

никогда в российских городах столицы не имели, а следовательно ни гварнизонов, ни гвардии при себе не держали, но токмо посылали баскак или сборщиков, однако и поныне имеем мы в своем языке великое множество слов татарских. Посему быть не может, чтоб варяги-русь не имели языка славенского и говорили бы по-скандинавски, однако бы, пеоеселившись к нам, не учинили знатной в славенском языке перемены. Думаю, что господин Миллер поставит в причину божию службу, которая, будучи отправляема на славенском языке, варяжскому языку так вселиться не позволяла. Но сие не имеет против меня никакой силы, для того что варяжские государи владели почти полтора века в поганстве, в которое время был самый лучший случай к отмене языка, для того что в то время самое великое множество варяг между славянами находилось, в чтении церковных книг на славенском языке почти нигде не было. 5) Я думаю, что ежели у варягов-руси язык был скандинавский, то бы и доныне были в России не токмо деревни, но и целые городы, в которых бы оным языком говорили, не взирая на то, что они были одной веры. Пермяки слышат всегда божию службу на славенском языке уже весьма из давных лет и везде имеют внутрь и вокруг своей земли российские городы, однако свой язык и доныне сохранили. Сие видим в таких людях, которые славенскому языку подвластны; то не больше ли бы сие и не способнее ли бы могло учиниться у тех, которые славянам повелевали? 6) В древних летописцах, а особливо у Нестора народы, которые не славенским языком говорили, всегда ясно отличаются, что они имеют свой язык, или что тот или другой разумел язык печенежский; а о варяжском языке нигде не упоминается, чтобы он был совсем от славенского отменен, но везде варяги и славяне как одного племени почитаются.

Но чтобы кто не подумал, что я уже от древних роксоланов с варягами-русью далече отсторонился, то единство их следующим образом показываю. Варягами назывались народы, живущие по берегам Варяжского моря; итак, россы или русь только при устьях реки Немени или Русы имели имя варягов, а простираясь далее к востоку и югу, назывались просто руссы или россы; а что они к востоку и к полудни далее простирались, то показывает: 1) их сильное множество, которому на берегах между Двиною и Вислою уместиться нельзя было; 2) Белая и Чермная Русь, которые лежат в Польше, а отчасти в России, имеют имя свое, конечно, не от чухонцев, как то господин Миллер о великорос-

сиянах рассуждает, но ясно доказывают, что варяги-русь были те же с живущими далее к югу и им смежными белороссийцами, где ныне Новгородек, воеводства Минское, Мстиславское, Вытепск и Полоцк, а от Полоцка простирались и до Старой Русы. Чермная Русь, которая от Днепра протянулась почти до самой Вислы, есть того же происхождения с Белою, а следовательно, и с варягами-русью. Здесь явствует, что россы или Русь Чермная, Белая и Варяжская перед приходом Руриковым простиралась от Варяжского моря и от озера Ильменя почти до Черного, а как от оного несколько отдалилась, то явствует выше сего, как печенеги завладели Киевом.

3

Стр. 49. Господин Миллер производит имя российского народа от чухонцев следующим образом. Чухонцы-де шведов называют россалейна, то, услышав сие, новогородцы стали называть русью всех народов, от запада приходящих. Рурик с родом своим, услышав, что новогородцы их называют русью, назвались и сами русью, а после того и весь народ славенский назвался русью. Здесь всяк видит, сколько тут нескладных вымыслов. 1) Полагает здесь господин Миллер, что новогородцы сами о имени западных народов ничего не знали, а между тем всяк ведает, что они их варягами называли. 2) Что Рурик с родом своим, покинув свое старое имя, стали зваться так, как их называли новогородцы. 3) Новгородцы, зная, что сие имя русь ни им, ни варягам не собственное, но от чухонцев взятое, сами назвались оным, оставя свое прежнее; так что, по мнению господина Миллера, два народа, славяне и варяги, бросив свои прежние имена, назвались новым, не от них происшедшим, но взятым от чухонцев. Где теперь строгость господина Миллера, которой он в доказательствах требует у тех, которые российское имя от роксолан производят? Не явно ли показал он здесь пристрастие к своим неосновательным догадкам, полагая за основание оных такие вымыслы, которые чуть могут кому во сне привидеться. Пример агличан и франков, от него здесь присовокупленный, не в подтверждение его вымысла, но в опровержение служит: ибо там побежденные от победителей имя себе получили. А здесь ни победители от побежденных, ни побежденные от победителей, но все от чухонцев!

NB. В сем состоит главное дело его всей диссертации, прочие мои примечания касаются до частей оныя.

4

Стр. 13. „Прадеды ваши, п[очтеннейшие] с[лушатели], от славных своих дел *славянами* назывались, которых от Дуная волохи выгнали". Здесь весьма явны противные вещи *слава* и *изгнание*, которые в такой диссертации места иметь не могут. Но как наш сочинитель славные дела прадедов наших начинает изгнанием, так и всю их жизнь в разорениях и порабощениях представляет, о чем смотри ниже. И хотя бы то была правда, что славяне для римлян Дунай оставили, однако сие можно бы было изобразить инако. Например: славенский народ, любя свою вольность и не хотя носить римского ига, преселился к северу. Новгородский летописец говорит, что славян часть некоторая, для тесноты места на Дунае, отошла к Днепру, Ильменю и прочая, что с правдою очень сходно, ибо и теперь по Дунаю довольно есть славенского народа, как то: сербяне, болгары и проч. Господину бы автору должно было упомянуть славные дела славенского народа из старых внешних авторов, из которых явно, что римляне сами чувствовали храбрость наших праотцев и проч. Прокопий Кесарийский в кн. 3 пишет, что в пятом веку во время Юстинияна, царя греческого, славяне, перешед Дунай, землю за ним опустошили и великое множество римлян в полон взяли. Иорнанд, о гетах пишучи, говорит, что ныне славяне за грехи наши везде нас разоряют, что было в шестом веку. Григорий Великий, папа римский, к епископам в Истрию пишет: „Истинно для славенского народа, который на вас наступает, весьма сокрушаюсь и смущаюсь: сокрушаюсь о том, что вашу болезнь сам претерпеваю; возмущаюсь о том, что они чрез Истрию уже и в Италию вступают". Из сего явствует, что славяне от римлян не так выгнаны были, как господин Миллер пишет. И сие бы должно было ему упомянуть для чести славенского народа.

5

Стр. 14. Новогородский летописец весьма дерзновенно опровергается, так что г. автор князей и деяний славенских новогородских и упомяновения не удостоил. По последней мере, ежели автор против того важные возражения имеет, надлежало бы ему, предложив о Славене, Русе, Болгаре, Комане, Истере, о создании Славенска и Старой Русы, о двух запустениях Славенска и о обновлении оного и пре-

менении в Новгород и проч. и купно сообщить свое мнение, а не так совсем без основания откинуть. По моему мнению, сего древнего о Славенске предания ничем опровергнуть нельзя. И хотя внешними писательми не утверждается, однако само собою стоять может, и самовольно опровергать его в предосуждение древности славенороссийского народа не должно.

6

Стр. 14. Предлагает господин Миллер о Киеве перевозе и как Нестор сие отвергает и доказывает, что Кий не был перевозчик, но князь. К сему присовокупляет господин Миллер на стр. 15: „Все сие изрядно" (то есть защищение Киево от Нестора), „только-де оное так истолковать надлежит, дабы тем у греческих писателей, живших прежде Нестора, не отнять вероятности"; чем он несколько, по-видимому, сомневается, что не был ли и заправду Кий человек приватный. И сие подкрепляется тем, что он на стр. 16 говорит, якобы Кий взят был от гуннов под Царьград с принуждения и был только у них полководцем. Такая догадка, которая довольного основания не имеет и с нашими летописьми не сходствует, а особливо что не в честь древнему российскому владетелю вымышлена, не думаю, чтобы была приятна российским слушателям и читателям.

7

От стран. 23 до 44 все должно было автору почти без остатку выкинуть: 1) Для того что, как по самой правде, так и по признанию самого автора, все те нелепые сказки о богатырях и о колдунах взяты из таких басней, какова у нас о Бове-королевиче. Весьма чудно, что господин Миллер, сам признав их несправедливость, потом как правду толкует, а особливо что по его же мнению нерусских владетелей русскими называет. Сие толь же не складно, как бы Юстинияна, царя греческого, назвать султаном турецким, для того что ныне Грециею турки владеют. Господин Миллер точно так поступает, ибо полагает он, что прежде Рурика россиян в России не было, а владельцев, прежде его бывших, называет царями русскими; следовательно, сии почтенные имена приемлет всуе. 2) Для того вышепомянутое выкинуть должно, что преисполнено именами дикими, и российскими перепорченными, и Бейерскими перевертками,

слушателям скучными и невнятными. 3) Что служат только к славе скандинавцев или шведов и, как сам господин Миллер говорит, для того внесено, дабы показать, что скандинавцы, против россиян воюя, славу себе получали. 4) Что все оное к изъяснению нашей истории почти ничего не служит и могло бы быть без утраты (sine damno) пропущено, как то сам автор на 23 и 24 странице объявляет. 5) Что оно российским слушателям будет весьма досадно и огорчительно, когда услышат, что народов, одним именем с ним называемых, скандинавы бьют, грабят, огнем и мечом разоряют, победоносным оружием благополучно побеждают.

8

Стран. 46. Здесь ясно показывается пристрастие господина Миллера к своим догадкам, ибо он, как уже выше упомянуто, одного сходства имени и места за доказательство не принимает. Сия его строгость была бы весьма похвальна, ежели бы господин Миллер не токмо для отвержения противных, но и для доказательства своих мнений поступал по оной; но здесь выводит он из одного сходства имени Дир и Диар, что Оскольд и Дир не двое, но один был князь именем Оскольд, а по чину Диар (то есть по-готски судья). Не упоминаю о том, что сие все для того он сюда взял из Бейеровой диссертации, чтобы русь-варягов произвести от готов; тому удивляюсь, что он ясное Несторово, Стриковского и других авторов свидетельство принес в жертву своей догадке, ибо сии писатели не токмо сих двух князей различают, но и гробы их в Киеве особливо назначают. А что они вместе жили и в одно время умерли, то весьма нединвно, ибо таких примеров довольно в историях находится.

9

Не упоминая других его переверток, которыми он имена князей и городов российских претворяет, не могу пройти мимо того, как он имя города Холмогор (стр. 30) производит от Голмгардии, которым его скандинавцы называли. Ежели бы я хотел по примеру Бейеро-Миллерскому перебрасывать литеры, как зернь, то бы я право сказал шведам, что они свою столицу неправедно *Стокголм* называют, но должно им звать оную *Стиоколной* для того, что она так

слывет у русских. Имя Холмогоры соответствует весьма положению места, для того что на островах около его лежат холмы, а на матерой земли горы, по которым и деревни близ оного называются, напр., Матигоры, Верхние и Нижние, Каскова Гора, Загорье и проч.

10

Здесь не упоминаю я того, что обстоятельно предложено мною было в прежнем моем о сей же диссертации рассуждении. А из сих вышеписанных следует, что оной диссертации отнюд поправить не можно так, чтобы льзя было ее публиковать в собрании академическом: 1) Что мнение господина Миллера о происхождении россов от шведов, а имени их от чухонцев весьма неосновательно, а оное, которое от европейских славных авторов и от целых ученых собраний приемлется, есть весьма основательнее, то есть, что россы и их имя происходят от роксолан древних. При сем отдаю на рассуждение знающим политику, не предосудительно ли славе российского народа будет, ежели его происхождение и имя положить толь поздно, а откинуть старинное, в чем другие народы себе чести и славы ищут. При том также искуснейшим на рассуждение отдаю, что ежели положить, что Рурик и его потомки, владевшие в России, были шведского рода, то не будут ли из того выводить какого опасного следствия. 2) В публичном действии не должно быть ничего такого, что бы российским слушателям было противно и могло бы в них произвести на Академию роптание и ненависть. Но я рассуждаю, что они, слыша в сей диссертации толь новое свое происхождение, на догадках основанное, проименование свое от чухонцев, презрение древних своих историй и частые россиян от шведов разорения, победы, порабощения и опустошения, о которых они прежде не слыхали, конечно не токмо на господина Миллера, но и на всю Академию и на ее командиров но справедливости вознегодуют. 3) Все ученые тому дивиться станут, что древность, которую приписывают российскому народу и имени все почти внешние писатели, опровергает такой человек, который живет в России и от ней великие благодеяния имеет.

Профессор Михайла Ломоносов.

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

4 января 1753 г.

Милостивый государь Иван Иванович!

Неоднократное вашего превосходительства к сочинению «Российской истории» ободрение хотя я всегда принимал за истинный знак вашего обо мне милостивого мнения, однако вашего превосходительства полученным от 28-го числа декабря ко мне письмом, преисполненным природного вашего снисхождения и склонности к наукам, столько я об оном удостоверился, что, в крайней моей к вам благодарности погружен, почитаю ваше справедливое желание, которое соединено с пользою и славою отечества. Я бы от всего сердца желал иметь такие силы, чтобы оное великое дело совершением своим скоро могло охоту всех удовольствовать, однако оно само собою такого есть свойства, что требует времени. Коль великим счастием я себе почесть могу, ежели моею возможною способностию древность российского народа и славные дела наших государей свету откроются, то весьма чувствую. И читая от вашего превосходительства ко мне писанные похвалы, которые мое достоинство далече превосходят, благодарю от всего сердца и, радуясь, по предприятому моему намерению со всякою ревностию в собрании нужных известий стараюсь, без которых отнюдь ничего в истории предприять невозможно. Могу вас, милостивого государя, уверить в том заподлинно, что первый том в нынешнем году с божиею помощию совершить уповаю. Что ж до других моих в физике и в химии упражнений касается, чтобы их вовсе покинуть, то нет в том ни нужды, ниже возможности. Всяк человек требует себе от трудов упокоения: для того, оставив настоящее дело, ищет себе с гостьми или с домашними препровождения времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачным дымом, от чего я уже давно отказался, затем что не нашел в них ничего, кроме скуки. Итак, уповаю, что и мне на успокоение от трудов, которые я на собрание и на сочинение «Российской истории» и на украшение российского слова полагаю, позволено будет в день несколько часов времени, чтобы их вместо бильяру употребить на физические и химические опыты, которые мне не токмо отменою материи вместо забавы, но и движением вместо лекарства служить имеют и сверх сего пользу и честь отечеству, конечно, при-

нести могут едва меньше ли первой. Когда ваше превосходительство меня удостоверить изволите, что мои сочинения в прозе не противны, то можете иметь в том новый опыт, ежели мне в будущий 1754 год повелено будет говорить похвальное слово Петру Великому в публичном Академическом собрании, на что я готов положить все свои силы. Что ж до кончания моего всепокорнейшего прошения надлежит о фабрике, то не думайте, милостивый государь, чтобы она могла мне препятствовать, ибо тем оканчаются все мои великие химические труды, в которых я три года упражнялся и которые бесплодно потерять мне будет несносное мучение и много большее препятствие, нежели от самих оных опасаться должно. Итак, уповая чрез милостивое ваше предстательство прошению моему скорого решения достигнуть, с глубоким высокопочитанием пребываю

вашего превосходительства
всепокорнейший и усерднейший слуга
Михайло Ломоносов

В Санктпетербурге
Генваря 4 дня
1753 года

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

30 декабря 1754 г.

Милостивый государь Иван Иванович!

Из вчерашнего вашего превосходительства милостивого разговора приметил я, что злоба преодолевает благости, подкрадываясь под святость высочайших повелений. Итак, ежели невозможно, чтобы я по моему всепокорнейшему прошению был произведен в Академии для пресечения коварных предприятий, то всеуниженно ваше превосходительство прошу, чтобы вашим отеческим предстательством переведен я был в другой корпус, а лучше всего в Иностранную коллегию, где не меньше могу принести пользы и чести отечеству, а особливо имея случай употреблять вспоможение архивы к продолжению «Российской истории». Я прошу всевышнего господа бога, дабы он воздвиг и ободрил ваше великодушное сердце в мою помощь и чрез вас бы сотворил со мною знамение во благо, да ви-

дят ненавидящие мя и постыдятся, яко господь помогл ми и утешил мя есть из двух единым, дабы или все сказали: камень, его же небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла, от господа бысть сей; или бы в мое отбытие из Академии ясно оказалось, чего она лишилась, потеряв такого человека, который чрез толь много лет украшал оную и всегда с гонительми наук боролся, несмотря на свои опасности. Ожидая того или другого в твердом на милостивейшее ваше ходатайство уповании, с усердным глубокопочитанием пребываю

вашего превосходительства
всепокорнейший и нижайший слуга
Михайло Ломоносов

Декабря 30 дня
1754 года

<ДРЕВНЯЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ>
1754—1758 гг.

Фрагменты

ВСТУПЛЕНИЕ

Народ российский от времен, глубокою древностию сокровенных, до нынешнего веку толь многие видел в счастии своем перемены, что ежели кто междоусобные и отвне нанесенные войны рассудит, в великое удивление придет, что по толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул. Извне угры, печенеги, половцы, татарские орды, поляки, шведы, турки, извнутрь домашние несогласия не могли так утомить России, чтобы сил своих не возобновила. Каждому несчастию последовало благополучие большее прежнего, каждому упадку высшее восстановление; и к ободрению утомленного народа некоторым божественным промыслом воздвигнуты были бодрые государи.

Толикие перемены в деяниях российских: соединение разных племен под самодержавством первых князей варяжских, внутренние потом несогласия, ослабившие наше отечество, наконец, новое совокупление под единоначаль-

ство и приобщение сильных народов на востоке и на западе рассуждая, порядок оных подобен течению великия реки представляю, которая, от источников своих по широким полям распростираясь, иногда в малые потоки разделяется и между многими островами теряет глубину и стремление; но, паки соединясь в одни береги, вящую быстрину и великость приобретает; потом присовокупив в себя иные великие от сторон реки, чем далее протекает, тем обильнейшими водами разливается и течением умножает свои силы.

Возрастая до толикого величества Россия и восходя чрез сильные и многообразные препятства, коль многие деяния и приключения дать могла писателям, о том удобно рассудить можно. Из великого их множества немало по общей судьбине во мраке забвения покрыто. Однако, противу мнения и чаяния многих, толь довольно предки наши оставили на память, что, применясь к летописателям других народов, на своих жаловаться не найдем причины. Немало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели. Инако рассуждать принуждены будут, снесши своих и наших предков и сличив происхождение, поступки, обычаи и склонности народов между собою.

Большая одних древность не отъемлет славы у других, которых имя позже в свете распространилось. Деяния древних греков не помрачают римских, как римские не могут унизить тех, которые по долгом времени приняли начало своея славы. Начинаются народы, когда другие рассыпаются: одного разрушение дает происхождение другому. Не время, но великие дела приносят преимущество. Посему всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности.

Сие уравнение предлагаю по причине некоторого общего подобия в порядке деяний российских с римскими, где нахожу владение первых королей, соответствующее числом лет и государей самодержавству первых самовластных великих князей российских; гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на разные княжения и на вольные городы, некоторым образом гражданскую власть составляющему; потом единоначальство кесарей

представляю согласным самодержавству государей московских. Одно примечаю несходство, что Римское государство гражданским владением возвысилось, самодержавством пришло в упадок. Напротив того, разномысленною вольностию Россия едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством как сначала усилилась, так и после несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась. Благонадежное имеем уверение о благосостоянии нашего отечества, видя в единоначальном владении залог нашего блаженства, доказанного толь многими и толь великими примерами. Едино сие рассуждение довольно являет, коль полезные к сохранению целости государств правила из примеров, историею преданных, изыскать можно.

Велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и, пренося минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долготою времени разделила. Мрамор и металл, коими вид и дела великих людей изображенные всенародно возвышаются, стоят на одном месте неподвижно и ветхостию разрушаются. История, повсюду распростираясь и обращаясь в руках человеческого рода, стихии строгость и грызение древности презирает. Наконец, она дает государям примеры правления, подданным — повиновения, воинам — мужества, судиям — правосудия, младым — старых разум, престарелым — сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение, с несказанною пользою соединенное. Когда вымышленные повествования производят движения в сердцах человеческих, то правдивая ли история побуждать к похвальным делам не имеет силы, особливо ж та, которая изображает дела праотцев наших?

Предпринимая тех описание, твердо намеряюсь держаться истины и употреблять на то целую сил возможность. Великостию сего дела закрыться должно все, что разум от правды отвратить может. Обстоятельства, до особенных людей надлежащие, не должны здесь ожидать похлебства, где весь разум повинен внимать и наблюдать праведную славу целого отечества: дабы пропущением надлежащия похвалы — негодования, приписанием ложныя — презрение не произвести в благорассудном и справедливом читателе.

Часть I
О РОССИИ ПРЕЖДЕ РУРИКА

<...> Глава 4
О НРАВАХ, ПОВЕДЕНИЯХ И О ВЕРАХ СЛАВЕНСКИХ

Разные славян поколения неспоримо разнились обычаями, хотя во многом имели сходство. Кроме разделения по местам, разность времени отменяет поведения. Того ради мидских, венетских, иллирийских, амазонских и сарматских предков славенских, кои многими веками, великими расстояниями и, сверх того, многоразличными переселениями отделяются, не изображаю в тогдашнем виде, который, по свойствам тамошнего климату и по соседству с отменными народами, походить не может на преселившихся их поздних потомков. Итак, довольно будет, когда увидим их, по преселениях несколько описанных.

Когда имя славенское в свете прославилось войнами против римлян и греков, тогда Прокопий Кесарийский,* того же веку писатель, следующее об них на память оставил: «Сии народы, славяне и анты, не подлежат единодержавной власти, но издревле живут под общенародным повелительством. Пользу и вред все обще приемлют. Также и прочие дела у обоих народов содержатся издревле. Единого бога, творца грому и всего мира господа исповедуют. Ему приносят волов и другие жертвы. Судьбины не признавают и не приписывают ей никаких действий в роде человеческом. Впадши в болезнь или готовясь на войну и видя близко смерть, дают богу обещание, что ежели от нее свободятся, немедленно принесут жертву. Получив желаемое, исполняют свое обещание вскоре и верят, что жизнь их сохранена оною жертвою. Сверх того, почитают реки и другие воды, также и некоторых иных богов, которым всем служат и в приношении жертвы гадают о будущем. Живут в убогих хижинах, порознь рассеянных, и нередко с одного места переселяются на другое. Когда на бой выходят, многие идут пеши со щитами и с копьями; лат не носят. Иные, не имея на плечах одеяния, в одних штанах бьются с неприятелем. Обоих язык один — странный. Нижé видом тела разнствуют, ибо все ростом высоки и членами безмерно крепки, цветом нижé

* О. Готич. войне, кн. 3, гл. 14.

весьма белы, ниже́ волосом желты, ни очень черны, но все русоваты. Жизнь содержат, как массагеты, сухою и простою пищею и, подобно как они, весьма нечисто ходят, натурою незлобны, нелукавы и в простоте много нравами сходны с гуннами». Сие о славенах, живших в шестом столетии по Христе около Дуная.

О славенских народах, живших по российским областям, объявляет Нестор,* что поляне от своих предков обычаем кротки, стыдливы к родителям и к сродникам и брачное сочетание наблюдают. Древляне живут зверским образом: убивают друг друга, едят нечистую зверину. Брачных чинов не держат: женский незамужний пол хватают у воды и вместо жен держат. Радимичи, кривичи, вятичи и северяне держатся одного обычая. Живут в лесах, как дикие звери, всякую нечистоту в пищу принимают, не стыдятся срамословить пред родительми; вместо браков сходятся на игрища между селами и пляшут, где хватают женский пол себе в жены, с которыми сперва согласились; держат по две и по три. Над мертвыми отправляют тризны, потом на струбе сожигают и пепел с костьми в сосудах на столпах ставят при дорогах. Сие употребление у кривичей было еще при Несторе. Новгородских славян нравы и поведения усмотреть можно с начала истории от Рурикова приходу.

При Варяжском море на южном берегу жившие славяне издревле к купечеству прилежали. В доказательство великого торгу служит разоренный великий город славенский Виннета, от венетов созданный и проименованный. Гелмолд о нем пишет:** «Река Одра протекает в север середи вендских народов. При устье, где в Варяжское море вливается, был некогда преславный город Виннета, в котором многонародное пристанище грекам и варварам, около жившим. Все европейские города превосходил величеством. В нем жили славяне, смешанные с другими народами, с варварами и с греками. Приезжим саксонцам равно позволялось жить в сем городе, лишь бы только не сказывались христианами, ибо славяне все даже до разорения сего города служили идолам. Впрочем странноприимством и нравами ни един народ не был честнее и доброхотнее. Купечествовал товарами разного рода с разными народами пребогатый город и все имел, что

---

* В начале, лист 6 на обороте.

** Книга 1.

бывает редко и приятно. Разорен от некоторого короля датского. Видны еще только древних развалин остатки». После сего привык народ славенский в Померании к морскому разбойничеству.

О нравах и о вере вендских померанских славян, особливо которые жительствовали в Вагрии, северные писатели уверяют*, что у них многоженство в обычае было: покупали жен, сколько кому прокормить возможно. Хотя ж почитали единого бога на небесах, который имел об оных попечение, однако земные дела поручал другим. Святовид на острове Ругене вырезан был из дерева о четырех лицах, в коротком платье, стоял в капище, в левой руке держал лук, в правой рог с вином; на бедре превеликий меч в серебряных ножнах.** При нем висело седло и узда величины чрезвычайной. Четыре лица, как кажется, значили четыре части года. Именем сего идола давал жрец ответы. Святовиду честию следовал Прове, или Проно, особливо у вагрских славян; стоял на великом и кудрявом дубе. Около его на земли расставлены до тысячи идолов с двумя, тремя лицами и больше. Перед Проном стоял алтарь для приношения жертвы. Радегаст держал на груди щит с изображенною воловою головою, в левой руке копье, на шлеме петух с распростертыми крилами. Сива, или Сиба, нагая женщина, волосы назади висели до подколенков; в правой руке яблоко, в левой виноградный грозд держала. Наконец, почитались у них Черн бог и Бел бог: первый добрый, другой злой. Сверх всех сих идолов, обоготворялись огни, которые по разным местам неугасимо горели. Многие воды, ключи и озера толь высоко почитались, что с глубоким и благоговейным молчанием черпали из них воду. Кто противно поступал, казнен был смертию. Такое озеро обоготворялось на острове Ругене, в густом лесу, называемое Студенец, которое хотя весьма изобиловало рыбою, однако оныя не ловили для почтения мнимой святости. При всем сем почитали змей как домашних богов и наказывали тех, которые им вред наносили. В приношении жертвы Святовиду изъявляли превеликое почитание. После жатвы собирался весь народ перед его капище для препровождения великого праздчества, где били скота на жертву, и для знатного идольского пирования за день перед праздником должен

* Гарткнох. Диссерт. 12, о делах прус., § 2.
** Арнкил. О цымбрском идолопоклонстве, на многих местах.

был сам жрец прежде приношения жертвы и служения чисто выместь капище. Следующего дня, в самый праздник, при собрании народа перед дверью капища, взяв из руки идольской рог с вином, чем за год был наполнен, прорицал о плодородии будущего года. Ибо ежели вина в роге не много убыло, почиталось плодородия признаком. В противном случае изобилия плодов не надеялись. По сем выливал жрец вино из рога перед ногами Святовидовыми и наливал в него новое; пил за его здоровье и просил, чтобы людям своим и отечеству подал изобилие, богатство и победу над неприятельми. Выпив рог вина, наполнял снова и отдавал идолу в руку. Потом приносили в жертву великие круглые хлебы из муки и из меду, которые жрец поставив между собою и народом, молился о изобильной жатве будущего года. Потом благословлял народ именем Святовидовым, увещал к прилежному приношению жертвы и обещал в воздаяние победу на врагов по морю и по суху. По сем препровождался день в ядении и питии, и за стыд почитали, ежели кто не напился допьяна. Каждый человек в год сему идолу третию часть своей хищной добычи долженствовал принести в жертву. Триста конных нарочных воинов, сколько могли награбить, все в капище приносили, что жрец употреблял на украшение оного. Нередко сему идолу приношены были в жертву христианские пленники, которых садили верхом на лошадях во всей их сбруе. Лошадь четыреми ногами привязывали к четырем сваям и, под поставленные по обеим сторонам костры дров подложив огонь, сожигали живых коня и всадника. Другим идолам своим, Прову или Прону, Сиве, Радегасту, приносили тогда жившие славяне кровавую жертву людей христианских. По заклании оных прикушивал жрец крови, от чего уповали силы и действия к предсказанию. Когда жертва совершилась, начинался жертвенный пир с музыкою и плясанием. Злым богам приносили кровавую жертву и печальное моление, также и страшные клятвы, добрым — веселие, игры и радостные пирования. О будущем гадали обыкновенно метанием деревянных дощечек, у которых одна сторона была черная, другая белая. Когда их бросали, белая сторона наверху добро, черная худо, по их мнению, предвозвещала. Летание птиц и крик по разности сторон, встреча зверей, сверх сего, движение пламени, течение воды и разные виды пены и струй также служили к предсказанию. Святовиду посвящен был великий белый конь. Когда войну на-

чать хотели, втыкали перед капищем в землю острыми концами шесть копей, по два вместе крестообразно. По обыкновенной молитве выводил жрец посвященного коня скакать через оные копья. Когда на скоку заносил наперед правую ногу, почитали за доброе предзнаменование предприемлемого дела; когда же левую простирал наперед далее, признавали за худое предвозвещение. По сему конскому скаканию начиналась война или отлагалась.

Глава 5

О ПРЕСЕЛЕНИЯХ И ДЕЛАХ СЛАВЕНСКИХ

Древнейшее всех преселение славян, по известиям старинных писателей, почитать должно из Азии в Европу. Что оное двумя путями происходило, водою и по суху, из вышеписанного усмотреть не трудно. Ибо венеты от Трои с Антенором плыли Архипелагом, Посредиземным и Адриатическим морем. И весьма вероятно, что после оного по разным временам и случаям многочисленные их однородцы из Пафлагонии помянутым путем или по Черному морю и вверх по Дунаю к ним и в их соседство перешли жительствовать. Подтверждается сие, во-первых, тем, что венеты весьма широко распространились по северному и восточному берегу Адриатического залива и по землям, при Дунае лежащим; второе, что Пафлагония после того от времени до времени умалилась и, наконец, между главными землями в Азии не полагалась, ибо уже у Птоломея* почитается как малая часть Галатии.

Другой путь был из Мидии севером, около Черного моря, к западу и далее на полночь, когда сарматы, от мидян происшедшие, из задонских мест далее к вечерним странам простирались, что из вышеписанного по правде заключить должно. Еще ж Блонд пишет,** что славяне, от Восфора Циммерского до Фракии обитавшие, в Иллирик и в Далмацию преселились. Болгар древнее жилище в Азиатической Сармации, около реки Волги, с добрым основанием от некоторых полагается,*** затем что Иорнанд со славянами и антами, славенским же народом, совокупное их нападение на Римскую державу описует и

* Геогр., кн. 5, гл. 3.
** Декада 1, кн. 1.
*** Кромер, кн. 1, гл. 8.

жительство их почитает в северной стране от Черного моря. Согласуется с делом имя болгар, от Волги происшедшее, которыми после того и другие народы, козаре и татаре, от россиян именовались.*

Все сие доказывает движение славенских поколений от востока на запад пространными нашими землями, по северу около Понтийского моря. Таким образом, простираясь уже паки к полудни, соединились с однородцами своими, переселившимися южною дорогою, и во многие веки составили разные славенские поколения, отменив наречия и нравы по сообщению с иноплеменными народами, с которыми в преселениях обращались.

Какова храбрость была древних предков славенского народа, о том можно уведать, читая о войнах персидских, греческих и римских с мидянами, сарматами и иллирийцами, которые принадлежат и до россиян обще с другими славенскими поколениями. О грамоте, данной от Александра Великого славенскому народу, повествование хотя невероятно кажется и нам к особливой похвале служить не может, однако здесь об ней тем упоминаю, которые не знают, что, кроме наших новогородцев, и чехи оною похваляются.**

Между тем, когда славенские племена из Мидии, около Черного моря, в Иллирик и в другие места распространялись, тогда и в северные страны поселялись в великом множестве. Новогородский летописец согласуется в том со внешними писателями. И хотя бы имена Славена и Руса и других братей были вымышлены, однако есть дела северных славян, в нем описанные, правде не противные. По Варяжскому морю, которое от воровства на чудском языке сие имя получило, обыкновенно в древние веки бывали великие разбои и не токмо от подлых людей, но и от владетельских детей за порок не почитались. Про Славенова сына Волхва, от которого Волхов наименование носит, пишет, что в сей реке превращался в крокодила и пожирал плавающих. Сие разуметь должно, что помянутый князь по Ладожскому озеру и по Волхову, или Мутной реке тогда называемой, разбойничал и по свирепству своему от подобия прозван плотоядным оным зверем. Распространение славян северных до рек Выми и Печоры и даже до Оби хотя позднее должно быть кажется, не-

* Нестор, на многих местах.

** Кромер, книга I, глава 14.

жели как положено в оном летописце, однако не так поздно, как некоторые думают, затем что дорогими собольими мехами торг из России на запад уже за семьсот лет известен из внешних авторов, и дыньки в российском купечестве прежде обращались, нежели Ермак открыл вход в Сибирь военною рукою.

Когда Римская империя усилилась и оружие свое распростерла далече, тогда почувствовали насильство ея и славенские народы, жившие в Иллирике, в Далмации и около Дуная, для чего в север уклонились к своим одну родцам, которые издавна в нем жительствовали. По свидетельству Несторову*, славяне в местах, где Новгород, обитали во время проповеди евангелия святым апостолом Андреем. У Птоломея** положены славяне около Великих Лук, Пскова, Старой Русы и Новагорода.

Итак, явствует, что, ненавидя римского ига и любя свою вольность, славяне искали оной в странах полунощных, которою единоплеменные их пользовались, в местах пространных, по великим полям, рекам и озерам. Нестор подробно описывает,*** что нашли волохи на славян дунайских и, седши с ними, стали обижать и насиловать; тогда иные, отшед на реку Вислу, назвались ляхами. От ляхов прозвались иные лутичи, иные мазовшане, иные поморяне. Иные сели по Днепру и назывались поляне; другие — древляне, затем что сели в лесах; многие между Припятью и Двиною и назывались дреговичи; некоторые поселились на Двине и назывались полочане по реке Полоте; многие перешли на Оку и проименовались вятичами. Иные славяне сели около озера Ильменя и прослыли своим тем же именем; иные поселились по Десне, Семи и Суле и назывались северяне. Новгородцы одержали не одно токмо имя свое славенское, но и язык сродных себе славян, около Дуная и в Иллирике обитающих, который много сходнее с великороссийским, нежели с польским, невзирая на то, что поляки живут с ними ближе, нежели мы, в соседстве.

Потом, как Римская империя стала приходить в упадок, тогда славяне, стараясь отмстить древнюю предков своих обиду, предпринимали от севера на полдень сильные и частые походы, особливо при Иустиниане Великом,

* Лист 4.
** Кн. 3, гл. 5, таблица 8.
*** Лист 3, на обороте.

царе греческом, чему пример даю из Прокопия:* «Войско славенское, из трех тысяч состоящее, без сопротивления Дунай-реку переправилось и потом, без труда через Гебр переехав, разошлись надвое. Одна часть состояла из тысячи осьмисот человек, другая из прочих. На обоих, хотя друг от друга разделенных, учинили нападение римские военачальники во Фракии и в Иллирике, однако паче чаяния побеждены были и отчасти побиты на месте, отчасти без всякого порядку спаслись бегством. Потом, когда оба полки славенские, числом много меньшие, вождей римских низложили и прогнали, другая часть их с Азбадом учинила сражение. Сей Азбад, Иустинианов стипатор, правил конницею, которая издавна для прикрытия города Цирула во Фракии была сильна множеством и мужеством. Славяне, и сих рассыпав, многих, со срамом бегущих, умертвили и, поимав Азбада, хотя сперва стерегли жива, однако после, вырезав ремни из хребта, его сожгли. Сие учинив, всю Фракию и Иллирик без своего ущербу разоряли и в обоих местах многие крепости взяли осадою. Прежде ж сего ни к стенам приступить, ни в поле выступить не дерзали, никогда не смели чинить набегов на Римскую империю и до того времени, кажется, никогда через Дунай-реку не переходили. Победившие Азбада славяне разорили все места до самого моря. Приморский город Топер с оборонительным войском взяли таким образом. Славян бóльшая часть в ямистых местах и во врáгах близ стен городских утаилась. Малое оных число у ворот восточных раздражали римлян, на городовой стене стоящих. Солдаты, бывшие в городе, думая, что только славян было, сколько показалось, внезапно вооруженные учинили вылазку. Славяне стали отступать притворно и, якобы их страшась, назад побежали. И как римляне, гонясь за ними, от стены удалились, славяне засадные из врáгов поднялись, от города путь им пресекли, и бегшие славяне, обратясь лицом к неприятелям, гонящих остановили и, побив всех, на том же месте приступили к городу. Уже неприготовившиеся мещане жестоко возмутились, однако по возможности сопротивлялись стремлению: ибо сначала кипящее масло и смолу лили на приступающих. И хотя люди всякого возраста на них бросали каменье, однако бедства не отвратили. Великим множеством стрел славяне городских людей от зубцов сбили и, приставив

*О Готической войне, кн. 3, гл. 38.

к стенам лествицы, город взяли. Немедленно мужеска полу до пятнадцати тысяч порубив и разграбив богатство, малых детей и женский пол поработили. Ибо до того дня не было пощады ни единому возрасту. Другой полк, после того как ворвался в римские пределы, всех без разбору лишал жизни, так что в Иллирике и во Фракии непогребенные трупы по всем местам лежали повержены. Потом оба полки живот пленным оставлять стали и так во свои жилища возвратились со многими тысячами пленных.

В Сардике, иллирическом городе, собранное войско строил Герман и поспешал с великим к войне приуготовлением. Когда славенские полки, каковы никогда не бывали, достигши к пределам Римской империи и переправясь через Дунай, пришли к Наизу, некоторые из них отлучились от войска и, по ближним местам разделясь, для добычи бегали порознь, попали в руки некоторым римлянам. Связаны и вопрошены, для чего славенское войско за Дунай переправилось? — с уверением ответствовали, что пришли с тем намерением, дабы взять Солунь и окрестные его городы. О сей вести император, весьма обеспокоившись, немедля писал к Герману, чтобы для настоящего времени, оставив поход в Италию и вместо того Солуню и другим городам поспешил дать помочь и не умедлил бы удержать стремление славян всеми силами. Между тем как Герман еще собирался, славяне, узнав от пленных о приходе его в Сардику, устрашились, ибо имя его было у них славно, что пред тем победил антов, славянам единоплеменных. Итак, убоясь и рассуждая, что идет с преизбранным воинством, которое от Иустиниана императора против короля Тотилы и против готов послано, предприятый путь к Солуню прекратили и, не смея больше выступить в поле, перешли все иллирические горы и без опасности вступили в Далмацию. В Иллирике Герман объявил войску, чтобы весь снаряд был собран для походу после двух дней в Италию. Однако, внезапно заболев, умер. После того отправил император против славян избранное войско, которого военачальниками были Константиан, Аратий, Назарий, Иустин, другой сын Германов, Иван, проименованием Елуон. Сверх того, над всеми поставил Схоластика, из придворных евнухов. Часть славян нашел он у Адрианополя, которые в пути своем уже не могли скоро простираться, для того что вели с собою бесчисленное множество пленников, скота и всякого богатства. Сим принуждены, остоялись и к сражению втай от не-

приятеля приготовлялись; славяне на горе, римляне на поле стан урепили. Долго так стояв, преодоленные нетерпеливостию солдаты с неудовольствием стали жаловаться на полководцев, что сами, пищею будучи довольны, презирают солдат, недостатками утомленных, и не хотят вступить в сражение с неприятельми. Таковыми жалобами принуждены были военачальники бой начать. Сражение возгорелось. Побеждены силою римляне; многие храбрые солдаты пали. Предводители, едва не пойманы, вырвавшись, с прочими ушли кому куда ближе. Славяне взяли Константиново знамя и, презрев римское войско, пошли далее. Астическую страну, которая долго не чувствовала разорения, опустошили; для того корысть нашли там преизобильную. Учинив по великому пространству разорение, дошли до долгой стены, которая на день пути отстоит от Царяграда. Несколько после того римляне, следуя за славянами и залучив часть оных, побили внезапным нападением и, порубив многих, отняли римских пленных великое множество, и взято назад Константиново знамя. Прочие славяне с корыстию в домы возвратились».

Таковы суть знатнейшие свидетельства походов славенских на Римскую державу. Впрочем, нет сомнения, что в войнах готских, вандальских и лонгобардских великое сообщество и участие геройских дел приписывать должно славянам. Показывает помянутый Прокопий* соединение их с лонгобардами, гепедами и готами ради Ильдизга, королевича лонгобардского. От великого множества славян, бывших с прочими северными народами в походах к Риму и Царюграду, произошло, что некоторые писатели готов, вандалов и лонгобардов за славян почитают, хотя они действительно германского были племени.

Следы знатных славенских походов явствуют из их преселений. Чехи, по описанию того ж Прокопия,** жительствовали на берегу Евксинского понта, которым в прежние времена ставил королей римский император, а тогда уже ему не были ни в чем послушны. Нынешнее чехов обитание около вершин реки Албы свидетельствует о их походах, также и о преселениях прочих единоплеменных им народов. Болгары, при Анастасии, царе греческом, в первый раз на Римскую империю нападение учинившие, тоже показывают, что они славяне были; с вандалами и лонгобардами воевали в сообществе.

---

* О Готической войне, книга 3, глава 35.

** Там же, кн. 4, гл. 4.

Взаимное северных и южных славян друг другу вспоможение явствует из приходу болгаров дунайских для населения Славенска: первое после великого мору, от которого жители почти все погибли, второе по нашествии гуннов, от коих Славенск разорен и положен в конечное запустение.

Всех походов, преселений и смешений славенского народа для великого их множества и сплетения описать невозможно и не так нужно, как в следующих частях показать дела российских наших праотцев. Для того поспешаю к описанию прочих народов, поелику до нас касаются, как участники в составлении нашего общества.

Глава 6

О ЧУДИ

Чудские поколения коль далече по северу простираются, заключить можно из множества разных народов, отчасти Российской державе недавно покоренных, отчасти в оную в прежние совсем включенных. Ливония, Естляндия, Ингрия, Финния, Карелия, Лаппония, Пермия, черемиса, мордва, вотяки, зыряне говорят языками, немало сходными между собою, которые хотя и во многом разнятся, однако довольно показывают происхождение свое от одного начала. Сверх сего, сильная земля Венгерская хотя от здешних чудских областей отделена великими славенскими государствами, то есть Россиею и Польшею, однако не должно сомневаться о единоплеменстве ее жителей с чудью, рассудив одно только сходство их языка с чудскими диалектами. Что подкрепляется еще их выходом из сторон, где и поныне чудские поколения обитают, их остатки. Представив чудской народ в нынешнем его рассеянном состоянии и по большой части у других держав в подданстве, помыслить можно, что в соединении бывал некогда силен на свете.

По примеру, как писано выше о величестве славенском, оглянемся на времена прошедшие около лет тысячи и поищем чудского могущества. <...>

Рассмотрев чудского народу прежде многих веков могущество, большее нынешнего, признать должно, что они в севере великую часть земель еще и прежде того занимали и неотменно в общем имени скифов заключались от греческих и римских писателей. Ибо татаре обитали тогда

далече в Азии к востоку и потому скифского имени у греков не носили. Прочие древние народы, как алане, роксолане, даки, амазоны и другие должны причитаться к славенскому либо чудскому поколению. Итак, еще надлежит рассмотреть, которому из двух сих народов свойственно приписать должно имя скифов, употребленное у древних внешних авторов обще для многих и разноплеменных северных обитателей, которое не токмо иногда далече в Европу, даже до германцев, и на востоке неведомым тогда азиатическим государствам давалось, но и греческие поселенцы, около Днепра и в Херсоне жившие, скифами проименованы были от своих одноземцев.*

Выше сего показано, что славенские поколения сарматами тогда назывались, хотя иногда нередко со скифами от незнания тогдашних писателей смешиваны были, потому что часто с места на место переселялись. К подтверждению сего служит, что амазонки скифского языка не разумели,** следовательно, свойственный скифский язык не был славенский. И мидский царь Киаксар отдавал скифам малых детей учиться говорить их языком,*** откуду явствует, что и корень славенского языка, то есть мидский, со скифским не сходствовал. Итак, остается искать скифского имени и народа в чудском племени, для чего необходимо нужно смотреть довольных о том свидетельств.

Профессор Бейер,**** хотя неправо скифское имя производит от финского слова *скита* — стрелок, затем что сарматы, парфяне и другие многие народы из лука стрелять не меньше скифов искусны были и равное право имели от греков названы быть стрелками, а притом по-гречески, а не по-фински,— однако в том он не ошибся, что финцев, естландцев и лифландцев почитает остатками древних скифов. Я доказываю следующими вероятными доводами. Имя скиф по старому греческому произношению со словом чудь весьма согласно; не происходит от греческого и, без сомнения, от славян взято, которые по большой части обитали между чудью и Грециею около Дуная. И как обыкновенно бывает, что отдаленных народов называют теми именами, которое им наложили промеж ими живущие соседы, так и греки, наслышавшись от славян

* Геродот в Мелпомене.
** Геродот в Мелп[омене].
*** Он же в Клие.
**** В Комментариях Академии Наук, том I.

имени чудь, переняли и по своему выговору скифами назвали.

Остатки древнего скифского языка находим у Геродота*, которых явное сходство видим с речениями, у нынешних чудских народов употребительными. Всего сего примечательнее, что басня о Колоксае, сыне первого скифского царя Таргитая, единство сего народа с чудским приводит в полную вероятность.

Опущены в то время были, как скифы о себе баснословили**, с неба соха, иго, топор и чаша золотая. Большой брат Липоксай и средний Арпоксай покушались один за другим взять себе в корысть оные золотые вещи, однако оба не могли получить для огня, круг них пылающего. Меньший брат как только к ним приступил, огонь исчез и оставил сокровище ему во владение. Здесь примечать должно, что хотя имена отца и трех сынов на финском языке имеют чудское знаменование, однако меньшего брата имя самому реченному повествованию соответствует. Колоксай значит *огонь бегущий*, якобы от такого приключения произошло сие имя.

Итак, по величеству чудского народа и по доказательствам исключительным славян, имя скифов чудским поколениям следует; и то самое подтверждается происхождением имени Колоксава; равно как сходствующие скифские и чудские речения и обстоятельствам соответствующие подают всему неодолимую вероятность и не оставляют сомнения, что чудские поколения суть от рода подлинных древних скифов, ныне по большой части Российской державе покоренные или уже из давных времен в един народ с нами совокупленные. Из сего следует, коль велика древность и слава чудского племени.

Рассмотрев единство свойственно называемых скифов с чудью, безопасно употреблять можем одно именование их вместо другого, из которых свойственнее то, которое сему народу наложили древние наши славенские предки. <...>

Многие скифские поколения и преселения довольно можно видеть из описателей разных веков. Здесь по нашему намерению невместны, ибо оное простирается больше, чтобы показать древних родоначальников нынешнего российского народа, в которых скифы не последнюю часть

* В разных местах.
** Геродот в Мелп[омене].

составляют. Рассуждая мидские войны и смешения со скифами, ясно понимаем, что уже и тогда чудь со славянами в один народ по некоторым местам соединилась. После того в первые христианские времена и в средние веки еще много больше меж ними совокупление воспоследовало, чему прилагаются некоторые здесь примеры. По всем историографам известно, что гунны вышли из Азии от стран, к Каспийскому и к Северному морю прилежащих, то есть из Сибири и из земель, Каспийским и Черным морем включенных. Довольно явствует из Прокопия,* который пишет, что около гор Кавказских живут гунны, нарицаемые сабири, и другие племена гунские. В Сибири издревле жители были чудского поколения: ибо татаре не так давно в ней поселились, по большей части с царем Кучумом, во времена великого государя царя Иоанна Васильевича. Остяки и прочие там старобытные чудские обитатели в стороны уклонились. В Дагистане, близ Дербента, есть, как сказывают, и поныне народы чудского поколения, называемые авари. Из сих мест вышед, гунны именовались разно: гунны, авари, по-российски угры и обри,** протекли, во-первых, чудские в севере и славенские поселения, достигли через Дунай вовнутрь Греции и по многих войнах и нахождениях в Паннонии или в Венгрии поселились. Итак, недивно, что в венгерском языке весьма много слов славенских; и потому древний их чудской язык весьма много изменился между славянами и, наконец, ради великого смешения с греками, а паче с турками, с которыми они издавна в соседстве жили и часто у историков за один народ почитались.*** Нашествие их жестоко чувствовал Славенск,**** что ныне великий Новгород, который от угров белых, обитавший в сибирских пределах, в Югорской земле, разорен и в конечное запустение был положен, ибо весьма вероятно, что новогородцы и сами в их сторону досягали купечеством и войною. Сие видно по великому и древнему торгу, описанному у западных старинных авторов,***** который происходил дорогими мехами. Итак, может быть, сие нашествие угров было отчасти из зависти к новогородцам за вступление их в сибирские краи для корысти, отчасти для утеснения угров от восточ-

* Кн. 4, гл. 3.
** Нестор, лист 5 на обороте и 6406 года.
*** Мураторий, в Смешанной истории, том 1, стр. 110,
**** Новогородский летописец.
***** Голмолд, кн. 1, гл. 1.

ных татарских народов, которые тогда начали приходить в силу и на запад простираться. При сем случае, чаятельно, немалое смешение славян учинилось с угорскою чудью. Потом, паки по обновлении Славенска, после преименования Новым городом и по принятии князей варяжских на владение славяне усилились и чудь утесняли, отгоняя их с мест или в соединение принимая. Сие на востоке; на западе с варягами происходило подобное смешение и соединение.

Глава 7

О ВАРЯГАХ ВООБЩЕ

Неправедно рассуждает, кто варяжское имя приписывает одному народу. Многие сильные доказательства уверяют, что они от разных племен и языков состояли и только одним соединялись обыкновенным тогда по морям разбоем. Ибо за тысячу лет не ставили в стыд и владеющие государи обогащаться таковым хищным промыслом, который на Балтийском море едва около двенадцатого столетия из обычая вышел.

Какого происхождения сие имя, о том имеем немало сомнительных догадок. Но всех справедливее быть кажется, что производится от общего речения всем северным народам. Не токмо шведы, норвежцы, истландцы и славяне, но и греки тоже одно слово употребляют в исторических книгах.* И Перинскиольд, переводя на русский язык Стурлезонову историю о королях северных, называет варягов по большей части так же, как по-истландски, ваоингами, или по-латине северными солдатами; из чего уже следует, что они не были только одни шведы, как некоторые думают, ибо в сем случае употребил бы историк конче собственное их имя, а особливо, описывая их дела под предводительством королей шведских, именовал бы их хотя в одном месте шведами, чего, однако, нигде не видно.

Готические и другие северных народов походы на Рим и на Грецию довольно известны с военными славными делами, что шведские историки приписывают по большей части своему народу, однако весьма несправедливо. Ибо видим, что во многих военных предприятиях от севера главные военачальники были славенского народа, как

* Стурлез, в разных местах, Кедрин 1034 года.

Одоацер, Радегаст и другие, и сам, как видится, Рима победитель Аларик. Посему, без сомнения, между готами множество славян купно воевали. Подобным образом и по морю громить обыкшие варяги, того же севера жители, разнились родом, военными поведениями согласовались. В Грецию ходили реками и сухим путем в службу императоров константинопольских. Воевали по Архипелагу, по Средиземному морю даже до Африки, откуду произошли и служили великим князям российским африканы, знатных некоторых здешних фамилий прародители.

Проходя славенскими и чудскими областьми, варяги особливое пристанище и жительство изобрали в Киеве и сокровища прятали в тамошних пещерах еще задолго прежде создания монастыря Печерского.*

Разность сих народов ясно показывает и сомнение разрешает Нестор, летописатель российский, поименно называя варягов, готов, англов, шведов, нормандцев, россов.** На сем твердом основании приступим к особливому исследованию варягов-россов, от которых славенские и отчасти чудские старобытные в нашем отечестве обитатели получили себе обще государей с великим потомством.

Глава 8

О ВАРЯГАХ-РОССАХ

Приступая к показанию варягов-россов, кто они и какого народу были, прежде должно утвердить, что они с древними пруссами произошли от одного поколения.*** Сие разумеется не о крыжаках или нынешних бранденбургцах, но о старожилах прусских, которые еще и поныне живут рассеяны по некоторым селам в Пруссии и тем же языком говорят, который употребляют литва, жмудь, курландцы, ибо в городах живущие дворяне и мещане суть приезжие немцы, которые теми землями около тринадцатого столетия завладели по неправедному папскому благословению.

Западные христианские народы возбуждением римския церкви предпринимали неоднократно походы, чтоб отнять у магометанцев Иерусалим и прочие святые места на во-

---

* Патерик Печ. в житии с. Феодора и Вас.
** 6470 года.
*** Кромер, кн. 1, гл. 1.

стоке, куда собирались многочисленные войска. По многих несчастливых предприятиях, наконец, храбростию Бульонского герцога Готфрида завладели Антиохиею и Иерусалимом; но царство Иерусалимское по осьмидесяти осьми лет ради междоусобныя войны потеряв, оставшиеся крыжаки отчасти в Кипре поселились, откуда в следовавшие времена в остров Род, а из Рода в Мальту выгнаны, где и поныне жительствуют святого креста кавалеры. Иные, возвратясь к папе, просили у него за потерянные старые жилища в Европе места для поселения, из которых многим даны с землями и доходами замки в Германии, называемые немецкие домы. Немалую часть благословил папа своею мнимою над всем светом властию итти в полночь к неверным народам и обращать их к католицкому закону. Итак, дошед до Пруссии, которая тогда для жестоких нападений от поляков весьма ослабела, себе оную покорили и, достигнув до ливонской чуди, взяли во владение, о которой российские князи не пеклись, будучи тогда в разделении и межусобии.

Что ж вышепоказанные пруссы были с варягами-россами одноплеменны, из следующих явствует. И, во-первых, снесение домашних наших летописцев подает уже повод думать о единоплеменстве сих двух народов, именем мало между собою разнящихся. Нестор предал на память, что Рурик призван на владение к славянам из варягов-россов. Новгородский летописец производит его от пруссов, в чем многие степенные книги согласуются. И, таким образом, россы и пруссы уже оказываются единым народом.

Из внешних авторов Преторий* довольно знать дает свое мнение, совокупляя руссов и пруссов в одно племя. Положение места тому соответствует.** То ж подтверждает древнее тесное прусское соседство с Россиею, в которой Подляхия и великая часть Литвы заключалась, от чего и поныне Литва древние российские законы содержит. Восточное плечо реки Немени, впадающее в Курской залив, называется Руса, которое имя, конечно, носит на себе по варягам-россам. Сие все еще подкрепляется обычаями древних пруссов, коими сходствуют с варягами, призванными к нам на владение.

Кромер*** о древних пруссах пишет, как они любили

* На многих местах.
** Арнолд, кн. 1, гл. 2.
*** Стр. 43.

в банях париться и в холодной воде после того купаться, что и поныне российский народ охотно употребляет. То ж гласят обряды, которые как у старых пруссов, так и ныне в некоторых пограничных российских провинциях употребляются. Больше всех утверждает единство древних пруссов с варягами-россами почтение одного главного идола по имени, по знаменованию и по обрядам. Перкун прусский был то же, что у россов Перун, которым Ольг клялся грекам при заключении мирного договора* и которого почитал еще в неверии Владимир. У обоих народов значил Перун бога грому и молнии; у обоих жрецы приносили ему в жертву огонь неугасимый и казнены были смертию, когда угасал их небрежением.** Но сии доводы еще сильнее будут, когда покажем, что варяги-россы был главный народ и знатнее, нежели пруссы, которые от них имя себе получили.

Знатные некоторые берлинские ученые люди по справедливости рассуждают, когда, исследуя о происхождении имени пруссов, пишут,*** что к желаемому своему исканию те ближе всех подходят, которые имя Пруссии из славенского языка производят, то есть из имени *Русь* и предлога *по*. Правда, что они сие думают быть в рассуждении соседства с Россиею, однако по сему равным бы образом и прочие древние российские соседы, как ливонцы, поляки и другие, названы быть могли поруссами или пруссами. Меня многие причины принуждают верить, что сие прозвание дано не по месту, но по времени. И, во-первых, имя россов за полтораста лет прежде известно учинилось, нежели пруссов; для того рассуждаю, что когда Рурик с братьями, со всем родом и с варягами-россами преселился к славянам новогородским, тогда оставшиеся жители после них на прежних своих местах поруссами, или оставшимися по руссах, проименованы. Что ж о пруссах больше упоминают северные историки, то происходит также от времени, а преимуществу россов ничего не отнимает. Ибо все оные авторы около четырехсот лет после Рурика и по отъезде россов о северных делах писали и ради того знали на берегах балтийских одних пруссов; о россах имели мало знания. И, таким образом, в следующие веки остатки их известнее учинились, нежели сами главные варяги-россы. В утверждение сего следующее служит.

* Нестор 6415 года.
** Вейсель, лист 18, 23.
*** Берлинской Академии календарь 1702.

Литва, Жмудь и Подляхия исстари звались Русью,* и сие имя не должно производить и начинать от времени пришествия Рурикова к новгородцам, ибо оно широко по восточно-южным берегам Варяжского моря простиралось от лет давных.** Острова Ругена жители назывались ругами. Курской залив слыл в старину Русна; и еще до рождества христова, во время Фротона, короля датского, весьма знатен был город Ротала, где повелевали владетельные государи.*** Положение места по обстоятельствам кажется, что было от устья полуденной Двины недалече. Близ Пернова, на берегу против острова Езеля, деревня, называемая Ротала, подает причину думать о старом месте помянутого города, затем что видны там старинные развалины.

Рассудив сие и купно старое разделение Пруссии на Белую, Верхнюю и Нижнюю, довольно можно себе с вероятностию представить, что древних варягов-россов область простиралась до восточных пределов нынешния Белыя России, и может быть, и того далее, до Старой Русы, от которых она создана или проименовалась.

Показав единство с пруссами россов и сих перед оными преимущество, должно исследовать поколение, от какого народа обои происходят, о чем наперед мое мнение объявляю, что оба славенского племени и язык их славенский же, токмо чрез смешение с другими немало отдалился от своего корени. Хотя ж сего мнения имею сообщников Претория и Гельмолда,**** из которых первый почитает прусский и литовский язык за отрасль славенского, другой пруссов прямо славянами называет, однако действительные примеры сходства их языка со славенским дают их и моему мнению бо́льшую вероятность. Летский язык, от славенского происшедший, один почти с теми диалектами, которыми ныне говорят в Жмуди, в северной Литве и в некоторых деревнях оставшиеся старые пруссы.

Явные свидетельства о сходстве древнего прусского языка найдет, кто, кроме идолов, имена жрецов, волхвов и слова, что в обрядах употреблялись, рассмотрит и грамматическое их производжение. Прочие помянутого языка отмены извиняются подобием вендского наречия, которое,

---

* Вейсель, лист 18.
** Берлин. Академии календ. 1702 года.
*** Саксон Грамматик, лист 11.
**** На многих местах.

столько ж от коренного славенского языка по соседству с немцами, как летский по близости с чудским, испортясь, отдалилось.

Итак, когда древний язык варягов-россов один с прусским, литовским, курландским или летским, то, конечно, происшествие и начало свое имел от славенского как его отрасль.

Глава 9

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И О ДРЕВНОСТИ РОССОВ. О ПРЕСЕЛЕНИЯХ И ДЕЛАХ ИХ

Не тщетно западные нынешних веков писатели* российский народ за роксолан признавают, хотя в том у них и нет доказательства, которое я вывожу в следующих.

Аланов и роксоланов единоплеменство из многих мест древних историков и географов явствует, и разность в том состоит, что алане общее имя целого народа, а роксолане речение, сложенное от места их обитания, которое не без основания производят от реки *Раа*, как у древних писателей слывет *Волга*. Плиний** аланов и роксоланов вместе полагает. Роксолане у Птоломея*** переносным сложением называются *аланорси*. Имена аорси и роксане или россане у Страбона**** точное единство россов и аланов утверждают, к чему достоверность умножается, что они обои славенского поколения были, затем что сарматам единоплеменными от древних писателей засвидетельствованы и потому с варягами-россами одного корене.

Сие преселением их к варяжским берегам, как следует, обстоятельнее означится. Вейссель из Богемии наводит, что от востока в Пруссию пришли амакосовии, алане, венды. Об аланах и вендах из вышепоказанных известно, что они славяне и с россанами единоплеменные. По Гелмолдову свидетельству***** алане были смешаны с курландцами, единоплеменными варягам-россам. Ругенские славяне назывались сокращенно ранами, то есть с реки Ры (Волги), и россанами.

---

* Преторий в Готическом свете, кн. 2, гл. 1.
** Кн. 4, гл. 25.
*** Книга 6, глава 14, таб. Аз. 7.
**** Геогр., кн. 11.
***** Книга 1, гл. 52.

А как сей народ на помянутом месте весьма размножился, произошли великие споры. Для прекращения оных выбран королем Видевит, или Вейдевут, из алан, для знатности и разума и по предложению от него к народу таковыя речи: * «Когда бы вы пчел самих слепее не были, то бы споры ваши давно окончались. Домостройные в прочем люди, довольно знаете, что пчельному рою один владетель повелевает, прочие внимают послушанию. Он один каждому труды разделяет: ленивых и к делу неспособных выгоняет из улья, как из гражданского общества; прочие пчелы в назначенных трудах обращаются прилежно; не дают себе покоя, пока работы своей в совершенстве не увидят. Сие, что по вся дни перед глазами своими примечаете, благоразумным подражанием употребите в свою пользу. Назначьте себе государя, которого повелительству поручите свою вольность. Пусть он судит ваши распри, отвращает обиды и убийства, защищает правду и печется о всеобщей безопасности. И дабы сие производить мог прямо по должности, дайте ему полную власть живота и смерти над всеми». Сею речью преклонясь, знатнейшие нарекли его своим государем и объявили всенародно. Вейдевут принял на себя притом чин верховного жреца, положил в народе порядок и в будущие времена узаконил, чтобы после смерти его наследник был в летах престарелых, сановит благочестием и знающий дела священные.

Таковое преселение алан волжеских, то есть россан или россов, к Балтийскому морю происходило, как видно по вышепоказанных авторов свидетельствам, не в один раз и не в краткое время, что и по следам, доныне оставшимся, явствует, которыми городов и рек имена почесть должно.

Рось-река, от западо-южной стороны впадающая в Днепр, и другие того ж имени воды в российских пределах, а особливо город Старая Руса, доказывают бывшие в древность жилища россов, преселившихся от Волги к западу, которые по своему имени новые поселения называли, как и восточное плечо реки Немени проименовали, наподобие других пресельников, Русою; как, например, от Волги назвались болгары дунайские, Троя, Антенором созданная на берегу Адриатическом — во имя прежнего отечества, также новая Ишпания, Франция, Анг-

* Преторий, кн. 2, гл. 2.

лия и другие новые преселения, и в самой славенской Померании новые Римы.

Длугош свидетельствует,* что во время междоусобной войны Иулия Кесаря и Помпея некоторое число римлян, оставив Италию, на южных берегах варяжских поселились и создали город, проименовав его Ромово, который долго там был столичным. Из польского летописца Матвея Меховского** согласный сему довод имеем, что в Пруссию преселилось много римского народу и разделилось по Пруссии, Литве и Жмуди. Знатнейшие места, где идолов почитали, по своему отечеству Ромовы называли. Итак, весьма недивно, что в остатках древнего прусского языка, то есть в употребительном в некоторых прусских деревнях, также в Курландии, Жмуди и Литве, весьма много вмешано слов латинских, с коими готские от сообщества с норманцами и ливонские по соседству великую произвели в нынешнем наречии отмену.

В начале о славянех показано, что они от востока, из Азии в Европу, на запад в разные времена разными дорогами преселились; то же явствует из вышеписанного и следующего о россах, славенских варягах. В Азии роксолане не обинулись стать противу военачальников храброго на востоке царя Митридата Евпатора.*** Но два столетия едва минуло, оказали свою силу и мужество на западе. Когда Оттон Сильвий возведен был на высочайшую степень в Римском государстве,**** воспоследовали великие междоусобные несогласия и кровопролития и уже не было времени смотреть на обстоятельства и движения внешних народов; роксолане, разбив часть римского войска, ворвались в Мизию. Разными римлянам оказанными примерами своего мужества толь сильными почитались, что от Римского государства содержались на деньгах, дабы оное защищали от нападения варварских народов, и как при Адриане кесаре наемные деньги их умалились, против римлян сильно вооружились, что уведав, Адриан удовольствовал их в требовании и тем успокоил.*****

Имя роксолан по сем времени писателям среднего веку известно было купно с гетами или готами. Ерманарик, король остроготский, за храбрость свою по завладении

---

* Смотри в Кромере, стр. 42.

** Смотри в Вейселе, лист 18.

*** Страбон, кн. 7, ст. 212.

**** Тацит, кн. 1, гл. 79.

***** Спартиан в житии Адриана кесаря, глава 6.

многими северными народами сравнен был от некоторых с Александром Великим, имел у себя войско роксоланское и за свирепство от роксолан лишен жизни.* Сониоль или Сонильду, знатную роксоланскую женщину, велел разорвать лошадьми за убег мужа. Братья ее Сар и Аммий, отмщая смерть сестрину, Ерманарика в бок прокололи; от раны умер ста десяти лет. Хотя ж россаны по большой части в полуночные страны уклонились и со сродными себе аланами, как по вышеписанному видно, у берегов Балтийского моря поселились, однако оттуда с готами в Италию ходили и назывались от историков аланами, сциррами и ругиянами.

Радегаст, славянин именем, родом ружанин, нашествием своим с великим войском произвел несказанный страх в Италии и в самом Риме внутренний бунт между христианами и неверными.** Аларик, Рима победитель, почитается от Претория*** за ружанина, затем что Прокопий оного острова жителей готами именует и что готы к избранию ружанских князей в свои короли склонны были. В пример служат, кроме Радегаста и Аларика, готские короли из Ругии — Губа, Гумулх, Иллибалд, Видомир, также Одоацер, который с турцилингами, сциррами и герулами напал на Италию, Августула кесаря со владения свергнул, и его падением Римская империя разрушилась. Всего геройства в Италии южных варягов описывать пространно не позволяет место, и разные их проименования скрывают точно принадлежащую им военную славу, которая в Греции была больше ведома.

Константин Порфирогенит, царь греческий, в Администрации пишет, что россы издревле даже до Египта ездили морем. Итак, недивно, что Нестор называет Черное море Росским для частого россов по нему хождения. За обыкновенность сих варягов ходить на римские области явствует из многократных военных нападений на восточную часть оныя, то есть на Грецию и на самый Царьград, которые походы от начала первых князей российских продолжались даже до первого разделения Российския державы на разные княжения, что в следующей части довольно окажется в обстоятельном описании.

---

* Иорнанд, гл. 24.
** Иорнанд о наследии, стр. 239.
*** Он же и Прокопий на разных местах.

Глава 10

О СООБЩЕСТВЕ ВАРЯГОВ-РОССОВ С НОВГОРОДЦАМИ, ТАКЖЕ С ЮЖНЫМИ СЛАВЕНСКИМИ НАРОДАМИ И О ПРИЗЫВЕ РУРИКА С БРАТЬЯМИ НА КНЯЖЕНИЕ НОВГОРОДСКОЕ

Поколения славенские в южной части означены выше сего; между ними знатнее прочих были поляне, не столько военными делами, как торгами, которые производились с греками, жившими издревле в великих, ими населенных городах, по Днепру: имена их Олбия или Бористенополь, Атодона, Зарум, Азагорие.* Славяне жили обыкновенно семьями рассеянно, общих государей и городы редко имели, и для того древняя наша история до Рурика порядочным преемничеством владетелей и делами их не украшена, как у соседов наших, самодержавною властию управляющихся, видим. Шведы и датчане, несмотря что у них грамота едва ли не позже нашего стала быть в употреблении, первых своих королей прежде рождества христова начинают, описывая их домашние дела и походы.

Кий, Щек и Хорев, создатели городов славенских в полянех, а особливо Киева, как видно из Нестора, были по случаю особливой знатности или храбрости над оными главные повелители, но и тех власть скончалась без потомственного наследия. И хотя южные славяне козарам, как северные варягам, дань давали, однако без монархии почитали себя вольными, что весьма тому дивно не покажется, кто рассудит закоренелое прежде упрямство славян новгородских противу самодержавной власти московских государей. Кий, может быть, усилился, ходивши по примеру других северных народов военачальником на Грецию, как объявляет Нестор, защищая его, что он не был перевозчик, как некоторые тогда говорили.

Изо всего сего явно, что к приведению наших славян под самодержавство необходимо нужен был герой с храбрым народом, приобыкшим добровольно повиноваться, каков был Рурик с варягами-россами.

Оскольд и Дир в полянех самодержавство начали, которое потом Ольгом укрепилось. Христианская вера завелась там еще прежде сих князей от варягов-россов, ходивших к Царюграду ближайшим путем, Двиною мимо Полоцка, который между самыми древними городами славенского северного обитания считаться должен.** Оскольд

* Геродот, Страбон, Птоломей на разных местах.
** Саксон Грам., кн. 2.

едва и сам не крестился ли в Греции, затем что в Киеве построена была издревле над ним церковь святого Николая. Притом же Кедрин свидетельствует, что из первых россов, приходивших войною к Царюграду, по своем несчастии многие приняли закон христианский.

На севере новгородцы, по разорении от угров и по великой моровой язве собравшись, предводительством и правлением благоразумного старейшины Гостомысла* приведены были в цветущее состояние. После смерти его давали дань варягам и, как видно из Нестора, были от них некоторым образом управляемы, ибо говорит он, что пришли варяги за данью. Новогородцы им отказали и стали сами собою правительствовать, однако впали в великие распри и междоусобные войны, восстая один род против другого для получения большинства. Наконец, по завещанию Гостомыслову согласясь между собою и купно с чудскими ближними народами, выбрали и призвали Рурика с братьями к себе на княжение, сказав: «Земля наша велика и всем изобильна, одного только лишена суда и расправы, который вы утвердите».** На сие прошение едва они преклонились, ведая их непостоянство и с грубостию соединенное своевольство.

О породе сих князей согласно с Нестором рассуждает Преторий:*** «Конечно, они не из Дании или из Швеции были приняты, затем что языка, обычаев и обрядов различие и места расстояние сему не дозволяет верить, но призваны из соседов: думаю, из Пруссии и с ними сообщенных народов, которые соединением составили великое государство».

Истина сия, кроме многих других доказательств, явствует, что нормандские писатели конечно бы сего знатного случая не пропустили в историях для чести своего народа, у которых оный век, когда Рурик призван, с довольными обстоятельствами описан.

Заключая сие, должно мне упомянуть о происхождении Рурикове от Августа, кесаря римского, что в наших некоторых писателях показано. Из вышеписанных видно, что многие римляне преселились к россам на варяжские береги. Из них, по великой вероятности, были сродники коего-нибудь римского кесаря, которые все общим именем

---

* Новгородский летописец.
** 6470 года.
*** Свет Готический, кн. 2, гл. 2.

Августы, сиречь величественные или самодержцы, назывались. Таким образом, Рурик мог быть коего-нибудь Августа, сиречь римского императора, сродник. Вероятности отрещись не могу; достоверности не вижу.

Конец первой части.

Часть II

ОТ НАЧАЛА КНЯЖЕНИЯ РУРИКОВА ДО КОНЧИНЫ ЯРОСЛАВА ПЕРВОГО

<...> Глава 2

О КНЯЖЕНИИ ОЛЬГОВЕ

Державствовав семнадцать лет в Новегороде, Рурик спокойно достиг кончины. Умирая поручил сына, еще младенца, Игоря и с ним княжение сроднику своему Ольгу. Сей по смерти его, желая умножить наследство Игорю и соединить единого племени славенские народы под едино владение, собрал войско из варяг, славян и чуди, взял некоторых кривичей и с ними пришел к Смоленску, город покорил себе с Кривическою землею и посадил своих правителей. Оттуду по Днепру вниз пустившись, взял Любеч и правление поручил своим воеводам. Приближась к Киеву, где Осколд и Дир княжили, скрыл в судах часть войска, назади оставил другую. И как подплыл под Угорское близ Киева, послал к Осколду и Диру с вестию, что идут купцы в Грецию от Ольга и от Игоря, для того бы они повидались со своими однородцами. Осколд и Дир, не имея никакого подозрения, пришли к судам с малым числом людей с тем, может быть, намерением, чтобы проезжих сих приласкать и присоединить к жителям киевским. Внезапно закрытые в судах выскочили с ружьем и окружили Осколда и Дира. Тогда Олег, показав Игоря, объявил: «Сей есть сын и наследник Руриков; вы не княжеского рода и княжить вам не должно». И тут по повелению Ольгову Осколд и Дир убиты. Тела их взнесены на гору, что называется Угорское. На Осколдовой могиле поставлена потом церковь святого Николая; Дирова могила — за святою Ириною. По смерти их сел Олег на княжении в Киеве и нарек столицею всех городов, обладаемых россами. И

сим именем прозвались поляне и прочие окрестные славяне его владения. <...>

Между тем Игорь пришел в мужество, ходил на войны под Ольгом, и народ начал показывать ему послушание. Потом сочетался супружеством с Ольгою, приведенною от Пскова.

Уже полагая на Игоря надежду в правлении государства, Олег принял намерение итти на греков. Того ради набрал великое войско из варяг, славян новгородских, кривичей, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорватов, дулебов, тиверцев и чуди. Киев поручил Игорю; пошел под Царьград по сухому пути конницею по воде на двух тысячах мелких судов. Греки, услышав его приближение, узкий проход из Черного моря заперли и в городе затворились. Тогда по выходе с моря на берег устремясь войско Ольгово на грабление, по древнему военному обычаю многие домы и церкви расхитили, пожгли, людей иных порубили, иных вешали, иных в воде топили и мучили разными томлениями. Потом повелел Олег воинству своему сделать колеса и суда на них поставить. Ветр восстал способный и, надув парусы, понес их к стенам цареградским. Греки пришли в великий ужас, сие увидев, и с молением к нему послали, дабы не разорил города, но взял бы дань по своему желанию. Олег велел войску остановиться. Из города вынесли навстречу разные пищи и вина; но не приняты для опасности от яду. Греки в страхе и удивлении говорили: «Не Олег на нас воюет, но святый Димитрий послан от бога для нашего наказания». Дани потребовано от них по двенадцати гривен на человека. Всех было восьмдесят тысяч, по сороку на судне. На требование согласились, просили мира и прекращения разорительных военных действий.

Олег, отошед мало от города, начал вступать в мирный договор со Львом и Александром, греческими царями. Для сего послал к ним вельможей, которые с греками согласились, дабы, сверх положенных двенадцати гривен на каждого человека, платить дань в каждую полгода на российские городы: во-первых, на Киев, потом на Чернигов, на Переяславль, на Полотск, на Ростов, на Любеч и на иные, в которых великие князи под Ольгом владели; приходящих россиян за данью довольствовать по желанию их пищею и напитками; для возвратного пути давать довольное пропитание и потребные якори, верви и парусы; за шестимесячною данью не приходить россиянам без

торгу и товаров; дабы князь запрещал им словом своим в селах наносить обиды; и с приезду стоять у Святого Маманта, пока по царскому повелению всех поименно не перепишут; в город входить по пятидесяти человек в одни ворота безоружным; за продажу и покупку товаров не платить пошлины.

Сей договор цари крестным целованием утвердили. Олег клялся по российскому тогдашнему закону своим оружием и богами Перуном и Во́лосом, скотьим богом. И так с обеих сторон мир утвердили. Олег, повесив свой щит на воротах цареградских в знак победы, с великою корыстию в Россию обратно морем пустился. Россам велел поднять парусы паволочные, славянам кропинные. С таким великолепием, со множеством богатства и узорочных вещей достиг Киева. От простого и суеверного народа прозван чародеем, что дела его почитались невозможными человеку.

По четырех летах являлась комета на западе наподобие куста. Около того же времени послал Олег вельможей своих в Грецию для подтверждения прежнего мира и установления купеческого договора к царям Льву и Александру, которые согласились и на том утвердились: дабы между россиянами и греками пребывал мир непоколебимый и любовь бесподозрительная; не подавать друг другу повода к нарушению согласия, но хранить оное непревратно всегда и во все будущие лета; в судах дела между обоими народами решить по доказательствам, но когда оных не будет, присягать челобитчикам; когда убьет грек россиянина или россиянин грека, за то казнить убивца смертию на месте, где учинено убивство; когда ж убежит убивец, взять ближнему убиенного сроднику имение и жену убивцеву; ежели убивец беден и скрылся, то обождать, пока сыщется, и казни предан будет; за уязвление и побои платить пять литр серебра по российскому закону, но кто скуден, повинен отдать все, что может, и то платье, кое на себе носит, и присягнуть, что чем платить больше не имеет и никто ему не дает помощи; по сем далее не искать; буде россиянин грека или грек россиянина на воровстве застанет и убьет, того на нем не взыскивать и украденное обратно взять позволяется, буде ж вор без обороны в руки отдастся, взять с него украденное втрое; взятое насильством также возвращать втрое; ежели греческое судно принуждено будет к берегу; где россияне, то проводить оное в место безопасное и подавать помощь; равным

образом и греки должны спомоществовать россиянам, притом, ежели убийство или насилие учинится, поступать по установленному выше; буде случится россиянину видеть в чужой земли полоненного грека или греку россиянина, выкупить оного и отпустить в свою землю, получив данную за него цену, или цену вменить в дань; подобным образом выкупать и военнопленных и возвращать в свою их землю, получая за них данный выкуп; полоненных из вспомогательного войска, коего бы они государства ни были, выкупать по двадцати золотых; россиянам беглых своих или украденных и насильно проданных рабов брать от купцов по челобитью и по признанию рабскому; купцам беглых своих рабов искать по челобитью и брать найденных; кто у себя не даст обыскивать, виноват будет; когда кто из россиян, греческому царю служащих, умрет, не расположив своих пожитков и не имея ближних сродников, то отдать оное в Россию дальним родственникам, буде ж при смерти назначит наследников, тем отдать его имение. Злодеев, убегших из Греции в Россию или из России в Грецию, возвращать в свою землю неволею.

Сие все с обеих сторон взаимными письменными договорами утвердили; греки целованием крестным, россияне по своему закону присягнули, дабы не переступить ни единой черты от положенного и утвержденного согласия; что совершено 912 года в сентябре. Царь Леон почтил послов российских многими дарами и повелел вельможам своим показать им красоту церковную и палаты, украшённые золотом, наполненные многим сокровищем и драгоценными камнями, притом страсти Христовы и мощи святых, дабы они, сие видя, к вере христианской склонились и, тою соединясь, с греками в мире и в тишине пребывали. По возвращении в Россию объявили послы Ольгу заключение мира, которым довольствуясь, пребывал прочее время своея жизни в покое.

О смерти его дивное осталось повествование, вероятность по мере древности имеющее. Прежде войны на греков спросил Олег волхвов, от чего ему конец жизни приключится. Ответ дали, что от любимого своего коня умрет. Для того положил он никогда на него не садиться, ниже́ к себе приводить, но поставить и кормить на особливом месте. Возвратясь из Греции по четырех летах, во время осени об оном вспомнил. Призвал старейшину конюхов и, жив ли оный конь, спросил. Услышав, что умер, волхвам посмеялся. «Лживы,— сказал,— все ваши

гадания: конь мертв, а я жив; хочу видеть кости его и вам показать в обличение». Итак, поехал на место, где лежали голые кости, и, голый лоб увидев, сошел с коня, наступил на него и молвил: «От того ли мне смерть быть может?». Внезапно змея, изо лба выникнув, в ногу ужалила, от чего разболелся и умер, княжив тридцать три года. Весь народ много об нем плакал. Погребен на горе Щековице, и могила его видна была во время летописателя Нестора. <...>

Глава 5

О КНЯЖЕНИИ СВЯТОСЛАВОВЕ

<...> Наступившая ночь приступ к городу и бой пресекла. На другой день воевода греческий Василий с прочим царевым войском приспел при восхождении солнца, царя обрадовав и ободрив всех греков, которые соединенным стремлением к городу приступили. По жестокой и упрямой обороне россияне принуждены были оставить стены во власть неприятелям и оградою царского дому защищаться. Греки, не возмогши взять силою, огонь вместо оружия употребили, истребили россиян из города. Многие сгорели; иные в полон взяты; некоторое число спасшись печальную весть принесли Святославу.

<...>

Тогда в кровопролитных вылазках и сражениях Святослав потерял храброго военачальника и ближнего своего боярина Свигелла; однако город кругом укрепил рвом глубоким и положил твердо стоять против греческих приступов. Великая нужда, от долговременного греческого облежания в съестных припасах происшедшая, заставила россиян употреблять тайные поиски в свою пользу.

В темную и дождливую ночь две тысячи человек сели в мелкие суда и по Дунаю поехали искать себе припасов для пропитания войска. Собрав довольное множество всякого хлеба и возвращаясь к Доростолю, приметили на берегу много обозных людей греческих, которые для поения лошадей, для собрания дров и сена по берегу рассеяны, ходили безопасно. Внезапным нападением великое поражение и ущерб Цимисхию причинив, в Доростоль с довольною добычею возвратились. Осмь недель претерпевая россияне осаду, особливый вред от стенобитной махины, по-

ставленной полководцем Куркуем, чувствовали в городе. Для того высланные от Святослава избранные воины, чтоб пагубное сие истребить орудие, Куркуя убили, невзирая на его храбрость. Из россиян мужественный военачальник Икмор, не родом, но удальством достигший своего чина, вторый по Свигелле, живота лишился от меча Анемала, стипатора царского. После оной кровопролитной вылазки находили греки между российскими трупами убиенных женщин, которые в мужеском одеянии мужскою храбростию сражались с неприятелем, доказывая истинное сродничество с древними амазонками.

В таковых утеснениях многие советовали бегство предприять во-свояси, иные — мир с греками поставить. Святославу одно бесчестно, другое бесприбыльно, обое опасно казалось. Для того, еще хотя отведать своего счастия и тем показать постоянство российской храбрости, говорил к своим: «Деваться нам больше некуда: своя земля далече; неверные печенеги живут на дороге; союзники, опасаясь по соседству греков, помощи нам не пришлют. Станем храбро и не посрамим своего отечества, не дадим себя в презрение трепещущим от нас народам. И если счастие мужеству нашему будет противно, положим свои головы: мертвые не стыдятся. Первый сам перед вами на сражение выйду. Когда голова моя ляжет, вы как хотите о себе промышляйте». Все единогласно воскликнули: «Где твоя, государь, тут и наши головы будут».

Уже с восхождением зари город отворяется; выходят с отменной бодростию и скоростию за благонадежным своим предводителем и государем полки российские без остатку полыми везде к неприятелю воротами, которые по Святославлю повелению за ними затворены для пресечения всея надежды на бегство. Почувствовали греки свое изнеможение и россиянам уступают поле. Великий зной и тягость их оружия и чрезвычайное россиян дерзновение отнимает неприятелям силу и надежду. Цимисхий, на место сражения прискакав, ободряет своих к бою; изнемогших и с побоища уклоняющихся повелевает укреплять вином и водою. И хотя полки греческие присутствием царским и утолением жажды большее показали сопротивление, однако от города отступили на пространное поле. Кедрин пишет, что греки сим отступом нарочно хотели выманить россиян на пространство, чтобы их окружить своею силою, однако от того вымысла не имели успеха. Цимисхий, видя своих падение, послал в буйности ко Святославу вызывать его с собою

на поединок с советом, что лучше умереть одному за отечество, нежели толикому народа множеству. Святослав ответствовал: «Много есть разных путей к смерти, из коих царь греческий может себе любой выбрать, буде ему жизнь наскучила. А что мне полезно, то сам лучше знаю, нежели мой неприятель». Между тем на кровопролитном сражении Анема Храбрый, надеясь убиением российского князя вскоре одержать совершенную победу, устремился на своем коне прямо против Святослава и ударил его по голове саблею, но он неврежден под своим шлемом остался; Анема убит по крепкой обороне. На сем сражении по Кедринову свидетельству греки, по Нестерову — россияне верх одержали. Вероятнее всего, что победа в сомнении осталась.

Между тем Святослав, рассудив малое число своего войска и во всем недостаток, к миру преклонился. Итак, вечный союз утвердив с греками, в Россию путь предприемлет. Военачальникам объявляет, что ежели греки отрекутся платить дань, которую, как Нестор пишет, давать обещались, бесчисленное собрав войско, паки на Дунай и к Царюграду для взыскания оныя пойдет. <...>

В приближении к Днепру Свенельд советовал Святославу итти к Киеву на конях, представляя опасность водяного ходу и что в порогах стояли печенеги. Непринятию доброго совета последовала погибель, ибо переяславцы с Дуная подали весть печенегам, что Святослав идет из Греции малолюден, везет с собою великое множество плененного богатства.

Обрадованные тем печенеги пороги заступили и, Святославу пресекши путь, отвсюду россиян окружили. Принуждены будучи зимовать в Белобережии и претерпевать великий недостаток в съестных припасах, ужасный голод принудил тогда покупать лошадиную голову по полугривне. В начале весны в походе к Киеву порогами напал на россиян Куря, князь печенежский, нечаянным набегом, где Святослав имения и живота лишился. Череп головы его, золотом оправленный, служил вместо чаши печенегам при пирных веселиях с надписанием: «Кто чужого ищет, свое потеряет». С малыми остатками Свенельд достиг в Киев к Ярополку.

Беспрестанными войнами славное и беспокойное владение великого князя Святослава Игоревича продолжалось лет двадцать осьмь; всего жил около пятидесяти трех лет. <...>

Глава 9

О КНЯЖЕНИИ ВЛАДИМИРОВЕ ПОСЛЕ КРЕЩЕНИЯ ЕГО

По торжественном сочетании с царевною Анною и по празднственном пировании посылает Владимир в Царьград к шурьям своим радостного вестника с дарами и объявлением о своем крещении и браке, прося притом от них и от патриарха Киеву митрополита. Радость в Цареграде была неописанна о новом приобретении толь великого государя в общество Христово. На митрополию киевскую избран и послан в Корсунь Михаил, родом сирянин. По его приезде и по благословению воздвигнута церковь в Феодосии, на бугре, наношенном землею изо рва, который россияне приступая засыпать старались. Во время пребывания Владимирова в Херсоне приходили послы от царей Василия и Константина из Царяграда с великим почтением и дарами. Папа, не упуская времени, равным посольством почтил новопросвещенного государя не без искания, чтобы всеять в нем римского исповедания догматы. Печенежский князь Метиган, подражая Владимирову примеру, принял в Херсоне крещение.

По прошению новосочетанныя супруги уступает Владимир Херсонь Греции обратно. Сам, взяв мощи святого Климента с другими многими святостьми и церковными утварьми, митрополита Михаила, протопопа Анастасия и других служителей церковных, в столичный Киев возвращается, Херсоня и кумирослужения победитель, сопряжен с царскою кровию и с верою Христовою. Тогда по всеобщему государскому повелению опровергнуты идолы от своих мест, прежде к их почтению определенных, обнажены от драгоценных украшений, раздроблены железом и преданы воде и пламени. Перуну, главной невегласов пагубе, большее всех, вместо бо́льшего прежде почтения, оказано поругание. Привязанного к хвосту конскому волокли на днепрский берег под жестоким битьем палками от двенадцати человек, бесчестными словами провождающих. Свергнутого в Днепр от берегов отбивали и до Запорожья пристать не дали. По извергнутому ниже порогов идолу ближнюю гору Перуном называют. Маловременная почесть новых идолов была образ и пример возвышенных без достоинства, едино разнствие в том имеющих, что идолы ни ударов, ни поклонов не чувствуют. На холме, где Перун стоял, построена церковь святого Василия в честь государского ангела.

По сем назначил Владимир день всему народу киевскому для приятия святого крещения, объявив, что ежели кто в установленное время не явится на реке Почайной, тот господу богу Иисусу Христу и ему будет противник. Собралось неисчислимое множество народа на указанный день и место. И сам великий самодержец со всем синклитом и освященным собором украсил присутствием великое сие действие и чудное позорище. При береге на плотах стоят облаченные священники и диаконы, река наполнена обнаженными людьми всякого возраста и пола: иные в воде по колена, иные по пояс, другие по шею — моются, купаются, плавают. Между тем читают крещальные молитвы; каждый по особливом погружении получает в крещении имя и помазание миром.

По сем первопрестольный митрополит киевский Михаил крестил всех сынов Владимировых саморучно. Имена, по крещении данные, троим только известны: Ярослав Георгием, Борис Романом, Глеб Давидом названы. Источник от крещения их Крещатиком проименован.

Хотя ж от Владимира объявлено было во всей России повеление, чтобы все его поданные крестились, противникам сказан гнев, однако немало целых областей осталось, которые крещения убегали, особливо подвластные Российской державе чудские народы, жившие около Мурома, Суздаля и Ростова. Михаил митрополит предприял путь к Великому Новграду, но, не надеясь учением преодолеть упорства жителей, просил о вспоможении Добрыню, с которым низверг в Новегороде идолов и Перуна, подобно как в Киеве, велел с биением и поруганием грязью отволочь на берег и кинуть в Волхов.

Баснословят, что пловущий идол, выкинув на мост палку, вскричал: «Возьмите, новогородцы, и употребляйте для моего воспоминания». Откуду через долгое время обычай был, что и в христианские праздники вместо игры и увеселения бились новогородские молодые люди не без вреда своего палками. Кажется, сия их легковерность предзнаменовала, что за упрямство против самодержавной власти претерпят некогда палочные смертные удары. Пловущего вниз Перуна сельские люди, знавшие, что он недавно наречен был богом, от берегов пхая, говорили: «Уже ты не бог больше; довольно и так мы тебя кормили; поезжай назад в темную адскую пропасть».

Некоторое неудовольствие в народе, особливо ж у женского полу произошло, когда Владимир повелел учредить

школы для научения малых детей грамоте, но матерние слезы и негодование благоразумными увещаниями, учительские излишние строгости добрыми установлениями прекратил рачительный первосвященник.*

В добронамеренных трудах и желанных успехах сему государю нередко препятствовали набегами непостоянные печенеги. Итак, для безопасности от толь хищного народа указал строить городы по Десне, Выстри, Трубешу, Суле и Стугне и населить их славянами новогородскими, кривичами, вятичами и чудью, чем немало оградилась Россия от нашествия иноплеменников.**

Для приведения в христианство земли Суздальския подвигся сам Владимир с митрополитом, обновил множество народа крещением, поставил на Клязме город*** и, наложив ему свое имя, украсил паче всех городов российских и создал церковь Успения богоматере. Любление княжеское сего места и повеление привело многочисленных жителей.

По преставлении Михаила митрополита присланный на его место от цареградского патриарха Леонтий поставил по городам российским епископов: Великому Новуграду и Пскову — Иоакима херсонянина, который идолов разрушил до основания, в Чернигов хиротонисовал Неофита, в Ростов — Феодора. Для проповеди христианства в болгарах посылан был некто Марк Философ, но без желанного успеху: крестились только четыре князя, пришед в Киев. От особливого благоговения и усердия повелел Владимир воздвигнуть в Киеве каменную церковь во имя пресвятыя богородицы. Призванные из Греции мастера с великим тщанием дело совершили, на что многое княжеское иждивение положено и определена со всего государства десятина, по чему церковь Десятинною именована.

Итак, широко распространилось и твердо вкоренилось в России христианское православие, что прежде сего троекратно начиналось. Первое, благовестием святого апостола Андрея Первозванного,**** когда, проходя Днепром и Волховом сквозь славенские пределы, проповедывал евангелие Христово и, поставив крест на горах киевских, предсказывал на них благодати божия воссияние, великого града и веры основание и сооружение церквей множества. Второе,

---

* Летописцы.
** Нестор, степенные, летописцы.
*** 1092 год.
**** Нестор.

когда по неблагополучном походе Оскольдове и Дирове на Царьград требовали россы крещения и, уверясь несгоревшим евангелием, приняли закон христианский.* Крещение князей Святополка, Ростислава и Коцела не надлежит до россиян, но до славян дунайских, кроме того что переведенные в Моравии церковные книги употребляются в российской церкви обще со славенскими народами, содержащими греческое исповедание. Третие, крещение было Ольгино, коим многие россияне просветились, взирая на ея обращение.

Владимир, ходив на болгар и хорватов и с победами возвращаясь, услышал, что, хотя пользоваться его отсутствием и не боясь утомленного войска, приблизились с великими силами печенеги и за Трубешем против него ополчились.** Немедленно храбрый государь вышел навстречу и на противном берегу стан поставил. Печенеги требовали на поединок борца от Владимирова войска, представляя своего исполина, дабы тем единоборством прекратить наступающее кровопролитие с обеих сторон и одолевший богатырь представил бы победоносную сторону, одоленный до исторжения духа — побежденную. Владимир, не ведая в полках своих чрезвычайного усилка, велел спрашивать чрез кличеев.

Некто ремесленный человек, ременщик, явившись сказал, что есть у него сын, коего никто не одаливал с ребячества, и что он осердясь дерет сырые воловые кожи. Призван перед государя, требовал для показания опыта, чтобы привели великого, сильного быка и раскаленным железом раздражили. Учинено; бык в ярости стал бегать и землю рыть копытами и рогами. Ременщиков сын толь мочную скотину в самом стремлении ухватил за бок и кожу с мясом вырвал. «Можешь с печенежским богатырем бороться»,— сказал Владимир и повелел к утру приготовиться ему и всему войску.

Приспевшу времени, выходят поединщики на сражение. Печенег, видя соперника ростом перед собою мала (он был посредствен), презирал и насмехался; и, вдруг напустившись на него, закричал страшным голосом. Молодой ременщик, схватив печенега, поднял, ударил о землю и дух из него вышиб; исчезла вдруг гроза и ярость. Печенежское войско, объятое робостию, обратилось в бегство. Россияне,

* Зонар, кн. 6, гл. 10.
** 1099 год.

по княжескому повелению вслед достигая, множество неприятелей на поле постлали. Ременщик с сыном почтены знатными чинами и другим жалованьем. На броду Трубеша-реки, где отнята у печенегов слава, заложен тогда Переяславль, вскоре построен и украшен церквами. Белагорода строение в те же времена зачалось и совершилось.*

Бывшу некогда Владимиру в Василеве немноголюдну, печенеги внезначай учинили на него нападение. В такой скорости принужден был обороняться малочисленными людьми, почему и не мог устоять против неприятеля. Бегством спасаясь, укрылся под городским мостом. Сие случилось на праздник преображения господня, коему в честь обещал в сей опасности церковь воздвигнуть и спасшись обещание исполнил,** дню ж сему воздал великое почтение молебствами и угощениями.

Не дая отдохновения Владимиру, неугомонные печенеги излучили время и употребили к своим поискам, когда сей трудолюбивый государь отлучился в Новгород. Приступили и окружили новосозданный Белгород, не дозволяя жителям из него выступу в намерении принудить к сдаче голодом. Жители для великой нужды ворота отворить хотели неприятелям, однако некто смышленый гражданин удержал их и беду отвратил смешным вымыслом. Уговорив отчаянных до трех дней не сдаваться, собрал сколько мог овсяной муки, отрубей, пшеницы и меду; в уготовленных кадях, врытых в землю как колодезях, развел в одной кисельную цежу, в другой сыту, в кои тайно подведенными трубами мог дополнять, что черпали и варили жители. Призванным якобы для договору в город печенегам притворные подземные ключи показаны с их употреблением, кисель на пищу с сытою поставлен и в стан их для уверения князей и военачальников отпущен. Кочевной народ, хлебных пищей мало знающий, подумав, что город снабден натуральною пищею и весьма необорим голодною нуждою, отступил и удалился.

Владимир, оградив свою державу мужеством и просветив православием, начал размышлять, как бы утвердить мир в потомственное время между детьми своими, ведая, что несогласие в братиях много бед причинить может. Собственный пример, погибель Ярополкова и Ольгова предписывали осторожность от будущих несчастий. Того ради

---

* 1098 год.

** 1099 год.

разделил или, справедливее сказать, отдал в уделы детям разные княжения на содержание по приличеству их породы, оставив себе и старшему потом наследнику киевское великое княжение и верховное повелительство над всеми уделами.

<...>

ИДЕИ ДЛЯ ЖИВОПИСНЫХ КАРТИН ИЗ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Не позднее 24 января 1764 г.

1. *Взятие Искореста.* Во время вечера перед городом в лагере по повелению великия княгини Ольги привязывают к голубям и к воробьям зажженные фитили; иных пускают с фитилями на воздух, иные уже летят к городу, и город местами от того загорелся. Между тем войско пешее и конное спешит на приступ. Сия картина будет весьма новая, и от двоякого свету, то есть от зари и от огней, особливое смешение тени составит, в чем могут показать живописцы искусство.

2. *Основание христианства в России.* Великий князь Владимер (при нем супруга Анна, греческая царевна, сыновья от прежних жен, некоторые греки, с царевною приехавшие) повелевает сокрушать идолов, почему иных рассекают, иных жгут, иных с гор киевских бросают в воду и плавающих с шестами погружают или от берегу отпихивают, камнями бросают, камни к ним привязывают (фигуры идольские есть у меня в лицах и описанные, кои могу сообщить). На Почайной речке, на берегу стоит первый митрополит киевский Михаил со всем собором, иных сам погружая, иных нижнее духовенство. Иные, забредши в воду, сами погружаются обоего пола и всякого возраста люди, матери со младенцами и пр. Иные, выходя из воды, принимают от священников кресты на шею и благословение, помазуются миром, одеваются. На горе начинают строить церковь Десятинную, ставят кресты на места сверженных идолов.

3. *Совет Владимиру от духовенства.* Великий князь Владимир Святославич, приняв крещение, стал весьма кроток, отпускал всякие вины и свобождал разбойников от казни, из чего воспоследовали многие грабительства и за-

перлись дороги от разбоев. Митрополит, с архиереями собравшись, увещал государя, чтобы чинил достойное наказание злодеям, в противном случае грозили ему самому небесным гневом. На картине можно представить, что Владимир, хотя к тому и склонился, однако отвращает лицо от привезенных к казни и сильному разбойнику Могуту вины прощает, приняв его в число своих богатырей.

4. *Единоборство князя Мстислава.* Редедя, князь косожский, вызвал на поединок князя Мстислава Владимировича с тем, чтобы победителю достались войска с женою и с детьми. Мстислав был, как описывают, тучен, бел и красноволос. Редедя, натурально рассудить, должен быть смугл как азиатец. Мстислав поборол. Войско стояло по обеим сторонам близ Дону. Кроме усилования борцов, разные страсти обеих сторон смотрителей изобразить требует искусства.

5. *Горислава.* Владимер, взяв за себя насильно Рогнеду, или Гориславу, княжну полоцкую, после на других женился и ее оставил. По нескольких летах, заехав в данное ей место увеселительное, и лег ночевать с нею. Горислава, хотя отмстить обиду и смерть своего отца и братей, умыслила князя сонного зарезать, но он, по случаю проснувшись, схватил ея руку с ножом и велел готовиться на смерть, чтобы она, убравшись во всю княгине приличную, богатую утварь, ожидала его к себе с саблею и была готова к смерти. Как Владимер пошел к ней в спальню, чтобы умертвить, малолетный сын его Изяслав, от Гориславы рожденный, по научению материну внезапно выскочил из потаенного места с обнаженною саблею и в слезах сказал: «Мать моя не одна. Я ее должен защищать, пока жив. Убей меня прежде, чтобы я смерти ея не видел». Владимир умилясь опустил руки и после уволил Гориславу с сыном на удел в Полоц, в ее отчину.

6. *Мономахово единоборство.* Владимер Мономах одолел на поединке генуэзскаго кафинского князя (дожя), снимает с него золотую цепь и прочие признаки его чина (признаки можно в пример написать с уборов венецианских дожей или генуэзских). Действие представить в виду моря, где корабли и галеры много могут картину украсить.

7. *Мономахово венчание на царство.* Неофит, митрополит ефесский, налагает корону императоров греческих; прочие царские утвари несут архиереи и другое духовенство. При сем должно наблюдать, чтобы все было со здешним и с греческим сходно. Бояре греческие стоят с подарками

от царя Алексея Комнина, состоящими в золотой и серебряной посуде и в других поставах.

8. *Победа Александра Невского над немцами ливонскими на Чудском озере.* Сражение случилось на Чудском озере апреля 5 дня. При сем деле то может представиться отменно, что происходило на льду, где пристойно изобразить бегущих, как они, стеснясь и проломив тягостию лед, тонут. Иные друг друга изо льду тянут, иные, напротив того, друг друга погружают и колют как неприятелей. Кровь по льду и с водою смешанная особливый вид представит.

9. *Обручение князя Феодора Ростиславича.* Сей князь, будучи в Орде, так понравился царице татарской, что всячески старалась выдать за него свою любезную дочь замуж, но он не хотел на ней жениться, пока не приняла христианской веры. На сей картине можно изобразить, как невеста от жениха крест и перстень принимает. Мать, царица татарская, соединяя их руки, с радостию на то смотрит, и склонный отец мановением изъявляет дозволение. Мурзы татарские удивляются, бояре российские оказывают радость, причем можно написать татарскую и старинную нашу музыку.

10. *Начало сражения с Мамаем.* С обеих сторон стоят полки: с правой российские, с левой татарские. В форгрунде великий князь Димитрий Иванович, все готовятся к бою. Посередке татарин Челу-бей, ростом как Голиаф, сражается с Пересветом, чернцом-схимником. Оба друг друга пронзили копьями. Сражение начинается в войске.

11. *Низвержение татарского ига.* Великий князь Иван Васильевич, на великокняжеском стуле сидя, гневным лицем повергает на землю басму татарскую и разодранное Ахматово повеление. Татар, связанных бесчестно, вон выводят. Российские бояре поклонением и разными движениями изъявляют свою радость и благодарность государю.

12. *Приведение новгородцев под самодержавство.* На площади Новгородской, пред церковью святыя Софии великий князь Иван Васильевич, верхом сидя, повелевает принять от новгородцев грамоты Ярославли своему наместнику при архиерее. Вечевой колокол, или набат, новгородцам служивший к самовольным скопищам, летит сброшен с колокольни. Марфе-посаднице руки назад вяжут. Новгородцы, коих к Москве отвозят, прощаются с своими ближними. Народу множество; иные, подняв руки к колокольне, кричат; иные разными движениями подают печальные, иные

радостные знаки. На конях бояре московские усмешками и помаваниями оказывают свое удовольствие. При великом князе для безопасности копейщики.

13. *Царица Сумбек*, по смерти царя казанского Сафа-кирея, взята из Казани с сыном и с бесчисленным богатством в полон и приведена в Москву к царю Ивану Васильевичу. Государя должно изобразить на царском престоле еще в младых летах (здесь требуется живописцово искусство, чтобы со старого и угрюмого портрета сделать молодой и веселый, не потеряв подобия, затем что царицу принимает милостиво). Царица казанская, упав на колена и прося прощения и милосердия, умиленным лицем и слезами чрезвычайную красоту свою возвышает. На сына своего младенца, лежащего ниц, указывает. За нею ближние ее татаре и служительницы открывают и приносят многочисленные сокровища азиатические. При государе его приближенные.

14. *Право высокой фамилии Романовых на престол всероссийский.* Царь Федор Иванович, приближаясь к кончине, при патриархе Иове и при боярех подает скипетр брату своему двоюродному, боярину Федору Никитичу Романову, но он от того извиняется. Годунов взглядырает завистливыми глазами. Царицу Ирину Федоровну, обмирающую в печали, поддерживают.

15. *Погибель Расстригина.* Перед Гриновитою палатою поверженного Расстригу и многими ранами уязвленного и окровавленного за ногу веревкою тянут. Иные поляков рубят. Боярин князь Иван Васильевич Шуйской уверяет народ с Красного крыльца, что оный Дмитрей был ложный. Бояре некоторые, указывая в Грановитую палату, где сквозь окно видно престол, предлагают ему царство.

16. *Козма Минич.* На Нижегородской пристани представить купца-старика на возвышенном месте, указывающего на великую близ себя кучу мешков с деньгами, а другою рукою народ помавающего. Многие, кругом стоя, ему внимают прилежно, иные деньги в чаны всыпают, иные мешки приносят, сыплют серебряные копейки из чересов, приносят в одно место разные товары, кладут пред него письменные обязательства. Все разными движениями изъявляют охоту к освобождению отечества от разорения.

17. *Олег князь приступает к Царюграду сухим путем на парусах.* Вид весьма будет хороший и подобный маскарадам Петра Великого: напереди, в судне особливом сидя,

повелевает; множество парусов между кустарниками; колеса под судами; инде припряженные лошади, печенегами правимые, кои тогда сухим путем пришли под Царьград. На горизонте проспект Царяграда. Греки выходят навстречу с дарами.

18. *Олег, угрызен от змея, умирает.* Представить головную лошадиную кость, кою Олег пхнул ногою. Бояре и слуги поддерживают со страхом. Волхвы предсказавшие делают разные виды своего верного предвещания.

19. *Сражение Святославле с печенегами в порогах.* Представить тесные места между каменными горами, сквозь кои Днепр протекает порогами. Святослав борется против стремления воды с российским войском на веслах, на шестах, греблею, бечевою и сражается с неприятелем, жестоко с берегов нападающим. В главной группе бьется сам князь, уже раненый. Около его много печенежских трупов. Опровергающиеся суда разными видами, иные и зажженные, плавающие и утопающие раненые люди, выходящие из быстрины против неприятеля, самым делом и места обстоятельством представят чрезвычайную фигуру.

20. *Избавление Киева от осады печенежской смелым переплытием россиянина через Днепр.* В переднем месте представить на одной половине печенежские палатки со стреляющими за пловцом печенегами, но он безвредно переплывает за Днепр к российскому стану, чтобы подать весть о бедности и тесноте в городе и тем побудить войско к нападению на неприятеля судами.

21. *Князь киевский Святослав Ярославович кажет свое великое богатство послам немецким.* Посол был из духовенства. Можно поставить какого католицкого прелата и при нем посольских людей в старинном немецком платье, Святослава, богато одетого, и с боярами в дорогих шубах и шапках из мягкой рухляди. Богатство, состоящее в дорогих мехах, парчах персидских и греческих, в золотых и серебряных финифтяных сосудах, камнями цветными украшенных, в конских уборах и в ружье старинном, в жемчугах. Приличные притом движения казателей и смотрителей оживят картину.

22. Князь Дмитрий Михайлович Пожарской в опасности от злодея, коего прислал Заруцкой из-под Москвы, чтобы его заколоть и не допустить его из Ярославля к Москве для ее освобождения. Злодей прошибся мимо Пожарского, спотыкнувшись и ударив слугу его в ногу. Князь запрещает около стоящим злодея изрубить и велит его

послать под Москву и отдать жива на обличение завистникам.

23. Тот же князь Пожарской бьется с поляками, разоряющими Москву, и уже раненого жестоко велел себя кверху поднять и своих ободряет против неприятеля.

24. Царь Василий Иванович Шуйской при венчании своем на царство клянется боярам, что он прежних враждеб помнить не будет и без их совета ничего делать не станет.

25. Гермоген, патриарх московский, посажен в тюрьме и, уже умирая голодом и жаждою, не согласуется с принуждающими поляками, чтобы возвести на царство польского королевича Владислава, но проклятием оное отрицает и от Михайла Солтыкова, который нож на него занес, крестом обороняется.

<ОПИСАНИЕ СТРЕЛЕЦКИХ БУНТОВ И ПРАВЛЕНИЯ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ>

Сентябрь — 10 октября 1757 г.

Перевод

ЗАПИСКА О ПЕРВОМ СТРЕЛЕЦКОМ БУНТЕ В 1682 г.

Горе царя Федора Алексеевича, причиненное смертью его первой супруги Агафьи Симеоновны и сына, царевича Ильи Федоровича, сильно повлияло на его здоровье. Его любимым правителем был в то время Языков. Царь объявил ему, что, зная о слабости своего здоровья и желая предупредить бедствия, могущие нарушить государственное спокойствие в случае его кончины, он намерен назначить наследником престола своего брата Петра Алексеевича.

Языков представил ему, что прямым наследником является царевич Иван Алексеевич, как единоутробный брат государя, к тому же старший брат Петра. Государь не согласился, сославшись на слабое здоровье царевича Ивана, и добавил, что Петр, напротив, сильного сложения и что к тому же бог наделил его выдающимися дарованиями, почему он и более достоин ему наследовать.

Любимец, имевший какие-то счеты с Нарышкиными, сделал все возможное, чтобы отдалить царевича Петра от

престола. Он даже посоветовал царю немедленно вступить во второй брак, чтобы дать государству наследника.

„Я не раз беседовал с лекарями о твоем здоровье,— добавил он,— все мне отвечали, что ты скоро совершенно поправишься и будешь жить еще долго". Государь, ободренный советами Языкова, женился на Марфе Матвеевне из рода Апраксиных, но вскоре его болезнь усилилась, и он скончался 27 апреля 1682 г.

За два дня до его кончины стрельцы, притесняемые своими полковниками, которые посылали их на различные работы, не давая отдыха даже в праздники, и под разными предлогами не доплачивали им жалованье, подали царю челобитную, в которой просили удовлетворить все их жалобы. Они поручили одному из своих товарищей снести ее в Стрелецкий приказ. Думный дворянин или советник канцелярии, Павел Петрович Языков принял челобитную, обещав доложить о ней князю Юрию Алексеевичу Долгорукому, начальнику приказа, и на следующий день дать ответ.

Языков тотчас отправился к князю Долгорукому, но изложил ему дело неправильно. Он сказал, что стрелец, приходивший к нему с челобитной, был пьян и даже отзывался о князе непочтительно. Князь Долгорукий ответил, что если стрелец был пьян, то его следует завтра же бить кнутом перед съезжей избой для примера другим стрельцам.

На другой день этот стрелец вернулся в приказ, чтобы узнать ответ на челобитную, поданную им от имени всех его товарищей. Ему ответили, что государь приказал наказать его, как мятежника, и бить кнутом для примера всем другим. Два стражника, в сопровождении палача, отвели стрельца на место казни. Раздеваясь, чтобы принять назначенное наказание он закричал другим стрельцам: «Ведь я подал челобитную по вашему поручению и с вашего согласия; как же вы позволяете меня так бесчестить!"

Тотчас прибежали несколько стрельцов и освободили своего товарища, избив стражников и палача. Присутствовавший здесь же дьяк или секретарь, который, на свое счастье, еще не успел спешиться, ускакал во весь опор и поспешил сообщить думному дворянину о том, что произошло.

Стрельцы этого полка, которым командовал полковник Семен Грибоедов, были крайне возмущены этим случаем. В ту же ночь они столковались друг с другом, а наутро

предложили стрельцам других полков действовать сообща и разузнали, кто еще из их полковых командиров дает повод для подобных жалоб.

Из двадцати полковников, командовавших в то время 22 000 стрельцов, нашлось девять виновных. Стрельцы приняли решение добиться суда над своими командирами или всех их перебить.

На следующий день, 27 апреля, в 4 часа пополудни скончался царь Федор Алексеевич.

Всех стрельцов немедленно вызвали в Кремль для принесения присяги царю Петру, объявленному наследником престола, в обход его старшего брата Ивана Алексеевича, которого из-за природной слабости, косноязычия и других болезней отстранили от престола. Стрельцы охотно присягнули, после чего разошлись по домам. Похороны царя происходили 28, и весь этот день стрельцы вели себя спокойно; но 29 они толпой двинулись в Кремль просить нового царя, чтобы девять указанных ими командиров были схвачены тут же при них и чтобы их заставили вернуть незаконно удержанные деньги, а также заплатить за исполненные для них работы по представленному стрельцами счету; стрельцы кричали, что если им откажут в их требовании, то они сами о себе позаботятся, перережут этих командиров, разграбят их дома и тогда найдут, чем себя вознаградить. Они грозили, что на этом не остановятся, а выместят свое недовольство и на других изменниках, и добавляли, что это может стоить жизни многим знатным боярам, большинство которых они при этом и назвали; словом, что они больше не могут терпеть произвола своих командиров и плохого управления изменников, злоупотребляющих доверием государя.

Такая смелая речь испугала двор. Было приказано задержать девять полковников, которым стрельцы предъявляли обвинение. Их в ближайшие два дня взяли и содержали в Рейтарском приказе. Стрельцы настаивали, чтобы полковников отдали в их руки, а уж они быстро с ними рассчитаются. В этом им было отказано, но зато им обещали, что государь велит рассудить их дело так, что они останутся довольны. Однако они не удовлетворились этим обещанием и продолжали настойчиво требовать выдачи своих командиров.

Наконец несколько бояр, любимых стрельцами, и епископов, по отношению к которым, однако, стрельцы не проявили особенного почтения, уладили это дело так, что стрельцы, видимо, остались довольны. Полковников приго-

ворили заплатить все, что стрельцы требовали с них по счету, и отстранили их от командования. Вместо них стрельцам обещали дать новых начальников, коими они будут довольны. Стрельцы требовали, чтобы полковники, которые часто их безжалостно мучили, были биты кнутом; но это наказание было смягчено. 1 и 2 мая на площади перед Стрелецким приказом их били батогами. Полковников раздели до рубашки, положили ничком, и два человека били их тонкими прутьями по спине до тех пор, пока стрельцы не признавали наказание достаточным. Те из полковников, на которых стрельцы были особенно озлоблены, были наказаны до трех раз. Тех же, кого стрельцы ненавидели меньше, пощадили, и они получили меньше ударов. Все делалось по их произволу, и никто не смел им прекословить.

После этой расправы стрельцы благодарили государя за оказанное им правосудие, а полковники доставили деньги, которые они должны были заплатить. Некоторым пришлось отдать до 2000 рублей и более. Тех, кто расплатился раньше, отпустили первыми. Другие, оказавшиеся более медлительными, каждый день стояли на правеже по два часа подряд, пока не заплатили. Расплата закончилась в восемь дней. Затем полковников отпустили и сняли с должностей, после чего они уехали в свои поместья.

Попустительство стрельцам не замедлило повлечь за собою много дурных последствий. Стрельцы постоянно намекали в своих речах, что новый царь был избран незаконно, что они не верят, будто бы старший царевич Иван Алексеевич неспособен был царствовать из-за болезней, ему приписываемых, и еще менее верят, что он сам отказался от престола, а это было делом изменников, главными из которых были Нарышкины, отец и брат вдовствующей царицы, матери Петра I, которому в то время было 10 лет. Они даже говорили открыто, что не позволят править собою Нарышкиным и Артамону Сергеевичу Матвееву, который должен был вернуться из ссылки, и что скорее они их всех перебьют.

Царевна Софья не могла стерпеть, что ее брат Иван отстранен от престола, и с помощью своих сторонников старалась разжечь дух возмущения среди стрельцов. Однако сначала она сочла нужным попытаться достичь своей цели не столь крутыми средствами.

Она пригласила к себе царевен, патриарха, высшее духовенство, бояр, воевод, дворян и крупных купцов. Она объяснила собравшимся, что царевич Иван, как старший,

безусловно должен вступить на престол, что только это может предупредить смуты и междоусобицы. Все стрелецкие полки,— добавила она,— желают видеть на престоле царевича Ивана, который много старше царевича Петра, еще отрока и потому неспособного управлять государством. При этом царевна Софья добивалась одной цели — встать у власти, которою бы она тогда завладела благодаря своему влиянию на царя Ивана и слабости его здоровья. Душою всего этого заговора был боярин Иван Михайлович Милославский, человек тонкий и хитрый, близкий родственник Софьи со стороны ее матери.

Патриарх объяснил царевне причины, заставившие царя Федора Алексеевича предпочесть царевича Петра, но она ему возразила, что этого недостаточно, что нужно спросить мнение стрельцов и народа и подчиниться их воле. Патриарх и духовенство ответили, что раз царевич Петр уже взошел на престол и признан государем, то у них нет власти лишить его престола.

Потеряв надежду лишить престола Петра, царевна просила, чтобы по крайней мере его брат Иван был сделан соправителем. Патриарх возразил, что двоецарствие представляет много неудобств, что должен быть один царь и что так хочет бог. Затем он поклонился и вышел.

Царевна немедленно послала Милославского к стрельцам с просьбой, чтобы они помогли возвести на престол царевича Ивана Алексеевича. Она обещала им прибавку жалованья и другие награды.

Милославскому удалось своими происками полностью склонить стрельцов на сторону царевны. Но так как он, видимо, боялся, чтобы дело не обернулось против него самого, то он прикинулся больным и принял все меры, чтобы оказаться вне подозрений. Пока же всем этим заговором руководили трое царедворцев — Александр Милославский и два брата Толстых, а также два стрелецких полковника, Цыклер и Озеров, которые тайно и договорились со стрельцами о том, как им действовать.

Между тем боярин Иван Максимович Языков, любимец покойного царя Федора Алексеевича, и Алексей Тимофеевич Лихачев были сняты с должностей. Первый был оружейничим, а второй казначеем. Им запретили показываться на глаза новому государю, но позволили видеть младшую вдовствующую царицу. Старший сын Нарышкина, молодой человек 23 лет, получил звание боярина и оружейничего. Многие считали, что эта должность совсем не подобает

его возрасту. Другой брат, Афанасий Кириллович, лет двадцати, был назначен комнатным стольником при царе Петре Алексеевиче.

Эти назначения усилили ропот стрельцов, настроенных царевной Софьей против Нарышкиных. Боярин Артамон Сергеевич Матвеев, вернувшись из ссылки, остановился неподалеку от Москвы. Он не спешил въехать в город, желая предварительно убедиться, что раздражение уже улеглось. Но присутствие этого вельможи, равно почтенного как по своему возрасту, так и по огромному опыту в делах политических и военных, было сочтено совершенно необходимым вследствие происходящих событий. Государь послал ему навстречу одну из собственных карет, в которой Матвеев и прибыл в город 11 мая и вступил в свой дом, где все было уже приготовлено для встречи. На другой день он отправился во дворец и здесь был встречен с великим почетом как царем Петром I и царицей, его матерью, так и всеми царедворцами.

Ему сразу вернули звание боярина, так же как и все его вотчины и слуг, во время его ссылки поступивших в услуженье к другим господам. 12, 13 и 14-го дом его был наполнен множеством людей, радостно спешивших приветствовать его возвращение. Со всех сторон ему присылали подарки. Даже несколько стрельцов поднесли ему от имени всех своих товарищей хлеб-соль, как это принято, когда кто-нибудь приезжает или вступает в новый дом. Невозможно выразить, как ласково, с каким смирением и слезами он принимал и обнимал тех, кто посетил его. Все, даже те, кто не принадлежал к числу его друзей, радовались его возвращению. Они надеялись, что его присутствие предотвратит волнения, которых опасались со стороны стрельцов.

Этот вельможа, прибыв в Москву, отнюдь не одобрил столь быстрого повышения сыновей Нарышкина, особенно старшего. Он считал, что предоставленная стрельцам власть над их начальниками грозит самыми опасными последствиями, так как слишком хорошо знал их нрав, всегда расположенный к бунту и возмущению, что полностью и оправдалось впоследствии.

После приезда Матвеева стрельцы только о том и говорили, что Боярская дума решила захватить зачинщиков того, что они называли между собою „добрым делом", казнить их, а большую часть остальных разослать в отдаленные города. Дерзкое поведение Ивана Кирилловича Нарышкина окончательно озлобило умы. Это был молодой повеса,

который не щадил самых старых вельмож и даже дергал их за бороды, что было в те времена крайним оскорблением. И многие из них жаловались на это в своих разговорах со стрельцами.

В воскресенье 14 мая и на следующий день стрельцы всем рассказывали, будто Иван Кириллович в Мастерской палате надел царское платье и, усевшись на трон, заявил, что корона ему очень к лицу; когда же вдовствующая царица и царевна Софья стали упрекать его в дерзости, он пришел в такую ярость, что, внезапно вскочив, бросился на царевича Ивана, чтобы его задушить, и только стража, прибежавшая на крики царевен, удержала его от этого. Все это были, однако, только ложные слухи, которые распускали, чтобы еще сильнее восстановить народ против Нарышкиных.

В понедельник 15/26 мая, когда бояре еще сидели в Думе, вдруг раздался громкий крик: стрелец, стоявший на карауле во дворце перед покоями царя, кричал, что Иван Нарышкин хотел задушить царевича Ивана Алексеевича. Сейчас же подняли тревогу, побежали бить в набат. Большинство стрельцов, бывших в Кремле, устремились во дворец, другие заняли выходы и никого не пропускали. Царедворцы, часть которых только что проснулась, попытались скрыться, как могли, другие попрятались. Много карет вельмож стали жертвами ярости бунтовщиков и были порублены в куски, а лошади искалечены.

Тем временем Петр Толстой, ставленник Милославских, объезжал верхом кварталы города, где жили стрельцы, громко крича, что Нарышкины задушили царевича Ивана и чтоб стрельцы спешили в Кремль. Стрельцы, уже подготовленные, ждали только сигнала. Они бросились, как бешеные, в Кремль с оружием, с развернутыми знаменами, захватив с собою пушки. Прибыв ко дворцу, все они кричали: „Выдайте нам изменников Нарышкиных, которые задушили царевича Ивана Алексеевича, а не то мы всех перебьем".

Бояре — князь Михаил Юрьевич Долгорукий, начальник Стрелецкого приказа, и Артамон Сергеевич Матвеев — вышли на Красное крыльцо и стали заверять стрельцов, что царевич Иван Алексеевич совершенно здоров и сейчас выйдет им показаться. Это их немного успокоило. Между тем царевна Софья велела выдать бунтовщикам несколько бочек водки под тем предлогом, что это их успокоит. Царица Наталья Кирилловна по настоянию бояр вышла на

Красное крыльцо с царевичами и царевной Софьей. Это привело бунтовщиков в замешательство. Многие из них поднялись по лестнице и стали спрашивать у царевича Ивана — подлинно ли это он? Уверившись в этом, они закричали: „Ты будешь наш государь, да погибнут все изменники!». Они тут же потребовали, чтобы царь Петр отдал скипетр своему старшему брату, что он и вынужден был сделать. Затем они снова стали кричать: „Выдайте нам изменников, главное — Нарышкиных, мы их всех перебьем; заточите в монастырь царицу Наталью Кирилловну; мы будем до последней капли крови защищать нашего государя Ивана Алексеевича и нашего царевича Петра Алексеевича!“ Князь Долгорукий и боярин Артамон Матвеев вышли вторично; Долгорукий, спустившись с Красного крыльца, ласково говорил со стрельцами и старался наставить их на правый путь, обещая все сделать, чтоб они были вполне удовлетворены.

Царевна Софья, боясь увещаний этого вельможи, тотчас послала предупредить стрельцов, что они должны сегодня же перебить всех, кто внесен в переданный им список, иначе завтра же гибель ожидает их самих.

Это привело стрельцов в ярость, и они не хотели более ничего слушать. Они схватили князя Долгорукого, а затем Матвеева и сбросили их обоих с Красного крыльца. Другие стрельцы приняли их на пики и, покончив с ними, притащили их голые трупы на большую площадь перед Кремлем.

После этого первого трагического события стрельцы вновь начали кричать, чтобы им выдали других изменников, число которых, по их списку, превосходило сорок. Так как никто к ним не вышел, то они сами кинулись во внутренние покои и церкви, забыв уважение к царям, вдовствующим царицам и царевнам. Там они нашли второго сына Нарышкина, Афанасия Кирилловича. Они за волосы втащили его на Красное крыльцо и сбросили на пики своих товарищей, которые его убили, как и первых двух, и приволокли тело на площадь, где лежали остальные.

Думный дьяк Ларион Иванов и его сын Василий, которых стрельцы также нашли в одной из церквей, подверглись той же участи.

Стрельцы, бывшие внизу, непрерывно кричали: „Да здравствует наш государь Иван Алексеевич и наш царевич Петр Алексеевич, и да погибнут изменники!“ В то же время те, которые стояли на крыльце, продолжали требовать выдачи Ивана Кирилловича Нарышкина.

Во время этих событий невинно пострадал Федор Петрович Салтыков, молодой вельможа, отца которого очень любили стрельцы. Стрельцы, непрерывно требовавшие Ивана Кирилловича, увидев со спины молодого человека, торопливо входившего в церковь, закричали: „Вот Иван Нарышкин!“ — и тут же его схватили; так как он, страшно испуганный, не сумел назвать себя сразу, они его сбросили с крыльца, убили и притащили его труп к остальным. Но, заметив потом свою ошибку, они отнесли тело в дом его отца, который в то время был болен, и просили у него прощения. Отец отвечал им только, что такова воля божия, и велел вынести принесшим тело водки и пива.

Вскоре был найден и убит, как и другие, князь Григорий Григорьевич Ромодановский. Его сына пощадили, может быть потому, что он не был в списке, а может быть, как говорили стрельцы, из уважения к тому, что он провел двадцать лет в плену у крымских татар.

До наступления ночи погиб от ярости стрельцов и старый боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий. Когда этот вельможа возвращался домой, стрельцы окружили его карету и предложили его проводить; они уверяли, что вовсе не хотели убить его сына, и только когда тот заговорил с ними сурово и стал говорить, вместе с Артамоном Матвеевым, что их следует наказать, то они в запальчивости не сдержались; в этом они просили прощения у отца. Он не посмел ничего ответить, кроме того, что такова воля божия. Стрельцы весьма почтительно проводили его домой, где он приказал подать им водки и пива, сколько они захотят. Выпив, стрельцы его поблагодарили и простились с ним. В это время вошла жена сына Долгорукого, обливаясь слезами и оплакивая гибель своего мужа. Старец ответил ей пословицей: щуку съели, да зубы ее целы остались. Услышав это, один из стрельцов, задержавшийся в сенях, кликнул своих товарищей и сказал им: „Слышите, братцы, он нам еще грозится!“ Тогда они, как бешеные, бросились обратно, схватили старца, потащили за руки и за ноги к дверям дома, убили и, отрубив руки и ноги, бросили труп в грязи посреди улицы.

Часть стрельцов осталась на ночь во дворце, другие охраняли городские ворота, а несколько человек отправились на поиски жертв, стоявших в списке. Они обыскивали их дома и дома их соседей.

Особенно усердно искали они одного доктора по имени Даниил ван Гаден, главного доктора царя Федора Алексе-

евича. Стрельцы обвинили его в отравлении государя. Во время поисков доктора соседи его испытали много унижений. Несколько стрельцов, один за другим, заходили в дом другого доктора, по имени Гутменш. На первый раз они, однако, не причинили ему зла. Когда же они еще раз пришли искать, несчастный испугался, подумав, что явились за ним, и спрятался на чердаке. Найдя доктора, стрельцы повели его с собой, говоря: „Ты друг Даниила, наверно ты его спрятал. Мы тебя не отпустим, пока его не найдем". Схватили и жену Даниила и поручили караулить Гутменша стрельцам, стоявшим на Красном крыльце, с которого бросали убитых вельмож. У них хватило, однако, жалости позволить отвести беременную жену Даниила в особую маленькую комнату. Обоих грозили убить, если не найдут доктора Даниила.

16/27 с утра стрельцы снова собрались в Кремле, оставив только необходимое число людей в караулах у ворот. Наиболее дерзкие устремились в царские палаты в поисках Нарышкиных. Не найдя их, они убили прежде всего боярина Ивана Максимовича Языкова и думного дьяка или государственного секретаря Аверкия Кириллова, а также схватили русского полковника Григория Горюшкина, вытащив их из домов, где те скрывались. Их привели во дворец, дожидаясь, пока соберутся все стрельцы. Бедные жертвы, оправданий которых никто не слушал, были сброшены с Красного крыльца, как и остальные, на пики и бердыши стоявших внизу стрельцов. Потом их голые тела вытащили из Кремля и бросили рядом с трупами убитых накануне. Через час узнали, что на улице нашли переодетого сына доктора Даниила. Никто не пускал его к себе, боясь такой же участи. Стрельцы спросили, где его отец. Он ответил, что не знает; тогда и с ним покончили, как с другими, сбросив с крыльца. Доктора Гутменша убили таким же образом, и никто не стал слушать доказательств его невиновности. Стрельцы ему только объявили, что раз Даниил не разыскан, то придется ему отвечать, и раз он приготовлял лекарства, погубившего царя Федора Алексеевича, то заслужил такую участь. Хотели покончить также и с женой доктора Даниила. Младшая вдовствующая царица, с которой они еще немного считались, вступилась за нее и спасла ей жизнь. Но эту бедную женщину было бы трудно вырвать из их рук, если бы в это время стрельцы не услыхали, что схватили одного из Нарышкиных — молодого человека 20 лет, двоюродного брата тех Нарышкиных; его сейчас же

убили. Полковник Андрей Дохтуров, из числа тех, против кого стрельцы подавали челобитную, найденный ими в церкви, под алтарем, подвергся той же участи. Днем на большую площадь притащили еще нескольких писцов и их также убили. Так кончился этот день. Между тем весь день и всю следующую ночь стрельцы усердно искали лекаря Даниила и Ивана Кирилловича Нарышкина. Что до Кирилла Полуектовича Нарышкина, отца царицы, то в конце концов удалось уговорить стрельцов оставить ему жизнь, но ему пришлось немедленно постричься, и затем его сослали в дальний монастырь. Также сохранили жизнь трем его младшим сыновьям, которые воспользовались таким решением стрельцов и, не теряя времени, скрылись из Москвы.

Утром 17/28 мая из Слободы, предместья, где жило большинство немецких офицеров, дошла весть, что там накануне схватили доктора Даниила, переодетого нищим; два дня и две ночи он скрывался поблизости в лесу и в конце концов, не выдержав голода, пришел в Слободу попросить поесть у кого-нибудь из своих знакомых; несколько стрельцов его узнали и задержали. Эта находка весьма обрадовала стрельцов. Сейчас же был послан отряд, который привел доктора из Слободы в Кремль к царским покоям, связанного, в одежде нищего, с сумой на боку и в лаптях. Царевна Софья и младшая вдовствующая царица сразу вышли и просили пощадить жизнь доктора. Они свидетельствовали, что он не виновен в смерти царя Федора Алексеевича, заверяли, что он сам первым пробовал все лекарства, приготовленные для государя, что и царица и царевна делали то же. Все это не подействовало на стрельцов; они закричали, что доктор не только цареубийца, но еще и колдун; что они нашли в его доме многоногое морское животное (полип) и змеиные кожи, которыми он пользовался для колдовства, и по одной этой причине он заслуживает смерти. Они даже прибавили грубо: „Мы знаем, что Иван Кириллович Нарышкин прячется у вас; если вы выдадите его нам, мы успокоимся и прекратим всякие дальнейшие преследования, надеясь, что государь прикажет палачу наказать тех, кто еще остался в нашем списке, но скрылся. Мы готовы разойтись по домам, если только нам даруют полное прощение и не поступят с нами, за все происшедшее, как с мятежниками“.

Все их требования были исполнены; но когда их стали просить пощадить Ивана Кирилловича Нарышкина и лекаря, они сразу заткнули себе уши и только повторяли: „Мы

знаем, что Иван Кириллович спрятан у вас, выдайте его добром, не то мы будем его разыскивать, пока не найдем, и тогда будет хуже; довольно того, что мы помиловали старого Нарышкина и трех его младших сыновей, а Ивана Кирилловича мы непременно убьем собственными руками". Их попросили немного подождать. Младшая вдовствующая царица и царевна Софья еще раз вышли и просили за Нарышкина. Вызвали даже митрополита с иконой богородицы, чтобы попытаться умилостивить этих злодеев, но все было напрасно.

Наконец старшая вдовствующая царица, приказав причастить и соборовать своего брата Ивана, вышла вместе с ним; он держался позади нее и за иконой, которую нес митрополит. Обе царицы, которым царевна Софья притворно подражала, стали на колени и молили стрельцов оставить жизнь Ивану Нарышкину; но эти унизительные попытки ни к чему не привели. Один из злодеев, потеряв всякое уважение к царицам, поднялся на крыльцо и, схватив Ивана Нарышкина за волосы, силою вырвал его из рук царицы и стащил вниз. Затем Нарышкина вместе с доктором Даниилом повели в место, расположенное на окраине Кремля, чтобы подвергнуть обоих пытке,— суровая мера, не применявшаяся еще ни к кому из тех, кого прежде убили. Это было утонченной жестокостью с их стороны, чтобы сделать смерть более мучительной. Ивана Нарышкина пытали первого, и хотя его страшно истязали, он не отвечал ни слова. После этого несколько стрельцов стащили его на большую площадь перед Кремлем, где его изрубили на куски и насадили на железные острия его голову, ноги и руки.

Доктора Даниила также пытали. Одни стрельцы исполняли роль палачей, а другие записывали то, что он отвечал. В конце концов допрос им наскучил, они порвали протокол и вытащили доктора на большую площадь за стенами Кремля, где убили и изрубили тело на куски.

Во время всех этих трагических сцен они соблюдали в своей среде весьма строгую дисциплину. Если кого уличали в малейшей краже или грабеже, то сразу наказывали. Каждый раз, как приводили новую жертву, давали знать во дворец и стучали в барабаны и били в набат до тех пор, пока несчастного не вытаскивали из Кремля и не убивали на большой площади. Осужденных на смерть вели на Красное крыльцо перед дворцом, и стрельцы, стоящие наверху, поднимали их, чтобы товарищи внизу могли их рассмотреть; затем они спрашивали: „Братцы, любо ли?" Стоящие

внизу отвечали: „Любо, любо!“ — и сейчас же подставляли свои пики и алебарды. Несчастную жертву хватали за руки и за ноги и бросали сверху на пики. Затем ее тащили на большую площадь за стенами Кремля, где и добивали. Было уже за полдень, когда убили доктора Даниила. Потом стрельцы явились ко дворцу и все кричали: „Теперь мы довольны. Пусть государь поступит с остальными изменниками по своей воле. Мы отдадим свою кровь до последней капли за цариц, царевен и нашего царевича“. После этого старший царевич Иван Алексеевич попросил стрельцов не принуждать его принять венец, так как он сам чувствует себя слишком слабым и не надеется долго прожить, а потому вполне добровольно уступает его своему брату Петру Алексеевичу. Тогда стрельцы все единодушно закричали: „Сохрани, господи, здоровье царевича Петра Алексеевича“. В конце концов царевич Иван склонил стрельцов своими просьбами и добился, чтобы вдовствующей царице Наталье Кирилловне разрешили остаться при сыне своем Петре Первом; раньше они намерены были заточить ее в монастырь.

В течение трех дней, когда длился этот бунт, стрельцы подчеркивали в своих речах, что они действуют только во имя царя Ивана Алексеевича, хотя они обращали весьма мало внимания на его приказания и руководились только своей прихотью и яростью. Они утверждали, что если бы медлили с исполнением своего замысла, то сами рисковали бы жизнью, так как было принято решение вооружить всех слуг боярских, число которых превосходило число стрельцов по крайней мере вчетверо; это вызвало бы еще бо́льшую резню, и, может быть, тогда вся Москва была бы уничтожена огнем и мечом.

17/28 мая к вечеру стрельцы объявили, что разрешают всем забрать своих покойников и похоронить их, что и было немедленно сделано. На большой площади остались только тела Ивана Кирилловича Нарышкина, доктора Даниила, его сына и доктора Гутменша. Это показывает, что дух стрельцов уже немного смягчился, так как еще утром они заявляли, что бросят все трупы в топь за городом на съедение собакам.

Во время этого великого смятения никто не смел сказать стрельцам ни одного неприятного слова, не рискуя жизнью. Когда они хотели войти в какой-нибудь дом, приходилось сразу открывать перед ними двери, угощать пивом и водкой и давать столько денег, сколько они требовали.

18/29 мая были провозглашены царями Иван Алексе-

евич вместе с братом Петром Алексеевичем, причем на первом месте стоял Иван. Бояре из партии Петра, испуганные трагическими событиями, происходившими у них на глазах, были принуждены присягать царю Ивану Алексеевичу. Стрельцы доверили правление царевне Софье. Так кончился первый бунт. Царевна поручила князю Хованскому и его сыну Андрею управление Стрелецким приказом и в другие приказы и канцелярии посадила преданных ей бояр. Она прибавила также жалованье стрельцам, считая все эти меры необходимыми, чтобы укрепить свое положение.

Князь Хованский и его сын Андрей, чтобы подслужиться к стрельцам, роздали им огромные суммы под видом возврата недоплаченных денег. Земли убитых бояр были взяты в казну, вещи проданы и деньги розданы стрельцам. Царевна Софья разрешила им воздвигнуть на большой площади перед Кремлем столб, на котором были обозначены имена убитых людей и преступления, им приписываемые. Кроме того, она приказала раздать стрельцам грамоты, в которых удостоверялось, что они уничтожили изменников и своим усердием и верностью спасли жизнь обоим царевичам. Оба царевича были венчаны на царство патриархом Иоакимом 25 июня — 6 июля 1682 г.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦКИЙ БУНТ

Князь Хованский втайне держался раскола протопопа Аввакума, ересь которого не так давно вызвала народное волнение. Среди стрельцов многие принадлежали к расколу; заблуждения их поддерживал некий Никита Распоп, прозванный Пустосвятом. Несколько беглых и распутных монахов привлекли также на сторону раскола многих купцов и людей из самых низов. Они намеревались искоренить истинную веру и утвердить свою ересь по всей России. Обеспечив себе большое число сторонников и опираясь на покровительство князя Хованского, они подняли чернь.

5/16 июля они торжественно пришли к соборной церкви, неся перед собою иконы, зажженные свечи и аналой. Патриарх Иоаким был тогда в соборе с архиереями и другими священнослужителями. Он стал увещевать раскольников покориться, обещая невозбранно обсудить с ними все разногласия. Но эти изуверы и слушать его не захотели. Именуя патриарха волком и лихоимцем, они стали бросать

в него камнями и выгнали из церкви вместе со всем духовенством. Патриарх, прибежав в ужасном страхе в царский дворец, бросился в Грановитую палату и молил государей защитить церковь. Государи вызвали царевну Софью и созвали всех бояр. Собрание твердо решило принять крайние меры, чтобы помешать распространению раскола.

Бояре, выйдя из дворца, известили стрельцов, что государям угрожает большая опасность. Преданные стрельцы тайно послали за своими товарищами, призывая их поспешить на защиту церкви. Стрельцы немедленно явились и объявили собравшимся раскольникам, что они будут защищать правую веру до последней капли крови. Затем они усилили все караулы вокруг дворца. Хованский, сделав вид, что не знает о происходящем, явился к государям с сообщением, что народ бунтует из-за веры. Он посоветовал государям созвать собор, чтобы успокоить толпу, добавив, что воинской силой подавить тот мятеж нельзя, так как раскольников слишком много. Государи задали ему вопрос: собирают ли соборы таким бесчинным образом, обличающим прямое намерение не собор собрать, а покуситься на злодейство?

Между тем эти изуверы и стрельцы со своими лжеучителями, сопровождаемые толпой народа, вошли в Грановитую палату, неся перед собою иконы, свечи, аналои и книги. Многие из них спрятали в одежде камни, чтобы побить ими своих противников. Они подали царям челобитную, которая и была прочтена; после этого патриарх начал опровергать их доводы, а Афанасий, архиепископ Холмогорский, окончательно привел их в замешательство. Прежде этот архиепископ сам принадлежал к расколу, но, поняв свои заблуждения, вернулся в лоно церкви. Обманщик, не зная, что ответить, ударил архиепископа по лицу, а остальные подняли буйный крик. Цари прервали спор, удалившись в свои покои. Петр I поднял с головы корону и сказал: „Пока на моей голове эта корона и пока душа в теле моем, я буду защищать церковь и правую веру“; потом, обернувшись к боярам и другим царедворцам, добавил: „Дерзайте против наших общих врагов“. Затем он приказал прогнать раскольников из дворца и взять под стражу Никиту Распопа вместе с другими вожаками. Стрельцы, оставшиеся верными, сейчас же исполнили приказ государя. Патриарх и все духовенство бросились к ногам Петра I, благодаря за защиту церкви. 6/17 июля на площади перед Кремлем лжеучителю Никите отрубили голову. Его соумышленники и бродя-

ги были биты кнутом и сосланы. Эти казни испугали Хованского и заставили замолчать как его, так и его приспешников; но в сердце они затаили злобу.

Между тем стрельцы избрали выборных для сношения с государями; они стали называть себя не стрельцами, а надворной пехотой. Они пожаловались Хованскому, что начальники должны им деньги. Несмотря на ложность этого обвинения, Хованский без всякого расследования приказал их удовлетворить. В результате начальников приговорили к уплате нескольких тысяч рублей, что разорило многих из них.

Хованский захотел использовать благоволение к нему царевны Софьи, чтобы отомстить Милославскому, с которым он поссорился. Он решил воспользоваться стрельцами, чтобы убить Милославского. Вскоре стрельцы стали искать случая оказать Хованскому эту услугу. Но Милославский на время склонился перед грозой и тайком уехал в свою вотчину. Однако через некоторое время он снова появился при дворе. Он обвинил Хованского перед царевной Софьей, будто он на людях говорил о своем высоком происхождении, выводил свой род от королей и даже похвалялся, что женится на одной из царевен. Софья была возмущена его дерзостью; но она искусно это скрыла, твердо решив дать волю своему негодованию, когда придет время.

ТРЕТИЙ БУНТ

Сговорившись со стрельцами, Хованский поддерживал раскол и завершал подготовку своего преступного умысла. Государи, уведомленные о его тайных происках, 29 августа переехали из Москвы в Коломенское, увезя с собою всех бояр и прочих царедворцев. Хованский и не подозревал, что они поедут дальше.

2 сентября на воротах Коломенского дворца оказалось прибитое письмо с предупреждением, что Хованский с сыном и сообщниками замышляют на жизнь государей, патриарха и бояр и даже хотят завладеть властью. Это известие заставило царей в тот же день уехать из Коломенского в село Воробьево, куда их сопровождали вдовствующая царица Наталья Кирилловна и царевна Наталья Алексеевна. 6-го они отправились в Саввин монастырь. Не успели Хованский и стрельцы узнать об отъезде государей, как они уже стали раскаиваться в том, что затеяли.

Из Саввина монастыря государи послали указы ко всем городам, чтобы собирать ратных людей и посылать их к Троице для защиты своих государей от посягательства стрельцов. Одновременно было приказано явиться туда и Хованскому, но он не поехал. Как только дворяне получили грамоты, они собрали, сколько могли, людей и поспешили к Троице, побуждая друг друга к возможной быстроте действий. Их собралось около ста тысяч человек, и они умоляли государей показаться войску. Государи вышли к войску и рассказали о преступных замыслах стрельцов. Дворяне, возмущенные трусостью бояр, командиров и московских дворян, грозили изрубить их в куски за то, что они не защитили своих государей и дали столько воли стрельцам. Что до дворян окрестных городов,— прибавляли они,— то их следует лишить дворянства и причислить к мятежным стрельцам в наказание за то, что они плохо защищали своих государей и потакали стрельцам, вместо того чтобы их строго наказать.

Государи одобрили их усердие, но запретили применять какие-либо крайние меры. Однако дворяне настаивали на наказании мятежников, объясняя, что в противном случае стрельцы и впредь будут дерзки и взбунтуются при первом же случае. Государи, убедившись в верности дворян, оставили при себе часть из них, а остальных отослали по домам. Перед их отъездом государи пожаловали военачальников прибавкой жалования и наградили землями остальных.

Михаилу Плещееву, Кириллу Хлопову, Василию Пушкину, Ивану Тяпкину, Ивану Суханину и Ивану Горохову было приказано остаться в Москве, чтобы наблюдать за действиями стрельцов.

Прибыв в село Воздвиженское, государи отлично понимали, что Хованский ослушается второго приказа, как ослушался первого. Они решили прибегнуть к хитрости и написали ему весьма благосклонное письмо, в котором хвалили его заслуги, обещали награды и призывали его приехать, чтобы присутствовать на совете. Видя столь лестное обращение, а также и ожидая скорого приезда гетмана, который был уже на пути в Москву, Хованский с сыном попались в ловушку. Им не дали доехать до Воздвиженского и схватили в селе Пушкине, вместе с сопровождавшими их 37 стрельцами.

Беззакония и преступления, совершенные Хованскими, как и участие их в преступном мятеже, заставили двор подвергнуть их пытке. Они признались в своих преступлениях

и искупили их смертью; им отрубили головы в Воздвиженском. Князь Иван Хованский, второй сын казненного, бежал в Москву, где пытался поднять стрельцов под предлогом, будто его отец, брат и стрельцы были казнены помимо указа государей и без всякого предварительного следствия.

При этом известии стрельцы ударили в набат, забили в барабаны, взялись за оружие, решив отправиться в Троицкую обитель, чтобы предать там все огню и мечу. Но когда они узнали, что численность войска, собравшегося при государях, с каждым днем растет, ими овладел страх и они решили укрепиться в Москве, чтобы выдержать здесь, если понадобится, осаду.

Государи написали патриарху, чтобы известить его о казни Хованского. Грамоту эту поручили полковнику Петру Зиновьеву. Он с большим трудом спасся от ярости стрельцов, которые отвели его к патриарху и заставили прочитать грамоту вслух. Их бешенство еще возросло, когда они услышали о казни Хованского; они поклялись отомстить за нее кровью и перерезать всех дворян.

Вернувшись, Зиновьев уведомил государей о стрелецком бунте, что заставило их отправиться в Троицкую обитель. Между тем, когда стрельцы сообразили, как их мало по сравнению со всем войском, собравшимся вокруг государей, и узнали к тому же, что это войско готово их защищать, то ярость стрельцов сменилась раскаянием. Они пошли к патриарху и молили его заступиться за них, обещая в будущем не нарушать своего долга и покорности. Патриарх горько укорял стрельцов за бунт, но все же обещал им отправиться в Троицкий монастырь, чтобы просить государей о помиловании их. Стрельцы просили, чтобы он не ехал туда сам, а послал вместо себя архиереев, так как его отъезд повергнет их в уныние. Патриарх с трудом добился помилования стрельцов; все же оно было им даровано под условием выдать зачинщиков мятежа. Три тысячи семьсот стрельцов отделились от остальных и просили дать им время приготовиться к смерти. Они простились со своими семьями, надели веревки на шеи и понесли с собой топоры и плахи. В таком виде они пошли к патриарху и снова стали молить его заступиться за них перед государями и спасти им жизнь; они старались также склонить на свою сторону и царевен. Царевны и патриарх в сопровождении высшего духовенства направились к Троице, куда пошли и стрельцы. Когда стрельцы прибыли, они были окружены войсками, и их обыскали, ища спрятанного оружия. После этого

стрельцы пали на колени перед дворцом и положили головы на плахи.

Жены и дети, пришедшие вслед за стрельцами, взывали к государям, царице и патриарху, моля пощадить их мужей. Царица Наталья Кирилловна в ту минуту вспомнила жестокую и позорную смерть своих братьев, уныние своего отца, унижение власти государственной, ужас, пережитый юными государями, страх, испытанный ею самой. Из-за этих мыслей она некоторое время не могла решиться простить виновных. Но когда она подумала о потоках крови, готовых пролиться, тронутая униженным видом патриарха, стоявшего перед ней на коленях, чувствительная к слезам жен и детей стрельцов, злопамятство в ней сменилось состраданием и она стала слезно умолять государей пощадить стрельцов. Государи приказали открыть окна в своих покоях, сделали стрельцам гневный выговор и помиловали их. Стрельцы тотчас встали, троекратно поклонились в землю своим государям и удалились.

6/17 ноября оба государя возвратились в Москву, совершив торжественный въезд в город под радостные клики народа. Государи приказали обнародовать помилование стрельцам. Дворяне, которые поспешили на помощь государям, были награждены, и, чтобы обеспечить прочное спокойствие в будущем, им было приказано поселиться в Москве. Так кончился этот бунт.

ПРАВЛЕНИЕ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ

Государь Иван Алексеевич родился немощным. Его младший брат, не предаваясь детским забавам, с охотой изучал военное искусство и другие полезные науки. Поэтому царевне Софье было нетрудно забрать все дела в свои руки.

Вновь введенные воинские упражнения отнюдь не нравились стрельцам. Из всего стрелецкого войска Петр Первый любил только Сухаревский полк, преданность которого была ему известна и который во время прошлого бунта не имел никаких сношений с мятежниками. Поэтому Петр Первый всегда держал его при себе. Другие полки пытались внушить царевне Софье недоверие по поводу нового воинского обучения, введенного Петром. Чтобы укрепить свою власть, царевна поручила Стрелецкий приказ думному дьяку Шакловитому, своему личному советнику, который пользовался ее большим расположением. Посольский приказ

был вверен князю Василию Голицыну, которому вместе с тем было велено именоваться новгородским наместником и хранителем государевой большой печати. Она назначила своих ставленников полковниками стрелецкого войска и требовала, чтобы ее имя писалось в указах рядом с именами государей, а ее изображение давалось вместе с изображениями государей на монетах.

Бояре, дворянство и народ любили своих государей и горячо желали, чтобы они взяли в руки бразды правления; но никто не смел высказать этого из страха нового выступления стрельцов.

За это время в Москве побывали послы кесаря римского и короля польского. Царевна Софья приняла их со всею возможной пышностью.

Заключив вечный мир с поляками, она задумала предпринять военный поход, который прославил бы ее и тем укрепил ее власть. Для этого она приказала собрать войско в 200 000 человек и послала его в Крым под начальством князя Василия Голицына. Этот вельможа был в то время верховным правителем, но, заметив, что Шакловитый пользовался бо́льшим влиянием в делах, чем он, и что создание регулярных войск, осуществляемое Петром Первым, проходит с явным успехом, он хотел воспользоваться необходимостью стать во главе войска, чтобы под этим предлогом удалиться от двора. Поэтому он первый поднял речь перед царевной Софьей об этом походе. Петр Первый всеми силами старался этого не допустить, но тщетно; царевна настояла на своем.

Войско выступило в поход очень поздно, что дало крымским татарам время сжечь траву в степях, а это вызвало большие затруднения для русского войска. Недостаток фуража заставил его возвратиться обратно, ничего не предприняв. Чтобы скрыть неудачу, царевна одобрила действия военачальников и наградила их.

Некоторые военачальники в Малороссии обвиняли своего гетмана Ивана Самойловича в том, что это он написал в Крым, советуя сжечь траву в степях. Когда это обвинение дошло до князя Голицына, он доложил о нем царевне, которая отдала должность Самойловича Мазепе.

Петр Первый, недовольный службой военальников и нетерпеливо переносивший захват самодержавной власти царевной Софьей, вошел в палату, где она заседала в совете бояр. Государь стал упрекать Голицына, что тот допускал насилия над населением тех мест, через которые проходил,

а также, что он обнажил границы, чрезмерно растянув свои войска. Голицын, вместо оправдания, обещал выступить в [следующий] поход рано, прежде чем жара высушит траву.

Государь настоятельно требовал укрепить границу и приказал, чтобы князь Голицын, князь Михаил Ромодановский и Авраам Хитров охраняли Белгородскую линию укреплений, взяв каждый по пехотному полку, что составляло войско в 30 000 человек. Петр Первый очень хотел лично участвовать в походе, но он еще не достиг совершеннолетия.

Между тем царевна Софья, вовсе не считаясь с распоряжениями своего брата, приказала князю Василию Голицыну вступить с войсками в Крым. Он повиновался и вскоре вступил в бой с татарами у так называемой Черной равнины. Поход закончился в июне, не принеся существенного успеха ни одной из сторон. Царевна тем не менее одобрила действия военачальников, пожаловала им золотые и серебряные медали и наградила их землями.

Петр Первый отнюдь не одобрял этого похода. Он с неудовольствием видел, что Голицын привел войско назад, не получив на то приказа и не добившись сколько-нибудь значительного успеха. Дворяне, служившие под начальством Голицына, сообща подали государям челобитную, в которой жаловались на него. Они писали, что войско, уже прошедшее через степи и теснины и находившееся среди всяческого изобилия, могло легко разорить весь Крым, но Голицын никак не воспользовался своими преимуществами, а пошел назад; поэтому они полагали, что их начальник был подкуплен крымским ханом, посланцев которого у него видели. Дворяне кончали челобитную просьбой, чтобы государи отстранили от власти свою сестру и взяли бразды правления в собственные руки; они обещали до последней капли крови бороться с теми, кто будет этому препятствовать.

ЧЕТВЕРТЫЙ БУНТ

Царевна Софья, узнав о челобитной и боясь, что ее заставят выпустить власть из рук, известила стрельцов. Эта солдатчина, всегда готовая к бунту, тотчас решила низложить болезненного царя Ивана и убить царя Петра, его мать, вдовствующую царицу, и всех преданных им вельмож. На престол должна была вступить царевна Софья.

Царь Петр женился в первый раз 17/28 января 1689 г. 8/19 июля того же года оба государя отправились в собор-

ную церковь к торжественной службе. Когда крестный ход вышел из церкви, царевна Софья захотела итти рядом с обоими государями. Царь Петр заметил ей, что ее поступок нарушает обычай и что ей совсем не следовало участвовать в этом обряде. Царевна, несмотря на указание Петра Первого, осталась на занятом ею месте. Царь, возмущенный ее гордостью и высокомерием, направился в Архангельский собор, а оттуда удалился в село Коломенское. Этот знак неуважения страшно оскорбил царевну и заставил ее ускорить исполнение своего замысла. В тот же самый день Шакловитый совещался со стрелецкими начальниками и другими недовольными о том, как убить Петра Первого, царицу-мать, патриарха, бояр и самых богатых купцов и разграбить их дома, после чего возвести на престол царевну Софью.

С 10/21 августа происходили тайные сборища в Кремле, близ Никольских ворот, в доме некоего Лыкова, где теперь находится арсенал. Сюда Шакловитый собрал начальников стрелецких полков, чтобы обсудить с ними, как осуществить покушение. Все переговоры держались в глубокой тайне. 18/29 августа 4 верных стрельца прибежали в Преображенское, где находился Петр Первый с двумя царицами — матерью и супругой,— и предупредили его, что множество стрельцов устремилось в Кремль с целью убить царя и всех преданных ему знатных людей; поэтому он должен укрыться в каком-нибудь безопасном месте. Петр Первый удалился к Троице, куда за ним последовали преданные ему дворяне и Сухаревский полк.

Царевна Софья и ее сторонники, увидев, что их план не удался и заговор открыт, испугались за себя. Петр Первый приказал боярам и всем московским служилым людям немедленно явиться к нему. Все повиновались, кроме князя Голицына, Шакловитого и нескольких близких царевне людей. Непреклонность царя заставила царевну обратиться к патриарху с просьбой быть посредником и примирить ее с Петром, убедив его забыть о прошлом. Патриарх, не знавший о заговоре, пошел к царю, чтобы исполнить поручение царевны. Но, узнав о злых умыслах стрельцов, он был охвачен ужасом и решил остаться с царем. Софья, видя, что патриарх не возвращается, поняла грозящую ей опасность и решила с несколькими своими сестрами отправиться в Троицкий монастырь. Она держала в руках образ Спасителя, как бы беря его в свидетели своей невиновности. В Воздвиженском ее встретил Иван Бутурлин, комнатный стольник,

который приказал ей от имени Петра Первого ни под каким видом не являться в Троицкий монастырь. Так как она ослушалась приказа, то ей вторично было послано запрещение итти в Троицкий монастырь под угрозой, что в противном случае с ней будет поступлено строго и без уважения к ее особе. Вскоре прибыли к Софье боярин Шереметьев и стрелецкий подполковник Иван Нечаев и потребовали, чтобы она немедля выдала им изменника Шакловитого. Царевна всеми силами старалась укрыть его, продолжая уверять, что он невиновен, но однако велела подготовить его к смерти и соборовать. Тем временем царь Иван Алексеевич прислал к ней своего дядьку, требуя выдачи Шакловитого и мятежников. Этот поступок царя показал царевне, насколько ослабела ее власть. Поэтому она решила согласиться на требование государей. Мятежников отвели в Троицкий монастырь. Собравшаяся там чернь осыпала Шакловитого оскорблениями, упрекая его в честолюбивых замыслах. Его допрашивали перед боярами, подвергнув долгой и мучительной пытке. Видя, что он изобличается свидетелями, он решил сознаться в своих преступлениях и сделал это письменно. После этого ему и другим бунтовщикам отрубили головы перед монастырем. Стрелецкий приказ был затем отдан князю Ивану Троекурову, которому было приказано держать стрельцов в повиновении и ввести самую строгую дисциплину.

Князю Василию Голицыну, приехавшему из Москвы, было приказано отправиться на подворье и запрещено являться в монастырь. Через некоторое время его вызвали и схватили на крыльце дворца; здесь его преступления были оглашены перед народом. Он был лишен княжеского достоинства, его имущество взяли в казну, а его сослали в отдаленное место.

Затем Петр Первый послал князя Троекурова к брату своему, царю Ивану Алексеевичу, чтобы просить его предложить царевне Софье отказаться от всех честолюбивых замыслов и избрать себе почетное убежище в монастыре.

Царевна, не видя больше средств удержать свою власть, уступила, хотя и против воли. Она рассталась со своими сестрами и удалилась в монастырь, где и кончила свои дни. Князю Федору Ромодановскому было поручено охранять ее с отрядом солдат. Тех, кто ей служил и пользовался ее расположением, разослали в незначительные города.

Приняв все эти меры, Петр Первый со всей своей семьей возвратился в Москву, где был встречен радостными кри-

ками народа. В это время стрельцы держались самым униженным образом. Царь помиловал их всех, кроме нескольких начальников, которых велел пытать, а затем казнить. Так было потушено пламя мятежа.

Царь Иван передал Петру Первому верховную власть, которой он был облечен, и до конца своих дней жил как частное лицо. Большую часть стрельцов разослали в разные города, что сильно подорвало их влияние в Москве.

ПЯТЫЙ БУНТ

Когда Петр Первый с Великим посольством уехал в чужие страны, управление государством было поручено Тихону Никитичу Стрешневу и князю Федору Ромодановскому, которым было приказано собирать бояр и советоваться с ними в затруднительных и опасных случаях. В июне месяце, во время отсутствия Петра в Москве, узнали, что четыре стрелецких полка, посланные на границу Литвы для наблюдения за поляками, взбунтовались, прогнали своих начальников, отказавшихся участвовать в бунте, и поставили на их место своих товарищей; что они самовольно идут к Москве, везя за собою пушки, и собираются истребить бояр и всех значительных людей, а также воспрепятствовать возвращению Петра Первого в Москву. Узнали также, что они собираются присоединить к себе московскую чернь и хотят передать управление государством царевне Софье и ее сестрам.

Тотчас по получении этих сведений правители послали нарочного к царю с обстоятельным донесением обо всем, что было открыто. Гонец нашел Петра Первого в Вене, и его донесение заставило государя направиться в Москву.

Тем временем московские бояре решили послать против мятежников военачальников Шеина и Гордона. Стрельцы усиленными переходами двигались к Москве и уже дошли до Воскресенского монастыря, в 50 верстах от Москвы, когда оба войска встретились. Посланец Шеина убеждал стрельцов вернуться на путь долга и просить прощения в своем преступлении, но мятежники, не слушая спасительных советов, осыпали его оскорблениями и упреками. Они также дерзко отвергли увещание генерала Гордона и готовились к упорному бою.

В начале боя начальники ограничились тем, что дали по стрельцам несколько холостых выстрелов, для острастки. Но стрельцы стреляли в войско государя ядрами и убили

многих. Тогда генералы, в свою очередь, пустили в ход против мятежников артиллерию, а затем напали на них с такой отвагой, что вскоре обратили их в бегство. Множество стрельцов осталось на месте, четыре тысячи были захвачены со всей артиллерией и обозом.

Пленных отвели в Москву. Их начальников пытали, и под пыткой они признались, что действовали только по наущениям царевны Софьи, поддерживавшей с ними тайные сношения.

Когда царь возвратился в Москву, он принял по отношению к мятежникам меры, которые были одобрены всей придворной знатью и всеми горожанами. Он заглушил в себе милосердие и обрушил справедливую кару на тех подданных, которые так часто злоупотребляли первою из этих добродетелей. Много стрельцов было казнено, остальных разослали в отдаленные места или перевели в другие полки; через несколько лет самое имя их, так сказать, угасло.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ, ГОВОРЕННОЕ АПРЕЛЯ 26 ДНЯ 1755 ГОДА

1754 г. — 14 апреля 1755 г.

В сокращении

<...>

Давно долженствовали науки представить славу Его ясными изображениями; давно желали в нарочном торжественном собрании превознести несравненныя дела своего Основателя. Но ведая, коль великое искусство требуется к сложению слова, их достойнаго, поныне умолчали, ибо о сем Герое должно предлагать, чего о других еще не слыхано. Нет в делах ему равнаго, нет равных примеров в красноречии, которым бы мысль последуя могла безопасно пуститься в толикую глубину их множества и величества. Однако, наконец, рассудилось лучше в красноречии, нежели в благодарности, показать недостаток, лучше с произносимыми от усердной простоты разговорами соединить искренностию украшенное слово, нежели молчать между толикими празднественными восклицаниями, наипаче, когда Всевышний Господь всех торжеств наших красоту усугубил.

послав во младом Государе Великом Князе Павле Петровиче всевожделенный залог Своея к нам Божественныя милости, которую в продолжении Петрова племени почитаем. Итак, оставив боязливое сомнение и уступив ревностной смелости место, сколько есть духа и голоса должно употребить или паче истощить на похвалу нашего Героя. Сие предпринимая, откуду начну мое слово? От телесных ли Его дарований? От крепости ли сил? Но оные явствуют в преодолении трудов тяжких, трудов неизсчетных и в разрушении ужасных препятствий. От Геройскаго ли виду и возраста, с величественною красотою соединеннаго? Но кроме многих, которые начертанное в памяти его изображение живо представляют, удостоверяют разныя государства и городы, которые, славою Его движимы, во сретение стекались и делам Его соответствующему и великим Монархам приличному взору чудились. От бодрости ли духа приму начало? Но доказывает его неусыпное бдение, без котораго не возможно было произвести дел толь многих и великих. Того ради не посредственно приступаю к их предложению, ведая, что удобнее принять начало, нежели конца достигнуть, и что великий сей Муж ни от кого лучше похвален быть не может, кроме того, кто подробно и верно труды его исчислит, есть ли бы только исчислить возможно было.

Итак, сколько сила, сколько краткость определеннаго времени позволит, важнейшия токмо дела Его упомянем, потом преодоленныя в них сильныя препятствия, наконец, его добродетели, в таковых предприятиях споспешествовавшия.

К великим Своим намерениям премудрый Монарх предусмотрел за необходимо нужное дело, чтобы всякаго рода знания распространить в отечестве и людей, искусных в высоких науках, также художников и ремесленников размножить, о чем Его отеческое попечение хотя прежде сего мною предложено, однако, ежели оное описать обстоятельно, то целое мое слово еще к тому не достанет, ибо, не однократно облетая на подобие Орла быстропарящаго Европейския государства, отчасти повелением, отчасти важным своим примером побудил великое множество своих подданных оставить на время отечество и искусством увериться, коль великая происходит польза человеку и целому государству от любопытнаго путешествия по чужим краям. Тогда отворились широкия врата великия России, тогда через границы и пристани, на подобие прилива и отлива, в пространном Океане бывающаго, то выежжающие для приобретения зна-

ний в разных науках и художествах сыны Российские, то приходящие с разными искусствами, с книгами, с инструментами иностранные безпрестанным текли движением. Тогда Математическому и Физическому учению, прежде в чародейство и волхвание вмененному, уже одеянному порфирою, увенчанному лаврами и на Монаршеском престоле посажденному, благоговейное почитание в освященной Петровой Особе приносилось. Таковым сиянием величества окруженныя науки и художества всякаго рода какую принесли нам пользу, доказывает избыточествующее изобилие многоразличных наших удовольствий, которых прежде великаго России Просветителя предки наши не токмо лишались, но о многих и понятия не имели. Коль многия нужныя вещи, которыя прежде из дальных земель с трудом и за великую цену в Россию приходили, ныне внутрь государства производятся и не токмо нас довольствуют, но избытком своим и другия земли снабдевают. Похвалялись некогда окрестные соседи наши, что Россия, государство великое, государство сильное, ни военнаго дела, ни купечества без их спомоществования надлежащим образом производить не может, не имея в недрах своих не токмо драгих металлов для монетнаго тиснения, но и нужнейшаго железа к приуготовлению оружия, с чем бы стать против неприятеля. Изчезло сие нарекание от просвещения Петрова: отверсты внутренности гор сильною и трудолюбивою Его рукою. Проливаются из них металлы и не токмо внутрь отечества обильно распростираются, но и обратным образом, яко бы заемные, внешним народом отдаются. Обращает мужественное Российское воинство против неприятеля оружие, приуготованное из гор Российских Российскими руками.

О сем для защищения отечества, для безопасности подданных и для безпрепятственнаго произведения внутрь государства важных предприятий, о сем нужном учреждении порядочнаго войска коль великое имел Великий Монарх попечение, коль стремительное рвение, коль рачительное всех способов, всех путей изыскание, тому всему когда надивиться довольно не можем, возможем ли изобразить оное словом? Родитель премудраго Нашего Героя, блаженныя памяти Великий Государь Царь Алексей Михайловичь между многими преславными делами положил начало регулярнаго войска, котораго спомоществованием сколько на войне имел успеху, свидетельствуют счастливые его походы в Польше и приобретенныя обратно к России провинции. Но все Его о военном деле попечение с жизнию пресеклось.

Возвратились старинные безпорядки, и Российское воинство больше в многолюдстве, нежели в искусстве показать могло свою силу, которая сколько потом ослабела явствует из бывших тогда против Турок и Татар безполезных военных предприятий, а более всего из необузданных и пагубных стрелецких возмущений, от неимения порядочной расправы и разположения произшедших. В таковых обстоятельствах кто мог помыслить, что бы двенатцати лет Отрок, отлученный от правления государства и только под премудрым покровительством чадолюбивыя Своея Родительницы от злобы защищаемый, между безпрестанными страхами, между копьями, между мечами, на Его родственников и доброжелателей и на Него самого обнаженными, начал учреждать новое регулярное войско, котораго могущество в скором после времени почувствовали неприятели, почувствовали и вострепетали, и которому ныне вся вселенная по справедливости удивляется. Кто мог помыслить, что бы от детской, как казалось, игры толь важное, толь великое могло возрасти дело? Иные, видя несколько молодых людей, со младым Государем обращающих разным образом легкое оружие, рассуждали, что сие одна Ему только была забава, и потому сии новонабранные люди Потешными назывались. Некоторые, имея бо́льшую прозорливость и приметив на юношеском лице цветущую геройскую бодрость, из очей сияющее остроумие и в движениях сановитую поворотливость, размышляли, коль храбраго Героя, коль великаго Монарха могла уже тогда ожидать Россия! Но набрать многие и великие полки, пехотные и конные, удовольствовать всех одеждою, жалованьем, оружием и протчим военным снарядом, обучить новому арти́кулу, завести по правилам артилерию, полевую и осадную, к чему немалое знание Геометрии, Механики и Химии требуется, и паче всего иметь во всем искусных начальников казалось, по справедливости, не возможное дело, ибо во всех сил потребностях знатной недостаток и лишение Государевой власти отняли последнюю к тому надежду и малейшую вероятность. Однако, что потом последовало? Паче общенароднаго чаяния, противу невероятия оставивших надежду и свыше препинательных происков и явительнаго роптания самой зависти загремели внезапно новые полки Петровы и в верных Россиянах радостную надежду, в противных страх, в обоих удивление возбудили. Не возможное учинилось возможно чрезвычайным рачением, а паче всего не слыханным примером. Взирая некогда Сенат Римский на Траяна Кесаря,

стоящаго пред Консулом для принятия от него Консульскаго достоинства, возгласил: «Тем ты более, тем ты величественнее!» Какия восклицания, какия плески Петру Великому быть долженствовали для Его бесприкладнаго снисхождения? Видели, видели отцы наши венчаннаго своего Государя не в числе кандидатов Римского консульства, но меж рядовыми солдатами, не власти над Римом требующаго, но подданных своих мановения наблюдающаго. О вы, места прекрасны, места благополучны, которыя толь чудным зрением насладились! О как вы удивлялись дружественному неприятельству полков единаго Государя, начальствующаго и подчиненнаго, повелевающаго и повинующагося. О как вы удивлялись осаде, защищению и взятию домашних новых крепостей не для настоящия корысти, но ради будущия славы, не для усмирения сопротивных, но ради ободрения единоплеменных учиненному. Мы ныне, озираясь на оныя минувшия лета́, представляем, коль великою любовию, коль горячею ревностию к Государю воспалялось начинающееся войско, видя Его в своем сообществе, за однем столом, туюже приемлющаго пищу, видя лице Его, пылью и потом покрытое, видя, что от них ничем не разнится, кроме того, в обучении и в трудах всех прилежнее, всех превосходнее. Таковым чрезвычайным примером премудрый Государь, происходя по чинам с подданными, доказал, что Монархи ничем так величества, славы и высоты своего достоинства приростить не могут, как подобным сему снисхождением. Таковым поощрением укрепилось Российское воинство и в двадцатилетную войну с короною Шведскою и потом в другие походы наполнило громом оружия и победоносными звуками концы вселенныя. Правда, что первое под Нарвою сражение было не удачливо, но противных преимущество и Российскаго воинства уступление к их прославлению и к нашему уничижению больше от зависти и гордости увеличены, нежели каковы были самою вещию, ибо, хотя Российское войско было по большей части двулетное против стараго и к сражениям приобыкшаго, хотя несогласие учинилось между нашими полководцам и злохитрой переметчик открыл неприятелю все обстоятельства нашего стана и хотя Карл вторыйнадесять скоропостижным нашествием не дал времени Россиянам построиться, однако они и по отступлении отняли у неприятелу смелость продолжать бой и докончать победу, так что оставшаяся в целости Российская Лейбгвардия и немало протчаго войска за тем только напасть на неприятеля не отважились, что не имели главных

предводителей, которых Он, призвав для мирнаго договора, удержал как своих пленников. Того ради гвардия и протчее войско с оружием, с военною казною, распустив знамена и ударив в барабаны, в Россию возвратились. Что сия не удача больше для показанных нещастливых обстоятельств, нежели для неискусства войск Российских приключилась и что Петрово новое войско уже в младенчестве своем могло побеждать привыкшие полки противных, доказали в следующее лето и потом многия одержанныя над ними преславныя победы.

Я к вам обращаю мое слово, ныне мирные соседи, когда вы сии похвалы военных дел нашего Героя, когда вы превозносимыя мною победы Российскаго воинства над вами услышите, не в поношение, но больше в честь вашу припишите, ибо стоять долгое время против сильнаго Российскаго народа, стоять против Петра Великаго, против Мужа, посланнаго от Бога на удивление вселенныя, и, наконец, быть от Него побежденным есть славнее, нежели победить слабые полки под худым предводительством. Почитайте по справедливости истинною своею славою храбрость Героя вашего Карла и по согласию всего света утверждайте, что едва бы кто возмог устоять пред лицем его гнева, когда бы чудною Божескою судьбою не был в Отечестве нашем против Его воздвигнут Петр Великий. Его храбрые и введенным регулярством устроенные полки воспоследовавшими в скором времени победами доказали, коль горяча их ревность, каково в военном деле искусство, приобретенное от премудраго наставления и примера. Оставляя многочисленныя победы, которыя Российское воинство сражениями числить приобыкло, не упоминая великаго множества взятых городов и твердых крепостей, имеем довольное свидетельство в двух главных победах, под Лесным и под Полтавою. Где более удивил Господь свою на нас милость? Где явственнее открылось, коль сильные имело успехи в заведении новаго войска благословенное начинание и ревностное рачение Петрово? Что сего чуднее, что не вероятнее могло воспоследовать? Войско, к регулярству давно приобыкшее, из областей неприятельских дерзостию к бою славных приведенное, под предводительством начальников, в воинском упражнении все время положивших, войско, всякими снарядами преизобильно снабденное, уклоняется от сражения с новыми Российскими полками, числом много меньшими. Но оне, не дая сопротивным отдохновения, быстрым течением постигли, сразились, победили, и главной их предво-

дитель с малыми остатками едва пленения избыл, что бы принести своему Государю плачевныя вести, которыми хотя он сильно возмутился, однако мужественным и стремительным духом бодрствуя, еще поощрялся против России, еще не мог увериться, что бы малолетное войско Петрово могло устоять против его возмужавшей силы, наступающей под его самого предводительством и, надеясь на дерзостныя обнадеживания бессовестнаго России изменника, не усомнелся вступить в украинские пределы нашего Отечества. Обращал высокомерными размышлениями Россию и весь Север чаял уже быть под ногою своею. Но Бог в награждение трудов неусыпных воздал Петру совершенною победою над сим презрителем его рачений, которой противу своего чаяния не токмо очевидным был свидетелем не вероятных Героя нашего в военном деле успехов, но и бегством своим не мог избегнуть мечтающейся в мыслях стройной храбрости Российской.

Толь знатными победами прославив с Собою Великий Монарх во всем свете свое воинство наконец доказал, что Он сие больше для нашей безопасности учредить старался, ибо не токмо узаконил, что бы оное никогда не распускать, нижѐ во время безмятежнаго мира, как то при бывших прежде Государях не редко к немалому упадку могущества и славы Отечества происходило, но и содержать всегда в исправной готовности. О, истинное Отеческое попечение! Многократно напоминал Он своим ближним верным подданным, иногда со слезами прося и целуя, что бы толь великим трудом и с толь чудным успехом предприятое обновление России, а паче военное искусство не было после Него в нерадении оставлено. И в самое то всерадостное время, когда благословил Бог Россию славным и полезным миром со Шведскою короною, когда усердныя поздравления и должные ему титулы «Императора», «великаго», «отца отечества», приносились, не преминул подтвердить публично Правительствующему Сенату, что, надеясь на мир, не надобно ослабевать в военном деле. Не сим ли назнаменовал ясно, что Ему сии высокие титулы не были приятны без наблюдения и содержания впредь завсегда регулярного войска?

Обозрев скорым оком на сухом пути силы Петровы, в младенчестве возмужавшая и обучение свое с победами соединившия, простpем чрез воды взор наш, Слушатели, посмотрим там дела Господни и чудеса его в глубине, Петром показанныя и свет удивившия.

Пространная Российская держава на подобие целаго света едва не отовсюду великими морями окружается и оныя себе в пределы поставляет. На всех видим распущенные Российские флаги. Там великих рек устья и новыя пристани едва вмещают судов множество, инде стонут волны под тягостью Российскаго флота, и в глубокой пучине огнедышущие звуки раздаются. Там позлащенные и на подобие весны процветающие корабли, в тихой поверьхности вод изображаясь, красоту свою усугубляют, инде, достигнув спокойнаго пристанища, плаватель удаленных стран избытки выгружает к удовольствию нашему. Там новые Колумбы к неведомым берегам поспешают для приращения могущества и славы Российской, инде другой Тифис между сражающимися горами плыть дерзает, со снегом, со мразом, с вечными льдами борется и хочет соединить восток с западом. Откуду толикая слава и сила Российских флотов по толь многим морям в краткое время распространилась? Откуду материи? Откуду искусство? Откуду махины и орудия, нужныя в толь трудном и многообразном деле? Не древние ли исполины, вырывая из густых лесов и гор превысоких великие дубы, по берегам повергли к строению? Не Амфион ли сладким лирным игранием подвигнул разновидныя части к сложению чудных крепостей, летающих чрез волны? Таковым бы истинно вымыслам чудная поспешность Петрова в сооружении флота приписалась, есть ли бы такое не вероятное и выше сил человеческих быть являющееся дело в отдаленной древности приключилось и не было б в твердой памяти у многих очевидных свидетелей и в писменных без всякаго изъятия достоверных известиях. В сих мы с удивлением читаем, от оных не без сердечнаго движения в дружелюбных разговорах слышим, что нельзя определить, сухопутное ли или морское войско учреждая больше труда положил Петр Великий. Однако о том нет сомнения, что в обоих был неутомим, в обоих превосходен, ибо, как для знания всего, что ни случается в сражениях на сухом пути, не токмо прошел все чины, но и все мастерства и работы испытал собственным искусством, дабы ни над кем не просмотреть упущения должности и ни от кого излишества свыше сил не потребовать. Подобным образом и во флоте не учинив опыта ничего не оставил, в чем бы только его проницательныя мысли или трудолюбивыя руки могли упраздниться. С того самого времени, когда онаго вещию малаго ботика, но действием и славою великаго, изобретение побудило неусыпный дух Петров к полезному ра-

чению основать флот и на морской глубине показать Российское могущество, устремил и распростер великаго разума Своего силы во все важнаго сего предприятия части, которыя рассматривая уверился, что в толь трудном деле успехов иметь не возможно, ежели он сам довольнаго в нем знания не получит. Но где оное постигнуть? Что Великий Государь предприемлет? Чудилось прежде безчисленное народа множество, стекшееся видеть восхищающее позорище на полях Московских, когда наш Герой, едва выступив из лет младенческих, в присудствии всего Царскаго дома, при знатных чинах Российскаго государства и при знатном собрании дворянства, то радующихся, то повреждения здравию Его боящихся, трудился, размеривая регулярную крепость, как мастер, копая рвы и взвозя землю на раскаты, как рядовой салдат, всем повелевая, как Государь, всем дая пример, как премудрый Учитель и Просветитель. Но вящшее возбудил удивление, вящшее показал позорище пред очами всего света, когда сначала на малых водах Московских, потом на большей ширине озер Ростовскаго и Кубинскаго, наконец, в пространстве Белаго моря уверясь о несказанной пользе мореплавания, отлучился на время из своего государства и, сокрыв Величество Своея Особы, между простыми работниками в чужой земли корабельному делу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудному делу прилучившиеся с ним купно в обучении, как Россиянин толь скоро не токмо простой плотнической работе научился, не токмо ни единой части к строению и сооружению кораблей нужной не оставил, которой бы Своими руками не умел зделать, но и в морской архитектуре толикое приобрел искусство, что Голландия не могла уже удовольствовать Его глубокаго понятия. Потом коль великое удивление во всех возбудилось, когда уведали, что не простой то был Россиянин, но сам толь великаго государства Обладатель к тягостным трудам простер рожденныя и помазанныя для ношения скиптра и державы руки. Но только ли было что для одного любопытства или, по крайней мере, для указания и повелительства в Голландии и в Британии достиг совершенной теории и практики к сооружению флота и в мореплавательной науке? Везде великий Государь не токмо повелением и награждением, но и собственным примером побуждал к трудам подданных! Я вами свидетельствуюсь, великия Российския реки, я к вам обращаюсь, щастливые береги, посвященные Петровыми стопами и потом Его орошенные. Коль часто раздавались на вас бодрые

и ревностные клики, когда тяжкие, к составлению корабля приуготованные члены, не редко тихо от работающих движимые, наложением руки Его к скорому течению устремлялись, и оживленное примером Его множество с не вероятною поспешностью совершали великия громады. Коль чудным и ревностному сердцу чувствительным зрением наслаждались стекшиеся народы, когда оныя великия здания к сошествию на воду приближались! Когда неусыпный их Основатель и Строитель, многократно то на верьху оных, то под ними обращаясь, то кругом обходя, примечал твердость каждой части, силу махин, всех предосторожностей точность и усмотренные недостатки исправлял повелением, ободрением, догадкою и неутомимых рук Своих поспешным искусством. Сим неусыпным рачением, сим непобедимым в труде постоянством баснословная древних поспешность не вымыслами, но правдою во дни Петровы показалась!

Коль радостны были великому Государю толикие в морском деле успехи, к несказанной пользе и славе государства рачением Его произведенные, легко из того усмотреть можно, что не токмо воздаянием удовольствовал спотрудившихся с Собою, но и безчувственному дереву показал преславной знак благодарности. Покрываются Невския струи судами и флагами, не вмещают береги великаго множества стекшихся зрителей, колеблется воздух и стонет от народнаго восклицания, от шума весел, от трубных гласов, от звука огнедышущих махин. Какое щастие, какую радость нам небо посылает? Кому на сретение Монарх наш с таковым великолепием выходит? Ветхому ботику, но в новом и сильном первенствующему Флоте. Представив сего величество, красоту, могущество и славныя действия и купно онаго малость и худость, видим, что сего никому в свете произвести не было возможно, кроме исполинской смелости в предприятии и неутомимой в совершении бодрости Петровой.

Превозходен на земли, несравнен на водах силою и славою военною был Великий наш Защитник!

От краткаго сего и часть некоторую трудов Его содержащаго исчисления уже чувствую утомление, Слушатели, но великое и пространное похвал Его вижу поле пред собою! И так, дабы к совершению течения слова моего силы и определеннаго времени достало, употреблю возможную поспешность.

К основанию и произведению в действо толь великой морской и сухопутной силы, сверьх сего к строению новых

городов, крепостей, пристаней, к сообщению рек великими каналами, к укреплению пограничных линей валами, к долговременной войне, к толь частым и дальным походам, к строению публичных и приватных зданий новою архитектурою, к сысканию искусных людей и всех других способов для распространения наук и художеств, на содержание новых чинов придворных и штатских коль великая казна требовалась, всякому ясно представить можно и рассудить, что к тому не могли достать доходы Петровых Предков. Того ради премудрый Государь крайнее приложил старание, как бы внутренние и внешние государственные зборы умножить без народнаго раззорения, и по врожденному Своему просвещению усмотрел, что не токмо казне великая прибыль воспоследует, но и общее подданных спокойство и безопасность единым учреждением утвердится, ибо, когда еще не было число всего Российскаго народа и каждаго человека жилище известно, своевольство не пресечено, каждому, куда хочет, преселиться и странствовать по своему произволению не запрещалось, наполнены были улицы безстыдною и шатающеюся нищетою, дороги и великия реки не редко запирались злодейством воров и целыми полками душегубных разбойников, от которых не токмо села, но и городы разорялись. Превратил премудрый Герой вред в пользу, леность в прилежание, раззорителей в защитников, когда исчислил подданных множество, утвердил каждаго на своем жилище, наложил легкую, но известную подать, чрез что умножилось и учинилось известное количество казенных внутренних доходов и число людей в наборах, умножилось прилежание и строгое военное учение. Многих, которые бы в прежних обстоятельствах остались вредными грабителями, принудил готовыми быть к смерти за отечество.

Сколько другия к сему служащия премудрыя учреждения спомоществовали, о том умолчеваю; упомяну о приращении внешних доходов. Всевышняго промысл споспешествовал добрым намерениям и рачениям Петровым: отворил рукою Его новыя пристани на Варяжском море при городах, храбростию Его покоренных и собственным трудом воздвигнутых. Совокуплены великия реки для удобнейшаго проходу Российскаго купечества, сочинены пошлинные уставы, утверждены купеческие договоры с разными народами. И так, прирастая внутрь и вне, довольство сколько спомоществовало, явствует из самаго начала сих учреждений, ибо, продолжая двадцать лет трудную войну, Россия от долгов была свободна.

Что ж, уже ли все великия дела Петровы изображены слабым моим начертанием? О коль много еще размышлению, голосу и языку моему труда остается! Я вам, Слушатели, я вашему знанию препоручаю, коль много требовало неусыпности основание и установление правосудия, учреждение Правительствующаго Сената, Святейшаго Синода, государственных коллегий, канцелярий и других мест присудственных с узаконениями, регламентами, уставами, расположение чинов, заведение внешних признаков для оказания заслуг и милости, наконец, политика, посольства и союзы с чужими державами. Вы все сие сами в просвещенных Петром умах ваших представьте. Мне только остается предложить едино краткое всего изображение. Когда бы прежде начала Петровых предприятий приключилось кому отлучиться из Российскаго отечества в отдаленные земли, где бы Его имя не загремело, буде такая земля есть на свете, потом бы, возвратясь в Россию, увидел новыя в людях знания и искусства, новое платье и обходительства, новую архитектуру с домашними украшениями, новое строение крепостей, новой флот и войско; всех сих не токмо иной образ, но и течение рек и морских пределов усмотрел перемену, чтоб тогда помыслил? Не мог бы разсудить иначе, как что он был в странствовании многие веки, либо все то учинено в толь краткое время общими силами человеческаго рода, или творческою Всевышняго рукою, или, наконец, все мечтается ему в сонном привидении.

Из сего моего, почти тень едину Петровых славных дел показующаго слова видеть можно, коль они велики! Но что сказать о страшных и опасных препятствиях, бывших на пути исполинскаго Его течения? Больше похвалу Его возвысили! Подвержено таковым переменам состояние человеческое, что из благополучных противныя, из противных благополучныя следствия раждаются. Что приращению нашего благополучия могло быть сего противнее, когда Россию обновляющему Петру и купно отечеству извне нападения, извнутрь огорчения, отовсюду опасности грозили и пагубныя следства приуготовлялись? Война дела домашния, домашния дела войну отягощали, которая еще прежде нача́ла своего начала̀ быть вредительна. Подвигнулся великий Государь из отечества с великим посольством видеть Европейския государства, познать их преимущества, дабы, возвратясь, употребить их в пользу своих подданных. Только лишь прешел владения Своего пределы, везде ощутил великия и тайно поставленныя препоны. Однако оных как

по всему свету извещенных ныне не упоминаю. Мне кажется, и бездушныя вещи чувствовали опасность, приближающуюся к Российской надежде, чувствовали струи Двинския и будущему своему Повелителю между густым льдом к спасению от устроенных коварств стезю открыли и преодоленныя им опасности Балтийским берегам, разливаясь, возвестили. Избыв от опасности, поспешал в радостном пути Своем, довольствуя очи и сердце и обогащая разум. Но ах! Не волею пресекает свое преславное течение. Какую имел сам с Собою распрю! С одной стороны, влечет любопытство и знание, отечеству нужное, с другой стороны, само бедствующее отечество, которое к Нему, к единому своему упованию простерши руки, восклицало: «Возвратися, поспешно возвратися: меня терзают внутрь изменники! Ты странствуеш для моего блаженства — со благодарением признаваю, но прежде укроти свирепых. Ты растался со Своим домом, со Своими кровными для приращения моей славы — с усердием почитаю, но успокой опасное нестроение; оставил данный Тебе от Бога венец и скипетр и простым видом скрываешь лучи своего Величества для моего просвещения — с радостною надеждою того желаю, но отврати мрачную грозу неспокойства с домашняго горизонта». Такими движениями сердца проницаясь, возвратился для утоления страшныя бури! Таковыя противности воспящали Герою нашему в славных подвигах! Коль многими отвсюду окружен был неприятелями! Извне воевала Швеция, Польша, Крым, Персия, многие восточные народы, Оттоманская Порта, извнутрь — стрельцы, раскольники, козаки, разбойники. В доме от самых ближних, от своей крови злодейства, ненависть, предательства на дражайшую жизнь Его приуготовлялись. Что все подробно описать трудно и слушать не безболезненно! К радости в радостное время обратимся. Помог Всевышний Петру преодолеть все тяжкия препятствия и Россию возвысить. Споспешествовал Его благочестию, премудрости, великодушию, мужеству, правде, снисходительству, трудолюбию. Усердие и вера к Богу во всех Его предприятиях известна: первое Его веселие был дом Господень; не слушатель токмо предстоял божественной службе, но сам чиноначальник. Умножал внимание и благоговение предстоящих Своим Монаршеским гласом и вне государскаго места с простыми певцами на ряду стоял перод Богом. Много имеем примеров его благочестия, но один ныне довлеет. Выежжая в сретение телу святаго и храбраго Князя Александра, благоговения исполненным действием

подвигнул весь град, подвигнул струи Невския. Чудное видение! Гребут Кавалеры, сам Монарх на корме управляет и к простых людей труду пред всем народом помазанныя руки простирает веры ради. Ею укрепляясь, избыл многократнаго стремления кровожаждущих изменников. Осенил Господь над главою Его силою свыше в день Полтавския брани и не допустил к Ней прикоснуться смертоносному металлу! Рассыпал перед Ним, как некогда Ерихонскую, Нарвскую стену, не во время ударов из огнедышущих махин, но во время божественной службы.

Освященнаго и огражденнаго благочестием одарил Бог несравненною премудростию. Какая важность в рассуждениях, безпритворная в словах краткость, в изображениях точность, в произношении сановитость, жадность к познанию, прилежное внимание благоразумных и полезных разговоров, в очах и на всем лице разума постоянство. Чрез син Петровы дарования приняла новой вид Россия, основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хитрые умыслы некоторых держав против нашего Отечества и Государям — иному сохранено королевство и самодержавство, иному возвращена отнятая неприятельми корона. Изо всего предреченнаго довольно явствующей, свыше влиянной Ему премудрости споспешествовало Его Геройское мужество: оною удивил вселенную, сим устрашил противных. В самом Своем нежном младенчестве показал при военных обучениях безстрашие. Когда все смотрители новаго дела — метания бомб на означенное место — весьма опасались повреждения, младый Государь в близости смотреть всеми силами порывался и слезами Своея Родительницы, прошением Братним и знатных персон молением едва был одержан. Странствуя в чужих государствах для учения, коль многия презирал опасности для обновления России. Плавание по непостоянной морской пучине служило Ему вместо увеселения. Коль много крат морския волны, возвышая гордые верьхи свои, непревратной смелости были свидетели, быстро текущим флотом рассекаемы, в корабли ударяли и с ярым пламенем и ревущим по воздуху металлом в едину опасность совокуплялись — Его не устрашили! Кто без ужаса представить может летящаго по полям Полтавским в устроенном к бою Своем войске Петра между градом пуль неприятельских, около главы Его шумящих, возвышающаго сквозь звуки глас Свой и полки к смелому сражению ободряющаго. И ты, знойная Персия, ни быстрыми реками, ни топучими болотами, ни стремнинами

гор превысоких, ни ядовитыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набегами непостоянных народов не могла препятить нашествию нашего Героя, не могла удержать торжественнаго въезда в наполненные потаенным оружием и лукавством городы.

Больше примеров о Геройском Его духе для краткости не предлагаю, Слушатели, не упоминаю многих сражений и побед, в Его присудствие и Его предводительством бывших, но представляю Его великодушие, великим Героям сродное, которое украшает победы и больше движет сердца человеческия, нежели храбрые поступки. В победах имеет участие храбрость воинов, споможение союзников, места и времени удобность и больше всего присвояет себе счастие, как бы некоторое собственное свое достояние. Великодушию победителеву все принадлежит единому. Славнейшую получает победу кто себя побеждает. Не имеют в ней ни воины, ни союзники, ни время, ни место, ни само господствующее делами человеческими счастие ни малейшаго жребия. Правда, победителям разум удивляется, но великодушных любит сердце наше. Таков был Великий наш защитник. Отлагал гнев Свой купно со оружием и не токмо из неприятелей никто живота лишен не был, как только против Его ополченный, но и безприкладная честь им показана. Скажите, Шведские военачальники, под Полтавою плененные, что вы тогда помышляли, когда, ожидая связаиия, препоясаны были поднятыми против нас мечами своими; ожидая посаждения в темницы, посаждены были за столом Победительским; ожидая посмеяния, поздравлены были нашими учителями? Коль великодушнаго Победителя вы имели!

Великодушию сродно и часто сопряженно есть правосудие. Первое звание поставленных от Бога на земли обладателей есть управляти мир в преподобии и правде, награждать заслуги, наказывать преступления. Хотя военныя дела и великия другия упражнения, а особливо прекращение веку много препятствовали Великому Государю установить во всем непременные и ясные законы, однако, сколько на то трудов Его положено, несомненно удостоверяют многие указы, уставы и регламенты, которых составление многочисленные для отдохновения, многочисленные ночи сна Его лишили. Докончать и принести к совершенству судил Бог подобной таковому Родителю Дщери в безмятежное и благословенное Ея владение.

Но хотя ясными и порядочными законами не утвержде-

но было до совершенства, однако в сердце Его написано было правосудие. Хотя не все в книгах содержалось, но делом совершалось. При всем том милость на суде хвалилась в самых тех случаях, когда многим Его делам препятствующия злодеяния к строгости принуждали. Из многих примеров один докажет. Простив многих знатных особ за тяжкия преступления, объявил Свою сердечную радость приятием их столу Своему и пушечною пальбою. Не отягощает Его казнь стрелецкая. Представьте себе и помыслите, что ему ревность к правде, что сожаление о подданных, что своя опасность в сердце говорила: «Пролита неповинная кровь по домам и по улицам Московским, плачут вдовы, рыдают сироты, воют насилованныя жены и девицы, сродники мои в доме моем пред очами моими живота лишились и острое оружие было к сердцу моему приставлено. Я Богом сохранен, сносил, уклонялся, я вне града странствовал. Ныне полезное мое путешествие пресекли, вооружаясь явно против отечества. За все сие ежели не отмщу и конечной пагубы не пресеку казнию, уже вижу наперед площади, наполнены трупов, расхищаемые домы, разрушаемы храмы, Москву, со всех сторон объемлему пламенем, и любезное отечество повержено в дыму и в пепеле. Все сии пагубы, слезы, кровь на мне Бог взыщет». Такого конечнаго правосудия наблюдение принудило Его к строгости.

Ничем не могу я больше доказать Его милостиваго и кроткаго сердца, как безприкладным снисходительством к Его подданным. Превосходен дарованиями, возвышен величеством, возвеличен преславными делами, но все сие больше безприкладным снисхождением умножил, украсил. Часто межь подданными своими просто обращался, не имея великаго и монаршеское присудствие показующаго великолепия и раболепства. Часто пешему свободно было просто встретиться, следовать, итти вместе, зачать речь, кому потребуется. Многих прежде Государей раби на плечах, на головах своих носили. Его снисхождение превознесло выше самих Государей. Во время самаго веселия и отдохновения предлагались дела важныя: важность не умаляла веселия, и простота не унижала важности. Как ожидал, принимал и встречал своих верных! Какое увеселение за столом Его было! Спрашивает, слушает, отвечает, рассуждает как с друзьями; и сколько время стола малым числом пищей сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Межь толь многими государственными попече-

ниями жил, как с приятельми, в прохлаждении. В коль малыя хижины художников вмещал Свое Величество и самых низких, но искусных и верных рабов ободрял Своим посещением. Коль часто с ними упражнялся в художествах и в трудах разных, ибо Он привлекал к тому больше примером, нежели принуждал силою. И ежели что тогда казалось принуждением, ныне явилось благодеянием. За отдохновение почитал себе трудов Своих перемену. Не токмо день или утро, но и солнце на восходе освещало его на многих местах за разными трудами. Государственныя, правительствующия и судебныя места, им учрежденныя, в его присудствии дела вершили. Различныя художества не токмо Его присмотром, но и рук Его вспоможением к приращению поспешали; публичныя строения, корабли, пристани, крепости всегда видели и имели Его в основании показателя, в труде ободрителя, в совершении наградителя. Что ж Его путешествия или, лутче, быстропарящия летания? Едва услышало глас повеления Его Белое, уже чувствует Балтийское море. Едва путь кораблей Его скрылся на водах Азовских, уже шумят уступающия ему Каспийския волны. И вы, великия реки, Южная Двина и Полночная, Днепр, Дон, Волга, Буг, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана, Тамиза, Рен и протчия, скажите, сколь много крат вы удостоились изображать вид Великаго Петра в струях ваших? Скажите! Я не могу исчислить! Мы ныне только с радостным удивлением смотрим, по каким путям он шествовал, под которым древом имел отдохновение, из котораго источника утолял жажду, где с простыми людьми, как простой работник трудился, где писал законы, где начертал корабли, пристани, крепости и где, между тем, как приятель, обращался с поддаными своими. Как небесныя светила течением как море приливом и отливом, так Он попечением и трудами для нас был в непрестанном движении.

Я в поле межь огнем, я в судных заседаниях межь трудными рассуждениями, я в разных художествах между многоразличными махинами, я при строении городов, пристаней, каналов, между бесчисленным народа множеством, я межь стенанием валов Белаго, Чернаго, Балтийскаго, Каспийского моря и самого Океана духом обращаюсь. Везде Петра Великаго вижу в поте, в пыли, в дыму, в пламени — и не могу сам себя уверить, что один везде Петр, но многие и некраткая жизнь, но лет тысяча. С кем сравню Великаго Государя? Я вижу в древности и в новых временах Обладателей, великими названных. И правда, пред други-

ми велики. Однако пред Петром малы. Иной завоевал многия государства, но свое отечество без призрения оставил. Иной победил неприятеля, уже великим именованнаго, но с обеих сторон пролил кровь своих граждан ради одного своего честолюбия и вместо триумфа слышал плачь и рыдание своего отечества. Иной многими добродетельми украшен, но вместо чтоб воздвинуть, не мог удержать тягости падающаго государства. Иной был на земли воин, однако боялся моря. Иной на море господствовал, но к земли пристать страшился. Иной любил науки, но боялся обнаженной шпаги. Иной ни железа, ни воды, ни огня не боялся, однако человеческаго достояния и наследства не имел разума. Других не употребляю примеров, кроме Рима. Но и тот недостаточен. Что в двести пятьдесят лет, от первой Пунической войны до Августа, Непоты, Сципионы, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели, то Петр зделал в краткое время своея жизни. Кому ж я Героя нашего уподоблю? Часто размышлял я, каков Тот, который всесильным мановением управляет небо, землю и море: дхнет дух Его — и потекут воды, прикоснется горам — и воздымятся. Но мыслям человеческим предел предписан! Божества постинуть не могут! Обыкновенно представляют его в человеческом виде. И так, ежели человека, Богу подобнаго, по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великаго, не обретаю.

За великия к отечеству заслуги назван Он Отцем Отечества. <...>

<ДОНОШЕНИЕ В СЕНАТ О МОЗАИЧНЫХ УКРАШЕНИЯХ ДЛЯ МОНУМЕНТА ПЕТРУ I>

7 апреля 1758 г.

В выдержках

<...> 7

На трех фронтисписах, в позолоченных гротесковых рамах мозаикою представляются: 1) Слава, трубящая и ногою поверженную смерть попирающая в знак, что хвала Петрова бессмертна; 2) Вечность, пищущая дела его в нетленную книгу; 3) Правда, которая обыкновенно с

солнцем изображается, возвышает рукою своею окруженное сиянием лучей солнечных государево проименование *великий*, знаменуя, что он велик был по самой истине.

8

На карнизе между фронтисписами четыре пары серебряных статуй: 1) Премудрость и Мужество. 2) Трудолюбие и Постоянство. 3) Правосудие и Милосердие. 4) Любовь и Верность, где ныне вместо их стоят серебряные кадильницы. Наверху — императорская корона, которую окружают поставленные на контрафорсах короны: великокняжеская и царств Казанского, Астраханского и Сибирского.

<...> 11

Начатие службы великого государя, где представить его как двенадцатилетнего младенца в солдатском простом мундире с ружьем между рядовыми солдатами; перед ним брат его, государь царь Иоанн Алексеевич и родительница государева с фамилиею и с патриархом уговаривают его, чтобы в свои чертоги возвратился и берег бы своего здоровья; он представляет, что должность его так требует. Наверху история, как Христос Петра и прочих апостолов учит смирению; в разделении надпись: *Кто хощет быти из вас болий, да будет всем слуга*. Внизу на панеле обстоятельство и год лапидарным штилем.

12

Избавление от стрельцов. Наверху ангел ведет Петра-апостола из темницы. В разделении: *Последуй мне*. Внизу подпись лапидарная.

13

История строения начинающегося флота; над нею история, как Христос ходит по морю: Петр-апостол, простирая руку, говорит: *Повели ми по водам прейтти*, что написать в разделении истории верхней от нижней. Внизу, на филунге панеля лапидарным стилем обстоятельства и год начавшегося флота.

14

Взятие Азова. Наверху — низвержение Симона-волхва; в разделении: Именем Христовым да рассыплются от тебе все темные силы. Внизу лапидарная надпись.

15

История отъезда государева в чужие краи, отпуск дворянства и прием иностранных. Наверху — показание апостолу Петру с неба плащаницы с животными. В разделении: Яже бог очисти, ты не скверни, то есть, не смотри на старый обычай, чтобы не сообщаться с иностранными. Внизу лапидарным стилем год и обстоятельства.

16

Зачатие и строение Санкт-Петербурга, Кронштата и Петергофа. Наверху — разговор Петров после преображения со Христом. В разделении: Господи, сотворим здесь три сени — тебе, Моисею и Илии. Внизу — лапидарным стилем сень Христова, то есть помазанникова столица Санкт-Петербург, сень мореходца Моисея Краншатат; сень отшельника — Илии — Петергов.

17

Левенгауптская баталия. Наверху апостол Петр, пишущий и указующий на льва. В разделении: Сопостат наш, яко лев, ему же противитеся. Внизу лапидарный стиль, как у других.

18

Полтавская баталия. Наверху апостол Павел, воздевший к небу руки; при нем книга и меч. В разделении: Сия есть победа, побеждьшая мир вера наша. Внизу лапидарный стиль.

19

Учреждение Правительствующего Сената. Надпись: В отмщение нечестивых, в похвалу благотворцев.

20

Турецкая акция, где особливо изобразить дымящееся ядро пушечное перед ногами государыни императрицы Екатерины Алексеевны, кругом — лагерь, турки и прочее. Надпись: Благословенна ты господем богом твоим во всем жилищи Ияковли, яко во всех языцех, иже услышат имя твое, возвеличится ими господь бог Израилев тебе ради.

21

Ангутская баталия. Над нею Петр, ввергнувший сети в море, Христос на берегу повелевающий. В разделении: Поступи во глубину. Аки бы Христос Петру Великому сказал: Не перевози галер посуху, но поступи оными во глубину сквозь флот шведский; я тебе подам тишину.

22

Правление четырех флотов. Наверху — Христос с Петром и другими апостолами в волнах плавает и повелевает быть тишине. В разделении: Кто сей есть, яко море и ветры послушают его. Внизу также лапидарная подпись.

23

Баталия со Штейном. Надпись: Наступиши и попереши льва.

24

Заключение мира со шведами. Надпись: Правда и мир облобызастася.

25

Учреждение Святейшего Синода. Надпись: Ты еси Петр, на сем же камени созижду церковь мою.

26

Взятие Дербента. Надпись: От востока солнца до западе хвально имя господне.

27

Погребение государево. Сия картина будет чрезвычайна. По Неве-реке, льдом покрытой, церемония в черных платьях, факелы, балдахин, блистание от пальбы пушек; все сие видно сквозь падающий густой снег, который при выносе общей печали соответствовал. <...>

Михайло Ломоносов

Апреля 7 дня
1758 года

<ОПИСАНИЕ МОЗАИЧЕСКИХ УКРАШЕНИЙ ДЛЯ МОНУМЕНТА ПЕТРУ I, ОТЧЕТ В ИЗРАСХОДОВАНИИ ОТПУЩЕННОЙ НА НИХ СУММЫ И СМЕТА НА ДАЛЬНЕЙШИЕ РАСХОДЫ>[1]

Декабрь 1764 г.

Фрагмент

Описание
составленной мозаичной картины Полтавския победы к монументу блаженныя памяти государя императора Петра Великого

1. Напереди изображен Петр Великий на скачущей лошади верхом, лицом в половину профиля; облик нарисован с гипсовой головы, отлитой с формы, снятой с самого лица блаженныя памяти великого государя, каков есть

восковой портрет в Кунсткамере, а красками писан с лучших портретов, каковы нашлись в Санкт-Петербурге, по выбору, величиною сидячий в сажень, а прочее по пропорции.

2. За государем бывшие тогда знатнейшие генералы: Шереметев, Меншиков, Голицын, коих портреты взяты с имеющихся оригиналов.

3. Представлен Петр Великий в немалой опасности, когда он в последний раз выехал к сражению при наклонении в бегство Карла Второгонадесять; напереди и назади генералы и солдаты, охраняя государя, колют и стреляют неприятелей.

4. Близко впереди гранодер со штыком, направленным в неприятеля, оглянулся на монарха, якобы негодуя, что так далече отваживается.

5. Позади лежит куча разных опровержений: шведская пушка с разломанным лафетом, лошадь и мертвый швед; изображаются тем следы побежденного неприятеля.

6. Далее в картине, за следующими генералами видны штандарты, трампеты и литаврщики, также и знамена полков российских.

7. Далее от переду, в середине картины изображены поверженные неприятельские трупы, обороняющиеся еще от наступающих россиян шведы, где сильная и густая стрельба производит великий дым, причем видны взятые в начале сражения шведами редуты с российскими и шведскими телами.

8. Еще подалее от переду представлен пленный шведский генерал, которого поднимают, дряхлого и унылого, окружившие российские солдаты.

9. В некотором отдалении изображен Карл Вторыйнадесять в простой коляске; кругом его трабанты, из коих некоторые, поворачивая коляску назад, уговаривают спасаться бегством, но он, протягивая пистолет рукою вперед, еще к бою порывается; перед ним жестокое сражение россиян со шведскими трабантами.

10. На горизонте представляется город Полтава с дымом от пушечной пальбы.

11. По правую руку бегущие шведские полки и гонящие россияне, а по левую ретраншамент российский и выступившие из него полки, не бывшие еще в сражении.

12. Над картиною св. апостол Павел у писчего стола, в одной руке с пером, а другою рукою и лицем оказывает знак благоговения и благодарения; под ним, на металли-

ческом убрусе, написаны слова его из послания, читающегося на Полтавскую победу: „Бог по нас, кто на ны?“

Величина картины — в ширину девять аршин, в вышину шесть аршин с половиною, а с Павлом-апостолом, что наверху, в выгибе,— восемь аршин, а с рамами и с картушами — в ширину около двенадцати, в вышину около одиннадцати аршин. Прочих картин изобретения представлены Правительствующему Сенату еще с начала сего дела, а ныне написаны шкицы: 1. Составляющейся уже мозаичной картины Азовского взятия; 2. Начало государевой службы в малолетстве; 3. Сообщение с иностранными; 4. Спасение из Риги; 5. Ангутская морская победа. Достальные шкицы письмом начаты. Весьма бы полезно было, когда б Правительствующий Сенат указом определил искуснейшего здесь живописца для писания шкицов исправною живописью и для осмотру самого составления за определенное жалованье из означенной суммы. <...>

<О СОХРАНЕНИИ И РАЗМНОЖЕНИИ РОССИЙСКОГО НАРОДА>

1 ноября 1761 г.

Милостивый государь
Иван Иванович.

Разбирая свои сочинения, нашел я старые записки моих мыслей, простирающихся к приращению общей пользы. По рассмотрении рассудилось мне за благо пространнее и обстоятельнее сообщить их вашему высокопревосходительству яко истинному рачителю о всяком добре любезного отечества в уповании, может быть, найдется в них что-нибудь, к действительному поправлению российского света служащее, что вашим проницательством и рачением разобрано, расположено и к подлинному исполнению приведено быть может. Все оные по разным временам замеченные порознь мысли подведены быть могут, как мне кажется, под следующие главы:

1. О размножении и сохранении российского народа.
2. О истреблении праздности.
3. О исправлении нравов и о большем народа просвещении.

4. О исправлении земледелия.

5. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.

6. О лучших пользах купечества.

7. О лучшей государственной экономии.

8. О сохранении военного искусства во время долговременного мира.

Сии толь важные главы требуют глубокого рассуждения, долговременного в государственных делах искусства к изъяснению и предосторожной силы к произведению в действо. Итак, м. г., извините мою дерзость, что, не имея к тому надобной способности, касаюсь толь тяжкому бремени только из усердия, которое мне не позволяет ничего (хотя бы только и повидимому) полезного обществу оставить под спудом. Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей. Божественное дело и милосердыя и человеколюбивыя нашея монархини кроткого сердца достойное дело — избавлять подданных от смерти, хотя бы иные по законам и достойны были. Сие помилование есть явное и прямо зависящее от ея материнския высочайшия воли и повеления. Но много есть человекоубивства и еще самоубивства, народ умаляющего, коего непосредственно указами, без исправления или совершенного истребления некоторых обычаев и еще некоторых, под именем узаконений вкоренившихся, истребить невозможно.

1

В обычай вошло во многих российских пределах, а особливо по деревням, что малых ребят, к супружеской должности неспособных, женят на девках взрослых, и часто жена могла бы по летам быть матерью своего мужа. Сему, с натурою спорному поведению следуют худые обстоятельства: слезные приключения и рода человеческого приращению вредные душегубства. Первые после женитьбы лета проходят бесплодны, следовательно, такое супружество — не супружество и сверх того вредно размножению народа, затем что взрослая такая женщина, будучи за ровнею, могла бы родить несколько детей обществу. Мальчик, побуждаем будучи от задорной взрослой жены, усиливанием себя прежде времени портит и впредь в свою

пору к детородию не будет довольно способен, а когда достигнет в мужеский возраст, то жена скоро выйдет из тех лет, в кои к детородию была способнее. Хотя ж она и в малолетство мужнее может обрюхатеть непозволенным образом, однако, боясь бесславия и от мужних родителей попреку и побоев, легко может поступить на детоубивство еще в своей утробе. Довольно есть и таких примеров, что, гнушаясь малым и глупым мужишком, спознавается жена с другим и, чтоб за него выйти, мужа своего отравливает или инако убивает, а после изобличена предается казни. Итак, сими непорядками еще нерожденные умирают и погибают повинные и неповинные. Второе неравенство в супружестве бывает, когда мужчина в престарелых летах женится на очень молодой девушке, которое хотя и не столь опасно, однако приращению народа вредно, и хотя непозволенною любовию недостаток может быть наполнен, однако сие недружелюбия, подозрения, беспокойства и тяжеб в наследстве и больших злоключений причиною бывает. Для сего вредное приумножению и сохранению народа неравенство супружества запретить и в умеренные пределы включить должно. По моему мнению, невеста жениха не должна быть старее разве только двумя годами, а жених старее может быть 15-ю летами. Сие для того, что женщины скорее старятся, нежели мужчины, а особливо от частой беременности. Женщины родят едва далее 45 лет, а мужчины часто и до 60 лет к плодородию способны. Всего сходнее, ежели муж жены старее от 7 до 10 лет. Хотя ж по деревням и показывают причины, что женят малых ребят для работниц, однако все пустошь, затем что ежели кто семью малую, а много пашен или скота имеет, тот наймуй работников, прими третьщиков или половинщиков, или продай излишнее другому.

2

Неравному супружеству много подобно насильное, ибо где любви нет, ненадежно и плодородие. Несогласия, споры и драки вредят плоду зачатому и нередко бывают причиною безвременному и незрелому рождению. Для того должно венчающим священникам накрепко подтвердить, что[6] они, услышав где о невольном сочетании, оного не допускали и не венчали под опасением лишения чина,

жениха бы и невесту не тогда только для виду спрашивали, когда они уже приведены в церковь к венчанию, но несколько прежде.

3

Хотя больше одной жены вдруг иметь в нашем законе не позволяется, однако четвертая после третьей смерти в наших узаконениях не заказана, кроме того, что некто Арменопул, судья солунский, заказал приватно, положась, как уповаю, на слова Назианзиновы: „Первый брак закон, вторый прощение, третий пребеззаконие". Но сие никакими соборными узаконениями не утверждено, затем что он сие сказал как оратор, как проповедник, а не как законодавец, и, невзирая на слова великого сего святителя, церковь святая третий брак благословляет, а четвертого запрещение пришло к нам из Солуня, а не от вселенских соборов или монаршеских и общенародных узаконений. Сие обыкновение много воспрещает народному приращению. Много видал я вдовцов от третьей жены около 30-ти лет своего возраста, и отец мой овдовел в третий раз хотя 50-ти лет, однако еще в полной своей бодрости и мог бы еще жениться на четвертой. Мне кажется, было б законам непротивно, если бы для размножения народа и для избежания непозволенных плотских смешений, а от того и несчастных приключений, четвертый, а по нужде и пятый брак был позволен по примеру других христианских народов. Правда, что иногда не без сомнительства бывает, все ли происходило натурально, когда кто в третий и притом в немногие годы овдовеет, и не было ли какого потаенного злодейства? Для сего лицо, требующее четвертого или пятого брака, должно представить в свидетели соседей или, еще лучше, родственников по первым супружествам, что в оных поступки его были незлобны и беззазорны, а у кого окажутся вероятные знаки неверности или свирепости, а особливо в двух или во всех трех супружествах, тем лицам не позволять четвертого брака.

4

Вошло в обычай, что́ натуре человеческой противно (противно ли законам, на соборах положенным, не помню), что вдовых молодых попов и дьяконов в чернцы насильно постригают, чем к греху, а не ко спасенью дается повод и приращению народа немалая отрасль пресекает-

ся. Смешная неосторожность! Не позволяется священнодействовать, женясь вторым браком законно, честно и благословенно, а в чернечестве блуднику, прелюбодею или еще и мужеложцу литургию служить и всякие тайны совершать дается воля. Возможно ли подумать, чтобы человек молодой, живучи в монашестве без всякой печали, довольствуясь пищами и напитками и по всему внешнему виду здоровый, сильный и тучный, не был бы плотских похотей стремлениям подвержен, кои всегда тем больше усиливаются, чем крепче запрещаются. Для сих причин кажется, что молодым вдовым попам и дьяконам надобно позволить второй брак и не постригать прежде лет пятидесяти или, сняв чин священства, позволять быть мирскими чинами. Сюда ж надлежит и пострижение молодых людей прямо в монахи и монахини, которое хотя в нынешние времена и умалилось пред прежним, однако еще много есть излишества, особливо в Малороссии и при синодальных школах. Взгляды, уборы, обходительства, роскоши и прочие поступки везде показывают, что монашество в молодости ничто иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство, наносящее знатный ущерб размножению человеческого рода, не упоминая о бывающих детоубивствах, когда законопреступление закрывают злодеянием. Мне кажется, что надобно клобук запретить мужчинам до 50, а женщинам до 45 лет.

5

Вышеписанное касалось больше до обильнейшего плодородия родящих; следующее надлежит особливо до сохранения рожденных. Хотя запрещением неравного и насильного супружества, позволением четвертого и пятого брака, разрешением к супружеству вдовых попов и дьяконов и непозволением до указанных лет принятия монашеского чина несомненно воспоследовать может знатное приумножение народа и не столько будет беззаконнорожденных, следовательно, и меньше детского душегубства, однако по разным случаям и по слабости человеческого сложения быть тому невозможно, чтобы непозволенным сластолюбием или и насильством обремененная женщина, не хотя быть обесславлена, не искала бы способов утаить своего беззакония и несчастия, отчего иногда в отчаянии матери детей своих убивают. Для избежания столь ужасного злодейства и для сохранения жизни неповинных мла-

денцев надобно бы учредить нарочные богоделенные домы для невозбранного зазорных детей приему, где богаделенные старушки могли б за ними ходить вместо матерей или бабок; но о сем особливо, в письме о исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.

6

Следуют сему младенческие болезни, изнуряющие и в смертные челюсти повергающие начинающуюся жизнь человеческую, из которых первое и всех лютейшее мучение есть самое рождение. Страждет младенец не менее матери, и тем только разнится их томление, что мать оное помнит, не помнит младенец. Коль же оно велико, изъявляет Давид пророк, ибо, хотя изобразить ужасные врагов своих скорби, говорит: „Тамо болезни яко рождающия" (сиречь женщины). Проходя болезненный путь в прискорбный и суетный свет, коль часто нежный человек претерпевает великие повреждения, а особливо в голове, тем, что в самое свое рождение лишается едва начатыя жизни и впервые почерпнутый дух в последнее испускает, либо несколько часов или дней только лишь с настоящею смертию борется. Сие первое страдание, которым нередко из рожденных живых на весь век здравие повреждается. Сего иначе ничем не можно отвратить или хотя несколько облегчить, как искусством повивальных бабок и осторожностию беременных. Потом следует болезнь при выходе зубов, младенцам часто смертоносная, когда особливо падучую болезнь с собою приносит. Также грыжи, оспа, сухотка, черви в животе и другие смерти детской причины, все требуют знания, как лечить нежных тел болезни. Для умаления толь великого зла советую в действие произвести следующее: 1) Выбрать хорошие книжки о повивальном искусстве и, самую лучшую положив за основание, сочинить наставление на российском языке или, сочинив на другом, перевесть на российский, к чему необходимо должно присовокупить добрые приемы российских повивальных искусных бабок; для сего, созвав выборных, долговременным искусством дело знающих, спросить каждую особливо и всех вообще и, что за благо принято будет, внести в оную книжицу. 2) Для излечения прочих детских болезней, положив за основание великого медика Гофмана, который, упражнявшись чрез 60 лет в докторском звании, при конце жизни писал наставление о излечении

младенческих болезней, по которым я дочь свою дважды от смерти избавил, и присовокупив из других лучшее, соединить с вышеписанною книжкою о повивальном искусстве; притом не позабыть, что̀ наши бабки и лекари с пользою вообще употребляют. 3) В обеих совокупленных сих искусств[ах] в одну книжку наблюдать то, чтобы способы и лекарства по большей части не трудно было сыскать везде в России, затем что у нас аптеками так скудно, что не токмо в каждом городе, но и в знатных великих городах поныне не устроены, о чем давно бы должно было иметь попечение; но о сем особливо представлено будет. 4) Оную книжку напечатав в довольном множестве, распродать во все государство по всем церквам, чтобы священники и грамотные люди читая могли сами знать и других наставлением пользовать. По исчислению умерших по приходам, учиненному в Париже, сравнив их лета, умирают в первые три года столько же почти младенцев, сколько в прочие, до ста считая. Итак, положим, что в России мужеска полу 12 миллионов, из них состоит один миллион в таком супружестве, что дети родятся, положив обще, один в два года. Посему на каждый год будет рожденных полмиллиона, из коих в три года умирает половина или еще по здешнему небрежению и больше, так что на всякий год достанется смерти в участие по сту тысяч младенцев не свыше трех лет. Не стоит ли труда и попечения нашего, чтобы хотя десятую долю, то есть 10 тысяч, можно было удобными способами сохранить в жизни?

7

Доселе о натуральных обстоятельствах, младенцам вредных; остается упомянуть о повреждениях, от суеверия и грубого упрямства происходящих. Попы, не токмо деревенские, но и городские, крестят младенцев зимою в воде самой холодной, иногда и со льдом, указывая на предписание в требнике, чтобы вода была натуральная без примешения, и вменяют теплоту за примешанную материю, а не думают того, что летом сами же крестят теплою водою, по их мнению смешанною. Итак, сами себе прекословят, а особливо по своему недомыслию не знают, что и в самой холодной воде еще теплоты очень много. От замерзания в лед принимает вода в себя стужу до 130 гр., да и тут можно почесть ее горячею, затем что замерзаю-

щая ртуть несравненно большее расстояние от сего градуса имеет, нежели вода от кипятка до замерзания. Однако невеждам-попам физику толковать нет нужды, довольно принудить властию, чтобы всегда крестили водою, летней в рассуждении теплоты равною, затем что холодная исшедшему недавно из теплой матерней утробы младенцу конечно вредна, а особливо который много претерпел в рождении. Одно погружение в умеренной воде не без тягости младенцу, когда мокрота в глаза, в уши, в ноздри, а иногда и в рот вливается (а когда рот и ноздри запирает поп рукою, тогда пресекается дыхание, которое недавно лишь получил младенец). Когда ж холодная вода со льдом охватит члены, то часто видны бывают признаки падучей болезни, и хотя от купели жив избавится, однако в следующих болезнях, кои всякий младенец после преодолеть должен, а особливо при выходе первых зубов, оная смертоносная болезнь удобнее возобновится. Таких упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами, затем что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти. Коль много есть столь несчастливых родителей, кои до 10 и 15 детей родили, а в живых ни единого не осталось?

8

Бедственному младенческому началу жизни следуют приключения, нападающие на здравие человеческое в прочем оныя течении. И, во-первых, невоздержание и неосторожность с уставленными обыкновениями, особливо у нас в России вкоренившимися и имеющими вид некоторой святости. Паче других времен пожирают у нас масленица и св. неделя великое множество народа одним только переменным употреблением питья и пищи. Легко рассудить можно, что, готовясь к воздержанию великого поста, во всей России много людей так загавливаются, что и говеть времени не остается. Мертвые по кабакам, по улицам и по дорогам и частые похороны доказывают то ясно. Розговенье тому ж подобно. Да и дивиться не для чего. Кроме невоздержания в заговенные дни питием и пищею, стараются многие на весь в[еликий] пост удовольствоваться плотским смешением законно и беззаконно и так себя до чистого понедельника изнуряют, что здоровья своего никоею мерою починить не могут, употребляя грубые пост-

ные пищи, которые и здоровому желудку тягостны. Сверх того вскоре следует начало весны, когда все скверности, накопленные от человеков и от других животных, бывшие во всю зиму заключенными от морозов, вдруг освобождаются и наполняют воздух, мешаются с водою и нам с мокротными и цынготными рыбами в желудок, в легкое, в кровь, в нервы и во все строение жизненных членов человеческого тела вливаются, рождают болезни в здоровых, умножают оные в больных и смерть ускоряют в тех, кои бы еще могли пожить долее. После того приближается светлое Христово воскресение, всеобщая христианская радость; тогда хотя почти беспрестанно читают и многократно повторяются страсти господни, однако мысли наши уже на св. неделе. Иной представляет себе приятные и скоромные пищи, иной думает, поспеет ли ему к празднику платье, иной представляет, как будет веселиться с родственниками и друзьями, иной ожидает, прибудут ли запасы из деревни, иной готовит живописные яйца и несомненно чает случая поцеловаться с красавицами или помилее свидаться. Наконец заутреню в полночь начали и обедню до свету отпели. Христос воскресе! только в ушах и на языке, а в сердце какое ему место, где житейскими желаниями и самые малейшие скважины все наполнены. Как с привязу спущенные собаки, как накопленная вода с отворенной плотины, как из облака прорвавшиеся вихри, рвут, ломят, валят, опровергают, терзают. Там разбросаны разных мяс раздробленные части, разбитая посуда, текут пролитые напитки, там лежат без памяти отягченные объядением и пьянством, там валяются обнаженные и блудом утомленные недавние строгие постники. О истинное христианское пощение и празднество! Не на таких ли бог негодует у пророка: „Праздников ваших ненавидит душа моя и кадило ваше мерзость есть предо мною!“ Между тем бедный желудок, привыкнув чрез долгое время к пищам малопитательным, вдруг принужден принимать тучные и сильные брашна в сжавшиеся и ослабевшие проходы и, не имея требуемого довольства жизненных соков, несваренные ядения по жилам посылает, они спираются, пресекается течение крови, и душа в отворенные тогда райские двери из тесноты тела прямо улетает. Для уверения о сем можно справиться по церковным записками: около которого времени в целом году у попов больше меду на кутью исходит? Неоспоримое есть дело, что неравное течение жизни и крутопеременное пи-

тание тела не токмо вредно человеку, но и смертоносно, так что вышеписанных строгих постников, притом усердных и ревностных праздниколюбцев, самоубийцами почесть можно. Правда, что ежели кто на масленице приуготовляется к посту житием умеренным, в пост не изнуряет себя излишно и говеет больше духом, нежели брюхом, на св. недели радуется о препровождении в[еликого] поста в истинных добродетелях, в трудах обществу полезных и богу любезных, а не о том, что дожил до разрешения на вся, тот конечно меньше почувствует припадков от нездорового времени, а особливо когда трудами кровь приводит в движение и, словом, содержит себя хотя то постными, то скоромными пищами, однако равно умеренными, без крутых скачков и пригорков. Но здесь, в севере сие по концам тучное, а в середке сухое время есть самая праздная часть года, когда крестьяне не имеют никакой большой работы и только посеянные, пожатые, измолоченные и смолотые плоды полевые доедают; купцам, за испорченными дорогами и распутицами, почти нет проезду из города в город с товарами; нет кораблям плавания и морским людям довольного движения; военные люди стоят в походах по зимним квартирам, а дома то для морозов, то для слякоти не могут быть удобно экзерциции. Итак, большая часть народа должна остаться в праздности, которая в заговенье и розговенье дает причину к необузданной роскоши, а в пост, с худыми прошлогодними пищами и с нездоровым воздухом соединенная, портит здоровье и жизнь коротит.

Многие скажут: „Да проживают же люди! отцы наши и прадеды жили долгие веки!“ Правда, живут и лопари, питаясь почти одною только рыбою, да посмотрите ж, коль они телом велики и коль многолюдны, и сравните их с живущими в том же климате самоядами, питающимися по большей части мясом. Первые ростом мелки, малолюдны, так что на 700 верстах в длину, а в ширину на 300 лопарей толь мало, что и в большие солдатские поборы со всей земли по два солдата с числа душ наймают из нашего народа, затем что из них весьма редко, чтобы кто и по малой мере в солдаты годился. Самояды, напротив того, ростом немалы, широкоплечи и сильны и в таком множестве, что если бы междоусобные частые кровавые сражения между многими их князьями не случались, то бы знатная восточно-северного берега часть ими населилась многолюдно. Посмотрите, что те российские области мно-

голюднее, где скотом изобильнее, затем что во многих местах, где скотом скудно, и в мясоед по большей части питаются рыбою или пустыми щами с хлебом. Если б наша масленица положена была в мае месяце, то великий пост был бы в полной весне и в начале лета, а св. неделя около Петрова дня, то бы, кроме новых плодов земных и свежих рыб и благорастворенного воздуха, 1-е) поспешествовало бы сохранению здравия движение тела в крестьянах пахотною работою, в купечестве дальнею ездою по земле и по морю, военным — экзерцициею и походами; 2-е) ради исправления таких нужных работ меньше бы было праздности, матери невоздержания, меньше гостьбы и пирушек, меньше пьянства, неравного жития и прерывного питания, надрывающего человеческое здравие, а сверх того, хотя бы кто и напился, однако, возвращаясь домой, не замерз бы на дороге, как о масленице бывает, и не провалился бы под лед, как случается на св. неделе.

Я к вам обращаюсь, великие учители и расположители постов и праздников, и со всяким благоговением вопрошаю вашу святость: что вы в то время о нас думали, когда св. великий пост поставили в сие время? Мне кажется, что вы, по своей святости, кротости, терпению и праводушию милостивый ответ дадите и не так, как андреевский протопоп Яков делал, в церкви матерно не избраните или еще, как он с морским капитаном Яньковым в светлое воскресение у креста за непоцелование руки поступил, в грудь кулаком не ударите. Вы скажете: „Располагая посты и праздники, жили мы в Греции и в земле обетованной. Святую четыредесятницу тогда содержать установили, когда у нас полным сиянием вешнего солнца земное богатое недро отверзается, произращает здоровыми соками наполненную молодую зелень и воздух возобновляет ароматными духами; поспевают ранние плоды, в пищу, в прохлаждение и в лекарство купно служащие; пению нашему для славословия божия соответствовали журчащие ручьи, шумящие листы и воспевающие сладкогласные птицы. А про ваши полуночные стороны мы рассуждали, что не токмо там нет и не будет христианского закона, но ниже единого словесного обитателя ради великой стужи. Не жалуйтесь на нас! Как бы мы вам предписали есть финики и смоквы и пить доброго виноградного вина по красоуле, чего у вас не родится? Расположите, как разумные люди, по вашему климату, употребите на пост другое способнейшее время или в дурное время пользуй-

тесь умеренно здоровыми пищами. Есть у вас духовенство, равную нам власть от Христа имеющее вязати и решити. Для толь важного дела можно в России вселенский собор составить: сохранение жизни толь великого множества народа того стоит. А сверх того, ученьем вкорените всем в мысли, что богу приятнее, когда имеем в сердце чистую совесть, нежели в желудке цынготную рыбу, что посты учреждены не для самоубивства вредными пищами, но для воздержания от излишества, что обманщик, грабитель, неправосудный, мздоимец, вор и другими образы ближнего повредитель прощения не сыщет, хотя бы он вместо обыкновенной постной пищи в семь недель ел щепы, кирпич, мочало, глину и уголье и большую бы часть того времени простоял на голове вместо земных поклонов. Чистое покаяние есть доброе житие, бога к милосердию, к щедроте и к люблению нашему преклоняющее. Сохрани[те] данные Христом заповеди, на коих весь закон и пророки висят: „Люби господа бога твоего всем сердцем (сиречь не кишками) и ближнего как сам себя (т. е. совестию, а не языком)". Исправлению сего недостатка ужасные обстоят препятствия, однако не больше опасны, как заставить брить бороды, носить немецкое платье, сообщаться обходительством с иноверными, заставить матрозов в летние посты есть мясо, уничтожать боярство, патриаршество и стрельцов и вместо их учредить Правительствующий Сенат, Святейший Синод, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое место и новый год в другой месяц! Российский народ гибок!

9

Кроме сего впадает великое множество людей и в другие разные болезни, о излечении коих весьма еще мало порядочных есть учреждений, как выше упомянуто, и только по большей мере простые, безграмотные мужики и бабы лечат наугад, соединяя часто натуральные способы, сколько смыслят, с вороженьем и шептаниями, и тем не только не придают никакой силы своим лекарствам, но еще в людях укрепляют суеверие, больных приводят в страх унылыми видами и умножают болезнь, приближая их скорее к смерти. Правда, много есть из них, кои действительно знают лечить некоторые болезни, а особливо внешние, как коновалы и костоправы, так что иногда и

ученых хирургов в некоторых случаях превосходят, однако все лучше учредить по правилам, медицинскую науку составляющим. К сему требуется по всем городам довольное число докторов, лекарей и аптек, удовольствованных лекарствами, хотя б только по нашему климату пристойными, чего не токмо нет и сотой доли, но и войско российское весьма не довольно снабжено медиками, так что лекари не успевают перевязывать и раненых, не токмо чтобы всякого осмотреть, выспросить обстоятельства, дать лекарства и тем страждущих успокоить. От такого непризрения многие, коим бы ожить, умирают. Сего недостатка ничем не можно скорее наполнить, как для изучения докторства послать довольное число российских студентов в иностранные университеты и учрежденным и впредь учреждаемым внутри государства университетам дать между прочими привилегиями власть производить достойных в доктора; 2-е. Медицинской канцелярии подтвердить накрепко, чтобы как в аптеках, так и при лекарях было довольное число учеников российских, коих бы они в определенное время своему искусству обучали и Сенату представляли. Стыдно и досадно слышать, что ученики российского народа, будучи по десяти и больше лет в аптеках, почти никаких лекарств составлять не умеют, а ради чего? Затем, что аптекари держат еще учеников немецких, а русские при итоге, при решете и при уголье до старости доживают и учениками умирают, а немецкими всего государства не наполнить. Сверх того, недостаточное знание языка, разность веры, несходные нравы и дорогая им плата много препятствуют.

10

Смертям от болезни следуют насильственные, натуральные и случайные обстоятельства как причины лишения жизни человеческой, т. е. моровые язвы, пожары, потопления, морозы. Поветрия на людей хотя по большей части в южных пределах здешнего государства случаются, однако всякие способы против того употреблять должно. Оные состоят в истреблении уже начавшегося или в отвращении приходящего. К первому требуются известные употребительные против такого несчастья средства, и для того, лучшие должно выбрав из авторов, сочинить Медицинскому факультету книжку и напечатав распродать по государству. Ко второму надобно с бывших примеров со-

брать признаки, из которых главный есть затмение солнца, причиняющее почти всегда вскоре падеж на скот, а после и на людей поветрие. В наши просвященные веки знают о том в великом свете обращающиеся люди от астрономов и могут предостеречься, не выпуская скота из дому и не давая травы, того дня снятой: так в других государствах остерегаются два или три дни после, и сами никаких плодов в то время не снимают и не употребляют, говоря, что во время солнечного затмения падают ядовитые росы. Главная причина быть кажется, по моему мнению, что во время затмения закрывается солнце луною, таким же телом, как и земля наша, пресекается круто электрическая сила, которую солнце на все растения во весь день изливает, что видно на травах, ночью спящих и тоже страждущих в солнечное затмение. Время научит, сколько может электрическая сила действовать в рассуждении поветрия. Затмения во всем государстве не знают, и для того надобно заблаговременно публиковать и что́ требуется повелеть указами по примеру, как водится в других государствах. Для избавления от огненной смерти служит предосторожность о утолении частых и великих пожаров, о чем покажется пространно в письме о лучшей государственной экономии. Потопления суть двояки: от наводнения и от неосторожной дерзости, особливо в пьянстве. Первое легко отвратить можно, запретив, чтобы при великих реках на низких местах, вешней особливо воде подверженных, никаких жилищ не было. Сие делается от одной лености, чтоб вода и сено и всякая от воды удобность была близко, однако часто на высоких местах живущие видят весною, сами будучи в безопасности, как скот и люди и целые домы неприступный лед несет в отчаянии всякого спасения. Вторых потоплений ничем отвратить нельзя, не умалив много гощения и пьянства, для коих люди дерзают переезжать чрез реки в бурную погоду, перегрузив суда множеством, или переходить через лед осенью и весною, когда он весьма ненадежен и опасен. В главе о истреблении праздности предложатся способы, равно как и для избавления померзания многих зимою.

11

Немалый ущерб причиняется народу убивствами, кои бывают в драках и от разбойников. Драки происходят вредные между соседями, а особливо между помещиками,

которых ничем, как межеванием, утушить не можно. На разбойников хотя посылаются сыщики, однако чрез то вывести сие зло или хотя знатно убавить нет почти никакой надежды. Основательнейшие и сильнейшие к тому требуются способы. Следующий кажется мне всех надежнее, бережливее и монархине всемилостивейшей славнее и притом любезнее, затем что он действие свое возымеет меньшим пролитием человеческой крови. Разбойники без пристанища в городах и около деревень пробыть и злодейством своим долго пользоваться не могут. При деревнях держатся, а в городах обыкновенно часто бывают для продажи пограбленных пожитков. Итак, когда им сии места сделаны будут узки и тесны, то не могут долго утаиться; не занадобится далече посылать команды и делать кровопролитные сражения со многими, когда можно иметь случай перебрать по одиночке и ловить их часто. Всевожделенный и долговременный покой внутри нашего отечества чрез полтораста лет, в кое время после разорения от поляков не нужно было стенами защищаться от неприятелей, подал нерадению нашему причину мало иметь попечения о градских ограждениях, и потому большая часть малых городов и посадов и многих провинциальных и губернских городов не токмо стен каменных или хотя надежных валов и рвов, но и деревянных полисадников или тынов не имеют, что не без сожаления вижу из ответов, присылаемых на географические вопросы в Академию Наук изо всех городов указом Правительствующего Сената, по моему представлению. Кроме того, что проезжающие иностранные не без презрения смотрят на наши беспорядочные города или, лучше сказать, почти на развалины, разбойники употребляют их к своему прибежищу и также могут закрываться от достойного карания в городе или еще лучше, нежели в деревне, затем что город больше и со всех сторон в него на всяком месте ворота днем и ночью беспрестанно отворены ворам и добрым людям. Когда ж бы всемилостивейше повелеть благоизволено было все российские города, у коих ограждение рушилось или его не было, укрепить хотя не каменными стенами, но токмо валом и рвом и высоким палисадником и не во многих местах оставить ворота с крепкими запорами и с надежными мещанскими караулами, где нет гарнизонов, так, чтобы ряды и лавки были внутри ограждения, то бы ворам провозить в город грабленные вещи для продажи было весьма трудно и все для осмотру предосторожности

употребить было несравненно легче, нежели в месте, со всех сторон отворенном; а разбойник может быть в воротах скорее примечен, который, не продав грабленных вещей, корысти не получит. Сверх сего, в каждом огражденном городе назначить постоянные ночлеги для прохожих и проезжих с письменными дозволениями и с вывескою и приказать, чтобы каждый хозяин на всякий день объявлял в ратуше, кто у него был на ночлеге и сколько времени, а другие бы мещане принимать к себе в дом приезжих и прохожих воли не имели, под опасением наказания, кроме своих родственников, в городе известных. По всем волостям, погостам и деревням опубликовать, что ежели крестьянин или двое и больше поимают разбойника, приведут его в город или в другое безопасное место и докажут надежными свидетелями и спору в том не будет, то давать приводчикам за всякую голову по 10 руб. из мещанского казенного сбору, и за главных злодейских предводителей, за атамана, эсаула, также и за поимание и довод того, кто держит воровские прибежища, по 30 руб. Сие хотя довольно быть кажется, где города не в весьма дальном расстоянии, однако многие места есть в России глухие, на 500 и больше верст без городов, прямые убежища разбойникам и всяким беглым и беспашпортным людям; примером служить может лесистое пространство около реки Ветлуги, которая, на 700 верст течением от вершины до устья простираясь, не имеет при себе ни единого города. Туда с Волги укрывается великое множество зимою бурлаков, из коих немалая часть разбойники. Крестьяне содержат их во всю зиму за полтину человека, а буде он что работает, то кормят и без платы, не спрашивая пашпорта. По таким местам должно основать и поставить города, дав знатным селам гражданские права учредить ратуши и воеводствы и оградив надежными укреплениями и осторожностями от разбойников, как выше показано. Сие будет служить не токмо для общей безопасности и к сбережению российского народа, но и к особливой славе всемилостивейшей нашея самодержицы яко возобновительницы старых и состроительницы многих новых городов российских.

12

Переставая говорить о потере российского народа болезнями, несчастиями и убивствами, должно упомянуть о живых покойниках. С пограничных мест уходят люди

в чужие государства, а особливо в Польшу, и тем лишается подданных Российская корона. Подлинно, что расположив предосторожности на рубеже литовском, однако толь великой скважины силою совершенно запереть невозможно: лучше поступить с кротостию. Побеги бывают более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов. Итак, мне кажется лучше пограничных с Польшей жителей облегчить податьми и снять солдатские наборы, расположив их по всему государству. Для расколу много уходит российских людей на Ветку: находящихся там беглецов не можно ли возвратить при нынешнем военном случае? А впредь могут служить способы, кои представятся о исправлении нравов и о большем просвещении народа.

13

Место беглецов за границы удобно наполнить можно приемом иностранных, ежели к тому употреблены будут пристойные меры. Нынешнее в Европе несчастное военное время принуждает не токмо одиноких людей, но и целые разоренные семейства оставлять свое отечество и искать мест, от военного насильства удаленных. Пространное владение великой нашей монархини в состоянии вместить в свое безопасное недро целые народы и довольствовать всякими потребами, кои единого только посильного труда от человеков ожидают к своему полезному произведению. Условия, коими иностранных привлечь можно к поселению в России, не представляю, не ведая довольно союзных и враждебных обстоятельств между воюющими и мирными сторонами.

Хотел бы я сочинить примерный счет, сколько бы из сих 13 способов (а есть еще и больше) воспоследовало сохранения и приращения подданных ея императорского величества. Однако требуется к тому для известия многие обстоятельства и не мало времени; для того только одною догадкою досягаю насколько, что на каждый год может взойти приращение российского народа больше против прежнего до полумиллиона душ, а от ревизии до ревизии в 20 лет — до 10 миллионов. Кроме сего уповаю, что сии способы не будут ничем народу отяготительны, но будут служить к безопасности и успокоению всенародному.

Окончивая сие, надеюсь, что вашему высокопревосходительству что-нибудь понравится из моих доброжелательных к обществу мнений, и прошу о вашем беспрерывном здравии и во всем удовольствии всевышнего строителя и правителя всех народов и языков, произведшего вас в сей день и влившего вам кровь сына отечества к произведению дел полезных, а паче к покровительству наук и художеств, к которым я, равно и к вам от всей искренности усердствуя, с достодолжным высокопочитанием пребываю.

Ноября 1
1761

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

2 сентября 1757 г.

Милостивый государь Иван Иванович!

Полученное от вашего превосходительства милостивое письмо с радостию прочитал и уведал я непременное ваше старание о прославлении бессмертных дел блаженныя памяти государя императора Петра Великого на иностранных языках. К сему делу, по правде, г. Волтера никто не может быть способнее, только о двух обстоятельствах несколько подумать должно. Первое, что он человек опасный и подал в рассуждении высоких особ худые примеры своего характера. Второе, хотя довольно может он получить от нас записок, однако перевод их на язык, ему знаемый, великого труда и времени требует. Что до сего надлежит, то принимаю смелость предложить следующее. Во-первых, должен он себе сделать краткий план, который может сочинен быть из сокращенного описания дел государевых, которое я имею, к чему он и сочиненный мною панегирик не без пользы употребить может, ежели на французский язык переведен будет. Профессор Штрубе перевел уже великую его часть, однако я не мог упросить, чтобы он привел к окончанию, а приказать власти не имею. По сочинении плана и по его сюда сообщении думаю, что лучше к нему посылать переводы с записок по частям, как порядок в плане покажет, а не все вдруг. И как станет он сочинять начало, между тем прочий пере-

вод поспевать может, и так сочинение скорее начаться и к окончанию приходить имеет. Ускорение сего дела для престарелых лет Волтеровых весьма надобно.

У меня сколько есть записок о трудах великого нашего монарха, все для сего предприятия готовы. О состоянии России во время царствования государя царя Михаила Федоровича должно сделать краткий экстракт из летописцев наших, к чему я могу употребить несколько времени. Анекдоты при начале сего сочинения не так нужны, притом же нет уже никого, кто бы детские лета государевы помнил, однако и о том постараюсь, чтобы хотя от других слышанное слышать. При сем имею честь прислать к вашему превосходительству первый лист моей речи, которую буду говорить в 6 число сего месяца в Академическом публичном собрании. А как обыкновенно такие речи подаваны были прежде в 5 число е. и. в. всемилостивейшей государыне, того ради ваше превосходительство всепокорнейше прошу, чтоб я мог удостоиться быть на сие торжество в Сарском Селе как для подания речи, также чтобы ваше превосходительство поздравить с пресветлым праздником и с возвращением дражайшего вашего здравия, о которого слабости безмерно я соболезновал. Ожидая милостивого соблаговоления, с глубоким высокопочитанием пребываю

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Сентября 2 дня
1757 года

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

10 октября 1757 г.

Милостивый государь Иван Иванович!

Сокращенное описание самозванцев и стрелецких бунтов еще переписав, имею честь подать чрез сие письмо вашему превосходительству. Сами можете отметить, что вам не рассудится за благо перевести на французский язык. Сокращение о житии государей царей Михаила,

Алексея и Феодора стараюсь привести к окончанию подобным образом. Всепокорнейше прошу не причесть мне в предосуждение, что о своих свидетельствах и трудах при сем прилагаю. Не ради своего самохвальства то сделать осмелился, но чтобы себя оборонить от моих презрителей и поносителей «с верху Парнасских гор долой». Домашние мои заботы в рассуждении строения фабрики и прочего приходят к окончанию, и я уповаю доказать великими доводами в самом деле, что оные слова — самая пустошь. В ожидании обещанного портрета, хотя и в нетерпеливости, однако как завсегда с глубоким высокопочитанием пребываю

вашего превосходительства
всепокорнейший и нижайший слуга
Михайло Ломоносов

Октября 10 дня
1757 года

ПРИМЕЧАНИЯ <НА РУКОПИСЬ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ» ВОЛЬТЕРА 1757 г.>

Сентябрь — начало октября 1757 г.

[Приступление]

1. Приступление. Стр. 1. В первые 18 лет нынешнего столетия никакой герой в Севере не был известен, кроме Карла второгонадесять. Геройские дела Петровы, великие предприятия и труды славны учинились еще прежде Левенгауптской и Полтавской батальи. Карл 12 показал бегством своим больше себя героя в Петре Великого задолго до 1718 года.

[Глава 1]

2. Гл. 1, стр. 3. Таких царей, как Петр Великий. Лучше бы было: таких императоров.

3. Гл. та ж, стран. 4. Москва нарочитый город. Москва великий город, первого рангу во всей Европе.

4. ______ стран. 5 и далее; Санктпетербург не хорошо описан, инде мало, инде излишно. Должно сделать хорошее описание и перевесть. Вместить новые строения, Петергоф, Сарское Село и прочие.

5. ______ стр. 7. Земля около города Архангель[ского] — весьма новая для прочей Европы, учинилась известна в половине 16 веку. В Двинской провинции, где ныне город Архангельской, торговали датчане и другие нордские народы за тысячу лет и больше, о чем пишет Стурлезон, автор 12-ть столетия по Христе.

6. ______ стран. 8. Девять месяцев нет пристани к Архангельскому городу. С половины майя до Покрова Двина всегда чиста бывает, и того 4½ месяца, и так 7½, а часто только 7 месяцев Двина бывает неприступна.

7. ______ стран. 9, 10. Лопари смуглы, не финского поколения, почитают идола Юмалу. Однако лопари белокуры, больше финского облику; язык с финским, как французский с италианским сходны. Юмала по-чухонски и по-лопарски бог. Ростом лопари малы и силою слабы, затем что больше рыбою кормятся.

8. ______ стр. 4. Москва столицею учинилась в 15 век. Однако князь Иван Данилович Калита столицу из Владимира в Москву перенес около 1320 году.

9. ______ стр. та ж. Губернии со временем разделены будут. Губернии разделены у нас давно на провинции и уезды и на приписные городы.

10. ______ стр. та ж. Ливония всех северных земель плодоноснее. Вятка и некоторые другие в севере провинции много плодоноснее.

11. ______ стр. 11. Москва стоит в великой и прекрасной долине. Москва стоит на многих горах и долинах, по которым возвышенные и униженные стены и здания многие городы представляют, которые в один соединились.

12. Просмотрев описание России, вижу, что мои примечания много пространнее быть должны, нежели сочинение само. Для того советую, чтобы г. В[ольтер] описание России совсем оставил или бы обождал здесь сочиненного, которое под моим смотрением скоро быть может готово. Таким образом, как оное есть, не может России быть славным, но больше бесчестным и поносительным.

Описывает г. В[ольтер] Лапландию, самоедов, а где многолюдные, плодоносные и наполненные городами княжения и провинции: Ярославская, Тферская, Володимер, Нижней и великое множество городов около Оки и других рек великих?

13. _______ 27. Ола вместо Олга.

14. _______ 28. Петр Великий произошел по фамилии от патриарха. Правда, что так, однако не для того он был государь, что прадед был патриарх.

15. _______ р. 30. Ливония больше доходов приносит, нежели Сибирь. Сомневаюсь.

Глава 2

16. _______ стр. 32. Гришка согнал Бориса. Борис уморил себя ядом.

17. _______ стр. та ж. Три других лживых Дмитриев один за другим. Самозванцев было вдруг иногда по четыре, и не все назывались Димитриями; но был ложный царевич Август, Лаврентей, Федор и другие.

18. _______ стр. 33. Сын архиерея ростовского. Экспрессия дурна. Лучше написать: сын боярина Федора Никитича Романова, который был неволею пострижен от Годунова, а потом был ростовским архиереем и наконец патриархом.

19. _______ стр. 34. Сей старый человек был самодержец под сыновним именем. Правда, что с[в]. патр[иарх] Филарет имел много силы в царство г. ц. Михай[ла] Федоровича; однако и сам государь был тогда в полном возрасте, как родитель его из Польши прибыл, и мог отправлять дела государственные.

20. _______ стр. 35. Не написал г. В[ольтер], что прежде царицы Авдотьи Лукьяновны женат был г. ц. М[ихаил] Ф[едорович] на княжне Марье Володимеровне Долгорукой, которая скоро после браку преставилась.

21. _______ стр. 37. Г. ц. Михайло Федорович не сделал никакой перемены, чем бы правление поправилось или испортилось. Весьма неправедно. Его владением Москва выстроена, искоренены самозванцы, люди собраны и все приведено в порядок.

22.______ стр. 44. Петр В[еликий] родился генваря 28. В тот месяц и число преставился, а родился 30 майя.

23.______ стр. 46. Царевна Софья молодшая от первого браку. Весьма неправедно. Число и порядок детей г. ц. Алексея Михайловича есть следующий:

1. Евдокея.	6. Алексей.	11. Федора.
2. Дмитрей.	7. Марья.	12. Симеон.
3. Марфа.	8. Анна.	13. Иван.
4. Софья.	9. Федосья.	14. Петр.
5. Екатерина.	10. Федор.	15. Наталья.

24.______ стр. 46. Татьяна числится сестрою царевны Софьи А[лексеевны]. Однако она ей была тетка.

25.______ стр. та ж. Софья монастырь оставила. Она еще тогда не была пострижена и жила в дворце.

Глава третия

26. Вся сия глава о стрелецких бунтах не полна и весьма недостаточна. Много неисправностей. К сочинению ее можете перевести приказать мой экстракт о стрелецких бунтах.

Глава четвертая

27.______ р. 59. Будто П[етр] В[еликий] после брака, будучи 17 лет, жил только в роскоше, не имея никаких других прерогатив в рассуждении трона. Но известно, что 14-ти лет зачал собирать регулярное войско, других обучать и сам обучаться.

28.______ стр. та ж. Les liens serieux, etc. [законные узы брака и пр.]. Должно совсем вон выкинуть, равно как и ses dé bauches de table [разгульные пиры].

29.______ стр. 60. Sueur froide et convulsions, quand il fallait passer un ruissean [холодный пот и судороги, когда нужно было переходить ручей]. Я имею примеры, что государь в детстве воды не боялся и часто ездил Москвою рекою к Савве Староженскому с братом своим ц. И[ваном] А[лексеевичем]. На сей же странице о ботике весьма ложное известие.

30. ——— стр. 61.

31. ——— В сей главе много отнято чести П[етра] В[еликого] и отдано Лефорту. Между тем все так коротко и недостаточно, что совсем не может ни мало служить хотя к краткой истории государевой.

Глава пятая

32. ——— стр. 73. Scheremetew et Shein originaires de Prusse [Шереметев и Шеин, уроженцы Пруссии]. Здесь хочется, видно, автору, чтобы все генералы были иностранные, как и в четвертой главе потешных почти всех почитает иностранными.

Глава шестая

33. ——— стр. 80. С государем в посольстве были, по моим известиям: 1) генерал-адмирал Франц Яковлевич Лефорт, боярин Федор Алексеевич Головин, думный дьяк Прокофей Богданович Возницын. Стран. 81. Правление будто поручено было Нарышкину, Голицыну и Прозоровскому. А по моим известиям, боярину Тихону Никитичу Стрешневу и комнатному стольнику князю Федору Юрьевичу Ромодановскому.

34. ——— 85. В[ольтер] здесь пропустил описание опасности П[етру] В[еликому] в переезде через Двину льдом.

35. ——— стр. та ж. Prince d'Armenie. Я отроду не слыхал, чтобы где был принц армянский. Разве грузинский.

36. ——— стр. 106. Вдовые попы перестают быть попами. Неправда.

37. ——— стр. та же. Ce reglement a été aboli depuis lui [это правило было с его времени уничтожено]. Также неправда, затем что и поныне пострижение имеет свои пределы.

38. ——— стр. 107. Трех школ духовных учреждения при П[етре] В[еликом] не было, а в Спасском монастыре школу основал ц. Феодор Алексеевич. Также три поста государь не уничтожил, а дал только волю.

39. _______ стр. 16. Нарва, маленький город. Мне кажется, мало сказано.

40. _______ Вся сия глава описана неправедно и коротко очень. Многие полки возвратились с военною честию и военную казну почти всю вынесли в карманах, которую в Новегороде перед Софейским собором в ящики высыпали.

NB. Многие российские имена написаны неисправно, Однако можно тогда исправить, как печатать станут, или и прежде.

ЗАМЕЧАНИЯ НА ПЕРВЫЙ ТОМ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ» ВОЛЬТЕРА.

1760 г.

1. Saique вместо Jaique.

2. Станислава приводит во свидетельство весьма насильно о Карле 12, затем что: 1) письмо очень молодо и в то время сочинено, когда Волтер начал писать о Петре Великом; 2) что Станислав не был всех дел Карловых очевидный свидетель; 3) хотя бы и был, однако свидетельство его ни малейшей важности не имеет, затем что Карл ему дал, а Петр отнял корону. Из сего довольно явствует, что сочинитель не намерен того отменить, что он писал не в пользу чести нашей в Жизни Карла 12, и явно выхваляет Станислава, которого по справедливости превозносить не может в рассуждении дел Петровых.

3. Петра Великого скифом называет, что отнюд неправда, затем что славяне скифами никогда не назывались, не токмо что не бывали.

4. Патриарх Константин писал Историю. Неправда: писал ее Нестор и другие.

5. Описание Санктпетербурга весьма дурно. Строение нового дворца и Девичья монастыря присовокупить должно. Также и по Петергофской дороге приморские домы упоминания достойны.

6. Лопари отнюд не черны и с финцами одного поколения, равно как и с корелами и со многими сибирскими

народами. Язык имеют одного происхождения и разнятся друг от друга, как немецкий от датского и шведского или итальянский от французского, а отличаются лопари только одною скудостию возраста и слабостию сил, затем что мясо и хлеб едят редко, питаясь одною почти рыбою. Я, будучи лет 14-ти, побарывал и перетягивал тридцатилетних сильных лопарей. Лопарки хотя летом, когда солнце не заходит, весьма загорают, ни белил, ни румян не знают, однако мне их видать нагих случалось и белизне их дивиться, которою они самую свежую треску превосходят, свою главную и повседневную пищу.

7. Имя славенское esclavons хотя у французов уже твердо вкоренилось и сочинитель не переменит, однако может припечатать следующее примечание. В греческом и латинском языке нет ни единого слова, ниже́ из имен собственных, которые бы двумя согласными SL начинались. И посему рассуждать должно, что слуху тех народов и языку сей выговор *славяне* был странен и труден. И видно из греческих и латинских писателей, что со временем, привыкши к прямому выговору, славянами наших предков писать стали, ибо Птоломей называет их ставанами, Порфирогенит склаванами, у Бандурия в Цареградских древностях сфлавы, у Кедрина славы. Действительно, происходят от славы, как явствует из окончаний имен государских: Святослав, Вышеслав и прочих многих.

8. Царь Иван Васильевич взял Новгород. То неправда. Но дед его, великий князь Иван Васильевич привел новогородцев под самодержавство московское, уничтожив республику.

9. Киев будто построен царем греческим, стр. 26. Греческие цари отнюд ничего не страивали в России. А построен Киев от князей Кия, Щека и Хорева.

10. Украинцы будто католики, 28. Великий Владимер принял веру греческую, которая прежде всех в Малой России распространилась и укрепилась. И хотя несколько сот лет владели ею литва и поляки, однако всегда греческому исповеданию была вольность оставлена. А наконец, как католики утеснять стали, то отдались малороссияне под покровительство Российской державе.

11. Россию от татарского владения освободил не царь Иван Васильевич, но дед его, великий князь того же имени, а царь Иван Васильевич взял самих татар под иго. В сем случае должно упомянуть сочинителю, что иное есть самому от порабощения освободиться, а иное преж-

них своих владетелей привести в порабощение. Стр. 32.

12. В американской экспедиции через Камчатку не упоминается Чириков, который был главным и прошел далее, что надобно для чести нашей. И для того послать к сочинителю карту оных мореплаваний. 48.

13. Происхождение имени *царь* совсем ложно (64), для того что: 1) татарские обладатели царями не назывались, но ханами, а имя царское дано им от россиян, потому что мы издревле и поныне всех самодержавных владетелей на востоке называем царями, а на западе — королями; 2) имя *царь* весьма употребительно было в России за много сот лет прежде, нежели и о самих татарах слух появился, что засвидетельствуют самые старинные переводы церковных книг за 800 лет; 3) греческого царя Иоанна Цимисхия россияне царем называли (см. Кедрина, стр. 712); 4) великое издревле сообщение и частые войны славян с греками и торги удобнее ввести могли и прежде имя *царь* и *цесарь* через грамматическую фигуру сокращение (per syncopen), нежели после искать от татар, у коих того не бывало.

14. Фотий, патриарх, будто крестил всю Россию, чего отнюд не бывало. Оскольд и Дир ходили воевать на Грецию во дни Фотиевы, и некоторые из россиян крестились. После того спустя лет около двухсот, Владимир, приняв греческое христианство, окрестил бо́льшую часть России при греческом патриархе Николе Хризовуле первым российским митрополитом Михаилом и протопопом Анастасием Корсунянином.

15. Происхождение государево от патриарха и от монахини весьма изображено неприлично. И прямая Волтерская букашка. Ему надобно сообщить государево родословие.

16. Епархий в России мало поставлено.

Вдовство чисто в паганах хранилось, смотр. 413 лист сент[ября] четвер[того].

<ПИСЬМО А. М. ГОЛИЦЫНУ>

24 января 1764 г.

Милостивый государь, князь Александр Михайлович!

Ваше сиятельство всепокорнейше просить принимаю смелость о учинении мне милостивого вспоможения в произведении некоторого дела, служащего к чести российских предков. Всемилостивейшая государыня благоизволила повелеть чрез его превосходительство Ивана Ивановича Бецкого, чтобы я выбрал из российской истории знатные приключения для написания картин, коими бы украсить при дворе некоторые комнаты. Не малый здесь нахожу недоста[то]к в изображении старинного нашего платья разных чинов. Сведение о сем сыскать едва ли где лучше можно, как в Архиве Коллегии иностранных дел. Особливо ж есть в оной описание коронации и других церемоний государя царя Михайла Федоровича с личными изображениями на паргаменте. Сообщением сего можете, милостивый государь, подать мне великое вспомоществование. В уповании сего, как и завсегда, с достодолжным высокопочтением пребываю

вашего сиятельства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

*Генваря 24 дня
1764 года*

<ОТЗЫВ О ПЛАНЕ РАБОТ А.-Л. ШЛЁЦЕРА>

26 июня 1764 г.

Перевод

Мнение г. статского советника и профессора Ломоносова, в собрание поданное

По прочтении сочинений г. Шлёцера, хвалю старание его о изучении российского языка и успех его в оном; но сожалею о его безрассудном предприятии, которое, однако, извинить можно тем, что, по-видимому, не своею волею, но наипаче по совету других принялся за такое дело,

кое в рассуждении малого его знания в российском языке с силами его несогласно. Да кто ж бы и подумал, что человек в короткое время пребывания своего в отечестве нашем, и то живучи по большой части между пришлецами, может спорить с уроженцами, а притом еще учеными, о знаменовании речей, писать правила грамматические, а наипаче древности, касающиеся до российской истории, толковать и предписывать законы. Не удивляюсь малому знанию его в языке нашем, но в рассуждении времени довольному, как видно из записок его, однако нельзя извинить скоропостижности его в рассуждениях, в безмерном хвастовстве и безвременных требованиях, ибо что касается до первого, то думает он, что несмотря на свое иностранство разумеет древний славенский язык не меньше каждого нашего природного ученого, приводя в пример, что швед именем Ире в толковании древних германских книг был превосходнее, нежели немец Вахтер. По сему надлежало бы думать, будто нынешний шведский язык меньше сроден с древним тевтонским, нежели немецкий. Подлинно, что в сем случае швед и немец могут спорить о большей учености, а не о большем сродстве древнего оного языка. Наипаче же швед, утверждая, что он более сроден с древними тевтонами, не может без обиды своей читать таких Шлёцеровых мыслей. Г-н Шлёцер должен думать о древнем славенском языке и о себе инако, нежели о природных российских ученых, а именно помыслил бы о себе, что ему никоторый из славенских языков не природный, не упоминая о том, что он упражнялся в оном, и он новичок еще в российском, а напротив того представил бы себе некоего из наших природных, который с малолетства спознал общий российский и славенский языки, а достигши совершенного возраста, с прилежанием прочел почти все древним славено-моравским языком сочиненные и в церкви употребительные книги, сверх сего довольно знает все провинциальные диалекты здешней империи, также слова, употребляемые при дворе, между духовенством и между простым народом, разумея притом польский и другие с российским сродные языки. Он же и пред прочими своими согражданами приобрел в отечестве своем особливую похвалу во всем, что до языка и древностей российских принадлежит; посему не можно ли почесть его за нерассудного и наглого, ежели он похочет сравниться с вышеупомянутым? Но г. Шлёцер может наградить все недостатки, употребляя вместо пространно-

го лексикона Библию славенскую в изъяснении древней российской истории. Однако он поистине не знает, сколько речи, в российских летописях находящиеся, разнятся от древнего моравского языка, на который переведено прежде священное писание; ибо тогда российский диалект был другой, как видно из дневних речений в Несторе, каковы находятся в договорах первых российских князей с царями греческими. Тому же подобны законы Ярославовы, «Правда Русская» называемые, также прочие исторические книги, в которых употребительные речи, в Библии и в других церковных книгах коих премного, по большой части не находятся, иностранным мало знаемы. Наконец перевод Библии не очень исправен, и нередко славенские слова значат иное, а иное греческие.

Но бесстыдство, какое усматривается из требований г. Шлёцера, увидит каждый, кто познает рачение мое о природном языке и оказанные успехи отечеству, также труды в чтении российских и иностранных древних книг, а наконец старание о сочинении самой российской истории. Всего того г. Шлёцер требует себе в помочь в той силе, чтоб человек знатный по летам, по заслугам, по достоинству и по разным наукам, а особливо известный по российской истории, уступил собрания свои с достохвальностию в сочинении истории отечества своего молодому иностранцу, дабы оные были преданы вечному забвению.

Впрочем, г. Шлёцер может с пользою употреблять успехи свои в российском языке, не сомневаясь о награждении за его прилежание, ежели он, не столь много о себе думая, примет на себя труды по силе своей.

Михайло Ломоносов

Маия 26 дня
1764 года

<ОТВЕТ НА ЗАПРОС ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК, НА КАКОМ ОСНОВАНИИ ЛОМОНОСОВ НЕПОСРЕДСТВЕННО СНОСИЛСЯ С СЕНАТОМ ПО ДЕЛУ А.-Л. ШЛЁЦЕРА>

Не ранее 29 июля 1764 г.

Его сиятельству генералу-фельдмаршалу, малороссийскому гетману, сенатору, е. и. в. генерал-адъютанту действительному камергеру, Академии Наук президенту, гвардии Измайловского полку подполковнику орденов святаго апостола Андрея, Белого орла, святаго Александра Невского и святыя Анны кавалеру.

Всепокорнейший ответ
от статского советника и профессора Михайла Ломоносова.

1. В ордере от вашего сиятельства в Академическую канцелярию июля от 28 дня сего 1764 года о деле с адъюнктом Шлёцером велено мне подать ответ, „для чего я мимо вашего сиятельства, яко главного командира Академии, утруждал Правительствующий Сенат о таком деле, которое в силу академического регламента единственно подлежит вашему решению и рассмотрению“. На что имею честь ответствовать вашему сиятельству в следующих пунктах, в которых доказуется: 1) что Шлёцер принят в Академию не токмо не в силу регламента, но и в предосуждение российскому народу; 2) что он в противность государственным политическим осторожностям допущен до Академической библиотеки; 3) что он неотменно хотел из России выехать и, как явствует из обстоятельств, бесповоротно и вывесть с собою с манускриптов копии для своей корысти; 4) что я довольные имел причины представить о сем Правительствующему Сенату в вашем отсутствии.

2. В академическом регламенте, в 13 пункте, повелеио стараться, чтоб адъюнкты были все российские. Сие разуметь не иначе должно, как что иностранных не принимать вновь после объявления оного регламента, а особливо где они не положены, как при историографе. Шлёцер принят,

первое, иностранный, второе, не к месту, сверх стата. И хотя по последнему пункту оного регламента позволено президенту нечто прибавить или переменить, однако ж для важных причин и чтоб то суммы не превосходило. В принятии Шлёцера не было никакой нужды, ни очевидной пользы, ибо принят он по прихотям Миллеровым для споможения в его делах, который должен уже давно был принять и приучить кого к своему делу из природных россиян, коему не нужно бы было обучаться, как Шлёцеру, российского языка, что и нашему народу предосудительно, якоб не было из него способных понять Миллерово знание, которое видно из самых его лучших дел в „Ежемесячных сочинениях". Наконец Шлёцер принят в адъюнкты не токмо без выбору, но и безо всякого выбору и одобрения от Профессорского собрания, но по представлению одного человека, который в двух комиссиях подозрительным признан публично в рассуждении непозволенных переписок и занозливых мнений о России. Да и самым делом оказалось, что Миллер приискал себе подобного, что явствует из печатающейся Шлёцеровой „Грамматики российской" на немецком языке, где кроме множества несносных погрешностей внесены досадительные россиянам мнения.

3. Государственные библиотеки хотя всем любителям наук отворены бывают, однако с надлежащею и законною предосторожностию, чего библиотекари строго смотреть должны, а особливо беречь рукописные, в свет еще не изданные книги, чтоб не были вынесены в подлиннике или в списке и изданы в свет стороною. Паче же всего наблюдаются исторические книги той же области, чтобы не вынеслось что-нибудь оной самой предосудительное. Но в здешней Библиотеке совсем противным образом поступлено, ибо допущен в оную человек совсем новый, иностранный, который не дал на себя ни порук, ниже какого обязательства, чтоб ничего не выносить и не издавать где инде, но еще к тому дан ему случай и позволение выписывать и переписывать из российских исторических манускриптов что хочет, несмотря на худые примеры выехавших из России иностранных, кои, не быв толь далече в Библиотеку впущены, с одного того, что только видели, писали и издавали о России ругательные известия, к чему Шлёцер показал себя в „Грамматике", им издаваемой, весьма способным. А как излишно далече впущен он в Библиотеку, явствует из ответа профессора Миллера, ар-

хивариуса Богданова, кописта Карелина и самого Шлёцера; притом думать можно, что еще не все от них показано, ибо еще после оказалось, что оному Шлёцеру отдан был г. ст[атским] сов[етником] Таубертом перевод Россохина и Левонтьева китайских и манчжурских книг, якобы для делания из них экстракта, присланных от Правительствующего Сената в Академию Наук для напечатания, который у него и был больше, как полтора года. Будто бы не было из россиян толь достаточного человека, который бы экстракт сочинить мог, когда то за надобность было признано!

4. С таковым приобретением хотел Шлёцер выехать из России и, как очевидно явствует, бесповоротно, ибо поданным маия 26 дня сего году в Академическую канцелярию доношением просил увольнения на три месяца, что ему и позволено, и по приказанию статского советника г. Тауберта сочинено вчерне определение и опробовано. И подлинный отпуск не воспоследовал по моему в Правительствующий Сенат представлению. Что ж он выехать хотел бесповоротно, то явствует из объявления его профессором в Геттингенском университете, как то печатию объявлено в „Геттингенских ученых ведомостях" от 19 маия 1764 и Миллер уверяет в помянутом ответе, вызнав искусством Шлёцеровы мнения и склонности.

5. По таковым неложным сведениям и очевидно доказующим обстоятельствам должно было учинить предосторожность для охранения от бывших прежде сего неприятных примеров, а особливо что уже профессор Миллер неоднократно протестовал о том словесно в Профессорском собрании. И ради того учинил я Правительствующему Сенату законное представление для предупреждения в отсутствие вашего сиятельства, что не может вашей особе отнюд служить в обиду яко дело, не терпящее умедления. Сверх того не должен я не упомянуть в свое законное оправдание и того, что не токмо в отсутствие ваше, но и в бытность здесь ваш[его] сиятельства мои вам представления, служащие ко всенародной пользе и к исправлению академического состояния, весьма укоснительно в действие производятся, а иные и вовсе без действия оставлены.

6. По сему неложному моему ответу явствует и о поступках вышепомянутых моих товарищей, как они власть и отсутствие ваше непристойно употребляют. Что ж ныне в рассуждении Шлёцера учинить должно, о том всепо-

корнейше представляю следующее. Хотя он российским историографом быть неспособен и не может быть тем принят без предосуждения российским ученым, и что уже и кроме его в том упражняются другие, однако не сомневаюсь, что он способен быть ректором в Гимназии. Итак, дабы для вышеписанных предосторожностей его удержать в России, можно дать ему ректорство в Гимназии и притом титул экстраординарного профессора с тем, чтоб в Университете читал он студентам лекции универсальной истории на латинском языке, с жалованьем против российских экстраординарных. Но сие быть может с тем условием, чтобы помянутый Шлёцер покинул и забыл все те предуверения, кои вложены ему в голову с самого его приезду в Россию от призвавших его в здешнюю службу и к себе приласкавших для оскорбления некоторых добронамеренных академических членов, чему имею достоверные доказательства, и притом дабы он дал обязательство, что всегда будет наблюдать честь Академии и всего российского народа. Ежели же на то не склонится, то должно его отпустить за поручительством того, кто ему толь много вверил Библиотеку без указу, и за подпискою, что оный Шлёцер, выехав из России, ничего в других краях об оной в свет издавать не будет, а особливо поносительного и предосудительного, кроме благопристойного, что здешняя Академия Наук ему письменно дозволит.

<ЗАПИСКА ПО ПОВОДУ НАЗНАЧЕНИЯ А.-Л. ШЛЁЦЕРА ОРДИНАРНЫМ ПРОФЕССОРОМ ИСТОРИИ>

Не ранее января 1765 г.

Следствия от принятия Шлёцерова ординарным профессором истории

1) Роптание, что он принят не по справедливости, то есть излишний, недостойный, не заслуживший, в обиду старшим, против согласия общего, в нарекание природным россиянам, в утверждение старых академических непорядков.

2) Повод и дорога к прикрытию худых поступков, ибо сим успехом Тауберт покрывает непозволенную дерзость допущения совсем чужого и ненадежного человека в Библиотеку российских манускриптов, которую не меньше архивов в сохранности содержать должно, что многими примерами доказать не трудно.

3) Шлёцер, не имея такой, как ныне, привилегии, обращал уже в шутки, что у нас в России почтительно. Ныне ж, получив толь высокую протекцию, поступит еще дерзновеннее.

4) Какое рассуждение произойдет между учеными и всеми знающими, что выше всякого примера на свете Шлёцеровы сочинения выключены и освобождены от общего академического рассуждения и рассмотрения, от чего нигде ни единый академик, ни самый ученый и славный, не бывал свободен. Правда, что для Шлёцера то надобно, затем что опасается отдать на рассмотрение иноземец природным, ученик учителям, начавший многотрудившимся.

5) Все удивляются, что профессор Миллер [за] диссертацию, в которой нашлись сатирические некоторые выражения, штрафован был не токмо уничтожением оныя, но и понижением чина и убавкою жалованья и публично тем обруган, несмотря на его долговременную службу. Ныне Шлёцер, новоприезжий, еще за большие наглости вдруг награжден чином и жалованьем ординарного профессора с преимуществами, каковых никогда славнейшие на свете профессоры не имели.

6) Тауберт и его креатуры разносят по городу копии бессовестной Шлёцеровой на Ломоносова жалобы и тем рассевают на него гнев государский, дабы отвратить от него его доброжелателей и приятелей, а особливо уничтожить послушание его подчиненных, которые уже давно настращаны Таубертом, боятся Ломоносову оказывать исполнение дел законных по команде.

<ОТЧЕТ О ЗАВЕРШЕННЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ НАУЧНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТАХ>

Не позднее 19 января 1764 г.

Отрывок

<...> VI. В истории

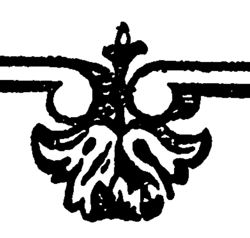
1) Сочинен краткий летописец российский с родословием и напечатан.

2) Сочинен первый том «Российской истории» и печатается, с филологическими изъяснениями.

3) Собраны многие рукописные известия, до российских дел надлежащие, собственным коштом.

4) Прочитаны многие книги домашних и внешних писателей; из них выписаны всякие надобности в продолжение «Российской истории». <...>

ЯЗЫКА НАШЕГО НЕБЕСНА КРАСОТА



ПИСЬМО О ПРАВИЛАХ РОССИЙСКОГО СТИХОТВОРСТВА

Сентябрь 1739 г.

В сокращении

Почтеннейшие господа!

Ода, которую вашему рассуждению вручить ныне высокую честь имею, не что иное есть, как только превеликия оныя радости плод, которую непобедимейшия нашея монархини преславная над неприятелями победа в верном и ревностном моем сердце возбудила. Моя продерзость вас неискусным пером утруждать только от усердныя к отечеству и его слову любви происходит. Подлинно, что для скудости к сему предприятию моих сил лучше бы мне молчать было. Однако, не сомневаясь, что ваше сердечное радение к распространению и исправлению российского языка и мое в сем неискусство и в российском стихотворстве недовольную способность извинит, а доброе мое намерение за благо примет, дерзнул наималейший сей мой труд купно со следующим о нашей версификации вообще рассуждением вашему предложить искусству. Не пристрастие меня к сему понудило, чтобы большее искусство имеющим правила давать, но искренное усердие заставило от вас самих научиться, правдивы ли оные мнения, что я о нашем стихосложении имею и по которым доныне, стихи сочиняя, поступаю. Итак, начиная оное вам, мои господа, предлагать, прежде кратко объявляю, на каких я основаниях оные утверждаю.

Первое и главнейшее мне кажется быть сие: российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить.

Второе: чем российский язык изобилен и что в нем к версификации угодно и способно, того, смотря на ску-

дость другой какой-нибудь речи или на небрежение в оной находящихся стихотворцев, не отнимать, но как собственное и природное употреблять надлежит.

Третие: понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобы ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить, надобно смотреть, кому и в чем лучше последовать.

На сих трех основаниях утверждаю я следующие правила.

Первое: в российском языке те только слоги долги, над которыми стоит сила, а прочие все коротки. Сие самое природное произношение нам очень легко показывает. Того ради совсем худо и свойству славенского языка, который с нынешним нашим не много разнится, противно учинил Смотрицкий, когда он *е*, о за короткие, *а*, *і*, *ѵ* за общие, *и*, *ѣ*, *ѡ* с некоторыми двугласными и со всеми гласными, что пред двумя или многими согласными стоят, за долгие почел. Его, как из первого параграфа его просодии видно, обманула Матфея Стриковского Сарматская хронология или он, может быть, на сих Овидиевых стихах утверждался: de Ponto, lib. IV, eleg. 13 [Послания с Понта, IV, 13].

Ah pudet, et Getico scripsi sermone lidellum,
Structaque sunt nostris barbara verba modis,
Et placui, gratare mihi, coepique poëtae
Inter inhumanos nomen habere Getas!
[Стыдно мне, я написал книжку на гетском языке,
И варварские слова построены нашим размером.
И, поздравь меня, я понравился,
И необразованные геты начали считать меня поэтом].

Ежели Овидий, будучи в ссылке в Томах, старинным славенским, или болгарским, или сарматским языком стихи на латинскую стать писал, то откуду Славенския грамматики автору на ум пришло долгость и краткость слогов совсем греческую, а не латинскую принять, не вижу. И хотя Овидий в своих стихах, по обыкновению латинских стихотворцев, стопы и, сколько из сего гексаметра

Materiam quaeris? Laudes de Caesare dixi (ibdem).
[Ты спрашиваешь о теме? Я произнес похвалу Цезарю (там же)].

заключить можно, двоесложные и троесложные в героическом своем поэмате употреблял, однако толь высокого разума пиита не надеюсь, что так погрешил, чтобы ему долгость и краткость слогов, латинскому или греческому языку свойственную, в оные стихи ввести, которые он на чужом и весьма особливом языке писал. И ежели древний оный язык от нынешнего нашего не очень был различен, то употреблял остроумный тот стихотворец в стихах своих не иные, как только те за долгие слоги, на которых акцент стоит, а прочие все за краткие. Следовательно, гексаметры, употребляя вместо спондеев для их малости хореи, тем же образом писал, которым следующие российские сочинены:

Счастлива красна была весна, все лето приятно.
Только мутился песок, лишь белая пена кипела.

А пантаметры:

Как обличаешь, смотри больше свои на дела̀,
Ходишь с кем всегда, бойся того подопнуть.

А не так, как Славенския грамматики автор:

Сарматски новорастныя музы стопу перву,
Тщащуюся Парнас во обитель вечну заяти,
Христе царю, приими и, благоволив тебе с отцем,
и проч.

Сии стихи коль славенского языка свойству противны, всяк видеть может, кто оный разумеет. Однако не могу я и оных сим предпочитать, в которых все односложные слова за долгие почитаются. Причина сего всякому россиянину известна. Кто будет протягивать единосложные союзы и многие во многих случаях предлоги? Самые имена, местоимения и наречия, стоя при других словах, свою силу теряют; например: за сто лет; под мост упал; ревет как лев; что ты знаешь? По оному королларию, в котором сие правило счастливо предложено, сочиненные стихи, хотя быть гексаметрами, в истые и изрядные, из анапестов и ямбов состоящие пентаметры попали, например:

Нĕвŏзмōжнŏ сēрдцў, âх! нĕ ӣметь печали.

По моему мнению, наши единосложные слова иные всегда долги, как: *бог*, *храм*, *свят*, иные кратки, например со-

юзы: *же, да, и*, а иные иногда кратки, иногда долги, например: *на море, по году, на волю, по горе́*.

Второе правило: во всех российских правильных стихах, долгих и коротких, надлежит нашему языку свойственные стопы, определенным числом и порядком учрежденные, употреблять. Оные каковы быть должны, свойство в нашем языке находящихся слов оному учит. Доброхотная природа как во всем, так и в оных, довольное России дала изобилие. В сокровище нашего языка имеем мы долгих и кратких речений неисчерпаемое богатство, так что в наши стихи без всякия нужды двоесложные и троесложные стопы внести, и в том грекам, римлянам, немцам и другим народам, в версификации правильно поступающим, последовать можем. Не знаю, чего бы ради иного наши гексаметры и все другие стихи, с одной стороны, так запереть, чтобы они ни больше, ни меньше определенного числа слогов не имели, а с другой,— такую волю дать, чтобы вместо хорея свободно было положить ямба, пиррихия и спондея, а следовательно, и всякую прозу стихом называть, как только разве последуя на рифмы кончащимся польским и французским строчкам? Неосновательное оное употребление, которое в Московские школы из Польши принесено, никакого нашему стихосложению закона и правил дать не может. Как оным стихам последовать, о которых правильном порядке тех же творцы не радеют? Французы, которые во всем хотят натурально поступать, однако почти всегда противно своему намерению чинят, нам в том, что до стоп надлежит, примером быть не могут, понеже, надеясь на свою фантазию, а не на правила, толь криво и косо в своих стихах слова склеивают, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они так же, как и немцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа иногда им в рот кладет, как видно в первой строфе оды, которую Боало Депро на сдачу Намура сочинил:

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourd'hui me fait la loi?
Chastes Nymphes du Permesse etc.,
[Какое ученое и священное пьянство дает мне
днесь закон? Чистые пермесские музы...]

однако нежные те господа, на то не смотря, почти однеми рифмами себя довольствуют. Пристойным весьма симбо-

лом французскую поэзию некто изобразил, представив оную на театре под видом некоторыя женщины, что, сугорбившись и раскарячившись, при музыке играющего на скрыпице сатира танцует. Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может. Сие толь долго пренебреженное счастие чтобы совсем в забвении не осталось, умыслил я наши правильные стихи из некоторых определенных стоп составлять и от тех, как в вышеозначенных трех языках обыкновенно, оным имена дать.

Первый род стихов называю ямбическим, который из одних только ямбов состоит:

Белеет, будто снег, лицом.

Второй — анапестическим, в котором только одни анапесты находятся:

Начертан многократно в бегущих волнах.

Третий — из ямбов и анапестов смешанным, в котором, по нужде или произволению, поставлены быть могут, как случится:

Во пищу себе червей хватать.

Четвертый — хореическим, что одни хореи составляют:

Свет мой, знаю, что пылает.
Мне̄ моя не служи́т доля.

Пятый — дактилическим, который из единых только дактилей состоит:

Вьется кругами змия по траве, обновившись в расселине.

Шестой — из хореев и дактилей смешанным, где, по нужде или по изволению, ту и другую употреблять можно сто́пу.

Ежель боится, кто не стал бы силен безмерно.

Сим образом расположив правильные наши стихи, нахожу шесть родов гексаметров, столько ж родов пентаметров, тетраметров, триметров и диметров, а следовательно, всех тридцать родов.

Неправильными и вольными стихами те называю, в которых вместо ямба или хорея можно пиррихия положить. Оные стихи употребляю я только в песнях, где всегда определенное число слогов быть надлежит. Например, в сем стихе вместо ямба пиррихий положен:

Цветы, румянец умножайте.

А здесь вместо хорея:

Солнцева се́стра за́была́.

Хорея вместо ямба и ямба вместо хорея в вольных стихах употребляю я очень редко, да и то ради необходимыя нужды или великия скорости понеже они совсем друг другу противны.

Что до цезуры надлежит, оную, как мне видится, в средине правильных наших стихов употреблять и оставлять можно. Долженствует ли она в нашем гексаметре для одного только отдыху быть неотменно, то может рассудить всяк по своей силе. Тому в своих стихах оную всегда оставить позволено, кто одним духом тринадцати слогов прочитать не может. За наилучшие, велелепнейшие и к сочинению легчайшие, во всех случаях скорость и тихость действия и состояния всякого пристрастия изобразить наиспособнейшие оные стихи почитаю, которые из анапестов и ямбов состоят.

Чистые ямбические стихи хотя и трудновато сочинять, однако, поднимаяся тихо вверх, материи благородство, великолепие и высоту умножают. Оных нигде не можно лучше употреблять, как в торжественных одах, что я в моей нынешней и учинил. Очень также способны и падающие, или из хореев и дактилев составленные стихи, к изображению крепких и слабых аффектов, скорых и тихих действий быть видятся. Пример скорого и ярого действия:

Бре́вна катайте наверх, каменья и го́ры валите,
Лес бросайте, живучий выжав дух, задавите.

Прочие роды стихов, рассуждая состояние и важность материи, также очень пристойно употреблять можно, о чем подробну упоминать для краткости времени оставляю.

Третие: российские стихи красно и свойственно на мужеские, женские и три литеры гласные, в себе имеющие рифмы, подобные италианским, могут кончиться. Хотя до сего времени только одне женские рифмы в российских стихах употребляемы были, а мужеские и от третьего слога начинающиеся заказаны, однако сей заказ толь праведен и нашей версификации так свойственен и природен, как ежели бы кто обеими ногами здоровому человеку всегда на одной скакать велел. Оное правило начало свое имеет, как видно, в Польше, откуду, пришед в Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному обыкновению так мало можно последовать, как самим польским рифмам, которые не могут иными быть, как только женскими, понеже все польские слова, выключая некоторые односложные, силу над предкончаемом слоге имеют. В нашем языке толь же довольно на последнем и третием, коль над предкончаемом слоге силу имеющих слов находится; то для чего нам оное богатство пренебрегать, без всякия причины самовольную нищету терпеть и только однеми женскими побрякивать, а мужеских бодрость и силу, тригласных устремление и высоту оставлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужеские рифмы толь смешны и подлы были, чтобы их только в комическом и сатирическом стихе, да и то еще редко, употреблять можно было? И чем бы святее сии женские рифмы: *красовулях, ходулях* следующих мужских: *восток, высок* были? По моему мнению, подлость рифмов не в том состоит, что они больше или меньше слогов имеют, но что оных слова подлое или простое что значат.

Четвертое: российские стихи так же кстати, красно и свойственно сочетаваться могут, как и немецкие. Понеже мы мужеские, женские и тригласные рифмы иметь можем, то услаждающая всегда человеческие чувства перемена оные меж собою перемешивать пристойно велит, что я почти во всех моих стихах чинил. Подлинно, что всякому, кто одне женские рифмы употребляет, сочетание и перемешка стихов странны кажутся, однако ежели бы он к сему только применился, то скоро бы увидел, что оное толь же приятно и красно, коль в других европейских языках. Никогда бы мужеская рифма перед женскою не показалася, как дряхлый, черный и девяносто лет старый арап пе-

ред наипокланяемою, наинежною и самым цветом младости сияющею европейскою красавицею.

Здесь предлагаю я некоторые строфы из моих стихов в пример стоп и сочетания. Тетраметры, из анапестов и ямбов сложенные. <...>

Но, мои господа, опасаяся, чтобы неважным сим моим письмом вам очень долго не наскучить, с покорным прошением заключаю. Ваше великодушие, ежели мои предложенные о российской версификации мнения нашему языку не свойственны и не пристойны, меня извинит. Не с иным коим намерением я сие учинить дерзнул, как только чтобы оных благосклонное исправление или беспрестрасное подкрепление для большего к поэзии поощрения от вас получить, чего несомненно надеясь, остаюсь, почтеннейшие господа,

ваш покорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К РИТОРИКЕ НА ПОЛЬЗУ ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛАДКОРЕЧИЯ

1743 г.

Фрагмент. Посвящение

Е. и. в. пресветлейшему государю великому князю Петру Феодоровичу, внуку государя императора Петра Великого и Российския империи наследнику, милостивейшему государю.

Пресветлейший великий князь,
милостивейший государь!

В пресветлейшей в. и. в. особе не токмо верные российские подданные твердую надежду будущего своего благополучия благоговейно почитают, но и вся Европа удивляется высоким вашим добродетелям, еще в юности процветающим, как истинной отрасли Петрова священнейшего семени. Взирают на них великим вашим дедом в России основанные науки как на восходящее солнце и от пресветлых его лучей нового щедрот сияния в несомненном

уповании ожидают. Благополучны возрастающие в России знания, в которых сам ожидаемый их расширитель, в. и. в., охотно упражняться изволит, равно как великий оных основатель. Благополучны в научении положенные труды сынов российских, которых щедрая вашего высочества рука ободряет к вящему приращению наук в наследной вашей империи. Толь прехвальными и Петрова внука достойными добродетельми ободренный, полагаю к дражайшим стопам в. и. в. сочиненное мною в пользу отечества Краткое руководство к риторике и, припадая подданнейше, прошу на сей нижайший мой труд воззреть милостивейшим оком. Крепкая всевышнего десница да покроет и укрепит неоцененное вашего высочества здравие и к вящей радости и благополучию всего российского народа чрез многие лета да соблюдет невредимо, чего от искреннего усердия подданнейше желаю

в. и. в. подданнейший раб
Михайло Ломоносов.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К КРАСНОРЕЧИЮ КНИГА ПЕРВАЯ, В КОТОРОЙ СОДЕРЖИТСЯ РИТОРИКА, ПОКАЗУЮЩАЯ ОБЩИЕ ПРАВИЛА ОБОЕГО КРАСНОРЕЧИЯ, ТО ЕСТЬ ОРАТОРИИ И ПОЭЗИИ, СОЧИНЕННАЯ В ПОЛЬЗУ ЛЮБЯЩИХ СЛОВЕСНЫЕ НАУКИ

Март 1744 г. — январь 1747 г.

Фрагменты

ВСТУПЛЕНИЕ

§ 1

Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово.

§ 2

К приобретению оного требуется пять следующих средствий: первое — природные дарования, второе — наука, третие — подражание авторов, четвертое — упражнение в сочинении, пятое — знание других наук.

§ 3

Природные дарования разделяются на душевные и телесные. Душевные дарования, а особливо остроумие и память к получению сего искусства толь необходимо нужны, как добрая земля к посеянию чистого семени, ибо как семя на неплодной земли, так и учение в худой голове тщетно есть и бесполезно. И для того Аполлоний Алабенденский, славный в древних временах красноречия учитель, по свидетельству Цицеронову, тех, которые от родителей своих к нему в училище присылались, в самом начале учения природную остроту прилежно рассматривал и которых приметил к тому быть неспособных немедленно назад отослал, чтобы они напрасными трудами себя не изнуряли. Телесные дарования, громкий и приятный голос, долгий дух и крепкая грудь в красноречии, а особливо в произношении слова упражняющимся очень надобны; также дородство и осанковатый вид приличны, ежели слово пред народом говорить должно.

§ 4

Наука состоит в познании нужных правил, которые показывают подлинный путь красноречию. Они должны быть, первое, кратки, чтобы не отяготить памяти многим изусть учением, а особливо тем, чему легче можно с примеров научиться, нежели по правилам; второе, порядочны, для того чтобы они были вразумительны и тем к научению способственны; третие, удовольствованы примерами, которые бы показывали самую оных силу для яснейшего их понятия и для способнейшего своих примеров против оных сочинений. Мы будем стараться, чтобы в настоящем нашем предприятии поступить по сим требованиям.

§ 5

Изучению правил следует подражание авторов, в красноречии славных, которое учащимся едва не больше нужно, нежели самые лучшие правила. Всяк знает, что и в

художествах того миновать нельзя, например: кто учится живописству, тот старается всегда иметь у себя лучшие рисунки и картины славных мастеров и, к ним применяясь, достигнуть совершенства в том художестве. Красноречие коль много превышает прочие искусства, толь больше требует и подражания знатных авторов. Но о сем пространнее предложено будет на конце сея книги особливо.

§ 6

Подражание требует, чтобы часто упражняться в сочинении разных слов. От беспрестанного упражнения возросло красноречие древних великих авторов, которых от того ни старость, ни великая честь и достоинство отвратить не могли, ибо генералы, сенаторы и сами консулы, как Ирций и Панса, будучи на высочайшем степени римския власти, у Цицерона приватно в красноречии обучались и в домах своих в произношении слова упражнялись. Азиний Поллион, славный генерал римский, презрев печаль о умершей своей дочери, в четвертый день после ея смерти обучался в произношении слова. Отсюду воспоследовало, что таковые трудолюбивые люди не готовясь говорили публично прекрасные речи. Сие прежде началось у греков, а потом уже в Риме возвысилось на самый высочайший степень. Такие речи, без приготовления пред народом произнесенные, назывались божественными, ибо оне казались быть выше сил человеческих. Того ради надлежит, чтобы учащиеся красноречию старались сим образом разум свой острить чрез беспрестанное упражнение в сочинении и произношении слов, а не полагаться на одне правила и чтение авторов, ежели при всяком случае и о всякой материи готовы быть желают к предложению слова.

§ 7

Материя риторическая есть все, о чем говорить можно, то есть все известные вещи в свете, откуда явствует, что, ежели кто имеет большее познание настоящих и прешедших вещей, то есть чем искуснее в науках, у того большее есть изобилие материи к красноречию. Итак, учащиеся оному великое будут иметь в своем искусстве вспоможение, ежели они обучены по последней мере истории и нравоучению.

§ 8

Слово двояко изображено быть может — прозою или поэмою. Проза есть слово, которого части не имеют точно определенной меры и порядка складов; ни согласия, в произношении точно назначенного, но все речения располагаются в нем таким порядком, какого обыкновенный чистый разговор требует. Поэма состоит из частей, известною мерою определенных, и притом имеет точный порядок складов по их ударению или произношению. Первым образом сочиняются проповеди, истории, учебные книги, другим составляются имны, оды, комедии, сатиры и других родов стихи.

§ 9

Но хотя проза от поэмы для отменного сложения разнится, а потому и в штиле должна быть отлична, однако в рассуждении общества материи весьма с оною сходствует, ибо об одной вещи можно писать прозою и стихами. Итак, оба сии красноречия роды имеют в себе купно обоим общее и особливо каждому отменное.

§ 10

Мы предлагаем здесь вкратце руководство к обоему красноречию и для того, поступая по натуральному порядку, показываем, во-первых, учение о красноречии вообще, поколику оно до прозы и до стихов касается, и затем при правилах полагаются в нем примеры прозою и стихами. Потом сообщаем наставление к сочинению речей в прозе и примеры присовокупляем прозаичные из славных авторов. Наконец, предлагается о стихотворстве учение с приложенными в примеры стихами.

Сии три учения составляют три книги сего руководства: Риторику, Ораторию и Поэзию.

КРАТКОГО РУКОВОДСТВА К КРАСНОРЕЧИЮ КНИГА I, СОДЕРЖАЩАЯ РИТОРИКУ

§ 1

Риторика есть учение о красноречии вообще. Имя сея науки происходит от греческого глагола ρεω, что значит: говорю, лью или теку. Оттуду же произведено и речение

ῥήτωρ (ритор), которое хотя на греческом языке значит витию или красноречивого человека и в российский язык в том же знаменовании принято, однако от новейших авторов почитается за именование писателя правил риторических.

§ 2

В сей науке предлагаются правила трех родов. Первые показывают, как изобретать оное, что о предложенной материи говорить должно; другие учат, как изобретенное украшать; третьи наставляют, как оное располагать надлежит, и посему разделяется Риторика на три части — на изобретение, украшение и расположение.

Часть I

О ИЗОБРЕТЕНИИ

<гл.> Глава вторая

О ИЗОБРЕТЕНИИ ПРОСТЫХ ИДЕЙ

§ 23

Сочинитель слова тем обильнейшими изобретениями оное обогатить может, чем быстрейшую имеет силу совображения, которая есть душевное дарование с одною вещию, в уме представленною, купно воображать другие, как-нибудь с нею сопряженные, например: когда, представив в уме корабль, с ним воображаем купно и море, по которому он плавает, с морем — бурю, с бурею — волны, с волнами — шум в берегах, с берегами — камни и так далее. Сие все действуем силою совображения, которая, будучи соединена с рассуждением, называется остроумие.

§ 24

Отсюду видно, что чрез силу совображения из одной простой идеи расплодиться могут многие, а чем оных больше, тем и в сочинении слова больше будет изобилия. Сие душевное дарование хотя многие имеют от природы велико, однако оно не всегда и не во всяком случае надежно, для того в споможение оного должно здесь предложить некоторые правила.

§ 25

Материя, сочинителю слова данная, обыкновенно бывает сложенная идея, которая называется тема. Простые идеи, из которых она составляется, называются терминами. Например, сия тема: *неусыпный труд препятства преодолевает* имеет в себе четыре термина: неусыпность, труд, препятства и преодоление. Предлоги и другие вспомогательные части слова за термины не почитаются.

§ 26

От терминов темы произведены быть могут чрез силу совображения (по § 23 и 24) многие простые идеи, которые мы разделяем на первые, вторичные и третичные. Первыми называем те, которые от терминов темы непосредственно происходят, вторичными, которые от первых, третичными, которые от вторичных идей рождаются. Например, в предложенной (§25) теме неусыпность есть термин, от которого рождаются непосредственно первые идеи: 1) утро, в которое неусыпный человек рано встает; 2) вечер и ночь, в которые он не спя в трудах упражняется. Вторичные идеи, которые от первой — утро — происходят, суть: заря, скрывающиеся звезды, восходящее солнце, пение птиц и прочая. Третичные идеи, которые от вторичной — заря — рождаются суть: багряный цвет, сходство с некоторою округлою дверью и прочая.

<...> § 32

О речениях, которые показанным образом собирать должно, не рассуждаем здесь, как еврейские учители, которые в книге, Зоар называемой, словам без всякого основания приписывают некоторую потаенную силу, от звезд происходящую и действующую в земных существах, и не принимаем их в таком разумении, как Руцелин, некто агличанин, который помянутому древнему раввинскому заблуждению учил нечто подобное в двенадцатом веку, утверждая, якобы в познании имен содержалось познание самых вещей, от чего произошла между учеными новая секта, которой последователи назывались именники (Nominales), и воспоследовали оттуду в Париже у студентов великие распри и кровопролития с теми, которые держались противного мнения и назывались вещественники (Reales). Мы учим здесь

собирать слова, которые не без разбору принимаются, но от идей, подлинные вещи или действия изображающих, происходят и как к предложенной теме, так и к самим себе некоторую взаимную принадлежность имеют, что окажется чрез приличное оных сопряжение в следующей главе.

Глава шестая

О ВОЗБУЖДЕНИИ, УТОЛЕНИИ И ИЗОБРАЖЕНИИ СТРАСТЕЙ

§ 94

Хотя доводы и довольны бывают к удостоверению о справедливости предлагаемыя материи, однако сочинитель слова должен сверх того слушателей учинить страстными к оной. Самые лучшие доказательства иногда столько силы не имеют, чтобы упрямого преклонить на свою сторону, когда другое мнение в уме его вкоренилось. Мало есть таких людей, которые могут поступать по рассуждению, преодолев свои склонности. Итак, что пособит ритору, хотя он свое мнение и основательно докажет, ежели не употребит способов к возбуждению страстей на свою сторону или не утолит противных?

§ 95

А чтобы сие с добрым успехом производить в дело, то надлежит обстоятельно знать нравы человеческие, должно самым искусством чрез рачительное наблюдение и философское остроумие высмотреть, от каких представлений и идей каждая страсть возбуждается, и изведать чрез нравоучение всю глубину сердец человеческих. Из сих источников почерпнул Димосфен всю свою силу к возбуждению страстей, ибо он немалое время у Платона учился философии, а особливо нравоучению. Также и Цицерон оттуда же имел чрезвычайную свою власть над сердцами слушателей, которой и самые жестокие нравы не могли противиться. Для сего предлагаются здесь правила к возбуждению страстей, которые по большой части из учения о душе и из нравоучительной философии происходят.

§ 96

Страстию называется сильная чувственная охота или неохота, соединенная с необыкновенным движением крови и жизненных духов, при чем всегда бывает услаждение или скука. В возбуждении и утолении страстей, во-первых, три вещи наблюдать должно: 1) состояние самого ритора, 2) состояние слушателей, 3) самое к возбуждению служащее действие и сила красноречия.

§ 97

Что до состояния самого ритора надлежит, то много способствует к возбуждению и утолению страстей: 1) когда слушатели знают, что он добросердечный и совестный человек, а не легкомысленный ласкатель и лукавец; 2) ежели его народ любит за его заслуги; 3) ежели он сам ту же страсть имеет, которую в слушателях возбудить хочет, а не притворно их страстными учинить намерен, ибо он тогда не токмо словом, но и видом и движением действовать будет; 4) ежели он знатен породою или чином; 5) с важностию знатного чина и породы купно немало помогает старость, которой честь и повелительство некоторым образом дает сама натура. Довольно было Августу к внезапному усмирению замешательства, учинившегося между знатными молодыми дворянами, сказать:

Слушайте, молодые люди, старика, которого во младости старики слушали.

§ 98

Нравы человеческие коль различны и коль отменно людей состояние, того и сказать невозможно. Для того разумный ритор прилежно наблюдать должен хотя главные слушателей свойства, то есть 1) возраст, ибо малые дети на приятные и нежные вещи обращаются и склоннее к радости, милосердию, боязни и к стыду, взрослые способнее приведены быть могут на радость и на гнев, старые перед прочими страстьми склоннее к ненависти, к любочестию и к зависти, страсти в них возбудить и утолить труднее, нежели в молодых; 2) пол, ибо мужеский пол к страстям удобнее склоняется и скорее оные оставляет, но женский пол, хотя на оные еще и скоряе побуждается, однако весьма долго в них остается и с трудом оставляет; 3) воспитание, ибо кто к чему привык, от того отвратить трудно; напротив

того, большую к тому же возбудить склонность весьма свободно: спартанского жителя, в поте и в пыли воспитанного, трудно принудить, чтобы он сидел дома за книгами; напротив того, афинеанина едва вызовешь ли от учения в поле; 4) наука, ибо у людей, обученных в политике и многим знанием и искусством важных, надлежит возбуждать страсти с умеренною живностию и с благочинною бодростию, предложениями важного учения исполненными; напротив того, у простаков и у грубых людей должно употреблять всю силу стремительных и огорчительных страстей, для того что нежные и плачевные столько у них действительны, сколько лютна у медведей. При всех сих надлежит наблюдать время, место и обстоятельства. Итак, разумный ритор при возбуждении страстей должен поступать, как искусный боец: умечать в то место, где не прикрыто, а особливо того наблюдать, чтобы тем приводить в страсти, кому что больше нужно, пристойно и полезно.

§ 99

Сим следует главное дело, то есть самая сила к возбуждению или утолению страстей и действие красноречия. Оно долженствует быть велико, стремительно, остро и крепко, не первым токмо стремлением ударяющее и потом упадающее, но беспрестанно возрастающее и укрепляющееся. Здесь присовокупить должно крепость голоса и напряжение груди. И, таким образом, ежели кто хочет приятную или скучную страсть возбудить, то должен он своим слушателям представить все к предлагаемой вещи принадлежащее добро или зло в великом множестве и скоро одно после другого. К сему требуется, чтобы ритор имел великое остроумие и рачение для изыскания идей, к сему делу пристойных. Буде же он какую-нибудь страсть утолить хочет, то должен слушателям показать, что оного добра или зла в предлагаемой вещи нет, к которому они толь страстны, или по последней мере изъяснить, что оное добро или зло не толь велико, как они думают. Здесь не меньше надлежит употребить силы и стремления в слове, а притом еще надобно больше иметь предосторожности, нежели в первом случае.

§ 100

Больше всех служат к движению и возбуждению страстей живо представленные описания, которые очень в чувства ударяют, а особливо как бы действительно в зрении

изображаются. Глубокомысленные рассуждения и доказательства не так чувствительны, и страсти не могут от них возгореться; и для того с высокого седалища разум к чувствам свести должно и с ними соединить, чтобы он в страсти воспламенился. Сему в пример служить может следующее описание. Когда преславный город Смирна от трясения земли разорился, тогда посланный к Антонинам, кесарям римским, Аристид представлял:

Смирна, украшение Азии, честь вашей империи, огнем и трясением земли повержена и сотренна (потом, описав ее бывшую красоту, говорит). *Сие все ныне покрыто пепелом, затворилась оная пристань, разрушились прекрасные площади, исчезли преизрядные улицы, училища с учительми и отроками упали, храмы инные рассыпались, инные поглощены землею. Приятнейший зрению город, и по имени своему прекраснейший, стал неприятное позорище, громада разрушенных зданий и трупов. Уже ныне по опустошенному только зефиры провевают.*

При сих словах оба кесари не могли от слез удержаться. Во время замешательства, которое между солдатами и черныо в Риме весьма кровопролитно было, Пупиен-кесарь ни словом, ни властию оного утолить не мог. Но как только сына своего Гордиана, младенца, бунтующим показал, то немедленно все смятение утолилось. Обнаженная раненых солдатов грудь, сетующие их родители, жены и малые дети, в слезах и рыдании представленные, великую силу имеют к возбуждению жалости и милосердия. Искусный ритор при возбуждении и утолении страстей должен стараться, как бы подобные случаи так живо слушателям в слове изобразить, чтобы они предлагаемое дело как перед глазами ясно видели.

§ 101

Сии суть общие правила, учащие возбуждению и утолению страстей. Им следуют правила особливые о знатнейших страстях, которые от риторов чаще других употреблены бывают. Из них мягкие и нежные суть радость, любовь, надежда, милосердие, честь или любочестие и студ. Напротив того, печаль, ненависть, гнев, отчаяние, раскаяние и зависть суть жестокие и сильные страсти. Прочие между сильными и нежными посредственны.

§ 102

Радость есть душевное услаждение в рассуждении настоящего добра, подлинного или мнимого. Сия страсть имеет три степени. В самом начале производит немалое, однако свободное движение и играние крови, скакание, плескание, смеяние. Но как несколько утихнет, тогда пременяется в веселие, и последует некоторое распространение сердца, взор приятный и лице веселое. Напоследи, как уже веселие успокоится, наступает удовольствие мыслей и перестают все чрезвычайные в теле перемены.

§ 103

К возбуждению радости в слушателях должно представить: 1) что они великое добро или много оного получили, 2) что оное полученное добро есть то, которое они любят, 3) что они того долго искали, 4) притом предложить употребленные на снискание оного труды, попечения и беды, которых воспоминание всегда приятно бывает, 5) упомянуть, что того добра другие желали, но не получили, 6) что неприятели слушателей в том им завидуют и весьма печальны, ибо о печали недругов натурально радуемся, 7) ежели слушатели к приобретению оного добра показали, какие заслуги или искусство употребляли, то приложить к тому их похвалу, ибо всяк, слыша себя похваляема, радуется, 8) буде же по случаю или по милости великой особы получили, то должно сказать, что они того достойны, 9) представить, что полученное добро будет долговременно и безопасно.

§ 104

В сем случае должно употребить предложения, которыми обыкновенно слушатели увеселяются, то есть новые, неслыханные, полезные, словом чистым, мягким, витиеватым и наподобие весны цветущим. Надлежит высматривать склонность слушателей, чувствами ли они больше увеселяются или разумом; последних хотя и мало бывает, однако для них должно вмещать при возбуждении радости важные и ученые предложения. В рассуждении последних надобно смотреть, чем оне больше увеселяются, и по тому представлять им радость о данной материи.

<···> § 106

Радости противная страсть есть печаль, которая состоит в жестокой скуке о настоящем зле, и так происходит она, когда в уме представляется лишение великого добра или терпение великого несчастия. Для того, ежели кто хочет в слушателях печаль возбудить, то должен он представить, 1) что они великое, нужное и полезное добро потеряли, 2) потеряли то, что они любили, 3) чего толь долго искали, 4) для чего столько трудов и попечения положено и бед претерплено, 5) потеряли то, что прежде у других с трудом перехватили, 6) что неприятели их о том радуются, 7) что того несчастия давно было должно остерегаться, однако оно небрежением их учинилось, и что уже о том стараться поздно, 8) представить те времена и места, в которые и на которых они добром тем увеселялись, 9) припомнить посторонние обстоятельства, которые, соединившись с потерянным добром, их радость умножали, 10) упомянуть о признаках, которые оное несчастие предвозвещали. <···>

§ 107

Печали следует утешение, в котором представляются средствия, печаль утоляющие. Для сего должно представлять слушателям, 1) что им за потеряние оного добра другое возвратится, равное или еще большее, 2) что от лишения оного будет им честь или вечная слава, 3) что они имеют в той печали себе товарищей, 4) что жизнь человеческая таким переменам подвержена и что большие, знатнейшие и сильнейшие то же часто претерпевают, 5) что в печали великодушие весьма похвально, 6) что печально и сокрушением потерянного добра возвратить невозможно, 7) особливо должно ободрять надеждою, о чем ниже предлагается. <···>

§ 108

Любовь есть склонность духа к другому кому, чтобы из его благополучия иметь услаждение. Сия страсть по справедливости назваться может мать других страстей, ибо часто для любви веселимся, плачем, уповаем, боимся, негодуем, жалеем, стыдимся, раскаиваемся и прочая. Любовь сильна, как молния, но без грому проницает, и самые силь-

ные ея удары приятны. Когда ритор сию страсть в слушателях возбудит, то уже он в прочем над ними торжествовать может.

§ 109

Возбуждать любовь к слушателям должен ритор таким образом: 1) представить надлежит, что человек, о котором слово, весьма добродетелен, где добродетели его обстоятельно и живо описать должно, а особливо показать, что он доброго и честного нраву, 2) объявить оного взаимную к ним любовь, ибо мы любящих нас обыкновенно любим, 3) склонность и любовь двоих к одной вещи между ими любовь рождает, для того и сие представлять должно, 4) показывать подобие оного с ними, ибо подобные подобных и любят, 5) сказать, что он купно с ними радуется о счастии, печалится о несчастии, 6) что часто с ними бывал в однех случаях и обстоятельствах, 7) что они получили от него благодеяние или впредь того ожидать должны, 8) что он приятен в обходительстве и ведет себя честно, 9) что их за очи хвалит, 10) что никого не осуждает и не переговаривает, 11) что никогда не злобствует и обид, себе учиненных, не помнит, 12) что гневным уступает, 13) что удивляется знатным их делам, 14) что, в одном с ними деле упражняясь, им же подражает, не для того чтобы их превзойти, но только чтобы им последовать, 15) что открывает им свои тайны и поступает нескрытно, 16) что в дружбе поступает верно, в очи и за очи, в счастье и несчастье, 17) что их почитает, 18) удостоверить, что его не должно бояться, ибо любовь и боязнь вместе быть не могут, 19) что их сродники и приятели в любви его содержали или содержат, 20) предложить о его искусстве и о науке. <...>

<...> § 111

Надежда есть услаждение о получении будущего добра. Движением сея страсти бедные утешаются и ободряются ослабевшие. Ритор, когда оную в ком возбудить хочет, то должен он представить, 1) что оное добро получить возможно, 2) что в получении оного хотя есть препятствия и затруднения, однако преодолеть их не весьма трудно, 3) что к получению оного есть довольные способы, 4) что есть примеры, как другие прежде подобным образом то же достали или он и сам прежде сего получал, 5) что время, место и обстоятельства к тому способны, 6) что есть признаки божией помощи, на которую уповать должно. <...>

§ 112

Противная надежде страсть — боязнь есть скука от ожидания приближающегося зла. Итак, ежели кого в боязнь привести хочешь, то должно представить 1) такие приближающиеся вещи, от которых смерть приключается, как гром, пожары, наводнения, звери, неприятельские нападения, язва, мор, трясение земли, бури и прочая или 2) которые великую печаль наводят, как лишение родителей, супругов, детей, богатства, чести, также поношение, наказание, темница, заточение и прочая, 3) сказать, что есть приходящего зла признаки или предзнаменования, как кометы и другие чрезвычайные явления на небе, сновидения и прочая, 4) особливо смотреть, чтобы представить опасность в том, кто что больше любит, ибо сие место очень мягко и самому легкому движению уступает, 5) предложить примеры, как другие в том пострадали, 6) что наступающее зло еще не имеет себе подобных, 7) что с ним другие беды соединены, 8) что силы столько не будет оное вытерпеть, 9) что оное зло весьма долго не окончится, 10) что его уже отвратить нельзя, 11) что к тому способствуют те, которые во всем власть имеют и притом озлоблены, 12) ежели боязнь состоит в сомнительном получении желаемой вещи, которой также и другие ищут, то предложить, что они к получению оной сильняе и лучшие способы имеют. <...>

§ 113

Гневом называется великая скука, нанесенная досадою или обидою и соединенная с ненавистью того, кто обидел. Сия страсть напрягается, когда стыд, раскаяние, страх или отчаяние с нею соединено будет по обстоятельствам; в высоком своем степени называется яростию. Когда ритор в ком сию страсть против кого-нибудь возбудить хочет, должен он представить, 1) что ему от того нанесена великая беда, обида или досада, 2) что он притом еще его презирает и осмехает, 3) что тою учиненною им обидою хвастает, 4) что грозится еще и впредь больше изобидеть, 5) что от него чинятся во всех добрых предприятиях препятствия, 6) или, ежели он подчинен, то показать, что чинятся от него преслушания и пустые отговорки, 7) буде же власть имеет, то сказать, что он незаконно и неправильно повелевает и излишно трудами отягощает или 8) что обида учинилась от

того, от кого оной надеяться не можно было по сродству или по дружеству, 9) что оная обида нанесена вместо благодарения за учиненные благодеяния, 10) или, что она касается до тех, кого он любит, 11) что учинена от такого, кто много хуже породою, чином, учением, заслугами или возрастом и летами, 12) что тот, кому нанесена обида, много честнее и достойнее того, кто изобидел, 13) что сия обида и другим, которые хуже его, была бы нестерпима, 14) что и меньший обиды снести невозможно, 15) ежели сему обидчику уступить, то и другие, на него смотря, нападать станут, 16) ежели бы в его силе было, то бы он еще и больше изобидел, 17) также на гнев побуждает представление о непочтении, 18) или ежели кто радуется о чьем несчастии, 19) либо кто ругается тем, чего другой с великим трудом доступает, 20) сердимся и на тех, которые нерадостную весть приносят. <...>

§ 114

Гневу противно сожаление или милосердие, которое есть скука для несчастия или бедности того, кому мы добра желаем, происходит от любви к тому, кто такое противное состояние терпеть принужден. Итак, для возбуждения сея старости должно 1) страждущего учинить любимым (по § 108), 2) бедное его состояние живо представить, 3) показать, что он такое зло терпит безвинно 4) или по последней мере излишно страждет, 5) что с ним родители, жена и дети тоже сносить принуждены, 6) чтобы всяк по себе рассудил, ежели бы ему такое зло приключилось, 7) что он в вине своей признается и сожалеет, 8) что в том прощения просит, а впредь делать того не станет, 9) что он то сделал от нестерпимой досады в гневе, 10) что то учинилось ненарочно и не с умыслу, 11) что лета и возраст, то есть младенчество, молодость или старость к тому привела, 12) что он другой надежды ко спасению не имеет. Сверх сего можно употреблять предложения, противные тем, которыми гнев возбуждается. <...>

§ 115

Честь или честолюбие есть услаждение добрым мнением, которое об нас люди имеют. Сия страсть рождается, когда кому честь как нечто особливое и великое представлена бывает, и после того показывается, что он такую честь

имеет. Итак, ежели понадобится возбудить в ком честолюбие, то надлежит 1) похвалить его поступки и по обстоятельствам, по времени и по месту оные увеличить, 2) в некоторых пристойных вещах можно его предпочтить другим, ему равным, 3) упомянуть, что почтение есть самое лучшее награждение великодушия и благородного поведения, 4) что все великие люди честь и похвалу любили, 5) что без сей страсти не чинились бы на свете знатные предприятия, и великие дела к концу бы не приходили, 6) и для того ничего нет, что бы толь велико и трудно было, чего бы честолюбивый не мог привести в состояние. <...>

<...> § 117

Зависть есть скука, которая происходит от благополучия того, кого мы ненавидим. Сию страсть хотя не надлежит ритору как человеку, добрым делам и нравам учащему, в слушателях возбуждать, однако способы к движению оныя знать надобно тем, которые хотят кого-нибудь описать, в других зависть возбуждающего, или кого завидующего представить. Для себя предлагают, 1) что тот человек (на которого зависть подвигнуть должно), хотя ему (в ком зависть возбуждать надлежит) летами, породою или искусством, либо заслугами равен, или еще и меньше, однако много большее награждение, похвалу или чин имеет, 2) что, хотя он искал богатства, чести или какого-нибудь добра, однако другой у него перехватил, 3) что другой в кратком времени стал толь счастлив, 4) что другого честь — утрата его славы и другого прибыток есть его убыток, 5) что его добро другому достается, 6) что кому он желает несчастия, тому счастие приключилось. <...>

§ 118

Зависти сродна есть ревность и разнится от ней в том, что завидующий желает, дабы другой не имел того или такого же добра, какого он желает или имеет, а ревнующий желает только, чтобы и себе получить такое же посильное добро, какое другой имеет. Посему ревность есть похвальна, а зависть, напротив того, за порок почитается. Кто ревность в ком возбудить хочет, должен представить, 1) что он достоин того же добра, что другой имеет, 2) что ему будет стыдно, ежели он того же не получит, 3) что предки или родители его то же имели, 4) что ревность возводит иа вы-

сокие степени достоинства, приобретает богатство и бессмертную славу, 5) что ревновать не зазорно такой особе, которая его не хуже или еще и лучше, 6) что к оной особе и другие не хуже его ревность имеют. Противно сей страсти есть презрение и возбуждается противными представлениями вышепоказанным. <…>

§ 119

Раскаяние есть скука, происшедшая от учиненного нами дела, которое мы после за злое почитаем. Итак, рождается оно, когда мы о наших худых поступках рассуждаем; для того, кто сию страсть в другом возбудить хочет, должен 1) предложить обстоятельно все его худые дела, 2) что в сих делах запереться нельзя, для того что всем явны, 3) что он первый такое зло учинил или большее, нежели другие, 4) что от него не надеялись такого злого поступка, 5) что оное злое дело вредит больше ему, нежели другим, 6) что для того все люди от него отвращение имеют, 7) что следствия худых своих дел скоро он чувствовать будет, 8) что очень бы хорошо было, ежели бы то злое дело не учинилось. <…>

<…> § 126

В изображении страстного человека представляют при словах его купно и движение тела, как взгляды, махания и плескания руками, трясение членов и прочая, что дает великую живность слову и умножает силу красноречия. Так представляет Цицерон печального Катилину, о чем смотри в примере § 105:

Лежит повержен, римляне, и часто, искосив глаза, оглядывается на сей город, о котором, из челюстей своих исхищенном, плачет.

И Овидий, представляя гневного Аякса в словопрении с Уликсом о оружии Ахиллесове, говорит в 13 кн. о превращениях:

Он, гневом воспален, возвел свирепый взор
На Илионский брег, где гречески суда,
И, руки протянув, вскричал: О сильный боже!
Пред флотом я в суде, и мне Уликс соперник!

§ 127

Весьма возвышается слово смешением страстей, и для того славные авторы нередко представляют одного человека, двумя разными или и противными страстьми объятого. Так Виргилий изображает Дидону, королеву карфагенскую, одержимую яростию, раскаянием и отчаянием, при отъезде Енея, генерала троянского, в 4 книге своея Енеиды. <...>

Часть II

О УКРАШЕНИИ

<...> Глава третия

О ТРОПАХ РЕЧЕНИЙ

§ 181

Тропы речений знатнейшие суть шесть: метафора, синекдоха, метонимия, антономазия, катахресис и металепсис.

§ 182

Метафора есть перенос речений от собственного знаменования к другому ради некоторого обоих подобия, что бывает, 1) когда речение, к бездушной вещи надлежащее, переносится к животной, например: *твердый человек* вместо *скупой; каменное сердце*, то есть *несклонное; мысли колеблются*, то есть *переменяются;* 2) когда речение, к одушевленной вещи надлежащее, переносится к бездушной: *угрюмое море, лице земли, луга смеются, жаждущие пустыни, земля, плугом уязвленная, необузданные ветры;* 3) когда слово от неживотной вещи к неживотной же переносится: *в волнах кипящий песок* вместо *мутящийся; небо звездами расцветает* вместо *светит;* 4) когда речения переносятся от животных к животным вещам: *алчный взор, летающие мысли, лаятель Зоил.*

§ 183

Сим образом идеи представляются много живяе и великолепнее, нежели просто, причем наблюдать должно, 1) чтобы метафор не употреблять чрез меру часто, но токмо

в пристойных местах, ибо излишно в речь стесненные переносные слова больше оную затмевают, нежели возвышают; 2) к вещам высоким и важным непристойно переносить речений от вещей низких и подлых, например: *небо плюет* непристойно сказать вместо *дождь идет*. Но ежели вещи, от которых слово переносится, не очень подлы, то могут прилагательными именами быть повышены и употреблены: так, ежели гром назвать трубою, то будет матафора низка; однако с прилагательным *труба небесная* будет много выше; 3) к низким и подлым вещам от высоких и важных переносить речения также непристойно, кроме шуток, например, *блистающая солома, громогласный комар*.

§ 184

Синекдоха есть троп, когда речение переносится от большого к меньшему или от меньшего к большему, что бывает, 1) когда род полагается вместо вида, как *цвет* вместо *розы*, *ветр* вместо *севера;* 2) вид вместо рода, как: *сокол* вместо *птицы*, *река* вместо *воды*. Но притом надлежит остерегаться, чтобы не поступить против натуры, наприм.: *из Кипра в Крит плыть способным западом*, ибо оный ветр пловущим в ту сторону противен; 3) когда целое полагается вместо части: *египтяна Нилом жажду свою утоляют* вместо *частию воды из Нила;* 4) часть вместо целого, например: *сто голов* вместо *сто человек;* 5) когда положено будет множественное число вместо единственного, например: *он пишет краснее Цицеронов;* 6) единственное вместо множественного: *россиянин радуется о получении победы* вместо *россияна; 7) когда* известное число полагается вместо неизвестного: *там тысящи валятся вдруг* вместо *множество валится*.

§ 185

Метонимия есть когда вещей, некоторую принадлежность между собою имеющих, имена взаимно переносятся, что бывает, 1) когда действующее вместо страждущего полагается: *имеете Моисея и пророков* вместо *имеете книги Моисеевы и пророческие; читать Виргилия*, то есть *Вергилиевы стихи;* 2) когда положено будет действие или свойство вместо действующего: *убийство достойно смертной казни* вместо *убийца достоин; милость на суде похвальна*, то есть *милостивый; где оная злоба, которая меня погубила?*

то есть *где оный злобный?* 3) когда материя приемлется вместо той вещи, из которой она сделана: *животворящее древо*, то есть *животворящий крест; серебром искупить*, то есть *серебряными деньгами; пронзен железом*, то есть *железным оружим;* 4) или вещь, сделанная вместо самой материи: *хлеб собирать с поля, то есть пшеницу; венки щипать в лугах*, то есть *цветки, из которых венки сплетают;* 5) когда вещь содержащая или место полагается вместо содержимой: *восток и льдистый океан свои колена преклоняют*, то есть *живущие на востоке и при Ледовитом океане; острая голова, то есть острый ум в голове; любезна небесам страна*, то есть *богу, живущему на небесах;* 6) когда вместо вещи полагается тот, кто ею владеет: *сильный маломощного съедает*, то есть *его добро; при военном шуме молчат законы*, то есть *судьи; Укалегон горит*, то есть *дом его;* 7) намерение или причина, для которой что бывает вместо действия: *честь на алтарь возложить*, то есть *жертву для чести божией;* 8) признак вместо самой вещи: *орел* вместо *Российской империи; луна* вместо *Турции; десять дымов*, то есть *десять домов; седину почитать должно*, то есть *старых.*

§ 186

Антономазия есть взаимная перемена имен собственных и нарицательных, что бывает, 1) когда употребляется имя собственное вместо нарицательного, например: *Сампсон* или *Геркулес* вместо *сильного*, *Крез* вместо *богатого*, *Цицерон* вместо *красноречивого;* 2) нарицательное вместо собственного: *Апостол пишет*, то есть *Павел; стихотворец говорит*, то есть *Виргилий;* 3) когда предки или основатели полагаются вместо потомков, напр.: *Славен* вместо *славян*, *Иуда* вместо *еврейского народа;* 4) имя отечественное вместо собственного: *арпинянин* вместо *Цицерона, троянин* вместо *Енея;* 5) стихотворцы нередко полагают свое собственное имя вместо местоимения я, как *Овидий* нередко называет себя своим прозванием *Назон.*

§ 187

Катахресис есть перемена речений на другие, которые имеют близкое к ним знаменование, что бывает ради напряжения или послабления какого-нибудь действия или свойства, например: для напряжения — *бояться*, вместо *ждать; бежать* вместо *итти; бранить* вместо *выговаривать;*

лукав вместо *хитр; скуп* вместо *бережен; нахален* вместо *незастенчив;* для послабления — *ждать* вместо *бояться; итти* вместо *бежать; выговаривать* вместо *бранить; хитр* вместо *лукав; незастенчив* вместо *нахален.*

§ 188

Металепсис есть перенесение слова через одно, два или три знаменования от своего собственного, которые одно из другого следуют и по оному разумеются:

Как десять жатв прошло, взята пространна Троя.

Здесь через жатву разумеется лето, через лето целый год. Таковы суть и следующие примеры: *помнить союз,* вместо *хранить; знать бога* вместо *бояться; под темною ивою,* то есть *в тени у ивы.*

Глава четвертая

О ТРОПАХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

§ 189

Тропы предложений суть пять: аллегория, парафразис, эмфазис, иперболa, ирония, от которых перед прочими украшениями получает слово особливое возвышение и великолепие, а особливо от четырех первых.

§ 190

Аллегория есть перенесение предложений от собственного знаменования к другому стечением многих метафор, между собою сродных и некоторую взаимную принадлежность имеющих. Пример из Цицеронова слова против Калпурния Пизона:

Таков я боязлив не был, чтобы, управив в превеликих бурях и волнениях корабль общества и невредим в пристанище поставив, устрашился от малого туману твоего бесстудия и от скверного дыхания твоего сообщника.

Из сего примера видеть можно, что от начала до конца аллегории полагаются речения, между собою сродные, как: бури, волнения, корабль, пристанище, туман, дыхание.

§ 191

Разделяется аллегория иа чистую и смешанную; чистая состоит вся из переносных речений, например: *окропил ты мне горящую грудь*, то есть *печальному духу моему дал ты отраду*. Смешанная состоит из речений переносных, к которым для изъяснения многие присовокупляются в свойственном знаменовании, например:

Сказывает, что он видит в Италии восстающий облак лютыя и кровавыя войны, видит гремящую и блещущую от запада бурю, которая в кое государство погодою победы принесена ни будет, все наводнит великим и кровавым дождем.

§ 192

К сему тропу принадлежат загадки и пословицы. Загадки всегда состоят из чистой аллегории, пример о колодезе из Вирг., Эклога 3:

Скажи, в каких землях, то будешь ты мне Феб,
Не больше трех локтей открыты небеса.

И следующее о льде:

Меня родила мать, котору я рождаю.

Так же и пословицы, которые состоят из чистой или смешанной аллегории, надлежат до сего тропа:

И всяк спляшет, да не так, как скоморох.

Молебен пет,
А польги нет.

Либо полон двор,
Либо корень вон.

§ 193

Аллегоричным штилем многие излишно услаждаются и чрез меру часто сей троп употребляют, а особливо те, которые не знают подлинной красоты слова, но прельщаются притворным его видом. Умеренно употребленная аллегория слово украшает и возвышает, а без меры часто в слово вне-

сенная оное помрачает и обезображает. Однако иногда служит к возбуждению страха и в сем случае ночи подобна, ибо потаенное страшит больше, нежели явное. От вымыслов разнится аллегория тем, что в них сами идеи, а в аллегории только одне речи переносятся.

§ 194

Парафразис есть представление многими речениями того, что однем или немногими изображено быть может, например: *храбрый разоритель Карфагена*, то есть *Сципион*. К составлению парафразисов служить могут следующие правила: 1) когда к существительному приложишь пристойное прилагательное и, оное переменив на существительное ж, первое положишь в родительном падеже или переменишь в прилагательное, например: вместо *села* положишь *безмолвие сел* или *безмолвие сельское;* 2) когда глагол переложишь на имя, а с ним сочинишь иной глагол, к тому приличный. *в страх привести* вместо *устрашить; обагрить кровью* вместо *окровавить;* 3) когда имя полагается в родительном падеже с другим именем, произведенным от глагола, к первому принадлежащего, например: *течение воздуха* вместо *ветра; разлучение от жизни* вместо *смерти; ночное упокоение после трудов*, то есть *сон;* 4) чрез метафору, когда имя полагается в родительном падеже с другим именем, значащим подобие, или в прилагательное пременятся, например: *юность лета*, то есть *весна; старость дня*, то есть *вечер; волнение мыслей*, то есть *сомнение; жидкие поля Балтийские*, то есть *Балтийское море*.

§ 195

Эмфазис есть когда действие или состояние вещи не прямо изображается, но разумеется из другого и чрез то великолепно возвышается, что бывает 1) по обстоятельствам, например:

Сердца жаленьем закипели,
Когда под дерзким кораблем
Балтийски волны побелели.

Побеление волн есть обстоятельство бегущего по морю корабля, чрез которое здесь скорое оного течение разумеется; 2) по жизненным свойствам, наприм.:

Небесной красоте дивится чистый Дафнис
И видит облаки и звезды под ногами.

(Вергилий, Екл. 5).

То есть Дафнис на небе, или:

Раздранный Гектор здесь страшил коней ахейских.

То есть здесь Гектора волочил Ахиллес; 3) по месту или времени, например: Вергилий говорит о Цербере, что он *растянулся по неизмеримой пещере*, и о выходе греков из коня в Трое, *что спускались они по веревке*, и чрез то показывает ужасную величину оного адского пса и вышину коня троянского; 4) когда предыдущее разумеется чрез последующее:

Волы несут домой повешенные плуги.

(Виргилий, Екл. 4).

То есть землю пахать ввечеру перестали; 5) когда тот, кто о каком действии сказывает, представляется как бы он сам оное производил. Так Виргилий говорит о Силене в 6 Еклоге:

Корой обводит сестр продерзка Фаетонта
И ольхи на земли велики производит.

То есть поет о перемене Фаетонтовых сестр в ольхи.

§ 196

Иперболa есть повышение или понижение слова невероятное, которое употребляется:

1) Для напряжения, например: *бег скорейший вихря и молнии; звезд касающийся Атлант; из целых гор иссеченные храмы*. Сюда принадлежит и следующее:

Коликой славой днесь блистает
Сей град о прибытии твоем!
Он всей отрады не вмещает
В пространном здании своем;
Но воздух наполняет плеском
И нощи тьму отъемлет блеском.
Ах, если б ныне россов всех
К тебе горяща мысль открылась,

То б мрачна ночь от сих утех
На вечный день переменилась.

2) Употребляется для послабления, например: *чуть в костях держится* или *как тень шатается*, то есть весьма истощал.

§ 197

Сей троп приличен в изображении людей, великими страстьми объятых, а особливо радостию, печалию, ненавистью и гневом. Так, Ахиллес, гневный на Агамемнона, говорит у Гомера, что он с Агамемноном не примирится, хотя бы он давал ему все богатство, которое в песке морском или в земных недрах скрыто, и дочери его за себя не поймет, хотя бы она красотою с Венерою и искусством с Минервою могла сравниться.

§ 198

Иперболы иногда умягчаются:

1) Речениями: *якобы, почти, близ, едва не* и прочие, например:

Един оный день был мне подобен бессмертию, в который я в отечество возвратился, когда видел я Сенат и весь народ, мне на сретение исшедший, когда мне казалось, что весь Рим, почти подвигнувшись от своего основания, шествовал смотреть на своего сохранителя (Цицерон в сл. по возвращении).

2) Поправлением, какое в пример приводит Димитрий Фалерей из потерянных стихов древния стихотворицы Сафы:

Зять входит, Марсу равный.

Потом как бы она, себя поправляя, говорит:

Мужей великих много больший.

§ 199

Ирония есть, когда чрез то, что сказываем, противное разумеем. Цицерон говорит о Катилине во 2 против него слове:

Да! человек он боязливый и прекроткий, не мог проти-

виться консульскому голосу, и как только услышал повеление, чтобы итти в ссылку, тотчас послушал, успокоился!

Он же в 14 слове против Антония:

Приятны бессмертным богам будут наши благодарения и жертвы наши по убиении толикого множества граждан!

И Ювенал в 15 сатире о суеверии египтян, которые огородные зелия за божество почитали:

. . . . . . Коль святы те народы,
У коих полны все богами огороды!

§ 200

Ирония состоит иногда в одном слове, когда малого человека Атлантом или гигантом, бессильного Сампсоном, скаредного Авессаломом или Иосифом называем, и посему надлежит она до тропов речений.

§ 201

К иронии причитаются еще другие виды насмешества, из которых знатнейшие суть:

1) Сарказм, то есть ирония в повелительном наклонении, например:

Вот, троянин, поля, что ты искал войною,
И вот Гесперия. Измерь, лежа убитый.

(говорит Турн у Вирг. Ен., кн. 12).

2) Хариентизм есть когда указывают на что-нибудь странное, смешное или непристойное, как Цицерон в слове за Клуенция говорит:

Подумайте о его лице и о одежде, до земли протяженной.

3) Астеизмом называют некоторую учтивую насмешку, например:

Пускай тот любит твои стихи, Мевий, кому Бавий не противен (Вирг., Экл. 3). Мевий и Бавий были худые стихотворцы.

<...>

Часть III
О РАСПОЛОЖЕНИИ

Глава первая
О РАСПОЛОЖЕНИИ ИДЕЙ ВООБЩЕ

§ 249

Расположение есть изобретенных идей соединение в пристойный порядок. Правила о изобретении и украшении управляют совображение и разбор идей; предводительство рассуждения есть о расположении учение, которое снискателям красноречия весьма полезно и необходимо нужно, ибо что пользы есть в великом множестве разных идей, ежели они не расположены надлежащим образом? Храброго вождя искусство состоит не в одном выборе добрых и мужественных воинов, но не меньше зависит и от приличного установления полков. И ежели в теле человеческом какой член свихнут, то не имеет он такой силы, какою действует в своем месте.

§ 250

Расположение разделяется на натуральное и художественное. Натуральное есть, которое самой натуре последует, как она требует, что бывает по времени, месту или достоинству. По времени располагаются идеи так, что те, которые прежде были или бывают, полагаются напереди, а которые оным следуют, те после одна за другою присовокупляются. Так, в римской истории прежде предлагают о Пунической, нежели о Македонской войне, и о Македонской прежде, нежели о внутренней. И в похвале красного дня описать прежде должно утро, потом полдень, а напоследи вечер. По месту о верхних говорят прежде, нежели о нижних, о передних прежде, нежели о задних, и прочая. По достоинству: например, о золоте должно предлагать прежде прочих металлов и проч.

§ 251

Художественное расположение есть, которое утверждается на правилах. Из оных главные суть следующие: 1) Предложенную тему должно изъяснить довольно, ежели она того требует, к чему служат распространения из мест

риторических и избранные парафразисы. 2) По изъяснении оную доказать несомненными доводами, которые располагаются таким образом, чтобы сильные были напереди, которые послабее, те в средине, а самые сильные на конце. 3) К доказательствам присовокупить возбуждение или утоление страсти, какой материя требует. 4) Между всеми сими рассевать должно по пристойным местам витиеватые речи и вымыслы: первые больше в изъяснениях и в доказательствах, последние в движении страстей.

§ 252

Изъяснений доводов и возбуждений расположение разделяем на соединительное и разделительное. Соединительное бывает, когда прежде предлагается о видах какого рода или о частях целого подробну особливо, а потом целое или род представляется. Например, когда, похвалив смелость в сражениях, терпение в противностях, постоянство в трудах какого героя, прославляем после того вообще его мужество или, описав все части какого здания, хвалим потом все оное здание. Разделительное расположение бывает противным образом, когда, представив род или целое, потом виды или части особливо предлагаем.

§ 253

Сии суть самые главные правила расположения, которым присовокупляются в следующих главах некоторые формы, служащие обще к расположению прозы и стихов. О частях великого прозаичного слова, о расположении и о свойствах их здесь не предлагаем, ибо сие собственно надлежит до оратории, в которой о том пространно покажем.

Глава вторая

О ХРИИ

§ 254

Хрия есть слово, которе изъясняет и доказывает краткую нравоучительную речь или действие какого великого человека, и посему разделяется на действительную, словесную и смешанную.

§ 255

Действительная хрия есть, которая изъясняет и доказывает действие, например: *Лакедемоняне, стараясь детей своих научить трезвости и представить пьянство скаредным, приводили их к пьяным рабам, чтобы, смотря на толь гнусное позорище, от вина отвращение имели.*

Дионисий, тиран сицилийский, неприятелю своему Диону отмстил таким образом, что сына его при дворе своем воспитал в роскоши между худыми людьми и тем нравы его испортил.

Таковые действия поставляются темами действительной хрии.

§ 256

Словесная хрия изъясняет и доказывает какую-нибудь краткую нравоучительную речь, например: *Добрые нравы оскверняет гордость* (Клавдиан). *Живи, поминая смерть; время летит и, что молвил я, то уже минулось* (Персий). *Мщение есть подлыя души утешение* (Ювенал).

§ 257

Смешанная хрия есть, которая изъясняет и доказывает действие, с краткою нравоучительною речью соединенное, например: *Когда Анаксагору сказали, что сын его умер, тогда он так ответствовал: я знал, что̀ он смертен родился.*

§ 258

Хрия состоит из осьми частей, которые суть: 1) приступ, 2) парафразис, 3) причина, 4) противное, 5) подобие, 6) пример, 7) свидетельство, 8) заключение. В первой части похвален или описан быть должен тот, кто оную речь сказал или дело сделал, что соединяется с темою хрии. Во второй изъясняется предложенная тема чрез распространения. В третией присовокупляется довольная к доказательству темы причина. В четвертой предлагается противное, то есть, что предложенному в теме учению в противность бывает, тому противное действие последует. Пятую часть составляет подобие, которым тема изъясняется, купно и подтверждается. Шестая часть доказывает примером историческим. Седьмая утверждает мнением или учением

древних авторов, которое сходствует с предложенною темою. Осьмая часть содержит в себе краткое увещательное заключение всего слова.

§ 259

Хрия разделяется еще на полную и неполную, на порядочную и непорядочную. Полною называется та, которая все осмь частей имеет; неполная — которая некоторых частей в себе не имеет. Порядочная хрия называется, когда в ней части по предписанному порядку расположены, а непорядочная, когда части не так одна за другой следуют, как выше показано. Сие отъятие и смешение имеет место только в середних частях, а первая и последняя оным не подвержены, для того что приступ и заключение хрии ни в иных местах положены, ни от ней отделены быть не могут.

<...>

Глава пятая

О РАСПОЛОЖЕНИИ ОПИСАНИЙ

<...> § 295

Что касается до порядка, в повествованиях наблюдаемого, то располагаются они по большей части натуральным образом, что после чего было, а особливо то наблюдается в важных и правдивых историях. Но этические поэмы и повести великую красоту получают и в читателях удивление возбуждают, когда оне начинаются не с начала всего деяния, но с некоторого чудного, знатного или нечаянного приключения, которое было в средине самого действия, а что напереди было, описывается повествованием знатного лица, в самой истории представляемого, до того самого случая, с которого она началась, а прочее, что следует, идет обыкновенным натуральным порядком. Таким образом Виргилий начал свою Енеиду с приключившейся великой бури, которою Еней отнесен был в Карфагену, где он Дидоне, царице карфагенской, сказывает о своем странствовании, начиная от самого разорения Трои, и кончит на самой той буре, которая его к Африканским берегам при Карфагене прибила; прочее сам Виргилий натуральным порядком покончал. Сему подражая, Фанелон начинает похождение Телемаково с разбития корабля при Калипсином острове, а не

с самого начала его странствования, как он из Итаки отъехал. Таковых перерывов в повестях употребить еще больше можно, которых Барклаева Аргенида весьма много к великому своему украшению имеет.

<...>

<РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК О ТРАГЕДИИ А. П. СУМАРОКОВА «ГАМЛЕТ»>

10 октября 1748 г.

Репорт

Присланную при ордере из Канцелярии Академии Наук трагедию г. Сумарокова, называемую «Гамлет», свидетельствовал, и, по моему мнению, нет в ней ничего, что б предосудительно кому было и могло б напечатанию оной препятствовать.

Профессор Михайла Ломоносов

Октября 10 дня
1748 года

<ПИСЬМО В. К. ТРЕДИАКОВСКОМУ>

12 октября 1748 г.

Отрывок

<...> Что ж надлежит до стихов Александра Петровича, то не имея к себе прямо ордера, в Канцелярию репортовать не могу; но только на ваше письмо вам ответствую и думаю, что г. сочинителю сих эпистол можно приятельски посоветовать, чтобы он их изданием не поторопился и что не сыщет ли он чего-нибудь сам, что б в рассуждении некоторых персон отменить несколько надобно было. Присылая его стихи, остаюсь

ваш государя моего
на подлинном подписано тако:
Михайла Ломоносов

12 октября
174[8] *года*

13 Заказ 1447

<РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК ОБ «ЭПИСТОЛАХ» А. П. СУМАРОКОВА>

17 ноября 1748 г.

Репорт

Присланные от Канцелярии Академии Наук две эпистолы сочинения г. Сумарокова ко мне для вторичного свидетельства еще прочитал и Канцелярии Академии Наук репортую, что в них содержится много изрядных стихов, правдивые правила о стихотворстве в себе имеющих. Сатирические стихи, которые в них находятся, ни до чего важного не касаются, но только содержат в себе критику некоторых худых писцов без их наименования. А понеже таковые стихи, касающиеся до исправления словесных наук, не взирая на такие сатиричества, у всех политических народов позволяются, и в российском народе сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира с общею апробациею приняты, хотя в них все страсти всякого чина людей самым острым сатирическим жалом проницаются,— для того рассуждаю я, что вышепомянутые эпистолы по желанию авторову напечатать можно.

Профессор Михайло Ломоносов

Ноября 17 дня
1748 года

<ПИСЬМО В. Н. ТАТИЩЕВУ>

27 января 1749 г.

Отрывок

<...> Совет вашего превосходительства о преложении псалмов мне весьма приятен, и сам я давно к тому охоту имею, однако две вещи препятствуют. Первое — недосуги, ибо главное мое дело есть горная наука, для которой я был нарочно в Саксонию посылан, также химия и физика много времени требуют, кроме текущих дел в Академических собраниях; второе — опасение, ибо я не смею дать в преложении другого разума, нежели какой псаломские стихи в пере-

воде имеют. Так, принявшись прелагать на стихи прекрасный псалом 103, для того покинул, что многие нашел в переводе погрешности, например: «Змий сей, его же создал еси ругатися ему», вместо: «се кит, его же создал еси презирати оное» (то есть море, его пространство). Псалма, преложеннаго Феофаном, архиепископом, при письме вашего превосходительства не нашлось, и думаю, что он ошибкою остался. При сем имею честь прислать вашему превосходительству все оды, мною сочиненные и в печать изданные, и впредь моими сочинения[ми] с охотою вашему превосходительству служить готов, как и ныне пребываю с глубоким почтением

вашего превосходительства
всепокорный слуга
М[ихайло] Л[омоносов]

Генваря 27 дня
1749 году

<РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК О НОВОЙ РЕДАКЦИИ ЛЕКСИКОНА Г. ДАНДОЛО>

10 апреля 1750 г.

В Канцелярию Академии Наук
Репорт

По присланному из Канцелярии Академии Наук ордеру свидетельствовали мы Государственной Коллегии иностранных дел переводчика Дандала первую тетрадь сочиненного им и переправленного лексикона и по свидетельству усмотрели, что оная тетрадь наполнена весьма великими погрешностями против грамматики, против российского и латинского языка как в знаменовании, так и в чистоте речей, и напечатания отнюдь не достойна. А мы из сего справедливо заключаем, что помянутый переводчик Дандало в грамматике, в российском и в латинском языке мало искусен и не может сочинить российского лексикона, который бы

имел хотя малый достаток, и весьма удивляемся, что он, не рассуждая своей неспособности, принялся не за свое дело.

Профессор Василей Тредиаковский
Профессор Михайла Ломоносов
Адъюнкт Степан Крашенинников
Адъюнкт Никита Попов

Апреля 10 дня
1750 году

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>
16 октября 1753 г.

В сокращении

Милостивый государь Иван Иванович!

В исполнение приказания, от вашего превосходительства в нынешнем письме присланного, не могу никоим образом отказаться, по вашему убеждению, почитая вашу неоднократно объявленную мне волю. Итак, хотя учинить отпор моим ненавистникам, не знаю и весьма сомневаюсь, не больше ли я им благодарить и их хвалить, нежели мстить и уничтожать должен: благодарить за то, во-первых, что они меня своей хулой хвалят и к большему приращению малой моей славы не пожалели себя определить в зоилы, что я не за меньшую услугу себе почитаю; второе, за то, что они подали причину вашему превосходительству к составлению нынешнего вашего ко мне письма с разными рассуждениями, до словесных наук касающимися, которое бывших, настоящих и будущих зоилов злобу в ничто обращает и в котором я не столько заслуги, сколько свою должность вижу. Они стихи мои осуждают и находят в них надутые изображения, для того что они самых великих древних и новых стихотворцев высокопарные мысли, похвальные во все веки и от всех народов почитаемые, унизить хотят. <...> Того ради я весьма тому рад, что имею общую часть с толь великими людьми, и за великую честь почитаю с ними быть опорочен неправо; напротив того, за великое несчастие, ежели зоил меня похвалит. Я весьма не удивляюсь, что он в моих одах ни Пиндара, ни Малгерба не находит, для того что он их не знает и говорить с ними не умеет, не разумея

ни по-гречески, ни по-французски. Не к поношению его говорю, но хотя ему доброе советовать за его ко мне усердие, чтобы хотя одному поучился. Заключая сие, уверяю ваше превосходительство, что я с Перфильевичем переписываться никогда намерен не был; и ныне, равно как прежде сего пародию его на «Тамиру», все против меня намерения и движения пропустил бы я беспристрастным молчанием без огорчения, как похвалу от его учителя без честолюбивого услаждения, если бы я не опасался произвести в вас неудовольствие ослушанием. Но и еще притом прошу, ежели возможно, удовольствоваться тем, что сочинил г. Поповской, почетши за свою должность по справедливости, что Перфильевич себе несправедливо присвояет. Данный мне от него титул никогда бы я не оставил в его стихах, если бы я хвастовством моих завистников не принужден был рассудить, что тем именем ныне ученику меня назвать можно, которым меня за двадцать лет учители мои называли. Всепокорнейше прошу извинить тесноту строк, с усерднейшим высокопочитанием пребывая

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Из С.П.бурга
Октября 16
1753 года

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

Не ранее 16 октября 1753 г.

Милостивый государь!

По желанию вашему все, что в моей силе состоит, готов исполнить и токмо одного избавлен быть прошу, чтобы мне не вступать ни в какие критические споры. В присланном Елагина письме к Сумарокову он употребленную рифму Р о с с и я — И н д и я на смех в пример поставил. Я подлинно знаю, что сия рифма так же нехороша, как известная вам у Расина, и для того Елагин лжет, чтоб он ею любовался.

Много бы я мог показать бедности его мелкого знания и скудного таланта, однако напрасно будет потеряно время на исправление такого человека, который уже больше десяти лет стихи кропать начал и поныне, как из прилагаемых строчек видно, стихотворческой меры и стоп не знает, не упоминая чистых мыслей, справедливости изображений и надлежащим образом употребления похвал и примеров. Сие особливо сожалительно об Алексадре Петровиче, что он, хотя его похвалить, но не зная толку, весьма нелепо выбранил. В первой строчке почитает Елагина за таинство, как делать любовные песни, чего себе А[лександр] П[етрович] как священно-тайнику приписать не позволит и «Паном песенным» назвать себя не допустит. «Семира пышная», т. е. надутая, ему неприятное имя, да и неправда, затем, что она больше нежная. «Рожденным из мозгу богини сыном», то есть мозговым внуком, не чаю, чтоб А[лександр] П[етрович] хотел назваться, особливо что нет к тому никакой дороги. Минерва трагедий и любовных песен никогда не сочиняла: она — богиня философии, математики и художеств, в которые Александр Петрович как человек справедливый никогда не вклеплется, и думаю, когда он услышит, что Перфильевич на него взводит, то истинно у них до войны дойдет, несмотря на панегирик. «Наперсником Буаловым» назвать А[лександра] П[етровича] несправедливое дело. Кто бы Расина назвал Буаловым наперсником, то есть его любимым прислужником, то бы он едва вытерпел; дивно, что А[лександр] П[етрович] сносит. Кажется, сверстать его с А[лександром] П[етровичем] — истинная обида! «Российским Расином» А[лександр] П[етрович] по справедливости назван, затем что он его не токмо половину перевел в своих трагедиях по-русски, но и сам себя Расином называть не гнушается. Что не ложь, то правда. Однако и Перфильевич, называя его защитником истины, дает ему титул больше, нежели короля английского: он пишется защитником веры, но право или нет, о том сомневаться позволено. А[лександр] П[етрович] защитник истины? Велик человек, ежели Перфильевич про него не так солгал, как о рифме Р о с с и я—И н д и я, будто он ею любуется. Дважды поносит он своего благого учителя явно, в третий ругательски хвалит; поносит, первое, что учит его, якобы скрытно, не показывая, откуда берет рифмы, и будто бы от него хочет посулов; второе, якобы все стихотворческое искусство А[лександра] П[етровича] состояло в прискании скором рифм, не смотря на мысли, в чем я сам

спорю и подтверждаю его же, Елагина, словом, что А[лександр] П[етрович], ищучи рифм, сам не ломается, но как человек осторожный лучше вместо себя ломает язык российский, правда, хотя не везде, однако нередко. Наконец ругательский титул: «благий учитель!» *Благий* по-славянски *добрый* знаменует, и по точному разумению писаться надлежит до божества, как оное свидетельствует: «Никто же благ токмо един бог». Я не сомневаюсь, что А[лександр] П[етрович] боготворить таким образом себя не позволит. Итак, одно нынешнее российское осталось знаменование: «благой» или «блажной»: нестерпимая обида! Однако еще несноснее, что он, Аполлона столкав с Парнасса, хочет муз отдать в послушание А[лександру] П[етровичу], или, по его мнению и бесстыдному мщению, уже отдал, думая, что музы без Сумарокова никому ничего дать не могут.

<ПИСЬМО М. И. ВОРОНЦОВУ>

19 ноября 1754 г.

Сиятельнейший рейхсграф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

Идею, от вашего сиятельства милостиво сообщенную, по моей возможности сочинил стихами, которые отдаю на рассмотрение ваше и при том оригинал возвращаю по повелению вашего сиятельства. На щите, к тому вместо фронтисписа поставленном, уместиться им невозможно так, чтобы в требуемом отстоянии прочитать можно было. Но ежели он в вышину и в ширину будет близ трех аршин, то можно поставить приложенные стихи литерами длиною с четвертью, а шириною без четверти вершок, которые снизу свободно читать можно будет. При сем обложенные рамами флорентинской работы картины имея честь представить, с глубоким высокопочитанием пребываю

вашего сиятельства
всепокорнейший и нижайший слуга
Михайло Ломоносов

Ноября 19
1754 года

РОССИЙСКАЯ ГРАММАТИКА
1754—1755 гг.

Фрагмент. Посвящение

Пресветлейшему государю, великому князю Павлу Петровичу, герцогу голстейн-шлезвигскому, стормарнскому и дитмарсенскому, графу олденбургскому и делменгорстскому и прочая, милостивейшему государю.

Пресветлейший государь, великий князь, милостивейший государь!

Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторые природным россиянам, которые больше к чужим язы́кам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто, не упрежденный великими о других мнениями, простреет в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится. Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским язы́ком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, италиянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому язы́ку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского язы́ка. Обстоятельное всего сего доказательство требует другого места и случая. Меня долговременное в российском слове упражнение о том совершенно уверяет. Сильное красноречие Цицероново, великолепная Виргилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском язы́ке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не язы́ку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствует. Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит

безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море. Отважась в оное, сколько мог я измерить, сочинил малый сей и общий чертеж всея обширности — Российскую грамматику, главные только правила в себе содержащую. Сие невеликое дело в. и. в. принести в дар весьма бы я усумнелся, если бы оно, не считая моего посильного и к отечеству усердного труда, само своею надобностию не подало к тому смелости. Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики. И хотя она от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению. Итак, когда в грамматике все науки таковую нужду имеют, того ради, желая, дабы она сиянием, от пресветлого имени в. и. в. приобретенным, привлекла российское юношество к своему наставлению, всеуниженнейше приношу оную в. и. в., преисполнен истинного веселия о всевожделенном течении вашего здравствования, преисполнен усердного желания о многолетном оного продолжении. Всевышний промысл, споспешествующий попечению о вас великая Елисаветы и дражайших родителей в. в. да благоволит укрепить ваше младенчество, просветить отрочество, возвеселить юношество, прославить мужество и продолжить в бодрости премудрую старость. И, когда под вышнего рукою лета ваши процветая купно с общею нашею радостию возрастают, да возрастет и российского слова исправность в богатстве, красоте и силе, к описанию славных дел предков ваших, к прославлению благословенного дому Петрова и всего отечества, к удовольствию в. и. в. и ваших потомков, которых число да продолжит господь непрерывно вовеки, от искренней верности желаю, пресветлейший государь, великий князь, в. и. в. всенижайший раб

Михайло Ломоносов

Сентября 20
1755

О НЫНЕШНЕМ СОСТОЯНИИ СЛОВЕСНЫХ НАУК В РОССИИ

Вторая половина 1756 г.

Коль полезно человеческому обществу в словесных наук[ах] упражнение, о том свидетельствуют древние и нынешние просвещенные народы. Умолчав о толь многих извест-

ных примерах, представим одну Францию, о которой по справедливости сомневаться можно, могуществом ли больше привлекла к своему почитанию другие государства или науками, особливо словесными, очистив и украсив свой язык трудолюбием искусных писателей. Военную силу ее чувствуют больше соседние народы, употребление языка не токмо по всей Европе простирается и господствует, но и в отдаленных частях света разным европейским народам, как единоплеменным, для сообщения их по большой части служит. Посему легко рассудить можно, коль те похвальны, которых рачение о словесных науках служит к украшению слова и к чистоте языка, особливо своего природного. Противным образом коль вредны те, которые нескладным плетеньем хотят прослыть искусными и, охуждая самые лучшие сочинения, хотят себя возвысить; сверх того, подав худые примеры своих незрелых сочинений, приводят на неправый путь юношество, приступающее к наукам, в нежных умах вкореняют ложные понятия, которые после истребить трудно или и вовсе невозможно. Примеров далече искать нет нам нужды: имеем в своем отечестве. Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть.

ПРЕДИСЛОВИЕ О ПОЛЬЗЕ КНИГ ЦЕРКОВНЫХ В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1758 г. (?)

В древние времена, когда славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов

и других в эллинском языке героев, витийствовали великие христианския церкви учители и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к богу. Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы от переводу ветхого и нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славенском языке греческого изобилия и оттуду умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно. Правда, что многие места оных переводов недовольно вразумительны, однако польза наша весьма велика. Присем, хотя нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако оные чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравнением российского языка с другими, ему сродными. Поляки, преклонясь издавна в католицкую веру, отправляют службу по своему обряду на латинском языке, на котором их стихи и молитвы сочинены во времена варварские по большей части от худых авторов, и потому ни из Греции, ни от Рима не могли снискать подобных преимуществ, каковы в нашем языке от греческого приобретены. Немецкий язык по то время был убог, прост и бессилен, пока в служении употреблялся язык латинский. Но как немецкий народ стал священные книги читать и службу слушать на своем языке, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротив того, в католицких областях, где только одну латынь, и то варварскую, в служении употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка не находим.

Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка.

К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: *бог, слава, рука, ныне, почитаю.*

Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: *отверзаю, господень, насажденный, взываю.* Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются как: *обаваю, рясны, овогда, свене* и сим подобные.

К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах, например: *говорю, ручей, который, пока, лишь.* Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий.

Первый составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностию, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И, словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться

по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до нарочного наставления о чистоте российского штиля.

Сколько в высокой поэзии служат однем речением славенским сокращенные мысли, как причастиями и деепричастиями, в обыкновенном российском языке неупотребительными, то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы.

Сия польза наша, что мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких, хотя велика, однако еще находим другие выгоды, каковых лишены многие языки, и сие, во-первых, по месту.

Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того ж немецкого народа.

Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаем народами славенского поколения, которые греческого исповедания держатся, ибо хотя разделены от нас иноплеменными языками, однако для употребления славенских книг церковных говорят языком, россиянам довольно вразумительным, который весьма много с нашим наречием сходнее, нежели польский, невзирая на безразрывную нашу с Польшею пограничность.

По времени ж рассуждая, видим, что российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуметь не можно было: не так, как многие народы, не учась, не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой его перемены, случившейся через то время.

Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и к собственной пользе воспоследует:

1) По важности освященного места церкви божией и для древности чувствуем в себе к славенскому языку неко-

торое особливое почитание, чем великолепные сочинитель мысли сугубо возвысит.

2) Будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога.

3) Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще чрез латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют. Сие все показанным способом пресечется, и российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердится, коль долго церковь российская славословием божиим на славенском языке украшаться будет.

Сие краткое напоминание довольно к движению ревности в тех, которые к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением оного без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа. Где древний язык ишпанский, галский, британский и другие с делами оных народов? Не упоминаю о тех, которые в прочих частях света у безграмотных жителей во многие веки чрез пресселения и войны разрушились. Бывали и там герои, бывали отменные дела в обществах, бывали чудные в натуре явления, но все в глубоком неведении погрузились. Гораций говорит:

Герои были до Атрида,
Но древность скрыла их от нас,
Что дел их не оставил вида
Бессмертный стихотворцев глас.

Счастливы греки и римляне перед всеми древними европейскими народами, ибо хотя их владения разрушились и языки из общенародного употребления вышли, однако из самых развалин, сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкий голос писателей, проповедующих дела своих героев, которых люблением и покровительством ободрены были превозносить их купно с отечеством. Последовавшие поздные потомки, великою древностию и расстоянием мест отделенные, внимают им с таким же движением сердца, как бы их современные одноземцы. Кто о Гекторе

и Ахиллесе читает у Гомера без рвения? Возможно ли без гнева слышать Цицеронов гром на Катилину? Возможно ли внимать Горациевой лире, не склонясь духом к Меценату, равно как бы он нынешним наукам был покровитель?

Подобное счастье оказалось нашему отечеству от просвещения Петрова и действительно настало и основалось щедротою великия его дщери. Ею ободренные в России словесные науки не дадут никогда притти в упадок российскому слову. Станут читать самые отдаленные веки великие дела Петрова и Елисаветина веку и, равно как мы, чувствовать сердечные движения. Как не быть ныне Виргилиям и Горациям? Царствует Августа Елисавета; имеем знатных и Меценату подобных предстателей, чрез которых ходатайство ея отеческий град снабден новыми приращениями наук и художеств. Великая Москва, ободренная пением нового Парнаса, веселится своим сим украшением и показывает оное всем городам российским как вечный залог усердия к отечеству своего основателя, на которого бодрое попечение и усердное предстательство твердую надежду полагают российские музы о высочайшем покровительстве.

<ОТЗЫВ О ЛИТЕРАТУРНОЙ И ТЕАТРАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. П. СУМАРОКОВА>

Не ранее 15 марта 1760 г.

Примечание

„Quand un telparallèle désigne deux génies créateurs" [Раз путем такого сопоставления обозначаются два гениальных творца].

Génie créateur [гениальный творец]: перевел в свои трагедии из французских стихотворцев все, что ни есть хорошего, кусками, с великим множеством несносных погрешностей в российском языке; и оные сшивал еще гаже своими мыслями и словами. Génie créateur: стихосложение принял сперва развращенное от Третьякова и на присланные из Фрейберга [правила], сродные нашему языку и свойственные, написал ругательную эпиграмму, однако после им же последовал и писал по ним все свои трагедии и другие стихи. Génie créateur: действиям учил Мелиссино, а он

только вздорил и всегда представлял в комедиях комедии. Génie créateur: директорство Российского театра вел так чиновно, что за многие мечтательные его неудовольствия и неистовые наглости лишен полной прежней команды. Génie créateur: сколько ни жилился летать одами, выбирая из других российских сочинений слова и мысли и хотя их превысить, однако толь же счастлив был, как Икар. Génie créateur: новое изобретение — выдумал пчелку и посылал ее по мед на Стрелку, чтобы притом жалила подьячих; изрядный нашел способ в крапиву испражняться! Génie créateur: сочинял любовные песни и тем весьма счастлив, для того что и вся молодежь, то есть пажи, коллежские юнкеры, кадеты и гвардии капралы, так ему последуют, что он перед многими из них сам на ученика их походит. Génie créateur!

<ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ>

19 января 1761 г.

Милостивый государь Иван Иванович!

Никто в жизни меня больше не изобидел, как ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня к себе. Я думал, может быть, какое-нибудь обрадование будет по моим справедливым прошениям. Вы меня отозвали и тем поманили. Вдруг слышу: помирись с Сумароковым! то есть сделай смех и позор, свяжись с таким человеком, от коего все бегают; и вы сами не ради. Свяжись с тем человеком, который ничего другого не говорит, как только всех бранит, себя хвалит и бедное свое рифмачество выше всего человеческого знания ставит. Тауберта и Миллера для того только бранит, что не печатают его сочинений, а не ради общей пользы. Я забываю все его озлобления и мстить не хочу никоим образом, и бог мне не дал злобного сердца. Только дружиться и обходиться с ним никоем образом не могу, испыт[ав?] чрез многие случаи, и знаю, каково в крапиву... Не хотя вас оскорбить отказом при многих кавалерах, показал я вам послушание, только вас уверяю, что в последний раз. И ежели, несмотря на мое усердие, будете гневаться, я полагаюсь на помощь всевышнего, который мне был в жизнь защитник и никогда не оставил, когда я пролил перед ним слезы в моей справедливости. Ваше высокопре-

восходительство, имея ныне случай служить отечеству спомоществованием в науках, можете лучше дела производить, нежели меня мирить с Сумароковым. Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у господа прошу, чтобы мне с ним не знаться. Буде он человек знающий, искусный, пускай делает пользу отечеству; я по моему малому таланту также готов стараться, а с таким человеком обхождения име[ть] не могу и не хочу, который все прочие знания позор[ит], которых и духу не смыслит. И сие есть истинное мое мнение, кое без всякия страсти ныне вам представляю. Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дурак[ом] быть не хочу, но ниже у самого господа бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет. Г. Сумароков, привязавшись ко мне на час, столько всякого вздору наговорил, что на весь мой век станет, и рад, что его бог от меня унес. По разным наукам у меня столько дела, что я отказался от всех компаний; жена и дочь моя привыкли сидеть дома и не желают с комедиантами обхождения. Я пустой болтни и самохвальства не люблю слышать. И по сие время ужились мы в единодушии. Теперь по вашему миротворству должны мы вступить в новую дурную атмосферу. Ежели вам любезно распространение наук в России, ежели мое к вам усердие не исчезло в памяти, постарайтесь о скором исполнении моих справедливых для пользы отечества прошений, а о примирении меня с Сумароковым, как о мелочном деле, позабудьте. Ожидая от вас справедливого ответа, с древним высокопочитанием пребываю

вашего высокопревосходительства
униженный и покорный слуга
Михайло Ломоносов

1761 года
Генваря 19 дня

<ПИСЬМО Я. Я. ШТЕЛИНУ>

Не позднее 25 ноября 1761 г.

Перевод

Прошу отсрочки на несколько часов, ибо я еще не получил по этому делу ответа. С одной очень много работы: будто рожаю. А готовы ли карманные календари?

<ЗАПИСКА В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК О СТИХОТВОРЕНИИ И. К. ГОЛЕНЕВСКОГО «ПЛАЧ»>

Не позднее 31 января 1762 г.

Стихи г. Голеиевского, на погребение сделанные, можно отдать в печать, так как и г. Сумарокова оду на погребение печатают, со мной не обсылаясь, чего я и не требую, как и ценсором быть не желаю. И впредь прошу на меня никого с такими комиссиями не насылать. Притом могу сказать: сей г-на Голеиевского „Плач" ничем не уступает погребательной оде. Некоторые погрешности обещался он исправить.

Михайло Ломоносов

СЛОВО БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ НА ОСВЯЩЕНИЕ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ, ИМЕНЕМ ЕЯ ГОВОРЕННОЕ

Между 28 июля и 22 сентября 1764 г.

Отрывки

<...>

Архитектурное искусство, напрягая сильныя плечи и обращая великия дерева и тяжкие камни, воз[д]вигнет здания, к обитанию удобныя, для зрения прекрасныя, для долговременности твердыя.

Скульптурнаго художества удобообращательныя мышцы, оживляя металл и камень, представят виды Героев и Героинь Российских в благодарность заслуг их к Отечеству, в пример и в поощрение потомкам к мужес[т]венной добродетели.

Живописныя хитрости зиждительные персты, отменою цвѐтов, света и тени возвышая равную плоскость похвальным обольщением зрения, пренесут в настоящее время минувшия российския деяния показать древнюю славу праотцев наших, счастливыя и противныя обращения и случаи и тем подать наставление в делах, простирающихся к общей пользе.

О коль великое удивление и удовольствие произвести может Россия помощию художеств в любопытном свете, которой едва уже не до отвращения духа чрез многие веки повторяет древния Греческая и Римская, по большой части баснотворныя деяния. Украсятся домы вашего величества и другия здания не чужих, но домашних дел изображениями, не наемными, но собственными рабов ваших руками. Коль сладко вкушение плодов собственнаго насаждения! Коль приятно удовольствие, устроенное своими трудами!

И сие о великости благодеяния вкратце, посмотрим же, кому оное оказано? Российскому народу, народу остротою понятия, поворотливостию членов, телесною крепостию, склонностию к любопытству, а паче удобностию к послушанию перед протчими превосходному. Никто в сем не усумнится, кто оглянется на минувшее время нынешняго столетия от начавшагося просвещения Петрова и рассудит, чему Россияне перед прежним научились. Подробно все исчислить краткость сего слова не позволяет. Посмотрите, посмотрите на все многоразличныя ремесленныя искусства и фабрики, коих требуют тмочисленныя новоучрежденныя Российския войски, на разных морях флоты и пристани, отменныя гражданския учреждения и строения; посмотрите на сию новую Российскую столицу. Не ясно ли воображаете способность нашего народа, толь много предуспевшаго во время, едва большее половины человеческаго веку?

Но все его учение в художествах происходило токмо по требованию нужных дел, как оныя случались, не по расположенному порядку надлежащаго правильнаго учения, не по наставлениям нарочных и самых искусных учителей, без предводительства славных примеров, без строгаго надзирания в исправности и прилежании, без надежнаго ободрения награждениями и без отменнаго покровительства высочайшия монаршеския десницы. Не изображаю здесь препятствий, происходивших от зависти учащих и от опасения, чтобы искусство их в России не размножилось, не унизилась бы плата и приобретение бы их не умалилось. Что ж мы и какого плода чаять можем, когда матерним попечением вашего Императорскаго величества соединится острое понятие с независтным наставлением, с довольством славных образцов рачительное внимание, с прилежностию надзирание, с охотою награждение, с надеждою покровительство? Что таковому учреждению следовать долженствует? Не иное что, как божиим благословением поспешествованные вожделенные успехи, возвышающие народ Российский на вы-

сочайшую степень благополучия и славы, на которой поставлен быть достоин. <...>

Наконец, рассуждая место сего учреждения, возможно ли представить другое пристойнее и удобнее сего великаго и прекраснаго города во всем Российском государстве. Во-первых, примечая состояние сего места, находим, что пользуемся великим доброхотством натуры, которая на востоке распространяет великия через целое отечество реки для сообщения с дальными асийскими пределами, кое природное дарование усугубить тщится ваше величество разными соединениями водянаго пути к несказанной пользе сея преславныя столицы и пристани. На западе разливается море, отверзая ход во все страны вечерния. Обое служит к соединению внутренних и внешних избытков.

Главную потребность содержания человеческой жизни, воду, источает природа чистую и здоровую невскими струями, собрав прежде оную в ладожския недра, от стекающихся быстрых рек внесенную мутность на дно ниспуская и отливая предосторожно, якобы через край несколько принаклоненнаго сосуда, отделяет для нашего употребления прозрачнейшую часть благорастворительныя стихии. Воздух движется ветрами по большей части с прилежащаго от Запада моря, якобы с намерением — для умягчения зимних морозов и для прохлаждения летняго зноя, и обще стремлениями своими рассыпает пары, из сырых мест восстающия, и приносит сверх всего корабли в Отечество наше с довольствами. Ровную и нискую земли плоскость подостлала натура, как бы нарочно, для помещения гор, рукотворенных для доказания исполинскаго могущества России, ибо хотя нет здесь натуральных возвышений, но здания огромныя вместо их восходят. Взирая на великолепныя Монаршеския домы и при них знаменитых богатых особ, подумать можно, что здесь обитают многих держав владетели. Распростертыя рядом по главным берегам невским и меньших протоков государственныя и обывательския палаты каким великолепием восхищают зрения, усугубляя красоту в струях спокойных изображением, пресекающимся то от волнения, то от плавающих многочисленных судов разнаго рода, отнимающих любезное мечтание на время, якобы для увеличения приятности и смотрящих жадности. Взойдет кто на высокое здание, увидит, кругом осматривая, якобы плавающия на водах домы и токмо разделенныя прямыми линеями, как бы полки, поставленныя урядными строями. При сем каналы, сады, фонтаны, перспективы в самом городе

и в увеселительных домах, окрест его лежащих. Церквей благоговейное множество, хотя числом старинной столице уступает Петрополь, но красотою превосходит. Она древностию благороднее, сей новостию счастливее, чуднее скорым возвращением, основателем преславнее. Оживление сего прекраснаго места от множества разных обывателей и гостей, невидав, по слуху всяк уже изобразить может, когда представит разные чины, разныя мастерства и торги и стечение разноплеменных народов и языков, чего толь великий город, чего купечество, пристань, училища, сухопутное войско, флот, судебныя места, посольства, само и царство требует. Соответствуют сему многоразличныя народныя увеселения и удовольствия своими переменами по местам и по временам года. По вступлении весны выезды в увеселительные домы, приход кораблей с довольствиями, летание по открытым водам судами, где зимою по твердым хребтам их стремились быстрым конским течением. Препятственны сообщению, но не без приятности суть два обыкновенныя в году позорища: скрытие и отверстие рек, обтекающих и напаяющих град сей, многих зрителей на береги привлекают. Что ж в сердцах производят звучныя обучения полков и торжественных дней изъявление пальбою? Что огненныя по оным ночам представления и блистания? Что в монарших чертогах увеселения? Все сие разве тех не повосхищает, кои пользоваться не умеют своими чувствами!

Сие благословенное обитание Российскаго величества, Петром избранное, основанное, укрепленное и потомками<...>возвеличен и превознесен будет перед протчими городами в поднебесной.<...>

<ОТЧЕТ О ЗАВЕРШЕННЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ НАУЧНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТАХ>

Не позднее 19 января 1764 г.

Отрывок

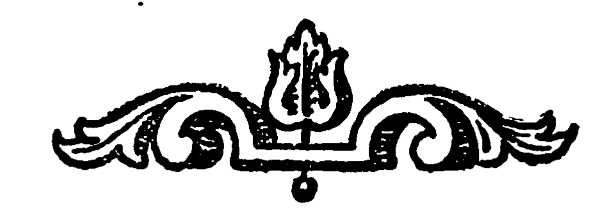
<...> IV. В поэзии

1) Будучи еще в Германии, послал в Россию правила стихотворения, по которым и ныне все российские стихотворцы поступают с добрым успехом, и российская поэзия

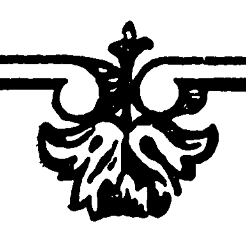
пришла в доброе состояние. 2) Собрал великую часть рифмологии российской. 3) Сочинил 17 од торжественных. 4) 13 од духовных. 5) Сочинил две героические песни о делах Петра Великого. 6) Делал многие изобретения для иллуминаций и для фейерверков и к ним надписи. 7) Надписи же делал к статуям, к обелискам на разные случаи и на погребение блаженныя памяти великия государыни императрицы Елисавет Петровны. 8) Трагедия «Тамира и Селим». 9) Трегедия «Демофонт». 10) Стихи о пользе стекла. 11) Переводил оды и другие стихи с латынского, французского и немецкого языков на российский. 12) Сочинил притчи и оды анакреонтические. 13) Читал лекции стихотворческие и по оным обучился поэзии студент Поповский, который после того был профессором красноречия в Московском университете.

V. В оратории и обще в российских словесных науках

1) Сочинил «Российскую грамматику», которая и на немецкий язык переведенная, печатается под моим смотрением. 2) Краткое руководство к красноречию. 3) Панегирик блаженныя памяти государю императору Петру Великому. 4) Панегирик блаженныя памяти государыне императрице Елисавет Петровне. 5) О пользе славенского церковного языка в штиле российском. 6) Собрал лексикон первообразных слов российских. 7) Собрал лучшие российские пословицы. 8) Собраны речи разных языков, между собою сходные. 9) Рассуждение о разделениях и сходствах языков. 10) Сими, кроме того еще разными сочинениями, исправил он штиль российский, который в двадцать лет от начала его старания весьма много отменился к лучшему. <...>



ИСПЫТАНИЕ НАТУРЫ



СЛОВО О ПОЛЬЗЕ ХИМИИ, В ПУБЛИЧНОМ СОБРАНИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК СЕНТЯБРЯ 6 ДНЯ 1751 ГОДА ГОВОРЕННОЕ МИХАИЛОМ ЛОМОНОСОВЫМ

Май — август 1751 г.

Отрывок

<...>

Долго исчислять и подробиу толковать будет, что чрез химию в натуре открылось и впредь открыто быть должно. Того ради одно только самое важнейшее в сем ея действие ныне вам представлю. Огонь, который в умеренной своей силе теплотою называется, присутствием и действием своим по всему свету толь широко распростирается, что нет ни единого места, где бы он не был, ибо и в самых холодных, северных, близ полюса лежащих краях, середи зимы всегда оказывает себя легким способом. Нет ни единого в натуре действия, которого бы основание ему приписать не было должно, ибо от него все внутренние движения тел, следовательно, и внешние происходят. Им все животные и зачинаются, и растут, и движутся. Им обращается кровь и сохраняется здравие и жизнь наша. Его силою производят горы во внутренностях своих всякого рода минералы и целительные слабостей тела нашего воды проливают. И вы, приятные поля и леса, тогда только прекрасною одеждою покрываетесь, ободряете члены и услаждаете чувства наши, когда любезная теплота, кротким своим пришествием разогнав морозы и снеги, питает вас тучною влагою, испещряет сияющими и благовонными цветами и сладкими плодами обогащает; кроме сего увядает красота ваша, бледнеет лице земное, и во вретище сетования вселенная облекается. Без огня питательная роса и благорастворенный дождь не может снисходить на нивы; без него заключатся источники, прекратится рек течение, огустевший воздух движения лишится, и великий океан в вечный лед затвер-

деет; без него погаснуть солнцу, луне затмиться, звездам исчезнуть и самой натуре умереть должно. Для того не токмо многие испытатели внутреннего смешения тел не желали себе почтеннейшего именования, как философами, чрез огонь действующими, называться, не токмо языческие народы, у которых науки в великом почтении были, огню божескую честь отдавали, но и само священное писание неоднократно явление божие в виде огня бывшее повествует. Итак, что из естественных вещей больше испытания нашего достойно, как сия всех созданных вещей общая душа, сие всех чудных перемен, во внутренности тел рождающихся, тонкое и сильное орудие? Но сего исследования без химии предпринять отнюд невозможно, ибо кто больше знать может огня свойства, измерить его силу и отворить путь к потаенным действ его причинам, как все свои предприятия огнем производящая химия? Она, не употребляя обыкновенных способов, в холодных телах внезапно огонь и в теплых великий холод производит. Известно химикам, что крепкие водки, растворяя в себе металлы, без прикосновения внешнего огня согреваются, кипят и опаляющий пар испускают, что чрез слитие сильной селитряной кислости с некоторыми жирными материями не токмо страшное кипение, дым и шум, но и ярый пламень в мгновение ока воспаляется, и, напротив того, теплая селитра, в теплой же воде разведенная, дает толь сильную стужу, что она в пристойном сосуде середи лета замерзает. Не упоминаю здесь разных фосфоров, химическим искусством изобретенных, которые на свободном воздухе от себя загораются и тем купно с вышепомянутыми явлениями ясно показывают, что свойства огня ничем толь не способно, как химиею, исследовать. Никто ближе приступить не может к сему великому алтарю, от начала мира пред вышним возженному, как сия ближайшая священница.

Сия есть польза, которую физика от химии почерпает. Сей есть способ, который ясным вещей познанием открывает свет и прямую стезю показывает художествам, в которых сия наука коль непреминуема и коль сильна, кратко показать ныне постараюсь.

Между художествами первое место, по моему мнению, имеет металлургия, которая учит находить и очищать металлы и другие минералы. Сие преимущество дает ей не токмо великая древность, которая по свидетельству священного писания и по самим делам рода человеческого неспорима, но и несказанная и повсюду разливающаяся польза

оное ей присвояет. Ибо металлы подают укрепление и красоту важнейшим вещам, в обществе потребным. Ими украшаются храмы божии и блистают монаршеские престолы, ими защищаемся от нападения неприятельского, ими утверждаются корабли и, силою их связаны, между бурными вихрями в морской пучине безопасно плавают. Металлы отверзают недро земное к плодородию; металлы служат нам в ловлении земных и морских животных для пропитания нашего; металлы облегчают купечество удобною к сему монетою, вместо скучныя и тягостныя мены товаров. И кратко сказать, ни едино художество, ни едино ремесло простое употребления металлов миновать не может. Но сии толь нужные материи, а особливо большее достоинство и цену имеющие, кроме того что для ободрения нашего к трудам глубоко в землй закрыты, часто внешним видом таятся. Дорогие металлы, смешавшись с простою землею или соединясь с презренным камнем, от очей наших убегают; напротив того, простые и притом в малом и бесприбыточном количестве часто золоту подобно сияют и разностию приятных цветов к приобретению великого богатства неискусных прельщают. И хотя иногда незнающему дорогой металл в горѐ ненарочно сыскать и узнать случится, однако мало ему в том пользы, когда от смешанной с ним многой негодной материи отделить не умеет или отделяя большую часть неискусством тратит. В сем случае коль проницательно и коль сильно есть химии действие! Напрасно хитрая натура закрывает от ней свои сокровища толь презренною завесою и в толь простых ковчегах затворяет, ибо острота тонких перстов химических полезное от негодного и дорогое от подлого распознать и отделить умеет и сквозь притворную поверхность видит внутреннее достоинство. Напрасно богатство свое великою твердостию тяжких камней запирает и вредными жизни нашей материями окружает, ибо вооруженная водою и пламенем химия разрушает крепкие заклепы и все, что здравию противно, прогоняет. Напрасно сие руно златое окружает она хоботом толь лютого и страшного дракона, ибо искатель оного, научен незлобивою нашею Медеею, ядовитые зубы его выбьет и данными от ней лекарствами от убивающих паров оградится. Сия от химии польза начинается и в нашем отечестве, и подобное сбытие в нем исполняется, каковое воспоследовало в Германии, о которой некогда рассуждал древний римский историк Корнилий Тàцит. *Не могу сказать*, написал он, *чтобы в Германии серебро и золото не родилось, ибо кто искать их старался?* И как

там в последовавшие веки великое богатство обретено, что свидетельствуют славные миснийские и герцинские заводы; так и в России того же ожидать должно, а особливо имея к тому не токмо довольные опыты, но и очевидную прибыль. Напрасно рассуждают, что в теплых краях действием солнца больше дорогих металлов, нежели в холодных, родится, ибо по нелживым физическим исследованиям известно, что теплота солнечная до такой глубины в землю не проницает, в которой металлы находятся. И знойная Ливия, металлов лишенная, и студеная Норвегия, чистое серебро в камнях своих содержащая, противное оному мнению показывают. Все различие в том состоит, что там металлы лежат ближе к земной поверхности, чему причины ясно видеть можно. И, во-первых, проливаются там часто превеликие дожди и в некоторых местах по полугоду беспрерывно продолжаются, умягчают и размывают землю и легкий ил сносят, оставляя тяжкие минералы; для того тамошние жители всегда после дождливой части года ищут по пристойным местам золота и дорогих камней. Второе, частые земли трясения раздробляют и оборачивают горы, и что во внутренности их произвела натура, выбрасывают на поверхность. Итак, следует, что не бо́льшим количеством, но свободнейшим приобретением металлов жаркие места у наших преимущество отъемлют. Но сие северных жителей прилежанием, которым они под жарким поясом живущих превосходят, награждать должно. Рачения и трудов для сыскания металлов требует пространная и изобильная Россия. Мне кажется, я слышу, что она к сынам своим вещает: Простирайте надежду и руки ваши в мое недро и не мыслите, что искание ваше будет тщетно. Воздают нивы мои многократно труды земледельцев, и тучные поля мои размножают стада ваши, и лесы и воды мои наполнены животными для пищи вашей; все сие не токмо довольствует мои пределы, но и во внешние страны избыток их проливается. Того ради можете ли помыслить, чтобы горы мои драгими сокровищами поту лица вашего не наградили? Имеете в краях моих, к теплой Индии и к Ледовитому морю лежащих, довольные признаки подземного моего богатства. Для сообщения нужных вещей к сему делу открываю вам летом далеко протекающие реки и гладкие снеги зимою подстилаю. От сих трудов ваших ожидаю приращения купечества и художеств, ожидаю вящего градов украшения и укрепления и умножения войска, ожидаю и желаю видеть пространные моря мои покрыты многочисленным и страшным неприятелю флотом и сла-

ву и силу моея державы распростереть за великую пучину в неведомые народы. Спокойна буди о сем, благословенная страна, спокойно буди, дражайшее отечество наше, когда в тебе толь щедрая наук покровительница государствует. Изыскал в тебе и умножил великий твой просветитель к защищению твоему твердые металлы; августейшая дщерь его изыскивает и умножает драгоценные к твоему украшению и обогащению, распространяет с прочими науками и химическое искусство, которое, матерним сея великия монархини попечением утвердясь и ободрясь великодушием, в средину гор проникнет и, что в них лежит без пользы, очистит для умножения нашего блаженства и, сверх сего своего сильного в металлургии действия, иные полезные тебе плоды принести потщится.

Широко распростирает химия руки свои в дела человеческие, слушатели. Куда ни посмотрим, куда ни оглянемся, везде обращаются пред очами нашими успехи ея прилежания. В первые времена от сложения мира принудили человека зной и стужа покрывать свое тело; тогда по первом листвия и кож употреблении домыслился он из волны и из других мягких материй приготовлять себе одежды, которые хотя к защищению тела его довольно служили, однако скучливое одним видом человеческое сердце и непостоянная охота требовали перемены, гнушались простою белизною и, пестреющим полям завидуя, подобного великолепия и в прикрытии тела искали. Тогда химия, выжимая из трав и из цветов соки, вываривая коренье, растворяя минералы и разными образы их между собою соединяя, желание человеческое исполнять старалась, и тем сколько нас украсила, не требуете слов моих к доказательству, но очами вашими завсегда ясно видите. <...>

СЛОВО О ЯВЛЕНИЯХ ВОЗДУШНЫХ, ОТ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ СИЛЫ ПРОИСХОДЯЩИХ, ПРЕДЛОЖЕННОЕ ОТ МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

Май — октябрь 1753 г.

У древних стихотворцев обычай был, слушатели, что от призывания богов или от похвалы между богами вмещенных героев стихи свои начинали, дабы слогу своему приобрести больше красоты и силы; сему я последовать в начинании

нынешнего моего слова рассудил за благо. Приступая к предложению материи, которая не токмо сама собою многотрудна и неисчетными преткновениями превязана, но сверх того скоропостижным поражением трудолюбивого рачений наших сообщника много прежнего ужаснее казаться может, к очищению оного мрака, который, как думаю, смутным сим роком внесен в мысли ваши, бóльшую плодовитость остроумия, тончайшее проницание рассуждения, изобильнейшее богатство слова иметь я должен, нежели вы от меня чаять можете. Итак, дабы слову моему приобретена была важность и сила и взошло бы любезное сияние к изведению из помрачения прежнего достоинства предлагаемой вещи, употреблю имя героя, которого едино воспоминание во всех народах и языках внимание и благоговение возбуждает. Дела Петра Великого по всей подсолнечной устами рода человеческого проповедуются, и по целой Российского самодержавства обширности в государственных советах важность и в дружеских разговорах святость повествованием их рождается. Того ради здесь ли толикого имени величество со благоговением не вспомянем, где не токмо слово мое силы и важности требует, но и от целого сего собрания изъявление благодарных сердец к своему основателю по справедливости быть должно. Ибо между многочисленными великого государя великими делами сия в нашем отечестве наук обитель, невероятною и почти божественною его премудростию основанная, была главное его попечение. О сем всяк не сомневается, кто неизмеримую наук пользу, в просвещении народа широко распростирающуюся, беспристрастным рассуждением мерит, или в бозе почивающего государя горячее рачение изведать учения и в отечестве распространить самолично видел и удивлялся или громкостию славы уверен чудился. Ибо монарх, к великим делам рожденный, когда новое войско против неприятеля поставить, новым флотом занять море, новым величеством законов умножить правосудия святость, новыми стенами укрепить городы, новыми грамотами и вольностьми поощрить купечества и художеств прилежание и, словом, всех подданных нравы исправить и целое отечество якобы снова родить намерился,— тогда усмотрел ясно, что ни полков, ни городов надежно укрепить, ни кораблей построить и безопасно пустить в море, не употребляя математики, ни оружия, ни огнедышащих махин, ни лекарств поврежденным в сражении воинам без физики приготовить, ни законов, ни судов правости, ни честности нравов без учения философии и

красноречия ввести, и, словом, ни во время войны государству надлежащего защищения, ни во время мира украшения без вспоможения наук приобрести невозможно. Того ради не токмо людей, всякими науками и художествами знатных, превеликими награждениями и ласковым и безопасным в Россию приятием из дальных земель призвал, не токмо во все европейские государства и городы, академиями, гимназиями, военными училищами и художников искусством славные, избранных юношей пчелам подобное множество рассыпал, но и сам, всех общий пример и предводитель, паче обыкновения других государей, неоднократно удаляясь из отечества, в Германии, Франции, Англии и Голандии, пылая снисканием знаний, странствовал. В оных путешествиях было ли какое ученых людей общество, которое бы он миновал и не почтил своим присутствием? Никак! Но сам в число их вписан быть не отказался. Было ли где великолепное узорочных вещей собрание, или изобильная библиотека, или почтенных художеств произведение, которых бы он не видел, и всего взору своего достойного не выспросил и не высмотрел. Был ли тогда человек, учения славою знатный, которого бы великий сей гость не посетил и, насладясь его ученым разговором, благодеянием не украсил. Коль великие употребил иждивения на приобретение вещей драгоценных, многообразною натуры и художества хитростию произведенных, которые к распространению наук в отечестве удобны быть казались! Какие обещал воздаяния, ежели кто великое что или новое в исследовании натуры либо искусства знание за собою сказывал или изобрести обещался! Всего сего хотя немало очевидных свидетелей, здесь присутствующих, видим, но сверх оных то же свидетельствуют многие махины, неутомимою рукою августейшего художника устроенные. Свидетельствуют великие корабли, твердые крепости и пристани, которых начертание и строение его начинанием и предводительством скоро и безопасно учинились. Свидетельствуют военные и гражданские училища, его попечением учрежденные. Свидетель есть сия наук Академия, толь многими тысящами книг, толиким множеством естественных и художественных чудес снабденная и призванием славных во всякого рода учении мужей основанная. Наконец, свидетельствуют и самые оные орудия, к произвождению разных математических действий удобные, следовавшие ему во всех его путешествиях. Ибо когда Азовского, Белого, Балтийского, Каспийского моря волны покрывал флотом, когда чрез Ливонию, Финляндию, Польшу, Поме-

ранию, Пруссию, Данию, Швецию победитель и защититель предводил свое воинство, когда преходил Дунайские степи и знойные Персидские пустыни,— везде оные орудия, везде людей ученых имел с собою. Из сего всего явствует, что он для толь великих дел употребить был должен все роды учений, а оные никем другим, кроме его, не могли употреблены быть с толь великою пользою. Итак, когда употребление наук не токмо в добром управлении государства, но и в обновлении, по примеру Петра Великого, весьма пространно, того ради истинным сим доказательством уверенным нам быть должно, что оных людей, которые бедственными трудами или паче исполинскою смелостию тайны естественные испытать тщатся, не надлежит почитать продерзкими, но мужественными и великодушными, нижé оставлять исследования натуры, хотя они скоропостижным роком живота лишились. Не устрашил ученых людей Плиний, в горячем пепеле огнедышащего Везувия погребенный, нижé отвратил пути их от шумящей внутренним огнем крутости. Смотрят по вся дни любопытные очи в глубокую и яд отрыгающую пропасть. Итак, не думаю, чтобы внезапным поражением нашего Рихмана натуру испытающие умы устрашились и электрической силы в воздухе законы изведывать перестали; но паче уповаю, что всё свое рачение на то положат, с пристойною осторожностию, дабы открылось, коим образом здравие человеческое от оных смертоносных ударов могло быть покрыто.

Посему и мне, о электрических явлениях на воздухе предлагающему, и вам, слушающим, много меньше опасаться должно; а особливо, что уже толь много учинено бедственных опытов, которые умолчать есть противно общей пользе человеческого рода. Сверх того мои рассуждения, кроме предприятой к предложению материи, включают в себе вообще многие вещи о переменах воздушных, которых знания нет ничего роду человеческому полезнее. Что больше от всевышнего божества смертному дано и позволено быть может, как чтобы он перемены погод мог предвидеть, что подлинно претрудно и едва постижимо быть кажется? Но бог всё за труды нам платит, все трудами от него приобрести возможно, чему ясный пример видим в предсказании течения светил небесных, которое чрез толь многие веки было сокровенно.

Того ради часто в свободные часы, смотря на небо, не без сожаления привожу на память, что многие главы натуральной науки и в малейших частях весьма ясно истолкова-

ны, но знание воздушного круга еще великою тьмою покрыто, которое, ежели бы на равном степени совершенства возвышено было, на котором прочие видим, коль бы великое приобретение тогда обществу человеческому воспоследовало, всяк легко рассудит. Подлинно многие и почти бесчисленные наблюдения перемен и явлений, на воздухе бывающих, не токмо по всей Европе, но и в других частях света учинены от испытателей натуры и тиснением сообщены ученому свету, так чтобы нарочитой подлинности в предсказании погод уповать можно было, если бы инструментов, к сему делу изобретенных, несовершенство, обстоятельств разность, наблюдателей неравные рачения, наблюдений превеликое и беспорядочное множество всего размышления, всего рачения, всей остроумия и рассуждения силы не приводило в беспорядок, не отягощало и не угнетало. Итак, когда инструментов полное совершенство, обстоятельств точное знание, наблюдателей должная осторожность, наблюдений подробное расположение не токмо всем не доставали, но и от многих почти отчаяны были, того ради воздушные перемены не столько для истолкования оных, сколько для исполнения должности физиками наблюдаемы быть казались. В таком состоянии утомленна и почти умерщвленна была сия лучшая часть натуральной науки. Но всех наконец возбудило благополучие нашего веку и как бы некоторое знамя подняло, дабы добрую надежду об ней имели и всем рачением прилежали. Ускорили небеса дохновением своим труды испытующим натуру, когда ужасный оный смертным огнь, в гремящих облаках рожденный, с электрическими искрами, которые неусыпность их из тел выводить в наши дни научилась, кроме чаяния сродственен быть ясно объявили. Оттуда естественных таинств исследователи мысли и сердца́ к размышлению о воздушных явлениях, а особливо о электрических, обратили. Оным я рассуждениями больше, нежели опытами, издалеча последуя, каковы учинил успехи, предложу кратко, как времени обстоятельство и ваша терпеливость понести может.

Двояким искусством электрическая сила в телах возбуждается: трением и теплотою, что физикам довольно известно. Явления и законы, которые электрическою силою, в недре натуры рожденною, производятся, совершенно сходствуют с теми, которые показывают искусством учиненные опыты. Но как натура в произвождении многообразных де̂л тщива и расточительна, а в причинах их скупа и бережлива, и сверх того те же и одинакие действия тем же одним

причинам приписывать должно, того ради нет сомнения, что натуральной в воздухе электрической силы суть те же причины, то есть трение или теплота, розно или совокупно. Но кто сомневается о том, что летающие по воздуху пары солнцем нагреться и течением воздуха между собою тереться могут? Разве тот, кто о солнечных лучах и о поворотливой воздуха природе не уверен. Итак, что от теплоты и трения паров электрическая сила в воздухе родиться может, то весьма вероятно; для того рассмотреть должно, подлинно ли сие таким образом бывает и, во-первых, грением лучей солнечных? О верхних парах не так смело сказать, как о материях, находящихся близ земной поверхности, не считая Боиловых примечаний, угадывать из свойств некоторых трав можно, которые они всегда имеют. Миновать бы мне надлежало солнечники, которые древних стихотворцев баснями больше славны, нежели утверждены верностию натуральной истории писателей, что они последуют течению солнца, которое свойство не всегда в них наблюдается; однако умножает в сем подобие правды других прозябений чудное с течением солнца согласие. Повседневного искусства утверждено доказательством, что многие травы, имев отворенные во весь день листы, по захождении солнца их затворяют и по восхождении снова разжимают. Итак, не без основания здесь то же думать можно, что случается тонким нитям, к электрической махине привешенным, которые, возбуждены электрическою силою, одна от другой расшибаются и конический вид представляют; кроме того, висят одна подле другой к землѝ прямо. Умножается сверх сего вероятность рассмотрением приятного оного и чудесного натуры действия, которому в новом американском деревце, сенситивою называемом, дивимся. Ибо кроме того, что при восхождении и по захождении солнца подобные показывает перемены, еще от прикосновения руки опуская и стягивая листы, как некоторым мановением, кажется, намекает, что приложением перста электрическая сила у него отнимается, отношением паки возвращается, и листы помалу подымаются и расширяются. Подлинно, что многие сомнительства к опровержению сей моей догадки предложены быть могут; однако и причины найдутся, которыми оные отвести справедливость позволит. Несходственно с законами электрической силы быть кажется, если здесь без требуемых электрических подпор, то есть без подложения смолы, стекла́ или шелку, положить, что в помянутых деревцах рождается днем электрическая сила, также что оную электрический

указатель не всегда показывает, когда небо ясно, солнце знойно и сенситива листы свои имеет отворены. На первое ответствовать можно, что коленца чувствующих солнца присутствие трав, смоляною матернею жирные, вместо подпоры служат; на второе — что электрическая сила, которая натуральною теплотою производится, слабее искусством произведенной, и для того только в нежном сложении некоторых трав чувствительна. Впрочем, сие мое мнение не слабым, как кажется, доводом искусство подтверждает. Третьего числа минувшего августа чувствительную американскую траву на столе поставив, совокупил с электрическим прибором, когда солнце до западного касалось горизонта. Листы уже были сжаты, и от частого рук прикосновения опустились так, что чувствия ни единаго признака по многократном приложении перста не было видно. Но как махина приведена была в движение и в сенситиве электрическая сила стала действовать, ударяя в перст искрами, тогда листы хотя не отворились, однако от прикосновения руки много ниже опускались. Сей опыт многократным повторением не без приятного удивления уверил, что возбуждением электрической силы сенситива больше оживляется и что ее чувствование с оною некоторое сродство имеет.

Многие и различные сего рода опыты над травами, восхождение и захождение солнца чувствующими, предприяты быть могут для лучшего исследования истины, но времени краткость к предложению прочей материи сего слова меня от того удержала.

Что трение паров на воздухе приключиться и произвести электрическую силу может, о том нет ни единого сомнения. Ныне рассмотреть должно, бывает ли сие в самом деле и каким образом? Размышляя о сем, привожу на мысль, что трению паров чрез встречное сражение оных быть должно; встречному сражению не отынуда воспоследовать, как от противных течений воздуха, в котором оные пары держатся. Движения его в атмосфере весьма частые и почти всегдашние бывают те, которые параллельным по земной поверхности направлением от разных сторон происходят, то есть разные ветров дыхания. Но чтобы ветры производили электрическую силу в воздухе, того никоею мерою утвердить невозможно. Ибо, что в небытность другого обыкновенно бывает и, напротив того, в присутствии и приближении его не приключается, то не может быть ни причиною, ни действием оного. Сим несходством ветры и электрическую силу по большей части и почти всегда время

разделяет. Когда отягощенные молнеею тучи ни случаются, почти всегда ясная и тихая погода пред ними бывает. Вихри и внезапные бурные дыхания, с громом и молниею бывающие, без сомнения от оных туч рождаются. Противным образом, когда стремительные ветров течения целые земли провевают и нередко над одним местом в противоположенные стороны дышат, что по движению облаков познаётся, тогда должно бы им было между собою пресильно сражаться и тереться, следовательно, в облачную и ветреную погоду блистать молнии, греметь грому или хотя признакам на электрическом указателе являться, если бы сии движения атмосферы были источник происходящей в воздухе электрической силы. Но сие едва когда случается. Итак, несомнительным уверяемся доказательством, что все движения воздуха, с горизонтом параллельные, то есть ветры, с которой бы они стороны движение свое ни имели, не бывают началом и основанием грома и молнии. Но движения воздуха, скажет кто, к сражению и к электрическому паров трению необходимо потребны, а кроме ветров никаких нет, чувствами нашими досягаемых. То самая правда. Однако и электрического огня действие и сродство оного с молниею чрез столько веков не было испытано. „Натура не все свои священнодействия купно поручает,— рассуждает Сенека.— Мы чаем уже быть себя посвященных, когда токмо еще в притворе обращаемся. Оные таинства не без рассмотрения каждому отверсты, но удалены и заключены во внутреннем святилище. Много к будущим векам, когда память наша исчезнет, оставлено; из чего иное нынешним временем, иное после нас грядущим откроется; долговременно великие дела рождаются, а особливо ежели труд прекратится»“. О сем сановитого философа предвещании, в наши времена приключившемся, радуемся и, кроме прочих преславных изобретений, электрической силе чудимся, которая, когда молнии сродственна быть открылась, всех удивление превысила.

Великой истинно и праведной славы достигли те, которым толь сокровенные в натуре тайны старанием, или хотя и ненарочно, открыть приключилось и которых стопам последовать не за последнюю похвалу почитать должно. Того ради и я некоторую благодарность заслужить себе уповаю, когда движения воздуха, о которых, сколько мне известно, нет еще ясного и подробного познания, или, по последней мере, толь обстоятельного истолкования, какого они достойны, когда движения воздуха, к горизонту перпендикулярные, на ясный полдень выведу, которые не токмо гремящей

на воздухе электрической силы, но и многих других явлений в атмосфере и вне оной суть источник и начало. Сие дабы представить порядочно, оным путем буду следовать, которого мои размышления в испытании и в изобретении оных движений и явлений держались.

Часто я тому дивился, когда приметил, что зимним временем, по растворении воздуха, в котором снег тает, внезапно ужасные наступают морозы, которые по нескольких часах ртуть в термометре от третьего или пятого градуса выше предела замерзания, за тридцать ниже оного предела опускают, и в самое то время пространство больше ста миль во все стороны занимают, о чем слухом тогда довольно увериться можно. Потом, сравняя сие с зимами 1709 и 1740 года, которые почти по всей Европе свирепствовали, еще больше чудился и больше возымел охоты изыскивать причину толь крутой перемены. Чуднее всего быть казалось сие особливо, что оттепели почти всегда с дыханием и скорым стремлением ветра в пасмурную погоду случаются; мороз, напротив того, после утихнувших ветров с ясностию неба жестокость свою показывать начинает. Оттепелей причина из происхождения и натуры ветров, которые мягким воздухом дышат, довольно явствует. Ибо по повседневным примечаниям известно, что жестокость мороза в воздухе из глубины мо́ря дышащими бурями умягчается. Так, в Санктпетербурге от равноденственного запада, у го́рода Архангельского от севера и от летнего запада, в Охотске на берегу Пенжинского моря от равноденственного и зимнего востока дышащие ветры свирепость зимнего холоду укрочают, принося дождливую погоду. Сея же ради причины Британния, чрез кото́рую никакие другие ветры, кроме морских, дыхать не могут, кротчае чувствует зиму, нежели другие европейские земли, лежащие под тем же с нею климатом. Подобным образом в Камчатке, от полудни, востока и запада морским ветрам подлежащей, от севера высокими горами покрытой, редко сильные морозы приключаются; между тем среди Сибири лежащие земли под тою же с нею широтою чрез всю зиму проницательный мороз терпят и редко оттепели имеют. Ибо открытых морей, к европейским и асийским берегам приливающихся, безмерно великое расстояние, Северный океан, всегдашним льдом покрытый, с полудни великие и снегом седые горы, которые Сибирь от Индии отделяют, отвсюду теплое дыхание зимою пресекают. Тому дивиться не должно, что ветры, с открытого моря зимою дышащие, оттепель с собою на землю приносят; ибо опы-

тами исследовано, что морская вода и под льдом не прохлаждается ниже предела замерзания, что и жидкость ее засвидетельствует: ибо выставленная в сосуде на мороз, ежели ниже третьего градуса под предел замерзания ртуть опуститься принудит, тогда в лед превращается. Со здравым рассуждением согласно есть, что жидкость морской воды и градус термометра выше или около предела замерзания сохраняется для великого пространства моря и для подземной теплоты, которая сквозь дно морское отдыхает. Итак, открытые моря и от льду свободные в лежащий на себе воздух больше теплоты сообщают, нежели матерая земля, мерзлым запертая черепом и засыпанная глубокими снегами, сквозь которые дыханию подземной теплоты путь затворен.

Итак, чтó дышащим с моря ветрам на сухом пути зимою следует, из наблюдений и из свойств самой вещи явствует; для того рассмотреть осталось, чему быть должно, когда морские ветры веять перестанут? Напрягая на оные внимание, представляю разность теплоты и густости между нижним воздухом и между тем, который вверху обращается. Что больше теплота здесь, нежели вверху, или по общему понятию сказать, сильнее стужа зимою бывает над облаками, нежели ниже их у земной поверхности, сие есть рассуждением исследованная, искусством изведанная и согласием воздушных явлений утвержденная правда. И, во-первых, тела единого рода, которые гуще, больше теплоты на себя принимают, нежели те, которые реже. И сие есть сильное доказательство, что самая верхняя часть атмосферы много меньше от солнца нагревается, нежели нижняя, средняя по мере отдаления и других обстоятельств растворяется. Сверх сего, нагревшаяся от солнца земная поверхность и возвращающиеся от ней лучи больше в нижней, нежели в средней и верхней атмосфере, действуют. Сим рассуждениям способствует частого искусства верность. Град летний и оледеневшие верхи гор высоких истину пред очи представляют и нам внушают, что середи самого лета не весьма высоко над головами нашими надстоит всегда сильныя зимы строгость. С охотою воспомяну здесь труды мужей славных, которые, для испытания натуры безмерного пространства переплыв море и широкие преодолев пустыни, в прекрасные места Перуанские достигли. Не лугов, не садов приятностию там удерживаяся, кротостию неба долго наслаждались, но высоких гор каменистые верхи превышая, для измерения шара земного, много стужи претерпели и поту пролили.

Долговременным и бедственным их искусством и точным исчислением доказано, что на известной и определенной вышине всея атмосферы жестокий и беспрерывный мороз господствует и высоких гор верхи вечным снегом покрыты содержит. Мера, которая от морской поверхности до снежного атмосферы предела простирается, убывает тем больше, чем далее есть расстояние от экватора, и наконец за полярными кругами уничтожается, так что снежный предел с поверхностию океана соединяется. Коль напряженна есть холоду сила в оной части атмосферы, из следующих явствует. И, во-первых, славные земного шара измерители выше снежного предела в средней части атмосферы толь лютый мороз претерпели, которого едва больше в наших странах середи зимы обыкновенно случаются. Сие когда под самым экватором беспрестанно продолжается, то коль великая стужи сила в нашем климате около той же вышины свирепствует — легко заключить можно. Сие рассуждение подтверждается прилежнейшим рассмотрением града. Ибо снежное ядро, которое ледовою скорлупою каждый града шарик в себе заключает, в холодной снежной части атмосферы без сомнения рождение свое имеет; ледовые корки во время падения его сквозь разные дождевных облаков слои прирастают, ужасною стужею, которую снежные ядра в себе имеют, примерзая. Рассуждающим прекраткое падения время и от скорости происходящее с воздухом трение едва возможно быть покажется, чтобы новым водяных паров примерзанием до такой величины падающий град вырос, которая иногда палец в диаметре имеет; однако сие подлинно происходит и ясно показывает ужасный мороз, который на высоте в снежном ядре опускающегося града рождается. Но сие случается летом, что же должно быть зимою? Свидетельствуют места сибирские, под тою же с нами широтою лежащие, но далее сверх морского горизонта возвышенные. Город Енисейск от устья реки, от которой он имя получил, больше 1500 верст отстоящий, превышает поверхность океана около 100 сажен, ежели вообще положить падение к долготе течения как 1 к 7000, то есть на каждую версту по полуфуту. В помянутом месте толь великая стужа нередко случается, что ртуть в термометре упадает до 131 градуса ниже предела замерзания. Посему нет сомнения, что равная стужи сила на равной или, пускай, на большей вышине зимою над нами обращается. В таком состоянии положим, что нижний воздух после дыхания морского ветра имеет теплоту четыре градуса выше предела замерзания, а на вышине одной вер-

сты — мороз, оному енисейскому равный; будет между обоими разность 135 градусов. Из многократно учиненных мною опытов и по исчислению выходит, что верхний воздух в сем случае должен быть гуще нижнего четвертою долею. Подлинно, что нижнего воздуха густость растет от давления лежащей на нем всей верхней атмосферы; однако для сей причины умаление густоты верхнего воздуха в вышине ста сажен не превосходит одной сорок осьмой доли, а на двухстах сажен $\frac{1}{24}$, считая на одну линею барометра 15 сажен. Оттуду явствует, что нижняя атмосфера часто бывает реже и пропорционально легче, нежели верхняя. Сему состоянию воздуха что воспоследовать должно, довольно явствует из аэрометрических правил и утверждается примерами. Истолковано мною прежде сего движение воздуха в рудокопных ямах, от разной густости происходящее, где в 50 и меньше саженях течение оного от подобных причин бывает. Сверх сего и в домах зимним временем теплый воздух при печах подымается, холодный при окнах оседает, что по движению дыма легко усмотреть можно. Итак, на толь ли знатной вышине, которая на 100 или 200 сажен простирается, воздух, нижнего тягостию много превосходящей, противу естественных законов удержаться может? Опускается и помалу мешается с нижним, жестокий мороз на нас проливая. Без чувствительного дыхания оседает для того, что в одну секунду едва на несколько дюймов движется, когда в два часа на 100 или 200 сажен опустится, борясь с восходящим ему навстречу. Признак или, лучше, действие оных движений в воздухе весьма ясно оказывается смешением дыма, который из труб выходит: ибо воздух, который от огня с дымом вставает, всегда бывает много теплее и реже прочего; для того и в летнее время до нарочитой вышины восходит, пока, получив один градус теплоты с прочим, перестает всходить выше. Того ради в зимние дни восхождение дыма должно быть скорее и выше, нежели летом; однако многократно совсем противное тому случается, и дым, из трубы выходя, больше книзу, нежели кверху, простирается, на самом выходе разбиваясь, от чего дымовая мгла от верху домов до земли простирается. Сие что не от морозов и чрезвычайной густости воздуха происходит, явствует отсюда, что в продолжение чрез несколько дней морозу дым не токмо до земли досягающего тумана не производит, но и, далее обыкновенной меры восходя, высоких дерев вид в тихом воздухе изображает. Второе действие сих движений есть неба яс-

ность; ибо хотя здесь густоте воздуха много приписать должно, однако восхождением купно и погружением оного облака по большей обширности разделяются, тончают и исчезают. И так рождаются внезапные зимою морозы погружением к нам средней атмосферы. И для того чудным делом перестает сие казаться, что без всякого дыхания ветра начинается.

Подобные погружения средней атмосферы в нижнюю и летом быть должны, в чем склонное к тому расположение воздуха довольно уверяет. Ибо положим, что воздух, который к произведению летом града доволен, на вышине трехсот сажен находится и стужу 50 градусов ниже предела замерзания в себе имеет, что по всякой справедливости утверждать можно; в то же время в нижней атмосфере близ земли до 40 или 50 градусов выше оного предела воздух согрелся: то будет по моим опытам и исчислению густость верхнего воздуха против густости нижнего, как 6 против 5; а давлением верхнего сжат нижний и стал гуще верхнего около одной десятой доли. В сем состоянии, по незыблемым естества законам, верхней части атмосферы должно опуститься в нижнюю и толь глубоко погрузиться, поколе, перемешавшись с теплым воздухом, в равновесии остановится. Сему восходящего и нисходящего воздуха течению толь часто должно приключаться, коль часто тягость высшей атмосферы превосходит вес нижния; сверх сего, нижний воздух должен верхнему встречаться и с оным сражаться на разной вышине и разным стремлением, по мере вышины и разности теплоты и густости; наконец, надлежит сему удобнее приключаться тогда, когда сильным летним зноем поверхность земная нагорев, лежащий на себе воздух греет и расширяет, между тем над облаками превеликая стужа среднюю часть атмосферы стесняет.

Уже довольно явствует, какие движения воздуха, кроме дыхания ветров, электрическое трение произвести могут; итак, остается исследовать, есть ли на воздухе те материи и так ли расположены, чтобы встречным их движением возбуждена быть могла электрическая сила. Двоякого рода материи к сему требуются: первое те, в коих электрическая сила рождается; второе — которые рожденную в себя принимают. Между сими электрическую силу крепче всех вода в себя вбирает, которой безмерное множество в воздухе обращается, что обильные дожди свидетельствуют, которые особливо в самое то время случаются, когда воздух показывает в себе электрическую силу. В числе тел, в которых она

трением возбуждается, великое действие производят жирные материи, которые пламенем загореться могут. Сего рода частиц о великом множестве в воздухе сугубым доводом удостоверяемся. Во-первых, нечувствительное исхождение из тела паров, квашение и согнитие растущих и животных по всей земли; сожжение материи для защищения нашего тела от стужи, для приуготовления пищи, для произведения различного множества вещей чрез искусство в жизни потребных; сверх того, домов, сел, городов и великих лесов пожары; наконец, огнедышащих гор беспрестанное курение и частое отрыгание ярого пламени коль ужасное количество жирной горючей материи по воздуху рассыпают, то удобно выразуметь можно. Второе — преизобильное ращение тучных дерев, которые на бесплодном песку корень свой утвердили, ясно изъявляет, что жирными листами жирный тук в себя из воздуха впивают: ибо из бессочного песку столько смоляной материи в себя получить им невозможно. Итак, имеем и материи на воздухе обоего рода, к произведению электрического трения удобные; того ради испытать надлежит уже способ, которым они встречаются, сражаются, трутся.

Из неложных химических опытов известно, что летучие материи по разности своей природы легкостию и скоростию поднимания между собою разнятся, так что горючие чистые пары выше восходят, нежели водяные. Сие когда на малой вышине, каковую имеют химические сосуды, всегда бывает, что оные по разности возвышения разделить можно, то нет никакого сомнения, что горючих паров духи много выше в пространной атмосфере восходят и, от водяных отделясь, над ними собираются. Горючих тонких паров суть два рода известны: один с водою свободно соединяется и назван просто двойною водкою; другой в свое соединение воды не допускает и эфирного масла имя получил от химиков. Первый, когда кверху восходит, в облаках с водяными частицами сцепясь соединяется и едва выше оных восходит; другой род жирностию от водяных паров избегает и поднимается выше их предела, что все с законами натуры согласно. Сверх того, с повседневным искусством сие сходствует, ибо часто два или три ряда облаков на разной вышине видим, по разной их легкости возвышенных. Посему нередко случиться должно, что над несколько рядами облаков, из водяных паров состоящих, другие пары жирного свойства в средней части атмосферы держатся и толь долго в ней висят, поколе равновесие густости воздуха продолжается. Но коль скоро

силою теплоты нижний воздух расширится и реже станет; холодная и густая часть атмосферы опускаться вниз принуждена бывает и нижняя на ее место вверх подымается. Сих перемен явления мысленным очам вашим, сколько из слова моего понять и, как сами видели, памятовать можете, на речах представить кратко как можно постараюсь.

Когда большия тягости высшая атмосфера книзу опускается, не везде, горизонтальною равностию простираясь, осядает, но как разные обстоятельства лучей солнечных, по положению облаков и по неравности земной поверхности разную редкость в воздухе производят. И так в тех местах опускается книзу, где в тени горы или высокого здания, или густого облака воздух гуще и тяжелее; восходит кверху оттуду, где наклонением горы, к течению солнца обращенным, или сквозь облачные отверстия упирающими лучами нагреты. Того ради, когда громовые тучи прежде дождя всходят, тогда нижние облака по большей части кверху и книзу наподобие бугров выдвигаются, косматые пары к земли простираются, и завиваются кудрявые вихри, отворяются темные хляби, и сверху того, выше сих явлений ясное небо мрачною синевою покрывается. Все сии обстоятельства показывают, что, опускаясь, часть средней атмосферы, горючими парами наполненная и для того синим мраком ясность неба закрывающая, неравным своим погружением в нижние облака проницает и, сквозь них проходя, сражается со встречным воздухом. От утопающих верхних паров вниз, от восстающего снизу воздуха облаки кверху выгибаются, от чего всего витые и прямые протягиваются косы, особливо когда водяной облак горючим паром сквозь проломлен бывает.

Между тем жирные шарички горючих паров, которые ради разной природы с водяными слиться не могут и ради безмерной малости к свойствам твердого тела подходят, скорым встречным движением сражаются, трутся, электрическую силу рождают, которая, распространясь по облаку, весь оный занимает. Странно, может быть, покажется, что толь маленькими шаричками толь ужасная сила производится; но дивиться перестанете, когда примете в рассуждение неисчислимое оных множество и водяной материи в облаке безмерную поверхность, разделением ее на мелкие частицы происшедшую. Ибо искусством изведано, что тела производной электрической силы чем больше поверхность того же количества материи имеют, тем бо́льшую силу на себя принимают. Неоднократно от стеклянных шаров, к

произведению электрической силы не очень способных, галуном обвитое железо производило нарочитое действие, которое кроме того едва чувствительно себя оказывало, оных же шаров касаясь. Подобным образом великие облака, на мелкие частицы и в тесном положении разделенные, ужасную оную на себя принимают силу, жестокие показывают действия и невероятными произведениями ум возмущают, которых главные истолковать по законам электрическим здесь намерение имею. Но прежде того общие громовых туч явления изъяснить постараюсь из моей теории, к показанию бо́льшия об ней вероятности.

Во-первых, довольно всем известно, что тяжкие громом и молниею тучи по большей части после полудни всходят и около третьего или четвертого часа случаются, когда действие солнца в согрении воздуха всех больше чувствительно. Сие обстоятельство с моим рассуждением сходствует. Ибо чем больше нижняя часть атмосферы нагревается, тем способнее верхняя в ней погружается. Которая меньше теплоты чувствует, меньше редеет. Сие удобно познать можно из повышения ртути в термометре и понижения в барометре, сносся их между собою.

Кроме сего, из громовых туч часто град падает после великого зноя, что всем довольно известно. Итак, самим чувством осязания доказывается, что при наступлении электрического облака верхняя атмосфера весьма холодна и действие ее или и часть некоторая даже до нас простирается.

Когда лучи солнечные посредством туч пресекаются, в тени оных воздух прохладиться и сжаться должен. Того ради надлежало бы ему от краев тени к средине оной иметь движение. Подобное действие от приращения падающих дождевых капель должно воспоследовать, ибо влажные пары, в водяные капли соединяясь, великое множество воздуха в себя пожирают. Однако оное движение воздуха в средину тени едва ли когда случается; но больше противное тому от всех вас примечено почти всегда быть не сомневаюсь: ибо, наступая, отягощенные молниями облака не токмо стремительные дыхания пред собою посылают, но и мимо проходя, в сто́роны сильные ветры испускают, после себя тишину по большей части оставляя. Откуду ж толикая река воздуху происхождение свое имеет? Ни отынуды как давлением верхния атмосферы сжимаясь, нижняя во все стороны расшибается и в ту сторону больше всех стремится, где меньше всех сопротивления находит.

Сверх того, проливные дожди, которые внезапным воды

падением, наподобие разлившейся реки, превеликие камни переворачивают, домы опровергают и во мгновение ока плодоносные поля опустошают, случаются во время грома и молнии. Чем больше доказано быть может погружение верхния атмосферы в нижнюю, как сею переменою? Опускается она, отягощена парами, соединяется с облаками нижния, изгущенныя воды множество обрушась, вниз стремится.

Наконец, в гористых местах чаще громы бывают и опаснее свирепствуют. Что хотя весьма известно, но еще больше сия правда подтверждается наблюдением, ишпанскими натуральных вещей испытателями учиненным. В перуанской провинции, называемой Квито, которая окружена отвсюду превысокими горами, простирающимися много выше снежного предела, престрашные и опасные громы не токмо здания, но и самые гóры потрясают и все пресильными проливными дождями наводняют, приключаются всегда пополудни, чему утро ясным и тихим воздухом предходит; и таковыми пременами занимается почти четвертая часть года. Сие коль много с моею теориею сходствует, всяк ясно видеть может, коль скоро рассудит, что воздух в гористых местах равновесия почти никогда не имеет. Ибо он на обращенных к солнцу местах всплывать, в тени погружаться и тем самым холодную и тяжелую верхней атмосферы часть удобнее притягивать, движение ее ускорять и возбуждать много сильняе электрическую силу и к земли ближе придвигать должен.

По согласию толикого множества перемен и явлений уповаю, что сия моя теория стоит не на слабом основании. Того ради, оставив дальные рассуждения, которые употреблены быть могли к отвращению сомнительств, приступаю к воздушным переменам и явлениям, с громом купно бывающим, которые из свойств электрической силы изъяснены быть могут.

Во-первых, о виде молнии несколько предложить намерение имею. Обыкновенные блистаний виды два наблюдаются. Первый, красным огнем и излучинами устремлен, стреляет с громом, бурею и дождем; другой после захождения солнца около горизонта блещет, бледен, выше облаков, пространным сиянием без грому, при тихом и по большей части ясном воздухе, за редкими и тонкими облаками. Электрический свет троякого рода известен. Первый в искре с треском, которая часто с излучиною и, по разности материи, разного цвету примечена, особливо когда натуральная электрическая сила в металлический прут приведена была

из облака. Второй род — шипящий и холодный пламень, который особливо из завостроватых металлических концов приближенным материям встречается и который во время превеликого грома и молнии видел я шириною один, длиною три фута в своей горнице, бледного же, как обыкновенно, цвету, с шипением без треску. Третий род — бледный и слабый свет, который в весьма редком воздухе или в месте, воздуха отнюд не имеющем, над ртутью в барометре показывается и при исчезании электрической силы перерывно блещет в равные времени расстояния. Произведенные чрез искусство электрические искры, которые к приблизившемуся персту с треском выскакивают, суть одного свойства с громовыми ударами, о чем никто не сомневается. Вечерние блистания, что просто зарницею называются, по-видимому, надлежат до третьего рода, затем что бывают в верхней атмосферы тонком воздухе и после громовых туч блещут бледным светом и, сверх того, в равное расстояние времени, что я неоднократно, считая по сороку секунд между каждым, приметил. Шипящий свет, который из завостроватых металлов выходит, с тем безвредным огнем заедино почесть должно, который иногда показывается на головах человеческих, как Виргилий поет о Лавинии, также у римских солдат копья и у предводителей железные жезлы горели. Сюда же принадлежат огни, Кастор и Поллукс называемые, которые на корабельных райнах после грозы, по сказанию многих, с шипением являются.

Рассуждая кривизны и выгибы, которыми молния блещет, весьма за вероятно почитаю, что она спиральною линеею извивается; оттуду, по разному положению зрителей, выгибы, углы и кольца показываются. Сама сия о электрической силе на воздухе бывающей теория и общее искусство неслабые суть сего доводы, ибо, когда она рождается погружением верхнего воздуха, облака или воздух, водяными частицами напоенный, прорывается, которое действие наподобие сливающейся в скважину воды происходит; жирные пары, опускаясь сквозь водяные, вихрем вертятся и молнию к принятию подобного вида направляют. Сверх сего произведенная искусством сильная электрическая сила испускает искры, которые немало изогнуты быть кажутся. Из железа, натуральной электрической силы исполненного, нередко искры почти на целый дюйм к персту выскакивали и меня удостоверили, что они спиральной линеи часть собою представляют. Рассматривать искры тем удобнее было, что они, происходя во время сильной громовой тучи, почти беспре-

станно продолжались, так что к приближенному персту наподобие источника с трясением, едва всей руке сносным, остро трещали. Первая искра была всегда сильнее и больше изогнутым стремлением ударяла. Остается еще упомянуть о громовой стреле, о которой многие сомневаются; однако вовсе оной отрицать я не смею, затем что сплавленная громовым ударом земляная материя оную произвести может. Сии суть мои рассуждения о громовых обыкновенных явлениях и обстоятельствах. Следуют те, которые реже бывают и тем больше в удивление приводят.

Известно в Италии в недавном времени учинилось, что громовые удары иногда из погребов выходили; и ради того причина оных совсем разная от электрической силы была назначена. Но сие явление по всему к электрической силе склоняется. Ибо, коль скоро электризованное тело приближается к другому, которое оной силы в себе не имеет, выскакивают из обоих искры встречу; однако сильнее из электризованного, нежели из того, которое оной силы еще не получило. Равным образом из погребов, которые состоят из твердой и влажной материи, к принятию производныя электрическия силы удобной, и, сверх сего, в землю опущены глубоко и ради того электрическому облаку превеликою силою противятся и противную искру, молнии подобную, встречу исходящей из облака выпускают.

Древних историй сказания и недавних очевидных свидетелей известия в том уверяют, что из громовых туч огонь на землю падает. Сей огонь по не весьма стремительному движению за особливый и от молнии разный почитать должно. Итак, здесь довольно явствует, что жирные пары, падением в кучу собравшись и загоревшись, на землю опускаются и чудным сим явлением рассуждениям моим соответствуют.

Немало есть свидетельств древних и новых, что гром гремел при ясном небе. Господина профессора Рихмана рок не во много разных обстоятельствах случился. Но сие удивительно быть перестало, когда мы уже уведали, что и при ясном небе воздух нередко имеет больше разного рода паров, нежели как иногда и в пасмурное время.

Что каменные дожди бывали, о том древние писатели оставили нам известия; и о бывших в недавные веки подоб-

ных чудесах в летописных книгах читаем, что по восхождении бурных туч, и громом и молниею отягощенных, ужасной величины камни кверху подняты, высокие дерева из кореня вырваны и каменные храмы опровержены были. Сие притяганию электрической силы без затруднения приписать можно, ибо, сравнив громовые удары и великую обширность электрической силы на воздухе с электрическими искрами, искусством произведенными, и с малою обширностию действия, удобно выразуметь можно, что сильнейшею и несравненно большею силою, в близости находящеюся, толь великие тела от земной поверхности отделены и на воздух взнесены быть могут.

Таковаго ужасного притягивания прекрепкую силу не токмо земля, но и моря чувствуют. „Тифон — превеликая мореплавателей опасность,— говорит Плиний,— спускает нечто, оторвав с собою из холодного облака, вьет и оборачивает, падение оного своею тягостию умножая, и место скорым вертением переменяет; не токмо райны, но и суда, обернув, ломает. Он же, ударением отразясь, похищенные тела наверх возносит и в высоту пожирает. Он же, когда, разгорячась и вспыхнув, пламенем свирепствует, Престер называется; все, чему прикасается, жжет и протирает". Подобное сему искусством утверждено в нынешние веки от плавающих по океану, под жарким поясом разливающемуся, что опускается из облака как бы столп некоторый к морской поверхности, которая ему встречу, как холм, подымается; в приближении кипит; тощий облачный столп внутре наподобие винта вертится. Наконец, в крупный проливной дождь рассыпается и со страшным гремением, как многих карет, которые по вымощенной камнем улице вдруг едут, в море проливается. Все сии явления и перемены, как у Плиния и у других описаны, из предложенной теории не токмо свободно истолкованы быть могут, но сверх того оную ж самую крепко доказывают. Опущение облачного столпа происходит от стремления верхнего погружающегося воздуха; винту подобная в нем полость сходствует во всем с истолкованием витого пути молнии, которое выше сего предложено; водяной холм, который выше морской поверхности восходит к облачному столпу, также что райны и суда разбитые кверху взметывает,— все сие происходит от притягания крепкой электрической силы; огонь в столпе есть горящая жирная материя. Потом, когда облачный столп к водяному бугру прикасается и электрическую силу, отдав морю, теряет, тогда от трясения великий треск, и потопляю-

щий дождь с устремлением роет. Здесь, уповаю, спросят, каким образом такое притягание без обыкновенного грома и молнии случается? На сие ответствуют мои наблюдения, чрез которые я изведал, что воздух часто имеет электрическую силу без блистания и гремения. Каким образом сие бывает, то в следующем течении сего слова истолковано будет; ибо в настоящем порядке требуется удивительнейшее всех и чуду подобное молнии действие, которое здесь истолковать можно.

Удивительно казалось, что тела, будучи подле тех, которые громом были ударены, без повреждения остались. Но удивление кончалось, коль скоро открылось, что оный электрическим правилам подвержен, и ради того тела́ первоначальной электрической силы от его ударов удобно быть могут свободны. Однако оное чудо без истолкования по сие время оставлено, что материи первоначальной силы, сожжению подверженные,— шелк, воск и другие им подобные, от самых растопленных молниею металлов неповрежденны оставались. Ибо хотя шелк и воск от громового удара свободны, но когда содержащийся в них или к ним прикасающийся металл растопился, то должно бы им было растаять и сгореть прежде, нежели он простынул. Прямым огнем растопленный металл, а особливо твердый, такой градус огня на себя принять должен, что и по возвращении твердого своего состояния толь долго раскален и так горяч бывает, что не токмо шелк или воск разрушить, но и дерево зажечь и пламень воспалить может. Итак, что делать? Разве приписать молнии прескорую силу разжигать и простужать металлы в одно и в то же самое мгновение ока? Но основание противоречия, сим боримое, и постоянные естественные законы, в произведении и в погашении огня тем нарушаемые, нам прекословят! Того ради не положить ли, что металлы тогда без настоящего огня холодные расплываются? По всякой справедливости! Ибо сколько в молнии огня есть, тем не токмо в мгновение ока металл растопить не можно, но нередко и самое сухое дерево от сильного удару не загорается и только раскалывается и раздирается. Самая великая сила грома состоит в том, чтобы части ударенного тела разделять ужасным действием от взаимного связания. Сие и произведенною чрез искусство электрическою силою происходит по мере ее малости. Ибо нить от металлического прута отгоняется, опилки расскакиваются, текущая из узкой скважины вода разделяется, расшибается, дождь конической фигуры падением представляет и мелки-

ми каплями ясно объявляет, что возбужденная чрез искусство электрическая сила и малейшие тел частицы от взаимного союза гонит и силу их вязкости слабит. Из сего явствует, что союз малейших частиц тем больше ослабеть должен, чем больше будет электрическая сила и чем тело способнее есть в себя принять оную. Рассуждая неизмеримую натуральную силу и способность металлов, которою ее в себя принимают, весьма дивиться не должно, что их частицы действием оныя так от себя отгоняются, что, переменясь в жидкое состояние, в то мгновение ока металл расплывается, в которое удар происходит, и после сей действующей причины в соединение прежнего союза в нечувствительное время частицы возвращаются; и все сие происходит иногда без возбуждения такого огня, которым бы мог воск растаять. Когда удивительное сие холодное ударенных молниею металлов плавление, сим образом изъясняя, увидел быть с натурою сходственно и на то устремил свои мысли, тогда, привед на память прежние свои труды, не без увеселения увидел, что сообщенные ученому свету мои Размышления о причине теплоты с сею моею теориею весьма сходствуют. Правда, по сие время еще я почитаю за доказанную многими доводами по возможности истину, что причина теплоты состоит в движении материи тел собственной, которая их составляет, которым движением все ее частицы около своих центров вертятся. Из сего следует, что посторонняя материя, которая содержится в нечувствительных скважинках между собственными тел частицами, может двигаться без произведения теплоты и огня. Утвердила правду моих размышлений электрическая материя, которая прескорое свое движение в холодных телах, в самом льде стремительными искрами показывает, о чем многократное искусство все сомнения отвращает. Когда произведением теплоты, то есть вертением частиц, тела составляющих, оные нагреваются, тогда отбивающая от центра сила напрягается, союз их слабеет, и твердые тела умножением огня растапливаются. Посему вероятно весьма, что подобным движением посторонняя электрическая материя сперва побуждается к произведению других движений и разных явлений. Ибо теплота и электрическая сила происходят от трения; теплота требует сильного к движению грубых, электрическая сила — нежного к побуждению тончайших частиц, чтобы около центров своих вертелись. Итак, во время стремительного вертения частиц электрической материи, обращающейся в нечувствительных скважинах металла, когда

он громовою электрическою силою оживляется и когда составляющие металл частицы стоят тихо или мало движутся, и для того теплота металла ничего или мало умножается, тогда отбивающая от центра сила электрической материи в скважинках велика производится, оные расширяет, от союза частицы гонит, вязкость их ослабляет так, что металл расплывается.

Истолковав сие явления, уповаю, что я по возможности удовольствовал громовою теориею любопытство ваше; того ради к той части обращаюсь, в которой покушусь искать удобных способов к избавлению от смертоносных громовых ударов. Сим предприятием не уповаю, слушатели, чтобы в вас негодование или боязнь некоторая родилась. Ибо вы ведаете, что бог дал и диким зверям чувство и силу к своему защищению, человеку, сверх того, прозорливое рассуждение к предвидению и отвращению всего того, что жизнь его вредить может. Не одни молнии из недра преизобилующия натуры на оную устремляются, но и многие иные: поветрия, наводнения, трясения земли, бури, которые не меньше нас повреждают, не меньше устрашают. И когда лекарствами от моровой язвы, плотинами от наводнений, крепкими основаниями от трясения земли и от бурь обороняемся и притом не думаем, якобы мы продерзостным усилованием гневу божию противились, того ради какую можем мы видеть причину, которая бы нам избавляться от громовых ударов запрещала? Почитают ли тех продерзкими и нечестивыми, которые ради презренного прибытка неизмеримые и бурями свирепствующие моря переезжают, зная, что им тоже удобно приключиться может, что прежде их многие или еще и родители их претерпели? Никоею мерою; но похваляются и еще сверх того всенародным молением в покровительство божие препоручаются. Посему должно ли тех почитать дерзостными и богопротивными, которые, для общей безопасности, к прославлению божия величества и премудрости величия дел его в натуре молнии и грома следуют? Никак! Мне кажется, что они еще особливою его щедротою пользуются, получая пребогатое за труды свои мздовоздаяние, то есть толь великих естественных чудес откровение. Отворено видим его святилище по открытии электрических действий в воздухе, и мановением натуры во внутренние входы призываемся! Еще ли стоять будем у порога и прекословием неосновательного предуверения удержимся? Никоею мерою; но, напротив того, сколько нам дано и позволено, далее простираться не

престанем, осматривая все, к чему умное око проникнуть может.

Итак, посмотрим, сколько возможно, число, положение и действующую силу облаков, громовою электрическою силою тяжких. О сем рассуждающему, во-первых, на мысль приходит, что таковых облаков бывает иногда много, а иногда один только. В первом случае разные перемены по разному облаков положению бывают, ибо все электрическую силу получают или только некоторые. Первое не толь часто приключиться может, что по разной облаков вышине рассудить можно, и ежели когда случается, то разные градусы электрической силы ради разной вышины их быть должны. Посему возбужденная электрическая сила в облаке, стоящем подле другого в близости, которое мало или ничего оной не имеет, между обоих производит искру с треском, то есть молнию и гром. Подобным образом и прочие облака́, сообщая одно другому свою силу, толь долго между собою блещут и гремят, сколь долго электрическая сила в них продолжается, которая разными о́бразы истощена быть может. Весьма часто бывает, что восхождению громовой тучи последует скоро острый треск искр из железной стрелы, не выше четырех сажен выставленной, из чего следует, что электрическая в облаках сила до земной поверхности простирается и принимается всякого рода телами, а особливо теми, которые завостроватые концы имеют, чрез что оная умаляется и продолжением времени вовсе изнуряется. Сие особливо тогда бывает, когда обширность электрического действия помалу тончает и больше слабеет, чем далее от о́блака своего простирается. Напротив того, когда предел электрической силы, к земле обращенной, в приближении ее круто кончится, так что выставленные стрелы ни единого не дают признаку, тогда случается, что облако земле свою силу круто искрою и треском, то есть молниею и громом, сообщает, ударяя в те тела, которые или всех ближе, или самой большой производной электрической суть силы. Отселе не без основания чаять можно, что оные тучи опаснее, которые между сильною молниею и громом на выставленной стреле ни единого электрического признаку не показывают. Из сего же следует, что по сравнению отхождения нити от металлического прута с расстоянием времени, которое между блеском и ударом продолжается, отдаления молнии определить невозможно. Сверх сего часто случиться может, что промежек, который разделяет электрическое облако от другого, неэлектрического, стоит прямо над нами,

и для того происшедшая между ними искра и треск молнию и гром почти в одно время взору и слуху нашему сообщает. Между тем те, которые находятся под краями противных сражению сторон обоих облаков, гром позже слышат, видев в то же время с первыми молнию, и между собою ту разность приметить могут, что тот, который был под краем электрического облака, прежде молнии бо́льшую приметил от стрелы силу, нежели после оныя; напротив того, кто стоял под слабо или ничего не электризованным облаком, тот после удара почувствовал умножение или токмо рождение оныя силы в металлическом пруте. Сверх сего, когда одно беспрерывное облако рождает в себе электрическую силу, и другие в таком будут отстоянии, что молнии произвести между собою не могут, того ради указатель электрический великую в воздухе силу показать может без всякого грома и молнии. Сие по разной величине, по фигуре и по числу и по положению облаков бесчисленными о́бразы бывает; и посему тщетны быть кажутся те труды, которые в установлении законов для соглашения указателя с молниею полагаются. Того ради приступаю к изысканию самих тех способов, дабы громовые удары отвращать или от них укрываться было можно. Обое положением места и выставлением пристойных машин ка́жется воспоследовать может.

Что до положения надлежит, то в местах гористых тень опаснее быть кажется, по предложенной теории; ибо, в оную опускаясь, воздух электрическое облако ниже к ней приводит и притягивает вниз с собою. Следовательно, те места, которые прежде громовых туч солнечными лучами освещены и нагреты были, безопаснее теней почитать можно. Но сие собранием и снесением между собою громовых ударов, по разности мест, впредь лучше исследовано быть может. Сим рассуждениям подлежат тени и свет высоких домов и храмов и темные и холодные леса́. Безопаснее всех кажутся подземные ходы, подобные рудникам горным; ибо кроме того, что возвышенные места́ больше громовым ударам подвержены, нежели низкие, никогда мне слышать или читать не случилось, чтобы в рудник ударила молния. Подтверждается сие примером, который нашел я в Фрейбергском летописце. В 1556 году декабря 29 дня середи ночи взошла бурная громовая туча, которую в окрестных местах шестнадцать церквей молниею ударены и сожжены были; однако при том ни о едином повреждении рудников не упоминается, хотя ими тамошние горы везде и во все стороны прокопаны. Кемпфер в Японском путешествии пишет, что

тамошний государь от восходящих громовых туч укрывается в подземные ходы со сводами, которые сверху великим и глубоким прудом покрыты. Ибо японцы в том стоят мнении, что сквозь водяную стихию небесный огонь проникнуть не может. Я рассуждаю, что сие убежище хотя не по настоящему основанию и не по теории вымышлено, однако небесполезно, затем что вода громовую электрическую силу удобнее всего на себя принимает. И ежели в нее гром ударит (что часто бывает), то, по ней и по всему земному глобусу разделясь, угасает, не учинив никакого повреждения.

Сие о укрытии от громовых ударов; следуют способы к отвращению оных, из которых два не без успеху, как кажется, употреблены быть могут. Один состоит в выставленных и надлежащим образом подпертых электрических стрелах, другой в потрясении воздуха. Первым электрическую громовую силу отводит в землю, вторым электрическое движение в воздухе приводит в замешательство и в слабость.

В рассуждении первого известно всем, что в завостроватые верхи высоких башен всего чаще молния ударяет, особливо ежели железными указателями ветра украшены или металлом покрыты. Ибо сухое дерево или ноздреватый камень, из которых верхи строятся, такую имеют натуру, что толь великой электрической силы на себя, как металлы, принять не могут. Того ради, когда она в металлах зародится безмерно велика, тогда под ними сухое дерево и ноздреватый камень за прямую электрическую подпору почтены быть могут. Следовательно, востроверхие башни тогда во всем подобны стрелам электрическим, которые испытатели громовой силы нарочно выставливают и которых действие в притягании оной многими опасными опытами и смертию господина профессора Рихмана довольно известно. Такие стрелы на местах, от обращения человеческого по мере удаленных, ставить за небесполезное дело почитаю, дабы ударяющая молния больше на них, нежели на головах человеческих и на храминах, силы свои изнуряла.

Второго способа не токмо мнение, но и употребление в некоторых местах усилилось, то есть разбивать громовые тучи колокольным звоном. Сие сколько электрической силы в воздухе умалить может, покажу кратко. Что оная состоит в движении эфира, то не без основания физики утверждают. Сие движение немало присутствием воздуха воспящается. Оное явствует из того, что в стеклянном тощем шаре

электрический свет не показывается, ежели из него воздух не вытянут.

Сие когда тихим воздухом производится, то вероятно, что великим трясением оного в смятении эфира много большее действие воспоследовать может. Того ради кажется, что не токмо колокольным звоном, но и частою пушечною пальбою во время грозы воздух трясти небесполезно, дабы он великим дрожанием привел в смятение электрическую силу и оную умалил.

Много еще осталось, что для испытания сей материи в мысль приходит, но краткость времени всего предлагать не позволяет. Того ради, оставив облаков блистание и треск, кротчайшим воздушным явлениям хочу последовать и, по толь многих воспалениях и пожарах, прохладить вас приятныя росы воспоминанием.

Сея воздушныя перемены природа хотя далече отстоит от электрической силы, однако происходит от подобных движений. Того ради краткого изъяснения здесь достойна.

По захождении солнечном нижняя атмосфера прохлаждается скорее, нежели поверхность земная; влажностию прозябающих насыщенная. Посему холодный воздух, прикоснувшись теплой еще земли, нагревается, расширяется, легче становится и вверх восходит дотоле, пока прохолодясь, в равновесии остановится. Из сочинений покойного господина профессора Рихмана известно, что пары встают тем изобильнее, чем больше разность теплоты и стужи в воде и в воздухе. Того ради прохладившийся по захождении солнца воздух большее количество влажности из теплой земли вынимает и, возвышаясь до определенной вышины, с собою возносит. Другой род росы, которая из проходных скважин, в травах находящихся, выжимается, сюда не принадлежит, и потому, миновав оную, должно приступить к прочим электрическим воздушным явлениям.

Выше сего показано, что зимним временем часто случается, что верхняя атмосфера погружением своим внезапный мороз приносит, без чувствительного дыхания ветра, после теплой погоды. Явления северного сияния зимою по большей части после оттепели случаются, так что весьма часто мороз предвозвещают или с ним вдруг приходят. Электрическое паров трение производится в воздухе погружением верхней и восхождением нижней атмосферы, что из вышепоказанной теории о происхождении молнии и грома известно. Итак, весьма вероятно, что северные сияния рождаются от происшедшей на воздухе электрической силы. Под-

тверждается сие подобием явления и исчезания, движения, цвету и виду, которые в северном сиянии и в электрическом свете третьего рода показываются. Возбужденная электрическая сила в шаре, из которого воздух вытянут, внезапные лучи испускает, которые во мгновение ока исчезают, и в то же почти время новые на их места выскакивают, так что беспрерывное блистание быть кажется. В северном сиянии всполохи или лучи хотя не так скоропостижно происходят по мере пространства всего сияния, однако вид подобный имеют, ибо блистающие столпы северного сияния полосами от поверхности электрической атмосферы в тончайшую или весьма в чистый эфир перпендикулярно почти простираются; не иначе, как в помянутом электрическом шаре от вогнутой круглой поверхности к центру сходящиеся лучи блистают. Цвет во обоих явлениях бледный. Все северного сияния показанные виды не могут быть пары́ или облака́, каким-нибудь блистанием освещенные, что регулярная почти всегда фигура и сквозь светящие звезды явственно показывают. Немало вероятности прибавляется из моих наблюдений, по которым оказалось, что в начале осени и в конце лета, тяжкого многократными громовыми тучами, чаще северные сияния являются, нежели по иных летах. Сверх сего, иногда и во время самого северного сияния блеск зарницы мною примечен. Из сего оказывается, что северное сияние и зарниц всполохи не натурою, но градусом сил и местом разнятся. Зарница следует после крепкой электрической силы, при ея исчезании, ночью в редкой атмосфере; северное сияние от слабого трения паров в средней атмосфере выше пределов ея показывается. Что видимое сияние в месте, лишенном воздуха, произведено быть может, в том мы искусством уверены; и ради того все рассуждения, которые ясного и подробного познания о эфире требуют, без погрешения здесь мимо пройти можно. Положение северного сияния выше пределов атмосферы показывает сравнение зари, с ним учиненное. Ибо оныя периферия должна быть равна великому на земной поверхности кругу, как то из натуры земной тени заключить должно; окружению северного сияния надлежит быть равну кругам, экватору параллельным, той ширины, в которой оно положение свое на поверхности атмосферы имеет, что по пропорции вышины регулярной северного сияния дуги к ея ширине видеть можно.

Сие подтверждается еще наблюдением, которое учинено минувшею зимою. Февраля во второенадесять число, по

окончании вечерней зари появилось ясное северное сияние, по всему небу скоро распространилось и не токмо на севере, но и на южной стороне светлая дуга изобразилась; однако выставленная электрическая стрела, которая летом громовую силу показывала, не подала ни единого знаку, чтобы она была хотя мало электризована.

Посему электрическая сила, рождающая северное сияние, около верхней части средней атмосферы возбуждается, воздух самого верхнего слоя движет и трясением чистого эфира столпы и стрелы простирает. Весь воздух атмосферы около такой густости, которая в стеклянном шаре электрическое сияние погашает, остается мрачен, окружаясь светлою дугою, которая подает нетрудный способ определять вышину и расстояние северного сияния.

Предложив сие, надлежит показать причину несколько общих явлений. Ибо толкование всех, которые в многоразличных фигурах и движениях состоят, требует долгого времени.

Во-первых, спросить могут, чего ради сие сияние больше к северу лежащие земли чувствуют, нежели те, которые к экватору ближе склоняются. На сие хотя ответствовать, прежде показать я должен, что погружение самой верхней атмосферы в среднюю много удобнее быть должно ближе к полюсам, нежели к экватору. Ибо из вышеписанных явствует, что студеный слой воздуха около полярных кругов с поверхностию океана соединяется, откуду по справедливости следует, что и верхний предел оного, который купно самой верхней атмосферы есть предел нижний, ближе к земной поверхности подходит. Потом воздух самой верхней атмосферы хотя везде не много чувствует солнечной теплоты действие, что по сравнению барометра и термометра изведано, однако около полярных кругов и к полюсам осенним и зимним временем сила лучей еще меньше действительна, ради великой их отлогости и краткости дня или еще и для всегдашнего их отсутствия. Того ради весьма вероятно, что воздух, составляющий верхнюю атмосферу, в оных местах сжимается пресильным морозом до той же густости, которую имеет средний снежный слой воздуха. Ради такой его густости пары могут подыматься до самой поверхности атмосферы. Итак, когда подземная теплота, сообщаясь открытым морем лежащему на нем воздуху, его нагревает и столько расширяет, что он пропорциональною тягостию верхнему уступить должен, в то время верхняя атмосфера мешается с нижнею, которая встает верхней встречу, рож-

дается электрическая сила, до самой поверхности атмосферы простирается, и в свободном эфире сияние производится.

После вечерней зари северное сияние в здешних местах по большей части показывается; редко через всю ночь продолжается. Причину сего обстоятельства скоро видеть можно. Ибо солнечным сиянием нижний воздух, в день нагревшись, по захождении оного редчае бывает, нежели далее в ночь, когда отсутствием дневной теплоты и опущением верхней атмосферы отчасу больше прохлаждается и густеет, трение и сила электрическая перестает, и сияние погасает. Но ежели причина будет сильнее, то есть разность густоты в верхнем и нижнем воздухе больше, то весьма неспоримо, что сияние во всю ночь продолжиться может.

Таким образом продолжение нарушенного равновесия в воздухе бесперерывное северное сияние, особливо за полярными кругами, производит, что живущим при северном океане народам во время солнечного отсутствия зимою и в новолуния для исправления нужд довольный свет подает. Ибо когда верхняя атмосфера солнечных лучей мало или ничего не чувствует и превеликою стужею сжимается, тогда нижняя, лежа на открытом море, нагревается, расширяется, встает, верхняя опускается. И понеже жестокость стужи в верхней и оттепель в нижней атмосфере продолжается беспрерывно, того ради не дивно, что трение электрическое не престает и сияние всегда видно.

Оставив толкование прочих явлений, одного не могу преминуть молчанием: то есть явления разных цветов, которыми иногда при северном сиянии не без ужаса взирающих пылает все небо. Такое сияние на севере и на полудни случилось 1750 года, генваря в 23 день, и мною с прилежанием примечено. Порядок, которым перемены продолжались, есть следующий. По прошествии шести часов после полудни и по вскрытии вечерней зари показалось тотчас на севере порядочное сияние весьма ясно. Над мрачною хлябию белая дуга сияла, над которою, за синею полосою неба появилась другая дуга того же с нижнею центра, цвету алого, весьма чистого. От горизонта, что к летнему западу, поднялся столп того же цвету и простирался близко к зениту. Между тем все небо светлыми полосами горело. Но как я взглянул на полдень, равную дугу на противной стороне севера увидел с такою разностию, что на алой

верхней полосе розовые столпы возвышались, которые сперва на востоке, после на западе многочисленнее были. Вскоре после того между белою и алою дугою южного сияния небо покрылось траве подобною зеленью и приятный вид наподобие радуги представлялся; после чего алые столпы помалу исчезли, дуги еще сияли и неподалеку от зенита белое сияние величиною с солнце расходящиеся лучи испускало, к которому от летнего запада вставали столпы и почти оного касались. После сего между лучами оного сияния к западу алое пятно появилось. Между сим временем осьмь часов било, и небо алыми и мурового цвету полосами беспорядочной фигуры горело; мурового цвету больше было, нежели алого. В зените вместо лучи испущающего сияния две дуги показались, одна другую взаимно пересекающие. Которая вогнутою стороною стояла на север, имела струи поперечные, к центру склоняющиеся; а та, что вогнутою стороною обращена была на полдень, имела струи продольные, параллельные с перифериею. Обеих концы около пяти градусов от взаимного пресечения и от зенита отстояли. Все сии перемены с девятым часом окончились, и осталось одно порядочное сияние на севере, каковы здесь часто бывают.

Толкование всех сих видов миновать за благо рассуждаю, которые из показанной теории со временем изъяснить постараюсь. И ради того о цветах токмо упомяну вкратке. Рассуждая дуги, подобные радуге, удобно бы я поверил, что сии цветы ночного сияния от преломления лучей происходят, когда бы три обстоятельства всей вероятности не опровергали. Во-первых, не было тогда такого светила, которого преломленные лучи могли бы на цветы разделиться. Смешанные столпов и стрел сполохи толь порядочного явления причиною быть не могут. Второе, алые столпы той же фигуры и в том же движении являются, как белые, посему из того же источника происходят, который от преломления лучей весьма разнствует. Третие, еще нигде не доказано, чтобы все цветы чрез преломление лучей рождались, но, напротив того, много есть доводов, из которых явствует, что цветные тела токмо отвращением лучей разные цветы зрению показывают. Равным образом никто не помыслит, чтоб сии ночные цветы осиянные пары и облака были, кто их вид, от свойства паров и облаков отличный, и положение вне атмосферы рассудит. Итак, остается, что причины их в разности эфира искать должно. Разность цветов в разной оного природе или хотя в разной скорости

его движения положена будет, везде найдется удобность, что он один сам собою разные цветы показать может, то есть движением красного эфира (или по другому мнению, красный цвет производящею скоростию трясения) произвести цвет красный, движением желтого с синим — зеленый. И словом, когда сложенный изо всех главных цветов, то есть белый цвет, без воздуха в эфире рождается, то отнюд сомневаться не должно, что составляющие оный и порознь показаться могут. Немало с сим согласуется искусством произведенное электрическое сияние, различными цветами, по разности тел, играющее; откуду не без вероятности заключается, что на самой поверхности атмосферы движением разных паров разноцветные в эфире рождаются столпы и сияния.

Изъяснив по возможности из электрических законов явления, которые показывают нам действия земныя атмосферы, охоту чувствую взойти выше и оные тела рассмотреть, которые, в пространном эфира океане плавая, подобные показывают виды.

В первом месте почитаются кометы, которых купно с земным нашим шаром и с другими планетами за главные тела всего света почитать больше уже не сомневаются благорассудные философы; но бледного сияния и хвостов причина недовольно еще изведана, которую я без сомнения в электрической силе полагаю. Правда, что сему противно остроумного Невтона рассуждение, который хвосты комет почел за пары, из них исходящие и солнечными лучами освещенные; однако, ежели б в его время из открытия электрической силы воссиял такой, как ныне, свет в физике, то уповаю, что бы он прежде всего то же имел мнение, которое ныне я доказать стараюсь. Уже за несколько лет усмотрел я, что кометных хвостов происхождение от паров подвержено преважным и, по-видимому, непреодоленным трудностям. Того ради сие мнение совсем оставить и другой причины искать рассудил за благо, имея всегда подозрение, что сие явление с северным сиянием сродно, и состоят оба в движении эфира. Размышления мои о погружении верхней атмосферы в нижнюю, которые имел я издавна, ныне, восшествием в натуральной науке электрического дня осиянные, произвели следующую о хвостах комет теорию.

Атмосферу кометы хотя по долготе хвоста и по широте сияния, которое голову окружает, мерить невозможно, как то в следующем упомянется, однако нет ни единого сомнения, что она вышину нашей атмосферы многократно пре-

восходит. Подобным образом явствует, что по мере вышины и давления густость ее много больше умножается, и пары выше восходят. Когда комета к солнцу ближе подходит и теплотою его досягается, тогда часть ее атмосферы, в тени тела находящаяся, прямых солнечных лучей не чувствует. Те, которые, от великого пространства воздуха отвратясь, наподобие великой зари в тень кометы сияют, никакой почти теплоты причиною быть не могут. Того ради на стороне, от солнца отвращенной, темный воздушный столп от поверхности тела до поверхности самой атмосферы простирается, ширину всея тени имея. Воздух, оный столп составляющий, должен быть много холоднее, реже и пропорционально тяжелее того, который вне тени в прочей атмосфере прямым солнечным лучам подвержен. Рассудив великую вышину воздуха, которая, без опасности от погрешения, десять раз выше нашей может быть положена, ясно уразуметь можно, что он прочие части атмосферы много перевашить и прескорым движением вниз к телу кометы погрузиться должен. Между тем легкому и солнечными лучами расширенному воздуху надлежит к столпу склоняться и течь к занятию места, которое от погружающего столпа в тени остается, где, прохладясь и огустев, стать тяжелее и равномерно за прочим вниз опускаться и следующему место уступать принужден бывает. Итак, беспрерывным и прескорым течением воздуха, кверху и книзу стремящегося, сильное сражение и трение паров около пределов воздушного столпа, в тени обращающегося, возбуждается, и рождается великая электрическая сила. Чистый эфир вне воздуха быстрым трясением свет производит, движениям воздуха соответствующий, то есть по пространству на противной стороне от солнца, за комету, от тени ее простирающийся. Таким образом, по разности атмосферы каждой кометы и по разному отстоянию и положению ее в рассуждении солнца показываются хвосты различными видами. Столп воздушный в тени кометного тела составляет великую часть атмосферы, затем что за основание имеет половину поверхности всего тела; того ради пресильными течения движениями и вся атмосфера и паров множество, отвсюду кометный шар окружающее, немалому колебанию должна быть подвержена. Откуду электрические трения произойти могут, которые хотя вышепоказанных много тише, однако к электрическому движению эфира не вовсе неудобны. Того ради рассуждаю, что не все сияние, которое окружает голову кометы, почитать можно за пары, лучами солнечными освещенные,

а особливо, что великая оного часть самому хвосту весьма подобна.

Ныне всяк видеть может, что хвосты комет здесь почитаются за одно с северным сиянием, которое при нашей земле бывает, и только одною величиною разнятся. Подлинно, что, кроме доказательств предложенной теории, сии два явления удивительные сходства в знатнейших обстоятельствах имеют, так что их согласие вместо сильного довода служить может. Ибо, что до положения надлежит, обое показывается на стороне, от солнца отвращенной. Распростертые косы в хвосте кометы совершенно сходствуют со столпами и лучами, которыми блещет северное сияние. Наконец, обоих бледность, уступающая лучам от звезд прохождение, одну обоих натуру изъявляет. В обоих случаях крепким звезд блистанием слабое электрическое преодолевается.

Посему, когда хвосты комет не суть пары́, из них восстающие, но токмо движение эфира, от электрической силы происходящее, того ради неосновательны суть оные страхи, которые во время явления комет бывают, затем что многие верят, якобы великие потопы на землй от них происходят.

Еще немало есть подобных сему явлений, как зодиачное сияние, млечный путь и многие пасмурные звезды, которых причина от происхождения северного сияния и хвостов кометных, кажется, по-видимому, не разнится; но остановить течение моего сло́ва великость материи, утомив меня, принуждает, и в вас может быть долговременным слушанием возбудилось желание моего молчания.

Итак, совершая мое слово, к тому обращаюсь, кто создал человека, дабы он, рассуждая безмерное сотворенных вещей пространство, неисчислимое множество, бесконечную различность и высочайшим промыслом положенного меж ними цепь союза, его премудрости, силе и милосердию со благоговением удивлялся. Ему с горячим усердием приношу моление, дабы по отверстии и откровении толиких естественных таин, которыми он всещедро благословил дни наши, подобно и в предбудущее время, беспрестанным трудам людей ученых, везде в творении рук его поучающихся, благоволил споспешествовать счастливыми успехами; да к сохранению здравия и жизни смертным от вредных воздушных стремлений откроет безопасное прибежище; да чрез его вспомоществование божественным Петра Великого намерениям и матерним августейшия дщери его щедротам плодами трудов наших соответствовать возможем; да под

безмятежным Елисаветиным повелительством восходящие в возлюбленном отечестве нашем науки возрастут до полной зрелости и пребогатой жатвы достигнут; да равное им благополучие, да равное нам веселие вскоре приключится, какое воспоследовало сему граду и его гражданам в прошедшие и ныне окончавшиеся пятьдесят лет от его начатия. И как он, основан благословенным Петровым начинанием, в толь краткое время возрос до великого пространства и цветущего достиг состояния, подобным образом тем же великим основателем насажденная Академия под покровом истинныя его наследницы да распространится и процветет к бессмертной ее славе, к пользе отечества и всего человеческого рода.

ЯВЛЕНИЕ ВЕНЕРЫ НА СОЛНЦЕ, НАБЛЮДЕННОЕ В САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК МАЙЯ 26 ДНЯ 1761 ГОДА

26 мая — 4 июля 1761 г.

Фрагменты

<...> ПРИБАВЛЕНИЕ

Сие редко встречающееся явление требует двоякого объяснения. Первым должно отводить от людей, не просвещенных никаким учением, всякие неосновательные сомнительства и страхи, кои бывают иногда причиною нарушения общему покою. Нередко легковерием наполненные головы слушают и с ужасом внимают, что при таковых небесных явлениях пророчествуют бродящие по миру богаделенки, кои не токмо во весь свой долгий век о имени астрономии не слыхали, да и на небо едва взглянуть могут, ходя сугорбясь. Таковых несмысленных прорекательниц и легковерных внимателей скудоумие ничем, как посмеянием, презирать должно. А кто о таких пугалищ беспокоится, беспокойство его должно зачитать ему ж в наказание за собственное его суемыслие. Но сие больше касается до простонародия, которое о науках никакого понятия не имеет. Крестьянин смеется астроному, как пустому верхогляду.

Астроном чувствует внутреннее увеселение, представляя в уме, коль много знанием своим его превышает, человека, себе подобно сотворенного.

Второе изъяснение простирается до людей грамотных, до чтецов писания и ревнителей к православию, кое святое дело само собою похвально, если бы иногда не препятствовало излишеством высоких наук приращению.

Читая здесь о великой атмосфере около помянутой планеты, скажет кто: подумать-де можно, что в ней потому и пары восходят, сгущаются облака, падают дожди, протекают ручьи, собираются в реки, реки втекают в моря, произрастают везде разные прозябения, ими питаются животные. И сие-де, подобно Коперниковой системе, противно-де закону.

От таковых размышлений происходит подобный спор о движении и о стоянии Земли. Богословы западныя церкви принимают слова Иисуса Навина, глава 10 стих 12, в точном грамматическом разуме и потому хотят доказать, что Земля стоит.

Но сей спор имеет начало свое от идолопоклоннических, а не от христианских учителей. Древние астрономы (еще задолго до рождества Христова): Никита Сиракузянец признал дневное Земли около своей оси обращение, Филолай — годовое около Солнца. Сто лет после того Аристарх Самийский показал солнечную систему яснее. Однако эллинские жрецы и суеверы тому противились и правду на много веков погасили. Первый Клеант некто доносил на Аристарха, что он по своей системе о движении Земли дерзнул подвигнуть с места великую богиню Весту, всея Земли содержательницу, дерзнул беспрестанно вертеть Нептуна, Плутона, Цересу, всех нимф, богов лесных и домашних по всей Земли. Итак, идолопоклонническое суеверие держало астрономическую Землю в своих челюстях, не давая ей двигаться, хотя она сама свое дело и божие повеление всегда исполняла. Между тем астрономы принуждены были выдумывать для изъяснения небесных явлений глупые и с механикою и геометриею прекословящие пути планетам, циклы и эпициклы (круги и побочные круги).

Жаль, что тогда не было таких остроумных поваров, как следующий:

Случились вместе два астронома в пиру,
И спорили весьма между собой в жару.
Один твердил: Земля, вертясь, круг Солнца ходит;

Другой — что Солнце все с собой планеты водит;
Один Коперник был, другой слыл Птоломей.
Тут повар спор решил усмешкою своей.
Хозяин спрашивал: — Ты звезд теченье знаешь?
Скажи, как ты о сем сомненье рассуждаешь?
Он дал такой ответ: — Что в том Коперник прав,
Я правду докажу, на Солнце не бывав.
Кто видел простака из поваров такого,
Который бы вертел очаг кругом жаркого?

Коперник возобновил, наконец, солнечную систему, коя имя его ныне носит, показал преславное употребление ее в астрономии, которое после Кеплер, Невтон и другие великие математики и астрономы довели до такой точности, какую ныне видим в предсказании небесных явлений, чего по земностоятельной системе отнюдь достигнуть невозможно.

<...> Изъяснение священных книг не токмо позволено, да еще и нужно, где ради метафорических выражений с натурою кажется быть не сходственно?

Правда и вера суть две сестры родные, дщери одного всевышнего родителя: никогда между собою в распрю прийти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду всклеплет. А благоразумные и добрые люди должны рассматривать, нет ли какого способа к объяснению и отвращению мнимого между ними междоусобия. <...>

Некоторые спрашивают, ежели-де на планетах есть живущие нам подобные люди, то какой они веры? Проповедано ли им евангелие? Крещены ли они в веру Христову? Сим дается ответ вопросный. В южных великих землях, коих берега в нынешние времена почти только примечены мореплавательми, тамошние жители, также и в других неведомых землях обитатели, люди видом, языком и всеми поведениями от нас отменные, какой веры? И кто им проповедал евангелие? Ежели кто про то знать или их обратить и крестить хочет, тот пусть по евангельскому слову («не стяжите ни злата, ни сребра, ни меди при поясех ваших, ни пиры на пути, ни двою ризу, ни сапог, ни жезла») туда пойдет. И как свою проповедь окончит, то после пусть поедет для того ж и на Венеру. Только бы труд его не был напрасен. Может быть, тамошние люди в Адаме не согрешили, и для того всех из того следствий не надобно. <...>

15 Заказ 1447

КОММЕНТАРИИ

Настоящее издание вряд ли могло состояться, не будь десятитомного Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова, выпущенного Академией наук СССР в 1950—1959 гг. К подготовке столь фундаментального собрания был привлечен большой коллектив специалистов, который проделал под руководством и при непосредственном участии С. И. Вавилова колоссальную по объему и трудности, тщательную исследовательскую работу. В предлагаемом однотомнике все ломоносовские тексты печатаются по этому авторитетному в текстологическом и других отношениях Полному собранию.

В указанном Полном собрании, где привлекшие наше внимание произведения рассыпаны в объемистых фолиантах среди многочисленных специальных трудов, содержится около 950 сочинений и 104 письма Ломоносова (не говоря о громадном количестве сопутствующих документальных свидетельств); в настоящем издании представлено — целиком или в отрывках — 73 произведения и 54 письма. Из этого отнюдь не следует, будто в числе ломоносовских текстов, оставшихся за пределами данного однотомника, нет таких, которые могли бы быть в него включены. Составление и издание полного свода прозы Ломоносова — дело будущего.

Отнесенные нами к изящной словесности прозаические тексты организованы здесь, разумеется, иначе, нежели в академическом Полном собрании, что коротко объяснено в конце вступительной статьи. В ней изложен и принцип отбора произведений. Поскольку иные из них невозможно вместить под обложку одной книги во всем

их объеме, они даны в сокращении. Однако купюры сделаны так, чтобы оставшиеся фрагменты давали весьма ясное представление о сути и эстетических особенностях целого. Порою необходимость сокращений диктовалась тем, что в том или ином произведении лишь некоторые места содержат определенное эстетическое начало и могут считаться поэтому собственно прозой.

Из публикуемых текстов сравнительно немногие имели в подлиннике название, вследствие чего большая часть заголовков принадлежит редакторам академического Полного собрания сочинений. Здесь такие названия даются в угловых скобках. В квадратных скобках даны пояснения и переводы, сделанные в тексте редакторами Полного собрания сочинений.

Тексты печатаются в приближенной к современной орфографии в пунктуации.

Ломоносов в силу обстоятельств нередко писал на немецком или латыни. Порой он сам переводил на русский что-либо из своих работ. Бывало и так: написав по-русски, затем для опубликования переводил на один из названных языков. Весьма часто давал в собственном переводе цитируемые им иностранные источники. Некоторые произведения Ломоносова сохранились в переводе на французский и другие языки, но не дошли до нас в оригинале. Что касается настоящего издания, то в нем все иноязычные тексты даются в переводе на русский язык. В тех случаях, когда перевод не принадлежит Ломоносову, в тексте указано: «Перевод». Это означает также, что использован перевод, выполненный для упомянутого Полного собрания и там опубликованный.

Читатель встретит подчас двойную датировку произведений: в дополнение к дате, указываемой сразу после заголовка, имеется также дата, проставленная самим Ломоносовым. В этих случаях следует иметь в виду: в заголовке указывается время написания произведения, установленное или перепроверенное комментаторами академического Полного собрания. Оно может совпадать с датой, которую ставит Ломоносов, но может и не совпадать — в тех случаях, когда Ломоносов датирует текст днем публичного произнесения его, или отправки, или моментом выхода произведения из печати (либо сдачи в печать).

Для названий разделов настоящего издания нами использованы

строки из ломоносовских текстов. Внутри разделов предлагаемые произведения даются как правило в хронологической последовательности, за исключением пятого раздела, где порядок расположения сочинений поставлен в зависимость от хронологии рассматриваемых в них исторических событий.

При составлении комментариев по необходимости использовались обстоятельные примечания к соответствующим томам академического Полного собрания сочинений, а также другие источники.

ВРАТА МОЕЙ УЧЕНОСТИ

Показания о своем происхождении... 4 сентября и после 4 сентября 1734 г.

Из второго документа видно, что Ломоносов, по его собственному признанию, назвал себя в 1730 году при поступлении в Славяно-греко-латинскую академию дворянским сыном (иначе бы его не приняли в академию). Позднее же, 4 сентября 1734 г., он назвал себя сыном священника.

Причиной вторичного сокрытия своего происхождения явилось горячее желание Ломоносова без помех попасть в состав утвержденной императрицей Анной Иоанновной научной экспедиции в «Киргиз-Кайсацкую и Каракалпакскую орды» во главе с известным русским географом, обер-секретарем сената И. К. Кириловым. Последний запросил, в частности, чтобы в экспедиции принял участие и «ученый священник из Спасской школы», т. е. из Славяно-греко-латинской академии. За два дня, как Ломоносову пришлось давать первое из публикуемых здесь показаний, он уже был отобран архимандритом Стефаном для столь желанной молодому слушателю научной экспедиции. И. К. Кирилов, познакомившись с Ломоносовым, доставленным в канцелярию Московского синодального правления, остался доволен кандидатурой и просил не откладывать формальностей, иными словами, возвести Ломоносова в духовный сан, что означало бы окончание Академии и переход на службу к крупному ученому.

Между тем существовал порядок: лица, возводимые в духовный сан, перед тем допрашивались в Ставленническом столе упомянутой канцелярии. Поскольку считанные дни отделяли Ломоносова от

исполнения его тогдашней мечты, он дал показания, которые способствовали бы осуществлению открывшейся радостной перспективы. Ломоносов не знал, что сообщаемое слушателями при таких допросах подвергается проверке. Когда же ему стало известно, что в отношении его показаний сделан запрос в Камер-коллегию, Ломоносов, поняв, что теперь на карту поставлено вообще все его будущее, поспешил дать новое, на сей раз правильное показание. И хотя Ломоносов в результате лишился возможности участвовать в экспедиции, в остальном ему повезло: благодаря доброму заступничеству Феофана Прокоповича, суровая кара за дачу ложных сведений о себе миновала Ломоносова: как исключительно способный и прилежный он был оставлен в числе учащихся.

Оба приведенных документа — самые ранние из сохранившихся свидетельств Ломоносова о самом себе, причем лично им подписанные. И хотя их форма по необходимости косвенная, что касается содержания, эти показания, без сомнения, точно воспроизводят рассказанное Ломоносовым.

Письмо И.-Ф. Генкелю.
Вторая половина декабря 1739 г.

В 1736 г. Ломоносов, переведенный до того из Москвы в Петербург для продолжения обучения в Академии Наук, командируется вместе с двумя другими молодыми людьми в Германию. После успешных трехлетних занятий в Марбурге у Х. Вольфа, известного в то время натуралиста, физика, математика и философа, почетного члена Российской Академии Наук, Ломоносов попадает в 1739 году во Фрейберг к горному советнику И.-Ф. Генкелю для изучения горного дела и металлургии. Жизнь Ломоносова резко переменилась к худшему. Генкель был жаден, скуп, денег русским студентам не выдавал, хотя Академическая канцелярия высылала значительные суммы. К тому же Генкель не удовлетворял научные интересы учеников, особенно Ломоносова, наиболее пытливого из всех. Например, отказал Ломоносову в испрашиваемом разрешении на посещение рудников, всячески унижал и оскорблял, заставлял делать постороннюю для учебы и вредную для здоровья черную работу (растирание ядов и т. п.).

Генкель, оболгавший Ломоносова в сообщении в Академию о поведении последнего, тем не менее был вынужден дать объективную информацию об успехах в науках строптивого, исполненного достоинства ученика: «Господин Ломоносов, довольно хорошо усвоивший себе теоретически и практически химию, преимущественно металлургическую, а в особенности пробирное дело, равно и маркшейдерское искусство, распознавание руд, рудных жил, земель, камней, солей и вод, способен основательно преподавать механику, в которой он, по отзывам знатоков, очень сведущ» (23 сентября 1740 г.).

Как отмечается в примечаниях к упомянутому академическому Полному собранию сочинений, при оценке столкновения Ломоносова с Генкелем надо иметь в виду и то, что оно почти совпало по времени с первым выступлением Ломоносова как самостоятельного ученого: в конце 1739 г. им было послано в Российское собрание при Академии Наук его знаменитое «Письмо о правилах российского стихотворства».

Письмо И.-Д. Шумахеру.
5 ноября 1740 г.

Как следует из ответного письма И.-Д. Шумахера (28 февраля 1741 г.), Ломоносову сообщалось, что предписание о его немедленном выезде с началом навигации в Петербург подтверждается. Тем самым не было дано разрешение на посещение рудников в Гарце.

Иоганн-Даниил Шумахер (1690—1761) — советник Канцелярии Академии Наук (тогда это было высшей должностью). Долгое время фактически управлял всеми делами Академии. Бездарный в научном отношении, ловкий и беззастенчивый интриган, Шумахер сделался в дальнейшем одним из главных врагов Ломоносова, ярым ненавистником любых ломоносовских начинаний.

Письма И. И. Шувалову.
10 и 31 мая 1753 г.

Если два предыдущих письма дают представление о жизни и душевном состоянии Ломоносова в момент их написания, то эти письма являют уже воспоминания, впрочем, поведанные не от праздности, а как довод в защиту от испытываемых им притеснений у себя, в России.

Шувалов Иван Иванович (1727—1797) — фаворит императрицы Елизаветы Петровны. Оказывал в пору своего могущества весьма значительную поддержку Ломоносову, хотя нередко был в этом непоследователен.

Величайшей щедротой Ломоносов называет именной указ императрицы от 15 марта 1753 г. о пожаловании ему земель и крестьян для создававшейся им мозаичной фабрики.

Слова Ломоносова *отец, никогда детей, кроме меня, не имея, говорил, что я, будучи один, его оставил,* не вполне точны: биографам известно, что он был единственным ребенком от первого брака его отца, у которого, однако, от второго и третьего браков были еще и другие дети, причем в момент ухода Ломоносова из родительского дома у его отца был уже второй сын.

Упоминаемая *мачеха* — третья жена отца Ломоносова.

Алтын — три копейки; *денежка* — $^1/_2$ копейки.

Называя *Диогена,* Ломоносов руководствовался тем, что каждый, кто получал тогдашнее образование, хорошо знал: Диоген не оставил никакого научного наследия, кроме нескольких афоризмов.

ПОКОЯ ДУХ НЕ ЗНАЕТ

Письмо И. И. Шувалову.
1 ноября 1753 г.

Граф *Кирилл Григорьевич Разумовский* (1728—1803) был назначен президентом Академии Наук в 1746 г., а с 1750 г. стал, кроме того, и малороссийским гетманом. Ордер (письменное распоряжение) Разумовского, о котором говорится в письме, открыл Ломоносову глаза на двойную игру Шумахера, вследствии происков которого Ломоносов был лишен возможности публично огласить одно из наиболее выдающихся своих исследований — «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», где он развивал и обосновывал свою теорию атмосферного электричества,

Всенижайшее мнение...
Январь — февраль 1755 г. Фрагменты

Как отмечается в примечаниях к Полному собранию сочинений, никаких известий о том, подавал ли Ломоносов это свое «мнение», не сохранилось. По-видимому, оно не было закончено и осталось в его черновых бумагах.

Записка о необходимости преобразования Академии Наук.
1758—1759 гг. Фрагменты

В ожесточенных спорах о регламенте (т. е. уставе) Академии дело доходило до столь резких столкновений, что, например, в результате одного такого столкновения в феврале 1755 г. Ломоносов был исключен президентом Разумовским из числа участников Академического собрания, но вскоре был восстановлен в своих правах. По мнению исследователей, работа над запиской, по-видимому, не была закончена, последняя сохранилась только в черновых бумагах Ломоносова.

Представление президенту Академии Наук об отдаче И. И. Тауберта под следствие.
10—24 декабря 1761 г.

Тауберт Иван Иванович (1717—1771)— советник Канцелярии Академии Наук, зять Шумахера и его приспешник в травле Ломоносова. Для Ломоносова Тауберт — *вкоренившийся злодей.*

Ломоносов открыто предупреждает Разумовского, что в случае, если последним не будет уважено это представление, он, Ломоносов, поступит по указу Петра I, т. е. обжалует действия Разумовского в сенат или императрице. Не выяснено, была ли приведена в действие эта угроза.

Ломоносов придавал чрезвычайно серьезное значение данному документу и вполне ясно сознавал, каким опасностям подвергал себя, обращаясь к своему сановному начальнику со столь решительным и резким требованием. Об этом свидетельствует сохранившаяся в архиве Ломоносова выписка из законов, составленная, несомненно, по его поручению, академическим канцеляристом. Она содержит полные

тексты указов Петра I о праве челобитчиков на отвод лицеприятных судей и об ответственности челобитчиков за отвод, заявленный ими без достаточных оснований, а также выдержки из других законодательных актов об ответственности челобитчиков за клевету.

Как указывается в примечаниях к Полному собранию сочинений, неизвестно, было ли это представление подано президенту Академии Разумовскому. Цели Ломоносов не достиг: Тауберт остался у власти.

Записка о служебных преступлениях и упущениях И. И. Тауберта.
16—24 декабря 1761 г.

Здесь упоминается (в п. 1) жалоба Н. А. Демидова на Тауберта. Ее основательность подтвердилась в ходе расследования, проведенного специально назначенной комиссией.

Предположения об устройстве и уставе Петербургской Академии.
21 мая — 10 сентября 1764 г. Отрывок

Исследователи выяснили, что должности вице-президента Академии в 1764 г. не существовало, а равноценное примерно этому служебному положению жалованье (1875 р. в год) было установлено Ломоносову императрицей в декабре 1763 г. при его производстве в статские советники.

Краткая история о поведении Академической канцелярии...
Не позднее 26 августа 1764 г.

Как справедливо отмечается в примечаниях к Полному собранию сочинений Ломоносова, «Краткая история...» — образец полемической прозы. Совершенно своеобразны и ее построение в целом, и отдельные примененные в ней литературные приемы, в особенности те неожиданные, поражающие своей убедительностью антитезы, которыми Ломоносов мастерски пересыпает свой лаконичный текст.

Это — черновик. Переписанный набело текст (не отыскан) попал после смерти Ломоносова тому, кому был адресован — Екатерине II. Ломоносов не намеревался вручать свое сочинение сам, а предполагал сделать это через фаворита императрицы графа Г. Г. Орлова, почему

и написал не от своего имени, а в третьем лице. Однако по неизвестной причине хода написанному не дал. Благодаря тому что хозяином рукописного наследия Ломоносова стал после его смерти именно Г. Г. Орлов, этот труд хоть и поздно, но попал в те самые руки, в какие предназначался. Доводы Ломоносова в какой-то степени достигли цели — записка подтвердила и без того сложившееся к тому времени при дворе убеждение, что академические дела ведутся плохо. Тауберт был отстранен, и в 1766 г. «главным директором» Академии Наук Екатерина назначила брата своего фаворита — В. Г. Орлова, поручив ему заняться переустройством Академии.

Как видно из текста, Ломоносов считал, что «несчастие», грозящее наукам, тем самым и родине, в тогдашних условиях могло быть предотвращено только путем вмешательства верховной власти. Вместе с тем Ломоносов открыто признается, что не уверен, хватит ли для этого у Екатерины II *истинного любления к наукам и усердия к пользе отечества.*

Ломоносов писал эту записку за семь месяцев до смерти. Его прежние покровители, чрезвычайно влиятельные в елизаветинскую пору вельможи М. И. Воронцов, И. И. Шувалов, давно уже утратили былое положение при дворе (новая императрица не благоволила им) и находились за пределами России. Это было время, когда еще больше ополчились на Ломоносова старые противники его материалистического направления в науке, его прогрессивной, патриотической просветительной программы. За спиной у непосредственных участников злобной, клеветнической кампании, пытавшихся «освободить» Академию от Ломоносова, стояли реакционные силы, стремившиеся парализовать просветительскую работу Академии, усилия передовых ученых во главе с Ломоносовым всячески способствовать распространению знаний в народе. Многими десятками фактов, приведенных в данной записке, Ломоносов доказывал, что этим вполне сознательным преступным намерением была проникнута вся деятельность таких людей, как Шумахер и Тауберт.

Составление этой записки было одним из самых решительных актов идейной борьбы, которую Ломоносов вел всю свою жизнь.

ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ОБЩЕСТВА КОЛЬ РАДОСТНО ТРУДИТЬСЯ

Доношение в Академию Наук о выдаче жалованья за месяц.
30 мая 1743 г.

Задержки в выплате жалованья, как удалось выяснить биографам, достигали иногда трех, четырех и более месяцев. Особенно страдали от этого низкооплачиваемые академические служащие, к числу которых принадлежал в 1742—1745 гг. Ломоносов.

Доношение в Академию Наук об освобождении из-под стражи.
23 июня 1743 г.

В связи с жалобами на злоупотребления Шумахера, поступившими императрице, была назначена Следственная комиссия по рассмотрению многочисленных обвинений Шумахера, в том числе в преднамеренном срыве работы по подготовке русских ученых кадров. Известно, что 7 октября 1742 г. Шумахера и трех его доверенных лиц арестовали, но вскоре реакционные круги, ставленником которых он являлся, волею классового «правосудия» превратили обвинителей, смелых русских патриотов, принадлежавших к демократическим кругам, в обвиняемых. Семь человек из числа жалобщиков были арестованы, а Шумахер с компанией освобождены. Ломоносова не без основания признавали единомышленником и соратником авторов жалобы. Начались гонения и на него. Ломоносов протестовал в резкой форме и 28 мая 1743 г. угодил под арест. Ломоносова держали под стражей почти восемь месяцев. Только 18 января 1744 г. последсвал сенатский указ освободить «оного адъюнкта» от наказания, потребовав от него попросить «у профессоров прощения» и повелев в течение года выплачивать ему «в наказание только половинное жалованье». Ломоносова заставили в тот же день подписать и произнести устно в Академическом собрании текст письменного извинения, составленный его противниками.

Доношение в Академию Наук о выдаче математических сочинений Ньютона.
21 июля 1743 г.

Просьба Ломоносова, находившегося тогда под арестом (с 28 мая 1743 г, по 18 января 1744 г.), была удовлетворена «на счет его заслуженного жалованья сего 1743 года».

Третье представление в Академию Наук об учреждении Химической лаборатории.
Март 1745 г.

И это представление, так же как два предшествующих, осталось без последствий. Но Ломоносову удалось в конце концов достигнуть того, что в борьбу за открытие Лаборатории включились все прогрессивные силы Академии. Сопротивление Шумахера было сломлено.

Письмо И.-Д. Шумахеру.
1 мая 1745 г.

В упоминаемом прошении Ломоносов ходатайствовал о присвоении ему звания профессора химии с «надлежащим жалованьем».

Письмо Л. Эйлеру.
16 февраля 1748 г.

Шумахер, послав Эйлеру работы Ломоносова (по обыкновению, любое завершенное и оформленное исследование тогда называли диссертацией), рассчитывал получить отрицательный отзыв, а вместо этого получил письмо, полное восхищения. Шумахер скрыл этот отзыв от Ломоносова, но последнему тайком его показал Григорий Николаевич Теплов (1717—1779), адъюнкт Академии и асессор ее Канцелярии. Ломоносов нередко характеризовал Теплова словами *коварник, лукавец.*

Письмо Г. Н. Теплову.
22 апреля 1748 г.

Данное Канцелярией Академии Наук письменное поручение (ордер) Ломоносов все же исполнил. Упоминаемое празднество, для которого готовились стихи, по обыкновению, иллюминация,— годовщина коронования императрицы,— было назначено на 25 апреля 1748 г.

Письмо К. Г. Разумовскому.
12 июля — 3 сентября 1748 г.

Это — вторичная просьба, сочиненная Ломоносовым и направленная президенту Академии Наук в первый раз от имени «всех профессоров», а во второй — подписанная всеми академиками.

Вопрос о «рангах», говорится в примечаниях к Полному собранию сочинений, т. е. о том, чтобы должности академика был присвоен

один из четырнадцати «классов», предусмотренных петровской «Табелью о рангах», имел в условиях того времени серьезное значение. «Табель о рангах» преследовала двоякую цель: создание привилегированного чиновничества и одновременно демократизацию дворянства. Внушалась мысль, что общественное положение людей должно определяться только служебным рангом, а не происхождением.

Чрезвычайно важное значение имело и то, что достигшие одного из первых восьми рангов становились дворянами, «хотя б они и низкой породы были». Тех чиновников, которые на публичных торжествах и в официальных собраниях требовали себе почестей и мест, не соответствовавших их рангу, как, впрочем, и тех, кто уступал свое место лицу низшего ранга, штрафовали. Это распространялось не только на самих чиновников, но и на их жен. Даже в церкви полагалось стоять по чинам.

При таких обстоятельствах служащие, почему-либо не имевшие никакого ранга, оказывались в чрезвычайно тяжелом, а подчас и в унизительном положении. Именно в таком положении пребывали тогда все служащие Академии Наук, которая была создана позже издания «Табеля о рангах», следовательно, академические должности не были предусмотрены этим законом. Ломоносов был одним из главных инициаторов того, чтобы столь двусмысленное положение академиков было исправлено.

Письмо И. И. Шувалову.
15 августа 1751 г.

Подтверждается и многими другими документами, что Ломоносову действительно приходилось обращаться в Канцелярию Академии Наук за каждой «безделицею», а отношение к этому канцелярских «подьячих», начиная с Шумахера, непременно было либо отрицательным, либо сводилось ко всяким проволочкам, к унижению.

Прошение в Контору...
Не позднее 3 мая 1753 г.

Защищая крестьян от произвола соседей помещиков, от разорительных казенных поборов и тяжелых натуральных повинностей, Ломоносов аргументировал тем, что его фабрика должна была стать центром художественного стеклоделия и образцом, следуя которому

возникали бы по всей стране стекольные заводы. Ломоносов понимал свое новое дело не как личное, а как государственное. Прошение было удовлетворено.

Доношение в Канцелярию...
22 мая 1753 г.

Отпуск был предоставлен. Говоря о речи для публичной ассамблеи, Ломоносов имеет в виду «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих». Отрывок из этой работы публикуется в последнем разделе данного сборника.

Письмо И. И. Шувалову.
26 июля 1753 г.

Биографам хорошо известно (об этом писалось не раз): опасения Ломоносова, что смерть Рихмана, происшедшая во время опыта по обнаружению атмосферного электричества, может быть «протолкована противу приращения наук», имели серьезные основания. В реакционных дворянских кругах пошли толки о кощунственности таких опытов, а приборы, которыми пользовались Ломоносов и Рихман, именовались «проклятыми». Шумахер поспешил поднять вопрос об отмене публичного собрания Академии Наук, которое предполагалось посвятить речам Ломоносова и Рихмана об атмосферном электричестве.

Пушкин, прочитав это письмо Ломоносова, пометил: «Как хорошо его письмо о семействе несчастного Рихмана!» Данная Пушкиным высокая оценка относится не только к душевным качествам Ломоносова, но, без сомнения, и к литературным достоинствам письма.

Письмо М. И. Воронцову.
30 августа 1753 г.

Письмо вызвано задержкой в рассмотрении прошения вдовы Рихмана о пособии, а также пенсии для малолетних детей, и частично возымело действие. Пособие вдове дали, но в пенсии на детей было отказано. Когда они выросли, Ломоносов помог сыновьям Рихмана (их было двое) поступить в Академическую гимназию, где их взяли на казенное содержание.

Письмо Л. Эйлеру.
12 февраля 1754 г.

Образ богоматери был первой мозаичной работой Ломоносова.

Недавняя речь — «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих».

Слова Ломоносова *Я боюсь омрачить старость мужу...* относятся к Х. Вольфу, чья натуральная философия находилась в противоречии с материалистическими воззрениями Ломоносова. Тем не менее Ломоносов хранил теплое чувство к учителю и, насколько было возможно, старался щадить его.

Письмо И. И. Шувалову.
28 марта 1754 г.

Упоминаемое Ломоносовым его письмо, которое Шувалов назвал «ласкательным», и ответ Шувалова на это письмо не разысканы, сообщается в примечаниях к Полному собранию сочинений. *Всепокорнейшим прошением* Ломоносов называет все то же неизвестное нам письмо.

Его сиятельство — президент Академии Наук К. Г. Разумовский,

Письмо Г.-Ф. Миллеру.
7 мая 1754 г.

Упоминаемая в письме *новоприсланная диссертация* была одной из многих работ, представленных в Академию Наук на соискание 100 червонцев за решение научной задачи, предложенной Ломоносовым (по вопросу об отделении золота от серебра).

Примечательны слова Ломоносова о том, что *в Академии надобен человек, который изобретать умеет, но еще больше надобен, кто учить мастер.* Ломоносов считал, что Академия Наук не должна замыкать свою деятельность рамками кабинетно-научной работы, а обязана заботиться и о культурном росте страны, в первую очередь о воспитании ученых кадров.

Миллер Герард-Фридрих (1705—1783) — конференц-секретарь Академии Наук, историограф.

Рассуждение об обязанностях журналистов...
Не позднее 22 августа 1754 г. В сокращении

Статья написана Ломоносовым на латыни, но подлинник ее не сохранился. Напечатана по-французски в 1755 г. в одном французском журнале (без подписи) и с этого источника впоследствии переведена на русский язык.

Здесь в обобщенной форме дан публичный отпор некоторым западноевропейским авторам, отрицательно отозвавшимся в печати на опубликованные в Петербурге в 1750 г. («Новые Комментарии» Петербургской Академии Наук, т. 1) четыре ломоносовские диссертации, ставшие новым словом в физических и химических науках того времени. Как раз эти диссертации задолго до их обнародования Шумахер посылал Эйлеру. Последний дал, как известно, восхищенный отзыв, заметив, что напечатание диссертации Ломоносова принесет славу не только Академии, но всей русской науке.

Существует предположение, что «Рассуждение об обязанностях журналистов...» — это приписываемое Ломоносову сочинение, что статью написал один из врагов Ломоносова, специально замысливший пустить слух, будто она принадлежит перу Ломоносова и тем скомпрометировать его. В основе данной версии лежит мнение, согласно которому назидательный, поучающий стиль и тон статьи никак не вяжется с обликом Ломоносова.

Однако этот тон был вызван необходимостью защищаться наступая. Поскольку оппоненты исказили многие положения диссертаций Ломоносова и учинили разгром далекими от этики науки и ее правил методами, Ломоносов не мог не указать в ответ, как надобно вести полемику в научном духе. Отмеченная версия не согласуется и с бесспорными фактами, подробно освещенными в примечаниях к третьему тому академического Полного собрания сочинений. Из приводимых там документальных подтверждений авторства Ломоносова укажем здесь для иллюстрации хотя бы одно.

Так, в отчете о своих трудах за 1755 г. Ломоносов записал: «В физике сочинил диссертацию о должности журналистов, в которой опровергнуты все критики, учиненные в Германии против моих диссертаций, в Комментариях напечатанных, а особливо против новых теорий о теплоте и стуже, о химических растворах и упругости воздуха». В следующей фразе Ломоносов прямо указывает, что эта его

статья («оная диссертация») «переведена господином Формеем на французский язык и в журнале, называемом Немецкая Библиотека (Bibliotheque germanique), на оном языке напечатана». Это и есть упоминавшийся выше первоисточник. Ж. А. Формею статью передал Л. Эйлер, получивший ее от Ломоносова. Оба адресата уведомили об этом автора (их письма Ломоносову сохранились). Есть и другие подтверждения.

Прошение в Сенат...
Не позднее 9 сентября 1754 г.

Сенат удовлетворил ходатайство Ломоносова.

Письмо Л. Эйлеру.
28 ноября 1754 г.

Упоминаемое здесь опровержение есть ие что иное, как прокомментированная выше статья Ломоносова «Рассуждение об обязанностях журналистов».

Письмо И. И. Шувалову.
10 марта 1755 г.

Это письмо, как и следующее, относится к моменту, когда после резкого столкновения Ломоносова с Тепловым (23 февраля 1755 г.) президент Разумовский воспретил Ломоносову участвовать в Академических собраниях. Отмена взыскания произошла не без участия Шувалова, который сообщил об инциденте императрице. На это намекает Ломоносов, отмечая в «Краткой истории о поведении Академической канцелярии...», что он был «при дворе законно оправдан».

Письмо И. И. Шувалову.
12 марта 1755 г.

Лукавцем Ломоносов называет Теплова.

Репорт в Канцелярию...
24 марта 1755 г.

Академическая канцелярия в лице Шумахера не приняла никакого решения по данной просьбе. Ломоносов, по его свидетельству, привлекался к участию в устройстве фейерверков и иллюминаций еще и в 1756 г. До этого Ломоносов занимался составлением проектов

иллюминаций, фейерверков и сочинением стихотворных надписей к ним с 1747 по 1754 г.

Историкам хорошо известно, что в XVIII в. русское правительство придавало иллюминациям и фейерверкам большое политическое значение. При свете разноцветных фитилей и бесчисленного количества плошек возникали из мрака огромные и замысловатые праздничные сооружения, иногда даже произведения живописи, непременно аллегорического содержания, а смысл этих аллегорий пояснялся огненными надписями, составленными из фейерверков, и сводился к восхвалению заслуг, добродетелей и могущества императрицы. Вот почему предъявлялись большие требования к тем, кто сочинял проекты иллюминаций и пояснительные надписи к ним, а также к тем, кто осуществлял эти фейерверки и огненные надписи. Поскольку зрителей этих иллюминаций было тогда намного больше, чем читателей книг, цензура иллюминаций была гораздо строже книжной цензуры.

Письмо И.-Д. Шумахеру.
10 мая 1756 г.

Ходатайство Ломоносова было удовлетворено.

Письмо Я. Я. Штелину.
27 октября 1757 г.

Сенат предложил Академической канцелярии освидетельствовать мозаичные изделия Ломоносова. Канцелярия перепоручила это собранию Академии Художеств, где руководящую роль играл как раз *Яков Яковлевич Штелин* (1709—1785), профессор, советник Канцелярии Академии Наук, «директор по художествам».

Доношение...
22 июля 1758 г.

Просьба Ломоносова была удовлетворена, но он возвратился из отпуска раньше срока главным образом по делам, связанным с печатанием книги первой его собрания сочинений, которое выпускал Московский университет.

Письмо И. И. Шувалову.
8 июля 1759 г. Отрывок

Академические «недоброжелатели» резко и несправедливо критиковали построенную Ломоносовым «ночезрительную трубу». Более чем трехлетняя полемика с ними не позволила Ломоносову обнародовать свое изобретение. Примерно за две недели до приведенного письма Ломоносов получил от Шувалова новую трубу, сделанную в Англии, и обнаружил, что в ней реализовано его же предложение; это лишило Ломоносова (и Россию) приоритета в изобретении.

Явным бессовестием Ломоносов считал появившуюся в июньском номере журнала «Трудолюбивая пчела» (издавался А. П. Сумароковым и печатался в академической типографии) статью В. К. Тредиаковского «О мозаике», где автор писал, что невозможно «подражать совершенно камешками и стеклышками всем красотам и приятностям, изображаемым от искусныя кисточки». Ломоносов опасался, что эта неквалифицированная, дилетантская статья может неблагоприятно повлиять на ход возбужденного им в сенате дела о заказе на мозаичные украшения для Петропавловского собора.

Письмо М. И. Воронцову.
30 декабря 1759 г.

Ходатайствуя о создании должности вице-президента Академии Наук и о своем назначении на эту должность, справедливо отмечается в примечаниях к Полному собранию сочинений, Ломоносов видел в этом наиболее верный способ изменить соотношение сил внутри Академии и тем самым освободить ее от власти реакционной канцелярской клики, которая противодействовала стараниям Ломоносова «о распространении наук в отечестве», его радению «к размножению в отечестве природных ученых людей». Однако ходатайство Ломоносова не было удовлетворено.

Письмо И. И. Шувалову.
14 февраля — 17 апреля 1760 г.

Основная тема записки та же, что и в вышеприведенном письме М. И. Воронцову.

Письмо Шведской академии наук.
15 июля 1760 г.

Ломоносов был единогласно избран почетным членом Шведской академии наук 19 апреля 1760 г. В ответ он написал и направил для доклада «Рассуждение о происхождении ледяных гор в северных морях».

Письмо Г. Н. Теплову.
30 января 1761 г.

Судя по всем предшествующим высказываниям Ломоносова, он вплоть до начала 60-х годов считал, что начальствовавшие в Академии иностранцы были единственными виновниками ее «закоренелого несчастия» и что с этим может быть покончено, если он, Ломоносов, займет в Академии руководящий пост. В 1757 г. Ломоносов получил такой пост, став членом Академической канцелярии. В следующие три года его административные полномочия расширяются: в 1758 г. ему поручается наблюдение за всей научной частью Академии, а в 1760 г. на него возлагается единоличное руководство Университетом и Гимназией.

Биографы верно указывают: данное письмо относится к тому времени, когда Ломоносов успел «слезными опытами» убедиться, что надежды, которые он связывал с этими почетными назначениями, были напрасны. Несмотря на все рвение, с каким он принялся за выполнение своих новых обязанностей, сопротивление «недоброхотов» продолжало оставаться все таким же действенным и в большинстве случаев непреодолимым. Это не могло не навести на мысль, что дело не в одних только иностранцах, что они не оказались бы так сильны, если бы не встречали поддержки со стороны русских государственных деятелей более или менее высокого ранга.

Эта мысль, как считают исследователи, только теперь обратившаяся у Ломоносова в уверенность, была, несомненно, правильна, но он заблуждался, когда думал (как видно из письма), что пособниками академических иностранцев были только президент Разумовский да Теплов и что «добросердечие» первого и «непостоянство» второго являлись чуть ли не главными причинами академического неустройства. Ломоносов не знал и даже, очевидно, не подозревал, что бюрократические и дворцовые связи его чужеземных «неприятелей» были

несравненно шире и глубже. Его академические враги вели за его спиной разговоры и переписку о нем со многими влиятельными особами, в том числе с теми меценатствующими сановниками, которых Ломоносов считал своими искренними друзьями и покровителями. Ближайшей задачей этих закулисных интриг было «освобождение Академии от Ломоносова» (формула Миллера). Ломоносов же не терпел непостоянства, не переносил двурушничества и не скрывал этого.

Нельзя не согласиться также с тем, что борьба, происходившая в Академии, была в основе своей политической борьбой. Враждебные Ломоносову академические иностранцы были действительно «опасными противоборниками», ибо их обращала в свое орудие феодальная знать, окружавшая императорский престол. «Распространение наук в отечестве», противоречившее эгоистическим интересам многих приезжих ученых, противоречило не в меньшей степени и интересам русской феодальной верхушки, так как просвещение народных масс неизбежно вело к активизации последних. Отсюда союз этой верхушки с враждебными Ломоносову академическими деятелями иностранного происхождения.

Как указывают далее исследователи, письмо с несомненностью свидетельствует также, что, когда оно писалось, Ломоносов еще не отдавал себе отчета в тесной связи, существовавшей между академическими иностранцами и той реакционной школой, к которой примыкал Теплов («Сколько раз вы были друг и недруг Шумахеру, Тауберту, Миллеру и,— затем следуют примечательные слова,— удивительно, мне»). В Теплове как в русском человеке Ломоносов тогда видел еще своего естественного союзника.

Миллер, нося звание профессора в течение тридцати пяти лет, в самом деле никогда не читал лекций в Академическом университете.

Ломоносов приводит начало изречения А. М. Черкасского о сапожнике. Под *сапожником* имеется в виду Шумахер (Schumacher в переводе с *нем.*— сапожник), а *его наследником и подражателем* Ломоносов называет Тауберта.

Ведомость о работе фабрики.
Не позднее 14 августа 1761 г.

Мозаика «Апостол Петр» — одна из лучших мозаик ломоносовской мастерской, хранится в Государственном Эрмитаже.

Набор грандиозной «Полтавской баталии», находящейся в здании Академии Наук в Ленинграде, происходил в мозаической мастерской при доме Ломоносова на Мойке. Сюда Ломоносов перевел к 1762 г. из Усть-Рудицы всех наборщиков, мастеров Матвея Васильева и Ефима Мельникова с группой обученных мозаичному делу крестьян. В Усть-Рудице продолжал работать до закрытия фабрики шурин Ломоносова И. А. Цильх, который заготовлял смальты, необходимые для «Полтавской баталии».

Прошение...
31 августа 1761 г.

Межевое дело, возбужденное Ломоносовым в интересах крестьян деревни Калища, затянулось почти на полтора года. Дело попало в сенат и все же было решено в пользу крестьян.

Письмо М. И. Воронцову.
24 июля 1762 г.

К болезни Ломоносова («частый лом в ногах и раны») добавилось угнетенное моральное состояние. Известно, что в то время как на участников только что происшедшего дворцового переворота, а в их числе и на главных противников Ломоносова — Теплова и Тауберта, сыпались щедрые награды, Ломоносов, стоявший в стороне от этих политических событий, был обойден. Тауберт, печатавший в подвале здания Академии манифест о восшествии на престол Екатерины II, был произведен за это в чин статского советника и тем самым становился старшим членом Академической канцелярии. Для Ломоносова это было крушением надежд на возможность изменить соотношение сил в Академии Наук. Новое правительство тотчас дало понять, что Ломоносову нечего рассчитывать на поддержку, чем и была вызвана подача упоминаемой Ломоносовым «челобитной» об отставке.

Известно также, что Воронцов ответил Ломоносову в тот же день, обещал переговорить по его делу с Разумовским, но положение

самого Воронцова при дворе было в это время очень шатко и его ходатайство о награждении Ломоносова «по достоинствам» заведомо не могло иметь успеха. До поры до времени «челобитная» Ломоносова оставалась лежать под сукном.

Прошение на имя императрицы...
Июль 1762 г.

Исследователями отмечается: это был открытый протест против первых действий нового, екатерининского правительства, в которых Ломоносов не без основания усмотрел пренебрежение к передовым русским ученым.

Прошел почти год после подачи этого прошения, и был издан указ (2 мая 1763 г.) о «вечной отставке Ломоносова, переводе его на пенсию и пожаловании ему чина статского советника». Ломоносов перестал ходить в Канцелярию Академии Наук. Через десять дней исполнение указа было приостановлено, он фактически был отменен. Но только в начале августа Ломоносов возвратился к исполнению обязанностей советника канцелярии.

Письмо Г. Г. Орлову.
25 июля 1762 г.

После дворцового переворота 1762 г. Ломоносов лишился опоры, которую он прежде находил в лице М. И. Воронцова и И. И. Шувалова, утративших теперь свое влиятельное положение при дворе. Вполне естественно поэтому, что Ломоносов был обрадован *милостивым вашим присыланием*, т. е. обещанием нового фаворита — Г. Г. Орлова поговорить с Екатериной о повышении ранга для *тех, кто обойден*, т. е. о производстве Ломоносова в такой чин, который возвратил бы ему первое место в Канцелярии Академии Наук, а также об утверждении «привилегии» для Академического университета. Неизвестно, состоялся ли такой разговор с недавно воцарившей Екатериной II. Во всяком случае оба вопроса так и не были разрешены.

Письмо Ф. Г. Орлову.
26 июля 1762 г.

Это письмо является как бы дополнением к предшествующему. В примечаниях к Полному собранию высказано обоснованное

предположение: Ф. Г. Орлов был, по-видимому, тем самым посланцем, который по поручению своего брата Григория Григорьевича Орлова посетил Ломоносова 25 июля 1762 г. и передал ему на словах обещание Г. Г. Орлова оказать Ломоносову поддержку и помощь.

Ломоносов сознательно искажает фамилию Тауберта. Таубергаупт (*нем.*) — буквально означает голубиная голова.

Письмо М. И. Воронцову.
5 февраля 1763 г. Отрывок

Данный отрывок — постскриптум к письму. Упоминаемый Федорович Георг-Фридрих был профессором юриспруденции Академического университета.

Письмо М. И. Воронцову.
18 июня 1763 г.

Письмо написано в труднейший для Ломоносова период, когда в итоге направленных против него интриг и доносов последовал упомянутый выше указ Екатерины II об увольнении его в «вечную» отставку с производством в статские советники. Через десять дней царица отменила указ, но это означало и отмену присвоения Ломоносову чина статского советника. Теперь он оказывался младшим среди членов Академической канцелярии, тогда как до воцарения Екатерины II был старшим. Вот почему, несмотря на отмену указа об отставке, Ломоносов еще около трех месяцев не возвращался к исполнению своих административных обязанностей.

Он пытался за это время восстановить свое положение в Академии Наук, для чего добивался, во-первых, производства в действительные статские советники (через чин), иначе не получил бы старшинства перед Таубертом, пожалованным ранее в чин статского советника, а во-вторых, передачи в его единоличное ведение всех «до наук надлежащих департаментов».

Ломоносов сформулировал те же просьбы в собственноручно написанном проекте именного указа, сохранившемся в архиве М. И. Воронцова. Ни одно из этих ходатайств не было удовлетворено.

Проект указа...
18 июня 1763 г.

Через полгода после подачи этого проекта он был произведен, но не через чин, как просил, а в следующий чин, т. е. старшинство в чине осталось за Таубертом.

Письмо М. И. Воронцову.
9 мая 1764 г.

«Попечение о внесении в «Флорентийские ученые ведомости» заключалось в том, что благодаря хлопотам М. И. Воронцова, хорошо известного Болонской академии как щедрого жертвователя, приумножавшего ее коллекции «преизрядными книгами и другими вещами», еще до избрания Ломоносова членом Болонской академии в этом журнале была напечатана заметка о мозаичных работах Ломоносова.

Письмо Ф.-М. Цанотти.
9 мая 1764 г.

Не известно, послал ли Ломоносов в Болонскую академию те свои сочинения, которые упоминает в письме.

Письмо Л. Эйлеру.
Не ранее 21 февраля 1765 г.

Сохранились лишь черновые наброски отдельных частей письма, которое не только не было отправлено, но, видимо, не было дописано тяжело больным Ломоносовым.

Известно, что поводом обращения Ломоносова к Эйлеру послужило письмо последнего к Миллеру. Письмо носило личный характер и, как считают биографы, для публичного оглашения скорее всего не предназначалось. Тем не менее Миллер его огласил в Академическом собрании 21 февраля 1765 г., о чем узнал Ломоносов, который по болезни на собрании не присутствовал. Бурная реакция на этот эпизод со стороны Ломоносова — при той тяжелой для него обстановке в Академии Наук и болезненном состоянии — понятна.

О «неизбежных нападках» своих врагов Ломоносов, полагают исследователи, видимо, намеревался написать Эйлеру подробнее, о чем говорит проставленное многоточие.

Свидетельства о науках советника Ломоносова

Это — приложение к письму М. И. Воронцову от 19 января 1764 г. Само письмо в настоящем издании не приведено. В публикуемом здесь приложении Ломоносов дает тексты вначале на языке оригинала, затем свой перевод на русский язык. Оригинал (и беловик, и черновик) исполнен писарской рукой с собственноручной правкой Ломоносова. «Свидетельства о науках» можно рассматривать как объективную итоговую оценку деятельности Ломоносова.

План беседы с Екатериной II...
26 февраля — 4 марта 1765 г.

Форма записи характерна для Ломоносова: перед особо ответственными беседами с высокопоставленными лицами, говорится в примечаниях к Полному собранию сочинений, он намечал иногда именно в таком виде план того, о чем намеревался говорить.

Задуманная Ломоносовым беседа с Екатериной II не состоялась. Хотя новая императрица встречалась с Ломоносовым, навещала его на дому, но то была лишь рисовка. Через несколько дней его опять свалила болезнь, от которой он уже не оправился.

НАУКИ ЮНОШЕЙ ПИТАЮТ

Представление в Академическое собрание...
28 апреля 1746 г.

Было оглашено Ломоносовым в Академическом собрании 28 апреля 1746 г. Написано под впечатлением полученных незадолго перед тем указов сената, которые явились ответом на целую серию жалоб, поданных академиками на Шумахера во второй половине 1745 г. Предложение Ломоносова нашло некоторое отражение в § 37 учрежденного в 1747 г. нового академического регламента (устава) и получило реальное осуществление только в 1748 г.

Считается, что под *милостью императрицы* Ломоносов разумел скорее всего указ от 26 октября 1744 г. о соединении арифметических школ с гарнизонными и о дозволении обучаться в них людям всякого звания.

Что касается хлопот Ломоносова об увеличении числа учеников

Академической гимназии, то они увенчались успехом только четырнадцать лет спустя, после передачи Гимназии в единоличное ведение Ломоносова.

Право издания книг без предварительного одобрения их сенатом также было юридически закреплено в новом регламенте Академии.

Письмо В. К. Тредиаковскому.
12 октября 1748 г. Отрывок

Тредиаковский Василий Кириллович (1703—1769) — профессор, поэт, переводчик.

Репорт президенту...
19 января 1750 г. В сокращении

Ломоносова всегда волновал вопрос о подготовке отечественных кадров. Свое намерение об определении к нему студентов Университета Ломоносову удалось осуществить лишь значительно позже.

Письмо И. И. Шувалову.
8 мая 1751 г.

Поповский Николай Никитич (ок. 1730—1760) — блестящий ученик Ломоносова, поэт, впоследствии магистр, профессор Московского университета.

Под *прекрасными местами* подразумевается Царское Село.

Репорт в Канцелярию...
15 сентября 1752 г.

Академическая канцелярия ответила следующим определением от 24 сентября 1752 г.: «...выбрать ему, г. советнику и профессору Ломоносову самому, лучших и способных к тому делу двух человек из рисовальных учеников из ведомства мастера Гриммеля». Ломоносов выбрал Матвея Васильева и Ефима Мельникова. Первый вырос в хорошего художника-мозаичиста, второй стал выдувальщиком на ломоносовской Усть-Рудицкой фабрике цветного стекла.

Репорт в Канцелярию...
12 января 1753 г.

Ломоносов не раз оказывал своему ученику поддержку в устройстве его судьбы, один из примеров чему мы видим и в этом до-

кументе. Известно, что вмешательства Ломоносова возымели действие, некоторые тотчас же, иные — спустя время.

Репорт в Канцелярию...
5 февраля 1753 г.

Румовский Степан Яковлевич (1732—1812) стал впоследствии крупным ученым-астрономом, академиком.

Репорт в Канцелярию...
12 февраля 1753 г.

П. Дружинин не только прошел в Лаборатории под руководством Ломоносова солидную выучку, но и получил от своего учителя письменную рецептуру цветных стекол. Благодаря приобретенным знаниям и опыту Дружинин занял на казенном стекольном заводе руководящее положение. В связи с этим администрация завода отказалась от услуг мастера Вейса, немца, на том основании, что последний «противу российских мастеров в знании никакого лучшего преимущества не имеет и без него обойтись весьма можно».

Письмо И. И. Шувалову.
23 августа 1753 г.

Известно, что издание перевода Поповского философской поэмы английского писателя Александра Попа «Опыт о человеке» встретило большие затруднения. Духовная цензура нашла, что книга, пропагандирующая взгляды Коперника и другие материалистические идеи, «священному писанию совсем несогласные», не должна увидеть свет. Благодаря личному вмешательству Шувалова после обращения к нему Ломоносова работа Поповского была издана, но лишь три года спустя, причем многие стихи были вычеркнуты, а иные заменены новыми, сочиненными московским архиепископом.

Письмо И. И. Шувалову.
Июнь — июль 1754 г.

Исследователями установлено: Ломоносов говорил с Шуваловым об учреждении Московского университета еще до того, как Шувалов предпринял по этому делу первые официальные шаги. До отдачи сво-

его доношения в сенат Шувалов ознакомил Ломоносова с черновым текстом этого доношения. Это письмо по получении его Шуваловым обсуждалось им совместно с Ломоносовым. Основной принцип («главное основание»), предложенный Ломоносовым, был учтен при составлении проекта университетского устава, который был представлен Шуваловым в сенат. Пятый параграф этого проекта повторяет почти дословно ту часть письма Ломоносова, которая помечена им арабской цифрой 2. Ломоносов выражал готовность (как видно из письма) составить в пятидневный срок *полный план*, т. е. развернутый проект устава Московского университета и Гимназии.

Таким образом, участие Ломоносова «при учреждении Московского университета» не ограничилось посылкой публикуемого письма; и до письма и после Ломоносов, как подтверждают его современники, не раз беседовал на эти темы с Шуваловым. Письмо является одним из основных источников, определяющих степень участия Ломоносова в учреждении Московского университета.

Проект регламента московских гимназий.
12 января — 26 апреля 1755 г. В сокращении

Высказанная Ломоносовым в предыдущем письме готовность разработать проект устава Московской гимназии не осталась голословной. Проект был оглашен Ломоносовым в Академическом собрании 15 июля 1756 г.

§ 1 предусматривает раздельное обучение дворян и разночинцев, чему Ломоносов не содействовал и против чего резко возражал, когда заходила речь о введении такого же порядка в Петербургской Академической гимназии. В данном же случае Ломоносову приходилось считаться со свершившимся фактом: регламент писался после утверждения императрицей представленного Шуваловым проекта об учреждении Московского университета, а в нем вопрос о раздельном обучении дворян и разночинцев был вопреки мнению Ломоносова уже разрешен.

§ 3. Изложенное в нем требование станет понятным, если иметь в виду, что число иностранцев, принятых в Академическую гимназию в течение первых двадцати лет существования Академии, достигало почти 50 процентов всего состава принятых туда учеников. Ряд

лет (1737, 1738, 1739 и 1743 гг.) в Гимназию принимались одни только иностранцы.

§ 47 очень показателен предусмотренной здесь необходимостью воздействовать «всякими пристойными способами» на родителей с тем, чтобы они не отрывали способных учеников от школы, давали бы им возможность совершенствоваться в науках.

Письмо И.-Д. Шумахеру.
2 апреля 1756 г.

Просьба Ломоносова была удовлетворена немедленно: Петров в тот же день отправлен в Рисовальную школу. Петров вырос в замечательного оптика и мозаичиста. Ломоносов, таким образом, верно угадал в Петрове задатки технических способностей и художественного дарования, оказывал ему и в дальнейшем много внимания. Смерть Ломоносова положила предел технической и художественной карьере его ученика: после закрытия в 1768 г. Усть-Рудицкой фабрики Петров, как крепостной крестьянин и местный уроженец, был отослан назад в свою деревню, где был вынужден вернуться к землепашеству.

Указ Канцелярии...
17 июня 1757 г.

Аттестация иностранных домашних учителей и владельцев частных школ производилась Академией Наук по указу сената от 5 мая 1757 г. Иностранцам, не имеющим экзаменационных свидетельств от Академии Наук или от Московского университета, запрещалось согласно этому указу преподавать и содержать частные школы. Владельцы школ, не выдержавшие экзамена, подлежали высылке из России; лиц, допустивших иностранцев без аттестатов к обучению своих детей, штрафовали.

Обязанность производить экзамены и аттестацию иностранных домашних учителей была возложена Академической канцелярией на Историческое собрание во главе с Миллером. Как выяснено историками, во исполнение публикуемого здесь документа оценки знаний экзаменующихся стали обстоятельнее и строже. Установлено также, что в Академии Наук было проэкзаменовано в 1757 г. 61 человек и в 1758 г. 18 человек. Неизвестно, производились ли эти экзамены в последующие годы.

Определение Канцелярии...
18 февраля 1758 г. Отрывок

Лепехин Иван Иванович (1740—1802), сын отставного солдата, был определен в Академическую гимназию (после экзаменования) в возрасте десяти лет и вскоре выдвинулся в число первых учеников. Впоследствии видный натуралист, академик.

Не подлежит сомнению, что это — инициатива Ломоносова, а в таких случаях он обычно сам писал текст канцелярского определения, которое подписывалось также другими ответственными лицами.

Проект регламента Академической гимназии.
24 марта — 27 мая 1758 г. В сокращении

В Полном собрании сочинений, следовательно, и здесь русский текст проекта печатается частично по собственноручному черновику Ломоносова, сверенному с писарской копией, частично — по незаверенной копии, исполненной рукою студента Академического университета, поэта и переводчика И. С. Баркова (1732—1768) и частично — по немецкому переводу, с которого сделан обратный перевод на русский язык.

Официального утверждения регламент не получил, но неофициально был одобрен президентом и частично введен Ломоносовым в действие. Например, создание «российских школ» Ломоносов начал еще в конце 1758 г.

Во вводных главах выражена мысль Ломоносова о том, что Академическая гимназия должна быть школой общеобразовательной, а не профессиональным училищем, готовящим к одной только академической службе, как того желали иные деятели Академии Наук.

§ 4 особенно примечателен, ибо здесь идет речь о социальном составе гимназистов.

По академическому регламенту 1747 г. доступ в Университет и Гимназию имели только дети дворян, служителей культа, купцов и лиц, состоящих на государственной службе — военной или гражданской. Представителям городской бедноты, детям цеховых ремесленников и фабричных рабочих, а также детям крестьян всех категорий — государственных, дворцовых, в особенности помещичьих, т. е.

подавляющему большинству трудового населения России, путь к науке был закрыт.

Составляя в 1755 г. проект регламента Московских гимназий, Ломоносов умолчал о подушном окладе и, воспользовавшись широким, недостаточно определенным термином «разночинцы», предложил принимать в Гимназию всех разночинцев, кроме состоящих в синодальном ведомстве. О крестьянах же в этом проекте говорилось только, что не следует принимать «никаких помещичьих людей», кроме тех, кого помещик захочет отпустить на волю. Таким образом, московский проект, который в этой своей части был принят Шуваловым, открывал незаметным образом доступ в Гимназию детям городской бедноты, платившим подушную подать, но почему-то ничего не говорил о непомещичьих крестьянах, т. е. о том социальном слое, из которого вышел сам Ломоносов.

Работая теперь, три года спустя, над данным регламентом, Ломоносов заметил свой недосмотр и изложил правило приема по-иовому, устранив всякие недомолвки. Здесь прямо сказано (§ 4), каким способом желающие могут обойти запрет, который тут же поначалу изложен.

Первым следствием этого явилось принятие в Академическую гимназию 27 мая 1758 г. ломоносовского земляка, крестьянина П. О. Дудина, что противоречило строго соблюдаемому до тех пор § 41 академического регламента.

Таким образом, новый регламент, публикуемый здесь в отрывках, если бы он был официально утвержден, явился бы в смысле демократизации школы крупным шагом вперед по сравнению с московским регламентом 1755 г. Ломоносов стремился открыть двери Академической гимназии решительно для всех слоев тогдашнего населения, вплоть до тех, которые по дворянским понятиям того времени считались самыми низшими, или, как говорили, «подлейшими».

Вопреки мнению многих, причастных к этой реорганизации, Ломоносов настаивал не только иа совместном обучении в Гимназии дворян и не дворян, но и на том, чтобы как в отношении обращения с ними, так и в смысле одежды те и другие были бы в одинаковом положении. Не удивительно, что ломоносовский регламент, содержавший столь подчеркнуто демократические требования, не мог рассчи-

тывать на сочувствие правящих верхов в условиях феодального строя.

В области учебного дела основным нововведением было учреждение «российских классов» (в других документах Ломоносов называет их школами), т. е. цикла занятий, посвященных изучению русского языка и русской истории, «чего,— говорит Ломоносов,— с начала Гимназии до него не бывало».

В истории развития нашего литературного языка ломоносовские «российские школы», несмотря на недолгое их существование, были явлением значительным. Введенные Ломоносовым уроки русского красноречия посещал, в частности, в течение трех полугодий И. И. Лепехин, ставший затем одним из лучших стилистов своего времени. Полный гимназический курс русского языка по ломоносовской программе прошел В. П. Светлов, впоследствии крупный отечественный лингвист, прямой продолжатель языковедческих концепций и исследований Ломоносова.

Ломоносов требовал, чтобы латынь, арифметика, геометрия и география преподавались в Гимназии на русском языке и только философия — на латинском. В итоге с существовавшей до того системой преподавания «с немецкого» было покончено.

Примечательно, что в список авторов, которых должны были читать гимназисты, желавшие изучать французский язык, Ломоносов ввел и своего современника Вольтера.

В данном регламенте, как и в проекте регламента московских гимназий, не указано, какого возраста должны быть лица, принимаемые в Гимназию. Это не случайный пропуск. Известно: желающих получить гимназическое образование было так мало, что в отношении возраста не устанавливалось никаких ограничительных норм: наряду с шести-, иногда четырех-пятилетними принимались лица шестнадцати-восемнадцати лет, а иногда (правда, в редких случаях) зрелые люди двадцати шести и даже двадцати девяти лет.

Выписка...
27 мая 1758 г.

По преданию, в доме деда упоминаемого ученика, владевшего ценной библиотекой, Ломоносов впервые увидел славянскую грамматику Смотрицкого и арифметику Магницкого — книги, ставшие его первыми учебниками, «вратами» учености. Отец новоиспеченного

гимназиста за год до поступления сына представил в Кунсткамеру кость мамонта, она была приобретена Академией Наук по распоряжению Ломоносова.

Ломоносов следил за учением Петра Осиповича Дудина, поддерживал дружеские отношения с крестьянской семьей земляков.

Аналогично тому, как это было в случае с приведенным выше определением Академической канцелярии о прибавке жалованья гимназисту Лепехину (18 февраля 1758 г.), и здесь текст, написанный Ломоносовым, по его инициативе, обрел директивную силу документа после подписания его и другими ответственными лицами.

Представление в Канцелярию...
25 февраля 1759 г.

Академическая канцелярия одобрила предложение Ломоносова, но в дело не превратила. Так была погублена идея о привлечении в стены высшей школы более широкого контингента русской молодежи.

Проект речи...
Не позднее 11 января 1760 г.

На заседании Академического собрания 11 января 1760 г. Ломоносов не стал произносить текст своей речи, а, ссылаясь на желание президента, поставил на обсуждение только два вопроса: одобряет ли Собрание предлагаемые Ломоносовым привилегии Университета и признает ли нужной его инаугурацию (торжественное открытие). Все академики, кроме Г.-Ф. Миллера, высказались «за».

Письмо И. И. Шувалову.
17 апреля 1760 г. Отрывок

Упоминаемый *Александр Сергеевич*, покровитель Миллера и недруг Ломоносова,— это барон А. С. Строганов, зять вице-канцлера М. И. Воронцова, свойственник императрицы, едва ли не самый богатый человек тогдашней России. В 1760 г., когда Ломоносов писал это письмо, А. С. Строганову было 27 лет.

Определение Канцелярии...
18 мая 1761 г.

Действовало общее правило: заведующий Книжной лавкой Академии Наук не мог выдать безденежно ни одной книги без специального разрешения Академической канцелярии. Теперь же в отношении учебников, а также иностранных книг для гимназистов и студентов было сделано исключение. Мысль Ломоносова обрела силу приказа, что удостоверяют подписи.

Отчет...
28 января — 5 февраля 1763 г.

Отчет написан в тяжелые для Ломоносова дни, когда, еще не вполне оправившись после долгой болезни и едва появившись в Академической канцелярии, он тут же получил из рук Тауберта ордер президента Разумовского, заготовленный еще в августе 1762 г., т. е. за 6 месяцев до того, о передаче Географического департамента из ведения Ломоносова, обвиненного в «нерачении», в ведение Миллера. Ордер был написан в оскорбительных для Ломоносова выражениях. Данный отчет написан под непосредственным впечатлением новой обиды, за которой последовали другие, еще более тяжкие.

Слово к Академии Художеств.
Не позднее 10 октября 1763 г. Отрывок

10 октября 1763 г. в Академии Художеств (была основана за шесть лет до того) состоялось торжественное собрание, на котором за успехи, достигнутые в области мозаичного художества, Ломоносов был избран почетным членом Академии Художеств. С уважительной речью обратился к новому академику архитектор А. Ф. Кокоринов, после чего Ломоносову было отведено «место по его достоинству». В благодарность за оказанную ему честь Ломоносов и произнес свое «Слово» (называемое здесь так в соответствии с его жанром). Это «Слово», как считают исследователи, было подготовлено, по-видимому, заранее в расчете на то, что в зале будут наряду с педагогами и студенты.

Здесь приведен наиболее содержательный отрывок. В остальном текст речи представляет собой приличествующие случаю обращения

Ломоносова к Академии Художеств, императрицам Елизавете Петровне и Екатерине II.

Представление в Канцелярию...
2 июня 1764 г.

Со 2 июня до 11 августа 1764 г. пролежало в Академической канцелярии без всякого движения. Одна из причин: президент Разумовский бесповоротно потерял (еще в 1763 г.) доверие Екатерины II. Из семи намеченных Ломоносовым студентов Академия командировала за границу только двоих, да и то после его смерти.

Письмо Я. Я. Штелину.
Не позднее 27 декабря 1764 г.

Речь идет о переводе на немецкий язык «Краткого Российского летописца» Ломоносова. Переводчиком был сын профессора Штелина, семнадцатилетний артиллерийский поручик, бывший тогда на русской дипломатической службе в Копенгагене, где печаталось (впрочем, еще и в Лейпциге) немецкое издание «Летописца». По свидетельству биографа Штелина-отца, тот, вероятно, опасался, что критические замечания Ломоносова («говорю, как думаю») отпугнут сына от серьезной переводческой работы. Отсюда обещание Ломоносова всеми способами ободрить Штелина-младшего.

Письмо А. А. Вяземскому.
4 февраля 1765 г. Отрывок

Этому письму предшествует еще одно (3 февраля 1765 г.), в котором Ломоносов предложил Вяземскому: вместо того чтобы выписывать иностранных типографских мастеров, лучше послать за границу для обучения русских людей и впоследствии на них опираться. Вяземский отклонил это предложение. Во втором письме, отрывок из которого здесь приводится, Ломоносов ставит условия: хотя бы свести число приглашаемых иностранцев до минимума, причем вменить им в обязанность обучать россиян. Эти условия Вяземский принял.

Вяземский Александр Алексеевич (1727—1796)— князь, генерал-прокурор.

Письмо М. В. Головиной.
2 марта 1765 г.

Адресовано родной сестре Ломоносова Марии Васильевне, бывшей замужем за своим земляком, крестьянином Е. Ф. Головиным.

Мишенька — ее сын, Михаил Евсеевич Головин. По отзывам академиков-экзаменаторов, он выделился на одно из самых первых мест в Гимназии и впоследствии стал адъюнктом Академии Наук по экспериментальной физике. Умер в 1790 г. тридцати четырех лет от роду, успев приобрести известность как педагог, автор учебников и как первый физик-методист, организовавший преподавание этого предмета в средней школе.

Проект прошения...
7 марта — 4 апреля 1765 г.

Под *оконченной картиной* Ломоносов разумел здесь «Полтавскую баталию».

Тревога Ломоносова за будущность основанного им мозаичного дела в России, как показали дальнейшие события, была обоснована. Усть-Рудицкая фабрика была скоро закрыта. Мозаичисты, ученики Ломоносова, оказались обречены на «долгое непроизводство» и умерли один за другим. Замечательное художественное предприятие Ломоносова, поглотившее много его творческой энергии, в обстановке бюрократического равнодушия заглохло.

ОТКРОЙ МНЕ БЫВШИЕ, О ДРЕВНОСТЬ, ВРЕМЕНА

В этом разделе тексты расположены не столько в порядке их написания по времени, как это сделано во всех других разделах, сколько в соответствии с последовательностью событий самой истории. Поэтому вначале идут материалы, относящиеся к древности, далее — о Петре I, после чего — связанные с Вольтером и, наконец, современные Ломоносову.

Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера...
Между 25 октября и 3 ноября 1749 г.

Замечания Ломоносова на диссертацию Миллера составляют четыре документа, объединенные общим содержанием. Здесь публикуется второй, как наиболее обстоятельный.

В дискуссии с Миллером 1749—1750 гг. Ломоносов впервые выступил как главный борец против норманской теории, исказившей подлинную историю русского народа. Миллер же и после оставался ее проповедником.

Опровергая многочисленные измышления, извращавшие русскую историю, Ломоносов доказывал древность происхождения русского народа, требовал большего внимания к русским летописям, отвергая самую трактовку русского народа норманистами как народа второстепенного значения, не имевшего самостоятельной роли в истории. В споре с Миллером Ломоносов развернул богатый запас исторических знаний, обнаружив большую начитанность уже к этому времени в античных и средневековых исторических источниках и наметив впервые свою историческую концепцию автохронности (зарождения в своих исконных местах) восточных славян и славянского происхождения русской государственности, позже развитую в его «Древней Российской истории».

Дискуссия Ломоносова с Миллером, имевшая глубоко принципиальный характер, определила и дальнейшее отношение Ломоносова к работам Миллера.

Письмо И. И. Шувалову.
4 января 1753 г.

Ответив Шувалову, что «покинуть вовсе» свою работу в области физики и химии нет «ни нужды, ниже́ возможностей», Ломоносов тем не менее стал именно с этого времени заниматься «Российской историей» не только «по допросам», как это было ранее, а систематически и порой даже в ущерб другой работе.

Письмо И. И. Шувалову.
30 декабря 1754 г.

Назначение Ломоносова советником Канцелярии Академии Наук, о чем он подавал прошение и в чем рассчитывал на помощь

И. И. Шувалова, состоялось только два года спустя, 23 февраля 1757 г. В примечаниях к Полному собранию сочинений отмечается, что приводимые в письме церковнославянские тексты заимствованы Ломоносовым из псалмов, очевидно, по памяти, а потому не вполне точны.

Древняя Российская история. 1754—1758 гг. Фрагменты

Как отмечал сам Ломоносов, он упражнялся «в собрании и в сочинении Российской истории около двенадцати лет». Однако систематическая подготовительная работа к этому труду началась около 1752 г. Биографы выяснили: два года Ломоносов посвятил изучению источников. С 1754 г. работа его над русской историй вступила в новую фазу — Ломоносов перешел к составлению текста. В 1758 г. был готов первый том.

«Древняя Российская история» явилась крупным событием в русской историографии. Общепризнанно: это была первая печатная работа, вводившая читателя в круг исторических проблем, связанных с ролью далеких предков русского народа в мировой истории. Прекрасный, образный и точный язык этой книги делает ее и заметным явлением повествовательной прозы.

«...разномысленною вольностью Россия едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством как сначала усилилась, так и после несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась». — Под «разномысленною вольностью» Ломоносов имеет в виду разобщенность русских княжеств, противившихся централизованной государственной власти, что повлекло большие беды. Сравнительно с этим сплочение страны в единодержавное государство расценивается Ломоносовым как исторически прогрессивное. Отсюда мысль Ломоносова о том, что идее и делу национального объединения родины противоположна «необузданная вольность» новгородцев.

Идеи для живописных картин... Не позднее 24 января 1764 г.

Выбранные Ломоносовым исторические сюжеты относятся к допетровскому времени; некоторые из них совпадают с изложением этих событии в «*Древней Российской истории*». Ломоносов виде

в создании исторических картин дело, «служащее к чести российских предков», средство популяризации героического прошлого русского народа.

Описание стрелецких бунтов...
Сентябрь — 10 октября 1757 г.

Это «Описание...» принадлежит к числу «сокращенных экстрактов», составлявшихся Ломоносовым по историческим источникам для Вольтера. Последний широко использовал экстракт Ломоносова в главах IV и V своей «Истории Российской империи при Петре Великом», о чем сказал в примечании. Во многих случаях текст Вольтера почти дословно воспроизводит сочинение Ломоносова, которое в свою очередь явилось во многом пересказом, более лаконичным, усовершенствованным, известных тогда в рукописи записок А. А. Матвеева и работы П. Н. Крекшина.

Слово похвальное Петру Великому.
1754 г. — 14 апреля 1755 г. В сокращении

По справедливому мнению специалистов, ценность «Слова похвального» не столько в характеристике Петра I, сколько в отчетливой и полной формулировке того взгляда на Петра и на его преобразования, который сложился к середине XVIII в. у передовых и наиболее просвещенных русских деятелей этого времени, в том числе самого выдающегося из них — Ломоносова. Последний был искренен в своих гиперболических восхвалениях Петра-преобразователя. Вот почему тяжелые оковы риторической формы не помешали панегиристу подняться, особенно в конце «Слова», до подлинно поэтического одушевления.

«Слово» — характерный и яркий образец ораторской прозы Ломоносова. И. Готшед, по чьим книгам и статьям Ломоносов изучал когда-то, еще в Германии, поэтику и риторику, напечатал немецкий перевод ломоносовского «Слова» в своем журнале «Новейшее из области изящной учености» (1761 г.), сопроводив перевод следующими словами: «Теперь уже наши читатели могут сами судить о том, какой мужественной силой и каким хорошим вкусом обладает этот русский вития».

Вольтер в письме к Шувалову едко и высокомерно отозвался о «Слове», отклик этот был вежливо-доброжелателен только по форме: «То, что есть одна похвала, часто служит к единственному показанию сочинителева разума. Одно наименование («Слово похвальное...») заставляет читателя быть в осторожности; одни истины истории могут заставить рассудок верить и удивляться. Прекраснейшее слово похвальное Петру Великому есть, по моему мнению, дневные его (Ломоносова) записки». Вольтер считал, что здесь Ломоносову несколько изменили аналитический подход и объективность. Однако в условиях, когда дела и заветы Петра фактически оказались в забвении, «Слово» Ломоносова явилось мужественным и актуальным обращением к современникам, в том числе призывом к верховной власти вновь подняться до уровня петровских свершений.

Доношение в Сенат...
7 апреля 1758 г. В выдержках

Предложенный Ломоносовым проект убранства внутренних стен Петропавловского собора мозаичными картинами, прославляющими Петра I (весь интерьер надгробного сооружения именовали тогда монументом), внес в сенат поклонник и покровитель Ломоносова, сенатор Шувалов. Второй, более сложный проект был представлен Ломоносовым наряду с проектами других авторов и оказался лучшим. Во время обсуждения проектов Петропавловский собор без знаменитого шпиля, в который ударила молния, внушил Ломоносову мысль о полной перестройке здания, но сенат на это не решился без приказа императрицы. Ей докладывали, однако более чем двухлетнее промедление с началом работ было роковым для этого грандиозного предприятия. Спустя еще два года (к середине 1762 г.) сановные покровители Ломоносова сошли один за другим с политической сцены, и Ломоносов, лишившись их поддержки, не успел осуществить свой художественный замысел. Основной причиной неудачи были финансовые трудности.

Описание мозаических украшений...
Декабрь 1764 г. Фрагмент

Приложено Ломоносовым к очередному доношению в Сенат.

Описание картины «Полтавская баталия» во всех подробностях

соответствует мозаике, помещенной в 1925 г. на верхней площадке парадной лестницы главного здания Академии наук СССР в Ленинграде. Эта монументальная мозаика — детище Ломоносова — была начата в 1761 г. и закончена в июне 1764 г.

По мнению исследователей, «Апостол Павел» — полукруглый мозаичный образ, который в Петропавловском соборе занял бы место над «Полтавской баталией», был завершен исполнением, но не сохранился.

Начатая картина «Азовское взятие» постепенно рассыпалась, ни один из ее фрагментов до нас не дошел.

О сохранении и размножении российского народа.
1 ноября 1761 г.

Сочинение подвергалось цензурным преследованиям вследствие выраженного в нем критического отношения к церковным обрядам. Написано в форме письма И. И. Шувалову в день его рождения и задумывалось как начало большой работы, которая охватила бы многие вопросы экономической политики, связанные с подъемом производительных сил страны.

Письмо И. И. Шувалову.
2 сентября 1757 г.

Намечая, на основании не дошедшего до нас письма Шувалова, порядок доставления Вольтеру материалов о Петре I, Ломоносов исходил из предположения, что Вольтер еще только готовится приступить к делу, тогда как в действительности Вольтер уже успел написать к этому времени восемь глав, о чем Шувалову было известно, но похоже, считают биографы, не было сообщено в тот момент Ломоносову.

Сокращенное описание дел государевых до нас не дошло.

Панегириком Ломоносов называет свое «Слово похвальное Петру Великому», а *первым листом моей речи* — первый печатный лист своего «Слова о рождении металлов от трясения земли», произнесенного в Академии Наук 6 сентября 1757 г.

Престарелые лета Вольтера — ему было тогда 63 года. Тем не менее он на тринадцать лет пережил Ломоносова и умер в 1778 г.

Письмо И. И. Шувалову.
10 октября 1757 г.

О каком обещанном портрете идет речь в самом конце письма, не выяснено.

Примечания на рукопись... Вольтера 1757 г.
Сентябрь — начало октября 1757 г.

Как известно, Вольтер хотел написать историю царствования Петра и благодаря активному содействию И. И. Шувалова получил это поручение от Елизаветы. Через Шувалова велась вся переписка с Вольтером, которому доставлялись из России соответствующие исторические материалы. Часть материалов подготовил Ломоносов, он же писал критические замечания на то, что выходило из-под пера Вольтера.

Замечания Ломоносова дошли до Вольтера, который принял все поправки, касающиеся ошибок, неточностей текста. Ломоносов стремился повлиять и на саму историческую концепцию Вольтера. В итоге Ломоносов добился персработки и расширения раздела «Описание России», полной переделки главы о стрелецких бунтах, которая должна была показать политические трудности и опасности первых лет царствования Петра. Он указывал на преувеличение Вольтером роли иностранцев при Петре, протестовал против недооценки сил русской армии под Нарвой, добился восстановления правды о сражениях под Нарвой.

Замечания на первый том... Вольтера.
1760 г.

Замечания Ломоносова, в чем-то повторяя прежде сделанные им поправки, вносят и новые исправления и уточнения. Часть их имеет целью поднять научный уровень изложения Вольтера. Большое значение имеют замечания 10, 11, 12 (о переходе украинцев под покровительство России, о покорении татар Иваном IV, о роли А. И. Чирикова во Второй Камчатской экспедиции), в которых Ломоносов называет исторические факты, свидетельствовавшие о росте силы и независимости национального Русского государства.

Письмо А. М. Голицыну.
24 января 1764 г.

Была ли удовлетворена просьба Ломоносова, неизвестно.

К письму была приложена Ломоносовым записка «Идеи для живописных картин из российской истории». Об этой записке в настоящем комментарии сказано выше.

Отзыв о плане работ А.-Л. Шлёцера.
26 июня 1764 г.

Шлёцер Август-Людвиг (1708—1768) — историк и публицист, академик, почетный член Академии Наук. Ко времени, о котором идет речь, этот, тогда еще двадцатидевятилетний новоприезжий иностранец заявил, что обрабатывать русскую историю «это значит не продолжать то, на чем другие остановились, это значит начинать сначала. Утверждая, что русской исторической науки еще не существует, Шлёцер как бы объявлял лишенными всякого научного значения труды Татищева и Ломоносова, о которых Шлёцер был прекрасно осведомлен. О всей же русской нации Шлёцер говорил, что «она обязана благодарностию чужестранцам, которым с древних времен одолжена своим облагорожением».

В отзыве Ломоносова большое место уделено вопросам языка, от которых также во многом зависела правильность исторической концепции. По мнению Шлёцера, стиль русских летописей образовался на основе славянской Библии. Ее-то и предлагалось считать наиболее надежным и богатым источником для изучения летописного языка. Советская наука пришла к противоположному, точнее, обратному выводу, основу для которого первым заложил именно Ломоносов.

Шлёцер открыто претендовал на монопольное место в русской исторической науке. Борьба со Шлёцером, омрачившая последний год жизни Ломоносова, была для него не делом личного соперничества, а борьбой с опаснейшим врагом России.

Ответ на запрос президента...
Не ранее 29 июля 1764 г.

Сенатский указ от 9 июля 1764 г., где президенту Разумовскому предписывалось самолично произвести следствие по делу Шлёцера, стал известен Разумовскому лишь по возвращении его из Лифляндии, т. е. 25 июля. Затребованные им по этому делу материалы были ему представлены, но никакого следствия он не произвел. Указ сената так и остался неисполненным. Заявление Ломоносова о необходимости отобрать у Шлёцера списанные им копии рукописей не получило дальнейшего хода.

Самыми лучшими делами Г.-Ф. Миллера Ломоносов иронически называет многочисленные исторические и этнографические статьи, в которых, считал Ломоносов, автор «больше всего высматривает пятна на одежде российского тела, проходя многие истинные ее украшения».

Человек, который в двух комиссиях подозрительным признан публично,— все тот же Миллер.

Записка по поводу назначения А.-Л. Шлёцера...
Не ранее января 1765 г.

Не утихомирившиеся враги Ломоносова выхлопотали у Екатерины II невиданные привилегии Шлёцеру, совершенно им не заслуженные и оскорбительные для отечественных ученых.

Исследователи полагают, что данная «Записка» предназначалась какому-нибудь высокопоставленному лицу, кто имел бы возможность переговорить с Екатериной II. Но неизвестно, была ли «Записка» кому-либо передана. Тщательно переписанная писарской рукой, она сохранилась в архиве Ломоносова.

ЯЗЫКА НАШЕГО НЕБЕСНА КРАСОТА

Словесными науками Ломоносов называл в равной мере и научные труды по языку, стилю, и саму художественную практику. Более того, и проза, прежде всего ораторская, и поэзия для Ломоносова были разновидностями одного и того же «красноречия». В отчетах о собственной деятельности Ломоносов ставит свои литературно-ху-

дожественные труды в один ряд с научными, а в собраниях своих сочинений отводит им даже первое место.

Письмо о правилах российского стихотворства. Сентябрь 1739 г. В сокращении

Интерес к теории стиха возник у Ломоносова очень рано, полагают, еще в годы обучения в Москве, в Славяно-греко-латинской академии.

«Письмо» прислано Ломоносовым из Фрейберга в Петербург вместе с одой на победу над турками и татарами и на взятие Хотина. Как подчеркивается в примечаниях к Полному собранию сочинений, эта работа русского студента, не напечатавшего еще ни одной строки, никому в то время не известного и сразу обратившегося со своим сочинением к членам Российского собрания при Академии Наук, учрежденного в начале 1735 г, «для поправления и приведения в совершенство природного языка», решительно низвергла систему русского силлабического стихосложения и с небывалой смелостью выдвинула взамен новую систему — тоническую. Несмотря на споры и возражения, победа, притом скорая и полная, осталась за Ломоносовым.

Краткое руководство к риторике... 1743 г. Фрагмент. Посвящение

Специалистам хорошо известно, насколько литературный русский язык начала 1740-х годов отличался множеством стилистических и лексических противоречий: церковнокнижный строй речи употреблялся вперемежку с оборотами письменной и выражениями разговорного языка; засорявшие язык иностранные слова чередовались с «приказными», просторечные — с церковнославянскими и т. п. То, что в этих условиях появился труд, содержащий свод обоснованных правил, которым предлагалось следовать в литературных произведениях, было существенным шагом вперед.

До Ломоносова учебники риторики создавались исключительно представителями духовенства для обслуживания себя же. Ломоносов самим фактом своего авторства лишил духовных лиц этой их монополии. Кроме того, адресовав свой учебник широкому демократиче-

скому читателю, Ломоносов тем самым освобождал теорию словесного искусства от тормозившей ее развитие церковной опеки.

Первый вариант «Риторики» был отвергнут иностранным академическим большинством. Автору предложили «составить руководство по риторике, более соответствующее нашему веку и притом на латинском языке, приложив русский перевод». В итоге этот, первый, вариант увидел свет лишь через 150 лет. Но Ломоносов написал второй вариант, опубликованный в 1748 г.

Краткое руководство к красноречию...
Март 1744 — январь 1747 г. Фрагменты

Это и есть второй вариант «Риторики».

Пообещав в свое время переработать «Риторику» так, как того требовали академики-иностранцы, Ломоносов на деле одними из этих требований вовсе пренебрег, а другие перетолковал по-своему.

Иностранцы настаивали, чтобы Ломоносов «украсил ее материалом из учения новых риторов». Он во втором варианте действительно щедро украсил свою «Риторику», но не правилами и образцами лишь современного ему ораторского искусства, а больше всего выдержками из сочинений знаменитых писателей классической древности, раннего средневековья, эпохи Возрождения и нового времени, дав их в собственном, превосходном по точности русском переводе; кроме того, поместил и свои литературные произведения, большей частью стихотворные. Благодаря этому «Риторика» стала не только теоретическим учебным руководством, но и прекрасной, первой у нас в России хрестоматией мировой литературы, значительно расширившей, главным образом в сторону светской письменности, круг литературных знаний русского человека.

Из «новых риторов» Ломоносов цитирует только французского оратора Флешье и немецкого — Мозгейма. Русские проповедники той поры не представлены ни единой цитатой, несмотря на то что в тогдашней России церковное красноречие было весьма заметным литературым и политическим явлением. Ошибочно было бы думать, что Ломоносов не находил среди отечественных духовных витий никого, кто мог бы сравниться по дарованию с иностранными. Причина была в другом. Ломоносову мешало то, что многие из них «ругали науки

в проповедях», вдобавок они были далеки от той «чистоты стиля», за которую боролся Ломоносов.

Во втором варианте «Риторики» Ломоносов заявляет себя страстным поборником идейности в литературе, он не возражает против «витиеватости», под которой разумеет новизну литературной формы (§ 129), но с горечью упрекает тех современных ему писателей, которые ради формы жертвуют содержанием — «завираются» (§ 130 и 146).

«Риторика» Ломоносова — крупный шаг вперед в разработке русского синтаксиса. Она давала развернутую теорию предложения (§ 33—39), которой до Ломоносова не занимались русские грамматисты.

По замыслу, «Риторика» во втором варианте должна была слагаться из трех книг: первая посвящалась собственно риторике, или, по объяснению Ломоносова, «учению о прекрасном вообще», «поскольку оно до прозы и до стихов касается»; предметом второй книги должна была стать «оратория», т. е. «наставление к сочинению речей в прозе»; предметом третьей — «поэзия», или «о стихотворстве учение» (вступление, § 10). Исследователи полагают, что работу над второй и третьей книгами Ломоносов не довел до конца по занятости.

Тем не менее вопреки академику Миллеру, выразившему в 1744 г. опасение, что «Риторика» на русском языке не найдет читателей, она была нарасхват: только при жизни Ломоносова издавалась не менее трех раз, а возможно, и четыре раза. Она стала излюбленной настольной книгой в XVIII в., получила достойную оценку просвещенных представителей эпохи. По ней писались все последующие русские учебники красноречия. Ее влияние ощутимо во всех русских синтаксических трудах вплоть до 20—30-х годов XIX в.

Утратив практическое значение как учебное руководство, ломоносовская «Риторика», утверждают специалисты, сохраняет и в наши дни огромное значение: по этому памятнику можно составить себе ясное и полное представление о законах, которым была подчинена в первой половине XVIII в. не только внешняя сторона литературной речи — ее лексика, синтаксис и фразеология, но и связь мыслей и образов, наполнявших ее содержание.

Репорт...
10 октября 1748 г.

Первое представление трагедии на сцене состоялось в начале 1750 г.

Отзыв Ломоносова чисто формальный, ибо предписание Академической канцелярии было необычно: в 24 часа дать заключение о содержании, не вникая в художественные особенности. Это связано было с тогдашним видным служебным положением Сумарокова. Другой академик-рецензент — Тредиаковский дал отрицательный отзыв, особенно о стиле, хотя последнее не требовалось.

Сумароков Александр Петрович (1718—1777) — писатель, был в 1756—1761 гг. директором Русского театра.

Письмо В. К. Тредиаковскому.
12 октября 1748 г. Отрывок

Под *стихами Александра Петровича* Ломоносов имеет в виду эпистолы Сумарокова о русском языке и стихотворстве. Упоминаемое письмо Тредиаковского до нас не дошло.

Репорт...
17 ноября 1748 г.

Сумароков был тогда в дружбе с Ломоносовым и находился под сильным творческим его влиянием. Поэтому он внес по совету Ломоносова ряд изменений в свои стихи, но рекомендациям смягчить сатирические намеки на Тредиаковского не внял, наоборот, сделал их еще более острыми и прозрачными, причем заодно превознес Ломоносова, противопоставив его Тредиаковскому.

Письмо В. Н. Татищеву.
27 января 1749 г. Отрывок

Неоконченное «Преложение псалма 103» было напечатано впервые в посмертном Собрании сочинений Ломоносова.

Ко времени посылки данного письма шесть од Ломоносова уже успели выйти в свет отдельными изданиями. Их-то он и отправил Татищеву.

Репорт...
10 апреля 1750 г.

Венецианец Георгий Дандоло, работавший переводчиком в Коллегии иностранных дел, повел себя заносчиво, нашел заступников, но мнение Ломоносова одержало верх, и лексикон Дандоло не был напечатан.

Тредиаковский оформил мнение Ломоносова как коллективное, чему автор не противился, Так появились четыре подписи.

Письмо И. И. Шувалову.
16 октября 1753 г. В сокращении

Зоилы Ломоносова: *Перфильевич*, т. е. И. П. Елагин, и *его учитель*, т. е. А. П. Сумароков.

Письмо И. И. Шувалову.
Не ранее 16 октября 1753 г.

Письмо содержит выпады не столько против Елагина, сколько против Сумарокова, на чью долю приходятся самые тяжелые удары. Справедливо считается, что все письмо — превосходный образец того полускрытого «насмешничества», о котором Ломоносов говорит в § 120 своей «Риторики».

Письмо М. И. Воронцову.
19 ноября 1754 г.

Это письмо — ответ на письменную просьбу М. И. Воронцова сочинить надпись «стихами или прозою» на празднество с иллюминацией у себя дома по случаю рождения вел. князя Павла Петровича. Ломоносов просьбу исполнил. Празднество состоялось 4 марта 1755 г.

Российская грамматика.
1754—1755 гг. Фрагмент. Посвящение

Выход в свет под маркой тогда еще молодой Академии Наук первой русской грамматики был сразу воспринят как выдающееся событие, как национальное торжество.

Вскоре «Грамматика» Ломоносова вышла в немецком издании, а на родном языке пользовалась таким большим спросом, что вышла тремя изданиями при жизни и за короткое время еще тремя изданиями после смерти автора.

«Грамматика» Ломоносова, справедливо говорится в примечаниях к Полному собранию сочинений, была первой грамматикой русского языка, первым печатным, написанным по-русски, общедоступным сводом сложившихся к тому времени правил изменения и сочетания русских слов. Такой свод был насущно необходим. Это был первый подлинно научный грамматический труд по русскому языку. Идя непроторенным путем, не имея ни одного предшественника, Ломоносов достиг на этом труднейшем пути замечательных успехов. «Российская грамматика» Ломоносова свидетельствовала не только о глубокомыслии, блистательной одаренности и широких знаниях ее составителя, она наглядно показывала также, какого высокого уровня достигла к этому времени мыслительная зрелость народа, из которого вышел Ломоносов.

«Российская грамматика» носила нормативный характер. Вместе с тем она была не механическим, а критическим сводом правил.

Грамматика, говорит Ломоносов, хотя «от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению». Ломоносов нигде не довольствуется объективистскими ссылками на современную ему пеструю языковую практику, а во всех случаях указывает путь к «лучшему рассудительному употреблению». «Худые примеры — не закон» — так определяет он свою позицию. В условиях послепетровского времени, при хаотической неразмежеванности литературных стилей, при множестве новых требований к письменной речи, при торопливости и неряшливости, с которой разрешались подчас проблемы литературного языка, властные, твердые, накаленные страстью грамматические предписания Ломоносова имели жизненно важное значение.

Ломоносов первым разработал самый тип научного издания русской грамматики, он мастерски справился со своей обязанностью. Строгость плана, полнота изложения, обилие разнообразных и продуманных примеров, самостоятельность и тонкость грамматических наблюдений не раз отмечались историками отечественного языкозна-

ния. Смело отметая устаревшие формы и категории, Ломоносов сосредоточил все внимание на живых формах словоприменения и необычайно богато представил их в своей «Грамматике».

Педагогический опыт и такт удержали Ломоносова от перегрузки ее пространными рассуждениями исследовательского свойства. Поэтому «Российская грамматика» при всей своей научности не замедлила сделаться одним из самых ходовых учебных руководств. Несколько поколений русских людей были непосредственно обязаны ей своей грамотностью.

Восторженная хвала русскому языку, произнесенная Ломоносовым еще в «Риторике», повторена и в «Грамматике». Здесь она разрослась в целый дифирамб. И это не пустое витийство: пламенная любовь Ломоносова к родному языку подтверждена многими делами. Из их числа, по мнению исследователей, величественнее всех «Российская грамматика».

О нынешнем состоянии словесных наук в России. Вторая половина 1756 г.

Сохранился лишь этот отрывок из вступительной части. Каково должно было быть содержание статьи в целом, неизвестно.

Предисловие о пользе книг церковных в российском языке. 1758 г. (?)

Говоря о *пользе книг церковных,* Ломоносов имел в виду только их лексикологическую «пользу» и ни словом не обмолвился об их содержании. Исследователи полагают, что название было уступкой синоду, который не мог забыть и простить Ломоносову обидные выпады против высшего духовенства в «Гимне бороде», полемику с блаженным Августином в «Письме о пользе стекла», обращение к вопросу о множественности населенных миров (хотя об этом запрещалось писать) в «Вечернем размышлении о божием величии» и т. д. — все это и многое другое настроило духовную цензуру крайне воинственно против Ломоносова. Шувалов едва предотвратил расправу церковных властей над Ломоносовым. Отсюда, по настоянию Шувалова, уступка в названии, но это не было сдачей Ломоносовым своих антиклерикальных позиций.

Данная работа — самая поздняя и наиболее зрелая филологическая работа Ломоносова. Мнение советских ученых единодушно — в ней разрешены три важнейшие в условиях его времени проблемы: 1) сочетания церковнославянских и русских, народных элементов в составе литературного языка; 2) разграничения литературных стилей; 3) классификации литературных жанров.

Выяснено исследователями: одновременное разрешение этих трех, казалось бы, разнородных проблем Ломоносов обеспечил себе тем, что верно уловил их тесную взаимную зависимость. И главная причина замечательного успеха заключалась в том, что он подчинил решение этих проблем генеральной патриотической идее, которой была проникнута вся его филологическая деятельность,— мобилизовать все живые национальные силы русского литературного языка, чтобы повысить, с одной стороны, его сопротивляемость чужеродным вторжениям, а с другой стороны, сделать научную и литературную речь общепонятной, обеспечить внедрение науки и литературы в национальный быт.

Одной из главнейших задач, завещанных еще петровским временем, был окончательный выход науки и литературы, как и всего гражданского быта, из-под церковной опеки, что вызывало естественную потребность освобождать литературный язык от перегрузки церковнославянской лексикой. По этому пути приходилось, однако, двигаться с большой осторожностью, поскольку отказываться вовсе от славянизмов, многие из которых вошли в основной словарный фонд русского языка, значило бы идти наперекор законам развития языка. Гениальность Ломоносова в том и сказалась здесь, что, разрешая проблему чистоты стиля, он исходил не из отвлеченных рассуждений, а из безошибочно верного учета всех условий исторического развития языка и всех стоявших перед языком реальных общественных задач. Вопросы, поднятые Ломоносовым в его «Предисловии», были поставлены временем, и ответы Ломоносова на эти вопросы оказались наиболее прогрессивными из всех возможных при данных исторических условиях. Это и обеспечило ломоносовской теории стилей быстрый и прочный успех.

Установленные Ломоносовым правила чередования элементов русского разговорного языка с элементами церковнославянского, имевшего иную стилистическую окраску, предельно ясные практи-

ческие указания, в какой пропорции и в каких случаях следует примешивать славянизмы к природным русским словам, дали в руки русским писателям прекрасное средство для отчетливой передачи стилевых оттенков в пределах господствовавших тогда литературных жанров. Во многом как раз благодаря этому созданная Ломоносовым модель трех стилей оказала решающее и притом чрезвычайно здоровое влияние на дальнейшую историю русской литературы и русского литературного языка, ощущавшееся вплоть до пушкинского времени, т. е. на протяжении восьмидесяти лет.

Правильность построенной Ломоносовым теории была подтверждена его собственной литературной практикой. Именно это имел в виду Пушкин, когда говорил, что слог Ломоносова, «ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного словенского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным» («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова»).

«Предисловие о пользе книг церковных...» завершило двадцатилетнюю теоретическую работу Ломоносова в области филологии. Несколько лет спустя, подводя ее итог, а заодно также итог вообще своей литературной деятельности, Ломоносов мог с вполне законной гордостью констатировать, что благодаря его трудам «стиль российский в минувшие двадцать лет несравненно вычистился перед прежним и много способствовать стал к выражению идей трудных».

Отзыв...
Не ранее 15 марта 1760 г.

Назначение документа и его название («Примечание») неясно. Из-за резкости выражений он не мог быть напечатан. Специалисты считают, что Ломоносов, по обычаю того времени, предполагал пустить текст в писарской копии по рукам.

Ломоносова возмутило, что аббат Лефевр, член литературного кружка, который собирался в салоне юного вельможи-мецената барона А. С. Строганова, в своей речи рассуждал о российских стихотворцах, не зная их языка, и в особенности, что уравнял Ломоносова с Сумароковым. Речь Лефевра вышла в свет в академической типографии; Ломоносов читал корректурный оттиск.

Третьяковым Ломоносов называет В. К. Тредиаковского.

Присланные из Фрейберга правила — «Письмо о правилах российского стихотворства».

После ссор с цензором Сумароков был уволен летом 1761 г. с должности директора Русского театра.

Под *пчелкой* Ломоносов разумеет выходивший в 1759 г. журнал Сумарокова «Трудолюбивая пчела».

Стрелкой называется и сейчас западная, приморская оконечность Елагина острова, где жил литературный соратник Сумарокова И. П. Елагин, по фамилии которого получил название и весь остров.

Молодежью Ломоносов называет группировавшихся вокруг Сумарокова молодых поэтов, бывших питомцев Шляхетского корпуса.

Письмо И. И. Шувалову.
19 января 1761 г.

2 января 1761 г. один из «кавалеров», бывавших у И. И. Шувалова, некий статский советник Мизере записал у себя в дневнике: «Бешеная выходка бригадира Сумарокова за столом у камергера Ивана Ивановича (Шувалова). Смешная сцена между ним же и г. Ломоносовым». Это столкновение в доме Шувалова, как полагают, и послужило для последнего поводом предпринять ту попытку их примирения, о которой пишет Ломоносов. В чем заключалась «смешная сцена» и чем вызвана «бешеная выходка» Сумарокова, неизвестно. Кроме лишь того, что давние нелады двух поэтов особенно обострились в 1760 г.

Сумароков был обижен на руководство Академии, особенно за то, что в академическом журнале «Ежемесячные сочинения» перестали печатать его произведения. Эта обида распространялась и на Ломоносова как одного из руководителей Академии. Под цензурным надзором Академии в ее типографии печатался с 1759 г. журнал Сумарокова «Трудолюбивая пчела», надзор этот озлоблял Сумарокова, в частности, против Ломоносова.

В данном письме Ломоносов не случайно дважды говорит о пренебрежительном отношении Сумарокова к науке и об его необразованности: Сумароков желал получить (через Шувалова) звание академика. Желание это не сбылось. Вероятно, этим и вызвана «бешеная выходка Сумарокова».

«Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владете-

лей дураком быть не хочу, но ниже у самого господа бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет»— эти смелые и гордые слова Ломоносова не раз цитировал Пушкин, они стали знамениты.

Письмо Я. Я. Штелину.
Не позднее 25 ноября 1761 г.

Эта записка — интересный автобиографический комментарий к процессу работы Ломоносова над одой императрице Елизавете Петровне к дню двадцатилетия ее царствования.

Записка в Канцелярию...
Не позднее 31 января 1762 г.

Стихотворение Голеневского под заглавием «Плач по усопшей императрице Елизавете Петровне» вышло отдельным изданием в 1762 г. по определению Канцелярии Академии Наук.

Слово благодарственное...
Между 28 июля и 22 сентября 1764 г. Отрывки

Инаугурация (инавгурация), т. е. торжественное открытие (в определенных случаях во время этой церемонии приводят к присяге должностных лиц), состоялась лишь после смерти Ломоносова. Речь, которую он собирался произносить от имени Академии Художеств как ее почетный член, зачитал 7 июля 1765 г. иеромонах Платон, будущий московский митрополит.

ИСПЫТАНИЕ НАТУРЫ

Слово о пользе Химии...
Май — август 1751 г. Отрывок

Известно, что, например, поэт К. Н. Батюшков расценивал «Слово о пользе Химии» как «лучшее произведение Ломоносова во всех отношениях». И далее: «В самом изобилии слов он сохраняет какую-то особенную строгую точность, в языке совершенно новом». Действительно, это — образец художественной ораторской прозы Ломоносова. Поражает и то, насколько ясно, убедительно изложены исключительно трудные для того времени проблемы.

Слово о явлениях воздушных... Май — октябрь 1753 г.

Ломоносов готовился к выступлению в публичном собрании Академии, назначенном на 6 сентября 1753 г., где ему предстояло, говоря сегодняшним языком, быть содокладчиком, точнее, оппонентом Рихмана. Трагическая гибель последнего 26 июля 1753 года во время опыта, от удара молнии, дала повод противникам вначале отменить чтение Ломоносовым «Слова о явлениях воздушных...». Оно состоялось в публичном собрании Академии лишь 26 ноября 1753 г. да и то после неотступных ходатайств автора, ибо реакционное руководство Академии делало все, чтобы, ссылаясь на смерть Рихмана, дискредитировать материалистическую идею электрического поля в атмосфере.

Для данного издания приведенное сочинение интересно как замечательный образец, так сказать, описательной научной прозы Ломоносова, которой присуще и здесь особенно хорошо видно эстетическое, образное начало.

Явление Венеры на Солнце... 26 мая — 4 июля 1761 г. Фрагменты

В сугубо научном отношении прохождение Венеры по диску Солнца в 1761 г. было интересно тем, что его заранее точно рассчитали. Почти все астрономы мира (112 человек) участвовали в наблюдениях более чем в 40 точках земного шара. Наблюдения позволили более надежно определить расстояние между Землей и Солнцем, тем самым уточнить масштаб для всей Солнечной системы. Ломоносов в ходе наблюдений сделал крупнейшее открытие: установил, что на Венере есть атмосфера. Языковое великолепие данного сочинения ставит его в ряд лучших во всей научно-описательной прозе Ломоносова.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ОБЩЕСТВА КОЛЬ РАДОСТНО ТРУДИТЬСЯ

НАУКИ ЮНОШЕЙ ПИТАЮТ

ОТКРОЙ МНЕ БЫВШИЕ, О ДРЕВНОСТЬ, ВРЕМЕНА

ЯЗЫКА НАШЕГО НЕБЕСНА КРАСОТА

ИСПЫТАНИЕ НАТУРЫ

Михаил Васильевич Ломоносов

ИЗБРАННАЯ ПРОЗА

*

Редактор *Э. С. Смирнова*
Художественный редактор *А. А. Орехов*
Технические редакторы
М. У. Шиц и *Л. Б. Чуева*
Корректоры *Г. М. Ульянова* и *З. И. Шехмейстер*

*

ИБ № 811
Подп. в печать 05.11.80. Формат 84×108 1/32. Бумага типогр. № 1. Гарнитура академическая. Печать высокая. Усл. п. л. 26,88. Уч. изд. л. 27,24. Доп. тираж 100 000 экз. Заказ № 1447. Цена 2 р. 40 к. Изд. инд. ЛХ-127.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.